

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
И КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ – X**

Материалы чтений,
посвященных памяти
профессора Иосифа Моисеевича Тронского

19–21 июня 2006 г.

Санкт-Петербург
Наука
2006

УДК 80/81
ББК 81.2
И 60

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КЛАССИЧЕСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ-Х (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы
международной конференции, проходившей 19–21 июня 2006 г.
/ Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб.: Наука. – 2006. – 358 с.

ISBN 5-02-026435-0

отв. редактор Н. Н. Казанский

отв. за выпуск Е. Р. Крючкова

Утверждено к печати

Институтом лингвистических исследований РАН

Конференция проводится в рамках
постоянно действующей Школы индоевропейского
сравнительно-исторического языкознания при ИЛИ РАН
ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА
РГНФ – грант №06-04-14092Г

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

РГНФ – гранты №06-04-14092Г и №06-04-00471а
«Модели описания диахронических процессов и проблемы
индоевропейского сравнительного языкознания»,

гранта № НШ-4517.2006.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языко-
знания» (рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

и

Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 5-02-026435-0

© Коллектив авторов, 2006

© ИЛИ РАН, 2006

Е. В. Антонец

К вопросу о значении слова *charta* в латинском языке классического периода

1. По данным латинского диска Packard Humanities Institute слово *charta* встречается в латинской литературе классической эпохи около 200 раз. Число случаев употребления этого слова в прозе и в поэзии примерно одинаково (проза – 94 раза, поэзия – 110 раз). Следует, однако, заметить, что треть прозаических словоупотреблений приходится на долю Плиния Старшего (32 случая) и примерно треть на Дигесты (24 случая), у остальных авторов (Апиций, Апулей, Цицерон, Квинт Курций, Фест, Фронтин, Фронтон, Скрибоний, Петроний, Плиний Младший, Плиний Старший, Порфирион, *Scriptores Historiae Augustae*, Сенека, Сервий, Светоний) *charta* встречается в среднем по 2-3 раза. Что касается поэтических текстов, то около половины словоупотреблений *charta* (42 случая) дают нам эпиграммы Марциала, 19 раз это слово встречается у Овидия и 13 раз у Горация, у остальных авторов (Катулл, Цицерон, Ювенал, Лукреций, Манилий, Персий, Федр, Серен Саммоник, Стаций, Тибулл, *Appendix Vergiliana*) – в среднем по 3-4 раза.

2. Наиболее авторитетные словари латинского языка определяют значение слова *charta* следующим образом. Словарь Льюиса и Шорта (Ch. T. Lewis, Ch. Short; 1879) выделяет три значения: «лист египетского папируса», «папирус как растение» и «то, что написано на папирусе: сочинение, письмо, стихотворение и т. п.». При этом второе и третье значения авторы словаря считают переносным значением первого. Особняком стоит единственный случай (Suet. Nero, 20, 1), в котором *charta* имеет значение «пластина, лист из любого материала, например, из металла». Он выделяется в отдельное значение во всех словарях и не рассматривается в настоящем сообщении.

Словарь Георгеса (K. E. Georges; 1918) предлагает первое значение «лист египетского папируса, папирус», второе «папирус как растение» и третье – «написанное на папирусе письмо, сочинение, стихотворение и т. п.». Словарь Бенуа и Гельцера (E. Benoist, H. Goelzer; 1934) дает три значения слова *charta*: «папирус как растение», «лист писчего материала из папируса» и «сочинение, письмо, книга». Оксфордский словарь латинского языка (Oxford Latin Dictionary; 1982) предлагает следующие три значения: первое «"бумага", сделанная из папируса или лист

такой бумаги», второе «то же как материал для письма» и третье (3а) «страницы или свитки, содержащие литературное произведение или тексты другого рода» (3б) «сочинение, страницы». И, наконец, словарь Гаффио-Флобера (F. Gaffiot, P. Flobert; 2000) выделяет первое значение «папирус (как писчий материал)», второе «папирус как растение» и третье <a> «сочинение, книга» «том».

3. Ни в одном из перечисленных словарей значение «книга как единица членения литературного произведения» не выделяется в качестве самостоятельного значения слова *charta*. В то же время обнаруживается ряд контекстов, где *charta* имеет именно такое значение и выступает, таким образом, как более редкий синоним слов *liber* и *uolumen*.

Наиболее известным из этих контекстов является первое стихотворение Катутла:

iam tum, cum ausus es unus Italorum
omne aeuum tribus explicare chartis,
doctis, Iuppiter, et laboriosis (Cat. carm. 1, 5–7).

Второй контекст предоставляют заключительные строки второй книги «Науки любви» Овидия:

Sed quicumque meo superarit Amazona ferro,
Inscribat spoliis 'Naso magister erat.'
Ecce, rogant tenerae, sibi dem praecepta, puellae:
Vos eritis chartae proxima cura meae! (Ou. ars II, 743–746).

Третий контекст происходит из *Liber medicinalis* Серена Саммоника:

tertia namque Titi simul et centesima Liui
charta docet, ferro talem candente dolorem
exactum aut poto raporum semine pulsum;
ni fieret, dixit, uix septem posse diebus
uitam produci: tanta est uiolentia morbi (Seren. XXXVIII, 721–724).

4. На синонимию слов *charta* и *liber* прямо указывают римские юристы. Так, Ульпиан, излагая вопрос о завещании книг, пишет:

Libris autem legatis bibliothecas non contineri Sabinus scribit: idem et Cassius: ait enim membranas quae scriptae sint contineri, deinde adiecit neque armaria neque scrinia neque cetera, in quibus libri conduntur, deberi. Quod tamen Cassius de membranis puris scripsit, uerum est: nam nec chartae purae debentur libris legatis nec chartis legatis libri debentur, nisi forte et hic nos urserit uoluntas: ut puta si quis forte chartas sic reliquerit 'chartas meas uniuersas', qui

nihil aliud quam libros habebat, studiosus studioso: nemo enim dubitabit libros deberi: nam et in usu plerique libros chartas appellant. quid ergo, si quis chartas legauerit puras? membranae non continebuntur neque ceterae ad scribendum materiae, sed nec coept<i> scribi libri. Unde non male quaeritur, si libri legati sint, an contineantur nondum perscripti. et non puto contineri, non magis quam uestis appellatione nondum detexta continetur. sed perscripti libri nondum malleati uel ornati continebuntur: proinde et nondum conglutinati uel emendati continebuntur: sed et membranae nondum consutae continebuntur (Dig. 32, 1, 52, 3–5).

«3. Сабин пишет, что в понятие «отказанные книги» не включаются шкафы для книг. Так же и Кассий: ибо он говорит, что исписанные пергаменные тетрадки (о значении слова membranae см.: С. Н. Roberts, Т. С. Skeat. *The Birth of the Codex*. London, 1983. P. 21–23) включаются (в отказанные книги), и далее добавляет, что ни шкафы, ни ларцы, ни все прочее, в чем хранят книги, не причитается (по отказу). 4. То, однако, что Кассий написал о чистых пергаменных тетрадках, справедливо. Ибо ни неисписанные свитки не причитаются в случае отказа книг, ни книги не будут причитаться в случае отказа чистых свитков; разве только, пожалуй, нас к этому не будет принуждать воля (завещателя), например, если кто-нибудь, кто ничего другого не имел, скажем, учащийся учащемуся, оставит по легату свитки (chartas) таким образом: «все мои свитки», то, конечно, никто не будет сомневаться, что причитаются книги, ибо большинство в обиходе называет книги словом chartae. А что, если кто-то откажет чистые свитки? Тогда не будут включены ни пергаменные тетрадки, ни все прочее, на чем можно писать, но не будут включены и книги, переписывание которых уже начато. 5. Отсюда резонно спрашивается, если будут отказаны книги, то включаются ли в отказ еще не написанные книги? Я полагаю, что не включаются так же, как в понятие «одежда» не включается еще не сотканная. Но написанные книги, которые еще не обработаны молотом и не снабжены необходимыми принадлежностями, будут включаться. Также будут включены еще не склеенные и не исправленные книги, но будут включены и еще не сшитые пергаменные тетрадки».

В приведенном тексте сомнения может вызвать перевод chartae purae и chartae как «чистые свитки». Такое понимание слова chartae здесь оправдано по следующим причинам.

В данном месте Дигест речь идет о всех возможных случаях отказа книг. Глава 52 начинается определением понятия libri, в

которое Ульпиан включает как традиционные свитки из любого материала, для большей ясности употребляя редкое слово *uolumen* (во всем огромном корпусе Дигест это слово встречается только 8 раз), так и пергаменные тетрадки – *membranae* (см.: Е. В. Антонец. О значении слова *uolumen* в *Ulp. Dig.* 32, 52 – 32, 52, 1 // *Colloquia classica et indogermanica* III. СПб., 2002. С. 227–234). Ульпиан начинает с исписанных пергаменных тетрадок (*membranae quae scriptae sint*). Они подпадают под формулировку *libri*. Неисписанные пергаменные тетрадки (*membranae purae*) не подпадают.

Далее Ульпиан переходит к *chartae purae*. Известно, что папирус поступал в продажу как в виде отдельных листов (которые назывались *plagulae*), так и в виде готовых чистых свитков. Для последних существовал термин *biblia agrapha* (Pollux VII, 211; *Etym. Magn.* p. 260, 41). Общепринятой манерой было записывать литературные произведения в уже готовые свитки, склеенные из листов папируса профессиональными *glutinatores* на фабрике. Только для личных писем или других целей пишущий мог сам подклеивать листы (Т. Birt. *Das antike Buchwesen in seinem Verhaeltniss zur Literatur*. Berlin, 1882. S. 241–242). Поэтому, когда речь идет о книгах как носителях литературного произведения, в нормальном случае *chartae* не может обозначать стопку чистых папирусных листов, так как это противоречит античному обычаю писать текст в уже готовый свиток.

После *chartae purae* Ульпиан переходит к *libri perscripti* (написанным книгам). Таким образом, в тексте последовательно проводятся две пары противопоставлений: *membranae quae scriptae sint* противопоставлены *membranae purae*, а *perscripti libri* противопоставлены *chartae (purae)*. На то, что в данном месте Дигест слово *chartae* обозначает не отдельные листы папируса, а чистые свитки, указывали, например, Бирт (*op. cit.*, p. 241–242) и Робертс (*op. cit.*, p. 30).

Слово *chartae* в значении «чистый папирусный свиток» употребляет также Гай в 41 книге Дигест:

Litterae quoque licet aureae sint, perinde chartis membranisque cedunt, ac solo cedere solent ea quae aedificantur aut seruntur. ideoque si in chartis membranisque tuis carmen uel historiam uel orationem scripsero, huius corporis non ego, sed tu dominus esse intellexeris. sed si a me petas tuos libros tuasque membranas nec impensas scripturae soluere uelis, potero me defendere per exceptionem doli mali... (*Dig. Iust.* 41,1,9,1).

«Подобно тому, как постройки и посадки принадлежат земле, так и буквы, даже выполненные золотом и серебром принадлежат папирусным свиткам и пергаменным тетрадкам. Поэтому, если я запишу в твоём свитке или пергаменной тетрадке стихотворение или историческое сочинение или речь, то собственником этого предмета будешь считаться ты, а не я. Но если ты потребуешь у меня свои книги или пергаменные тетрадки и при этом не пожелаешь оплатить расходы за переписывание, то я могу защититься с помощью эксцепции о злом умысле ...».

Из этого текста хорошо видно, что литературное произведение как малого (*carmen*), так и большого (*historia*, *oratio*) объема может быть записано в *chartae* или в пергаменную тетрадку (*membranae*). Так как обычно литературные произведения записывались в уже готовый свиток, а не на отдельные листы, то здесь под словом *chartae* нельзя понимать ничего иного, кроме папирусного свитка.

5. Итак, рассмотренные цитаты из Дигест свидетельствуют о том, что в обиходном латинском языке слово *chartae* выступало синонимом слова *liber* и обозначало книгу как материальный предмет, вместилище текста. Поэтому во избежание путаницы юристы призывали составителей завещаний стараться называть словом *chartae* чистые свитки без текста, а словом *libri* – книги с текстом.

О синонимии *chartae* и *libri* вполне очевидно говорят также и те контексты, в которых оба слова употреблены рядом во избежание повтора одного и того же слова:

Cic. Pro Caelio, 40:

Verum haec genera virtutum non solum in moribus nostris sed vix iam in libris reperiuntur. Chartae quoque quae illam pristinam severitatem continebant obsoleverunt;

Mart. IV, 31, 4:

Quod cupis in nostris dicique legique libellis
Et nonnullus honos creditur iste tibi,
Ne ualeam, si non res est gratissima nobis
Et uolo te chartis inseruisse meis;

Mart. VII, 51, 8:

Sic tenet absentes nostros cantatque libellos,
Ut pereat chartis littera nulla meis:
Denique, si uellet, poterat scripsisse uideri;
Sed famae mauult ille fauere meae;

Mart. XIV, 84, 2:

Ne toga barbatus faciat vel paenula libros,

Haec abies chartis tempora longa dabit;

Ou. trist. III, 1, 4:

Missus in hanc uenio timide liber exulis Urbem:
da placidam fesso, lector amice, manum;
neue reformida, ne sim tibi forte pudori:
nullus in hac charta uersus amare docet.
haec domini fortuna mei est, ut debeat illam
infelix nullis dissimulare iocis.

Ou. Ep. ex Pont. III, 6, 52:

Hactenus admonitus memori concede poetae
ponat ut in chartis nomina cara suis.
Turpe erit ambobus, longo mihi proximus usu
si nulla libri parte legere mei.

Ou. Ep. ex Pont. IV, 12, 27:

Saepe ego correxi sub te censore libellos,
saepe tibi admonitu facta litura meo est,
dignam Maeoniis Phaeacida condere chartis
cum te Pieriae perdocuere deae.

Нельзя не отметить примечательный случай употребления всех трех слов, обозначающих книгу, по отношению к одному и тому же произведению – этрусским гадательным книгам:

in libris est Etruscorum (Cic. de diu. II, 50); ... quae nunc ex Etruscis libris ... (Cic. de harusp. resp. 37);

Factum est semel, quod equidem in Etruscae disciplinae uoluminibus inuenio (Plin. n. h. II, 199);

Tum quis non artis scripta ac monumenta uolutans

Voces tristificas chartis promebat Etruscis? (Cic. carm. fr. 6, 48).

6. Таким образом, слово *chartae* (обычно во множественном числе) обнаруживает тесную связь с материальным обликом античной книги-свитка и имеет устойчивое значение «свиток». Оно обозначает чаще материальный носитель текста, чем «сочинение, произведение, написанное в свитке». В поэзии, помимо того, у слова *charta* засвидетельствовано значение «книга как единица литературного произведения», которое следовало бы выделять как отдельное значение этого слова.

Д. Е. Афиногенов

Повесть о Николае Воине: семейная этиологическая легенда?

Вторая, переработанная версия (ВНГ 1365) Жития прп. Николая Студита (ум. в 868 г.)¹, содержит весьма любопытную вставную новеллу (автор прямо говорит, что приводит ее по настоянию игумена Студийского монастыря Анатолия), повествующую о не названном по имени воине, который участвовал в походе императора Никифора I (803-811) против болгар². Впоследствии этот рассказ выделился в отдельное агиографическое произведение (часто под названием *Περὶ τοῦ σχολαρίου*, ВНГ 2311), а главный герой получил то же имя, что и святой, из чьего Жития был взят сюжет³. Это сочинение было переведено на церковнославянский язык и стало весьма популярным в славянском мире⁴. Содержание рассказа вкратце таково. По какой-то причине отстав от войска, воин остановился на ночлег в доме одной богатой женщины. Та пожелала вступить с ним в греховную связь, но он отверг ее притязания и бежал. Затем ему встретился некий гигантский старец, который возвел его на гору, с которой воин мог видеть битву между византийцами и болгарами. Когда необыкновенный муж клал правую ногу на левую, побеждали христиане, а когда наоборот – язычники (болгары в

¹ Первоначальная версия этого Жития сохранилась только по-церковнославянски и до сих пор не издана. См. Буланин Д.М. Житие Николая Студита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая пол. XIV–XVI в.). Часть 1. А-К. Л., 1988, с. 313; *Afinogenov D. Rewriting a Saint's Life in the Monastery of Studiou: two Lives of St. Nicholas the Studite // The Heroes of the Orthodox Church. New Saints, 8th-16th century / ed. E. Kountoura-Galake. Athens, 2004, p. 313-322.*

² *Vita Nicolai Studitae // PG 105, 864–925, 893A4-897D7.*

³ Память 24 декабря. Текст, в частности в: *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae / ed. H. Delehaye. Propylaeum ad Acta sanctorum Novembris. Bruxelles, 1902, 341, 21–344.* См. также *Kominis A. Echi della battaglia dell'anno 811 tra bizantini e bulgari in testi agiografici // Actes du 1er Congrès International des études balkaniques et Sud-Est européennes. Sofia, 26 août – 1 septembre 1966. T. 3. Histoire. Sofia, 1969, p. 313–317.*

⁴ См., напр., Житие св. Николая Воина // ИОРЯС, т. VIII, вып. II, 1859, стб. 154–156. Буланин Д.М. Житие Николая Воина // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая пол. XIV–XVI в.). Часть 1. А-К. Л., 1988, с. 310–311.

то время не были крещены), пока наступившая темнота не прекратила сражение. После этого целомудренный воин увидел, что все поле покрыто телами убитых, за исключением одного места, величиной с лежку быка (*κοίτη βοός*), которое и предназначалось ему, если бы он поддался искушению.

Хотя вопрос об элементах историчности в этом рассказе весьма не прост, очевидно, что их поиск должен начинаться с отождествления описываемой здесь битвы. Казалось бы, упоминание об императоре Никифоре оставляет только одну возможность – сражение 26 июля 811 г., в котором он и погиб⁵, а византийская армия понесла тяжелейшие потери. Однако очень достоверные рассказы современников этого события единодушно говорят о внезапной предрассветной атаке болгар и быстром разгроме и бегстве византийцев⁶. Разумеется, душеполезная повесть может сколь угодно далеко отклоняться от исторической действительности, однако в данном случае длительное сражение с переменным успехом – это обстоятельство, имеющее важное сюжетное значение. Поэтому имеет смысл поискать другую битву, которая лучше подходила бы под приведенное выше описание.

В царствование Никифора столкновений такого масштаба больше не зафиксировано. Можно предположить, что рассказ был приурочен к его царствованию потому, что память о трагедии 811 г. еще долго сохранялась в Византии. Тогда рассмотрению подлежат и другие сражения византийцев с болгарами в VIII – первой четверти IX в. Через два года после гибели Никифора произошла большая битва при Версиникии (22 июня 813 г.)⁷, однако тогда византийцы почти сразу бежали, а противник был этим настолько поражен, что поначалу не решался на преследование. В результате потери ромеев оказались сравнительно незначительны. В VIII в. подходящими событиями являются сражения при Анхиале 30 июня 763 г.⁸ и при Маркеллах 20 ию-

⁵ Theophanis Chronographia / ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, p. 491, 1–15.

⁶ Помимо Феофана см. также *Dujcev I. La chronique byzantine de l'an 811 // Travaux et Mémoires 1, 1965, p. 210-216.*

⁷ Scriptor Incertus de Leone Armenio // Leonis Grammatici Chronographia / ed. I. Bekker. Bonnae, 1842, p. 335-362, p. 336-340; Theophanis Chronographia, p. 501, 27-32.

⁸ Theophanis Chronographia, p. 433, 4–10. Nicephori Antirrheticus III // PG, 100, 508B.

ля 791 г.⁹ В первом из них одержал победу император Константин V (741–775), а во втором потерпел поражение его внук Константин VI.

То, что поставленная только что проблема не надумана, а ощущалась как таковая еще в средневизантийский период, подтверждают модификации, внесенные в текст отдельного сказания о св. Николае Воине. Там говорится лишь об одной перемене положения ног у чудесного мужа, которая приводит к тому, что все поле покрывается убитыми греками. В конце упоминается о том, что император Никифор «вошел в клисуры болгарские»¹⁰ и в конце концов погиб (т.е. не в той битве, в которой должен был пасть главный герой). Здесь, по всей видимости, имело место заимствование из рассказа о последнем походе Никифора, который некоторые ученые считали частью исторического сочинения т.н. *Scriptor Incertus de Leone Armenio* (см. прим. 7). Связанные с этим вопросы не могут здесь обсуждаться – важно то, что редактор (грек или славянин) посчитал нужным изменить текст таким образом, чтобы привести сообщаемые в нем факты хотя бы в относительное соответствие с известными обстоятельствами роковой экспедиции 811 г.

Как уже говорилось, на поле боя в повести о целомудренном воине осталось пустое место размером с «лежку быка». Это вовсе не сама собой разумеющаяся подробность – греческий текст ВНГ 2311 говорит просто о *μῆς κούτης*¹¹, а в славянском находим «единого мужа ложе», где непонятно откуда взявшийся «бык» заменен на ожидаемое «муж». Учитывая фонетику греческого языка этого периода, вполне возможно, что изначально имелась в виду не «лежка» (*κούτη*), а «шкура» (*κύτος*). Если изначально в тексте была форма дательного падежа, то произношение IX – начала X в. давало фонетическое тождество, т.е. *κούτη* = [küti] и *κύτει* = [küti]¹². Словосочетание же *κύτις βοός* немедленно

⁹ Theophanis Chronographia, p. 467, 28–468, 1. Petri Vita Ioannicii / ed. J. van den Gheyn // Acta Sanctorum, Novembris, vol. I, p. 384–435, p. 386C–387A.

¹⁰ Synaxarium, 343–344, 29–30.

¹¹ Ibid., 341–342, 47; 49–50.

¹² Vita Nicolai, 897B9. В этом издании слово стоит в винительном падеже, однако грамматически необходим дательный: *ἐκάσαι τούτο κούτην βοός*. Благодарю Юхана Хельдта (Упсала), готовящего критическое издание текста, за данную информацию о рукописных различиях.

наводит на мысль об известном топониме Воскитион (*Βοσκήτιον* < *Βοὸς κητίον*)¹³. Возможно, здесь и лежит разгадка. В начале 781 г. одна богатая и знатная константинопольская семья, в полном составе приняв монашество, основала монастырь в принадлежавшем ей имении неподалеку от городка Катавол, на южном берегу Никомидийского залива, у северного подножия горы Олимп Вифинский. Имение называлось Воскитион, монастырь получил наименование «Саккудион», а к семейству, его основавшему, принадлежал прп. Феодор, игумен Саккудионский и Студийский, наставник Николая Студита¹⁴.

Итак, моя гипотеза заключается в следующем: название Воскитион связано с семейным преданием Феодора Студита, какой-то родственник или даже предок которого (отец или дед), видимо, чудом спасся от смерти в битве при Анхиале 30 июня 763 г. Несмотря на в целом удачный для византийцев результат столкновения, их потери, по свидетельству патриарха Никифора от 818-820 г., были очень велики¹⁵. Именно это сражение лучше всего соответствует тому, о чем рассказано в повести о целомудренном воине. Нет также ничего удивительного в том, что история, восходящая к семейному преданию Феодора, была (вероятно, в видоизмененном виде) известна насельникам его монастыря еще через столетие после смерти игумена.

¹³ Возможно также, что это неправильная орфографо-этимологическая интерпретация изначального *Βοσκήτιον*. Ср. официальное написание названия знаменитого афонского монастыря: *Βατοπαδίου* вместо этимологически правильного *Βατοπεδίου*.

¹⁴ См., в частности, *Pratsch T. Theodoros Studites (759-826) – zwischen Dogma und Pragma. Berlin, 1998, S. 71–74*. Описание Воскитиона см. в Житиях Феодора Студита: *Vita A // PG 99, 113–232, 121BC; Vita B // PG 99, 233–328, 241B; Vita C: Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Θεοδώρου ἡγουμένου τῶν Στουδίου / изд. В. Латышев // ВВ, 21, 1914, с. 258–304, с. 262, 12–17.*

¹⁵ *Nicephori Antirrheticus III // PG 100, 376-533*: «и до сих пор долины и равнины возле города, называемого Анхиалом, являют оставшиеся на них кости убитых – ибо почти все ромейское войско пало жертвой скифского меча».

3. Α. Βαρζαχ

Κ вопросу об аутентичности Soph. OT. 1515–1530

- ΚΡ. "Αλις ἴν' ἐξήκεις δακρύων. Ἄλλ' ἴθι στέγης ἔσω. 1515
 ΟΙ. Πειστέον, κεί μηδέν ἠδύ;
 ΚΡ. Πάντα γὰρ καιρῶ καλά.
 ΟΙ. Οἴσθ' ἐφ' οἷς οὖν εἶμι;
 ΚΡ. Λέξεις, καὶ τότ' εἶσομαι κλύων.
 ΟΙ. Γῆς μ' ὅπως πέμφεις ἄποικον.
 ΚΡ. Τοῦ θεοῦ μ' αἰτεῖς δόσιν.
 ΟΙ. Ἄλλὰ θεοῖς γ' ἔχθιστος ἦκω.
 ΚΡ. Τοιγαροῦν τεύξεη τάχα.
 ΟΙ. Φῆς τὰδ' οὖν;
 ΚΡ. "Α μὴ φρονῶ γὰρ οὐ φιλῶ λέγειν μάτην. 1520
 ΟΙ. "Απαγέ νυν μ' ἐντεῦθεν ἦδη.
 ΚΡ. Στεῖχέ νυν, τέκνων δ' ἀφοῦ.
 ΟΙ. Μηδαμῶς ταύτας γ' ἔλη μου.
 ΚΡ. Πάντα μὴ βούλου κρατεῖν·
 καὶ γὰρ ἀκράτησας οὐ σοι τῶ βιῶ ξυνέσπετο.
- ΧΟ. ὦ πάτρας Θήβης ἔνοικοι, λεύσσειε, Οιδίπους ὄδε,
 ὃς τὰ κλείν' αἰνίγματ' ἦδει καὶ κράτιστος ἦν ἀνὴρ, 1525
 οὐ τίς οὐ ζήλω πολιτῶν ἦν τύχαις ἐπιβλέπων,
 εἰς ὅσον κλύδωνα δεινῆς συμφορᾶς ἐλήλυθεν,
 ὥστε θνητὸν οὐτ' ἐκείνην τὴν τελευταίαν ἰδεῖν
 ἡμέραν ἐπισκοποῦντα μηδέν' ἀλβίζειν, πρὶν ἄν
 τέρμα τοῦ βίου περάσῃ μηδέν' ἀλγεινὸν παθῶν. 1530

Данный отрывок – последние пятнадцать стихов трагедии Софокла «Царь Эдип» – состоит из двух частей: диалог Эдипа с Креонтом и заключительный монолог Хора¹. Аутентичность последней части – монолога – подвергалась сомнению уже давно, на том основании, что, явно претендуя по своему положению и тону на роль «морали» трагедии, этот отрывок чудовищно банален по мысли, синтаксически неловок и беспомощен художественно². Однако в последнее время ряд исследователей

¹ Судя по древнему схолию к данному тексту, в рукописи, которая была в распоряжении схолиаста, эти слова произносил Эдип: но во всех наших рукописях их произносит Хор.

² Обзор мнений о подлинности ст. 1524-1530, а также свод аргументов против их аутентичности см.: R.D. Dawe. Studies on the Text of Sopho-

высказываются за то, чтобы считать эти стихи подлинными³. Что касается стихов 1515–1523 (диалога Эдипа и Креонта), то их подлинность, насколько нам известно, не подвергали сомнению после Ф. Ф. Зелинского, который не принимает именно их, принимая при этом последние строки, на том основании, что, по его мнению, Эдип в финале должен был уйти в изгнание, а также по эстетическим соображениям⁴. Моя задача в этом докладе – показать, что весь отрывок OT 1515–1530 принадлежит одному автору, и, ставя вопрос о подлинности этого отрывка в целом, показать, что возражений против подлинности ст. 1515–1523 не меньше, чем против подлинности ст. 1524–1530, и что, таким образом, весь отрывок следует признать не принадлежащим Софоклу.

Первый, очевидный, аргумент в пользу того, что все последние пятнадцать стихов написаны одной рукой – то, что их объединяет метр, трохаический тетраметр. Вся предшествующая сцена, начиная со ст. 1369, написана в ямбических триметрах. Трохаические завершения трагедий крайне редки: кроме разбираемых строк, мы знаем только два таких финала, финал «Агамемнона» Эсхила и «Иона» Еврипида. Ниже я покажу, почему

cles. Leiden, 1973. P. 266–273. T. Drew-Bear. The Trochais Tetrameters in Greek Tragedy // *AJPh* 89 (1968) 385–405, esp. 393–394. J. Friis Johansen. Sophocles // *Lustrum* 7 (1962) 247. Эти стихи не принимают в своих изданиях Херверден (H. van Herwerden (ed.) *Sophocles. Koning Oedipus*. 1891), Пирсон (A. C. Pearson (ed.) *Sophoclis Fabulae*. Oxonii, 1923) и Доу (R. D. Dawe (ed.) *Sophoclis Tragoediae*. T. I. Leipzig, 1984). Решительно высказывается против подлинности этих стихов Бернард Нокс (B. Knox. *Oedipus at Thebes*. Yale, 1998. P. 265). Кэмербик (J. Kamerbeek. *The Plays of Sophocles, IV. The Oedipus Tyrannos*. Leiden, 1967. P. 242) высказывается осторожней, признавая слабость этих стихов, но считая, что доказать их неподлинность трудно.

³ W. M. Calder III. *Oedipus Tyrannus 1515–1530* // *CPh* 57 (1962) 219–229 D. Roberts. Parting words: Final Lines in Sophocles and Euripides // *CQ* 37 (1987) 51–64. B. Arkins. *The Final Lines of Sophocles, King Oedipus (1524–1530)* // *CQ* 38 (1988) 555–558. Эти стихи принимаются в изданиях L. Roussel (ed.) *Sophocle. Oedipe*. Paris, 1940, H. Lloyd-Jones, N. G. Wilson. (ed.) *Sophoclis Fabulae*. Oxonii, 1990, A. Dain, P. Mazon (ed.) *Sophocle. Tome II*. Paris, 1994.

⁴ Ф. Ф. Зелинский. Заметки к трагедиям Софокла. // *ЖМНП*. 1892. С. 1–62, особ. С. 42–44. Софокл. Царь Эдип. Объяснил Ф. Ф. Зелинский. СПб, 1906. С. 79–80.

трохаический тетраметр по своему характеру не подходит именно к этой сцене.

Вторая черта, объединяющая ст. 1515–1523 со ст. 1524–1530 – намеренные лексические переключки. Колдер в своей статье замечает, что *κράτιστος ἦν ἀνὴρ*, в ст. 1525 подхватывает *κратεῖν* и *ἀκράτησας* в ст. 1522–1523, а *τέρμα τοῦ βίου περάσῃ* в ст. 1530 – *οὐ σοὶ τῷ βίῳ ξυνέσπετο* в ст. 1523⁵.

Разумеется, эти переключки не случайны: они указывают на общую тенденцию диалога и заключительной реплики Хора. «Эдип обладал великой властью, но потерял всё, следовательно, человеческое счастье ненадежно» – вот что хочет сказать Хор в последней реплике. Эта мысль, преподносимая как общий вывод из действия трагедии, как нельзя лучше иллюстрируется предшествующим диалогом с Креонтом, весь тон которого призван подчеркнуть крайнее унижение Эдипа: таков, по верному замечанию того же Колдера, смысл властного, почти оскорбительного тона Креонта в ст. 1520 и особенно в ст. 1522–1523, в ответ на отчаянную просьбу Эдипа не отнимать у него дочерей⁶.

Понятно, таким образом, какие последствия для интерпретации трагедии Софокла будет иметь признание аутентичности этого отрывка. Не удивительно, что рассуждение Колдера в первой его части, которую он, так же, как и вторую, считает аутентичной, заканчивается выводом, что у Софокла не следует искать особенно глубоких идей, что трагедии Софокла – это выражение посредством блистательной драматургии вполне банальных истин⁷. Более того: возражая на мысль Б. Нокса⁸ о том, что в финале, пережив катастрофу, Эдип обретает некое новое величие, О. Тэплин⁹ указывает именно на эти строки, видя в них крайнее унижение героя.

Можно было бы долго рассуждать о том, насколько это противоречит всему тону последней сцены и всему духу трагедии Софокла. Но, к счастью, у нас есть, помимо идеологических со-

⁵ Calder III. *Oedipus Tyrannus* 1515–1530. P. 225–226.

⁶ Calder III. *Oedipus Tyrannus* 1515–1530. P. 219–225.

⁷ Calder III. *Oedipus Tyrannus* 1515–1530. P. 225.

⁸ В. Knox. *Oedipus of Thebes*. Yale, 1998. P. 49, 196. Cf. M. Davies. *The End of Sophocles' OT* // *Hermes* 116 (1982) 268–277.

⁹ O. Taplin. *Sophocles in his Theatre* // *Sophocle*. Fondation Hardt, 29. Geneve, 1983. P. 155–183, esp. 171–174.

ображений, и другие аргументы в пользу того, что весь этот отрывок Софоклу не принадлежит.

Прежде всего, неуместным представляется сам размер, в котором выдержаны все эти строки – трохаический тетраметр. Ещё Аристотель писал о характере этого метра, называя его *κορδακικώτερος* и *τροχέρως* (Rhet. III, 8, 1408b36; cf. Poet. 1449a21); для Дионисия Галикарнасского (De comp. verb. 17) этот метр – «более изнежен и менее благороден» (*μαλακώτερος καὶ ἀγεννέστερος*), нежели ямб; по словам Квинтилиана (Quint. Inst. Orat. IX, 88), этот приговор повторяли также Теодект и Теофраст (cf. Cic. Orat. LVII, 193). Не удивительно поэтому, что этот метр, вообще редкий в трагедии, используется трагическими поэтами лишь в сценах, характеризующихся оживлением, возбуждением, стремительным развитием действия¹⁰. Этот размер может, например, передавать смятение, охватывающее Хор, который слышит предсмертные крики Агамемнона (Aesch. Ag. 1343–1347) или общее возбуждение в финале той же драмы (1649–1673), когда дело едва не доходит до вооружённого столкновения между Хором и свитой Эгиста¹¹.

У Софокла в дошедших трагедиях трохаический тетраметр встречается ещё дважды: в «Эдипе в Колоне» (887–890), когда Тесей, *θάσσον ἢ καθ' ἥδονην* *ποδός*, вбегает на сцену и в последний момент приходит на помощь Эдипу, которого Креонт уже собирался увести силой, как только что увёл его дочерей, и в «Филоктете» (1402–1408), когда Неоптолем, отчаявшийся уговорить Филоктета плыть под Троию, соглашается отвезти его домой — здесь переход от ямба к тетраметру отмечает внезапный поворот ситуации после затянувшегося и зашедшего в тупик диалога. Также тетраметр встречается у Софокла во fr. 269c 21–24 Radt — это фрагмент сатирической драмы «Инах» — где два полухория возбуждённо обсуждают появление Гермеса, который назван *μέγας* *τρόχις*, то есть входит, видимо, бегом, и у которого надо что-то спросить. Ту же роль — подчеркнуть общее возбуждение и стремительное развитие действия — играет

¹⁰ U. von Wilamowitz-Moellendorff. Griechische Verskunst. Berlin, 1921. S. 265. P. Maas. Greek Metre. Transl. H. Lloyd-Jones. Oxford, 1962. P. 53 § 75. T. Drew-Bear. The Trochais Tetrameters.

¹¹ О значении тетраметра в этих сценах см.: Aishylos. Agamemnon. Erkl. Schneidewin. Berlin, 1883. S.142. Agamemnon. Ed., comm. Ed. Fraenkel. Oxford, 1950. P. 633–634, 780.

тетраметр и у Еврипида (Heracl. 855–873, Ion. 1256–1260, Or. 729–803), у которого он, впрочем, встречается несравненно чаще, нежели у старших трагиков¹². Понятно, что такой размер совершенно не вяжется с общим скорбным тоном заключительной сцены трагедии «Царь Эдип».

Ещё одна бросающаяся в глаза черта диалога в ст. 1515–1523 — здесь не сказано ничего, что не было бы сказано в предшествующей сцене. Креонт уже выражал желание, чтобы Эдип вернулся в дом (1515~1429–1431); Эдип уже просил, чтобы ему позволили удалиться в изгнание (1518~1340–1341, 1410–1412), уже говорил, что он “ненавистней всех Богам” (1519~1346)¹³. Такое впечатление, что весь диалог механически склеен из выражений и мотивов, уже возникавших в предыдущей сцене.

Более того, если присмотреться к предыдущей сцене, из которой взяты эти мотивы, станет ясно, что вопрос, который герои обсуждают в ст. 1515–1523 — должен ли Эдип прямо сейчас уйти в изгнание, или следует спросить оракула о том, что делать дальше — ими уже решён. В самом деле, как только Креонт появляется на сцене, Эдип просит его о том, чтобы его отправили в изгнание (1432–1436); Креонт отвечает, что, по его мнению, в данной ситуации следует спросить оракул, на что Эдип возражает — оракул уже сказал самым ясным образом, что убийцу Лаия следует убить или изгнать (1437–1440). В ответ на следующую реплику Креонта Эдип объясняет причину своего нежелания ждать ещё одного ответа оракула: он считает себя недостойным того, чтобы беспокоить о нём Бога (1444 Οὐτως ἄρ' ἀνδρὸς ἀθλίου τεύσεσθ' ὑπερ). На это Креонт отвечает аргументом, решившим исход спора (1445): Καὶ γὰρ σὺ νῦν τὰν τῷ θεῷ πίστιν φέροισ.

Эту реплику обычно понимают неверно: καὶ в значении «даже» относят к σὺ, что даёт смысл: «Даже ты теперь поверишь, пожалуй, Богу»¹⁴. Эта реплика имела бы в таком виде смысл, если бы Эдип был закоренелым скептиком, который теперь должен был бы покаяться и обратиться, но Эдип в присутствии

¹² Drew-Bear. Trochaic Tetrameters. P. 395–405.

¹³ Calder III. Oedipus Tyrannus 1515–1530. P. 219–225.

¹⁴ Sophocles. The Oedipus Tyrannos / Ed., comm. R. Jebb. 11 ed. Cambridge, 1958. Ad loc. J. Kamerbeek. The Plays of Sophocles, IV. The Oedipus Tyrannos. Leiden, 1967. Ad loc. Knox. Oedipus. P. 49.

Креонта скепсиса по поводу оракулов ни разу не высказывал. Более того, именно он предложил обратиться к оракулу в первый раз, затем сделал всё, чтобы исполнить повеление оракула, и теперь ссылается на данный тогда ответ. Джебб поясняет реплику Креонта словами: «Даже ты, который не верил Тиресию»¹⁵. Но это явная натяжка: одно дело не верить Богу, другое — подвергнуть сомнению пророческий дар одного, пусть даже весьма почитаемого, прорицателя.

Неувязка будет устранена, если мы отнесём καί не к σύ, а к ἰὺν. В самом деле, σύ стоит в слабой метрической позиции, а ἰὺν — в сильной. Выражение καὶ γὰρ σύ в данной метрической позиции встречается ещё дважды — в Aristoph. Ach. 1097 и Eur. Rhes. 267, и в обоих случаях καί указывает не на стоящие в слабой метрической позиции σύ, а не следующие слова. В «Ахарнях» (1097) Дикееполь реагирует на сетования Ламаха по поводу тягот предстоящего похода иронической репликой (1095):

Καὶ γὰρ σὺ μεγάλην ἐπεγράφου τῆν Γοργόνα.

Здесь, конечно, καί относится не к σύ, а к μεγάλην Γοργόνα: «Чего ты хочешь, ежели ты саму великую Горгону записал себе в покровители?» в «Ресе» (266-268) Гектор реагирует на неуместное, по его мнению, появление в военном лагере вестника-пастуха:

ἦ πόλλ' ἀγρώταις σκατὰ πρόκειται φρενί.
καὶ γὰρ σὺ ποιμνας δεσπόταις τευχεςφόροις
ἦκειν ἔοικας ἀγγέλων ἴν' οὐ πρέπει.

Ударение здесь, конечно, опять падает не на σύ, а на δεσπόταις τευχεςφόροις: «Вы и до вооружённого лагеря добрались со своими вестями!».

То же относится и к стоящему в той же метрической позиции καὶ γὰρ μ'(ε): логическое ударение никогда не падает на με (Eur. Or. 462, Iph. Aul. 456).

Таким образом, строка приобретает смысл: «Ты даже теперь подчинишься Богу». Такой аргумент в контексте этого диалога звучит естественно. Эдип только что сказал, что теперь, после того, что он узнал о себе, он считает себя недостойным того, чтобы по его поводу беспокоили Бога. Задача Креонта — уговорить Эдипа не уходить в изгнание прямо сейчас; Креонт достаточно хорошо знает Эдипа, чтобы понимать, какие аргументы могут на него подействовать. И он отвечает: «Да, но, на-

¹⁵ Jebb, ad loc.: “Even thou, who didst not believe Teiresias.”

сколько я понимаю, что бы ты ни узнал о себе и как бы враждебен ни был к тебе Бог, ты по-прежнему (καὶ ἔτι) готов сделать так, как Он скажет».

И с этим Эдип соглашается. Иначе нельзя понимать следующий стих — начало его монолога (v.1446):

Καὶ σοὶ γ' ἐπισκήπτω τε καὶ προστρέψομαι...

Сочетание частиц καὶ...γέ, начинающее реплику, всегда указывает на согласие с предыдущей репликой¹⁶. Переводить это лучше всего как “Да, и ... “. Напр., Aesch.Suppl. 295–296:

Хо. μὴ καὶ λόγος τις Ζῆνα μειχθῆναι βροτῶ;

Ва. κάκρππτα γ' Ἦρας ταῦτα τάμπαλάγματ' ἦν.

«— Разве не говорят, что сам Зевс сочетался со смертными?

— Да; и от Геры это обстоятельство не укрылось».

Soph. OT. 769–771 IO. ἀξία δέ που μαθεῖν

κάγὼ τά γ' ἐν σοὶ δυσφόρως ἔχοντ', ἄναξ.

ΟΙ. Κοῦ μὴ στερηθῆς γ'...

«— Но, наверное, и я достойна знать о причине твоего волнения.

— Да, и я тебе в этом не откажу».

OC 1431–1432: AN. Οὕτως ἄρ', ὦ παῖ, ταῦτά σοι δεδογμένα;

ΠΟ. Καὶ μή μ' ἐπίσχης γ'...

«— Ты так решил?

— Да, и не надо меня отговаривать».

Так же — как согласие с предыдущей репликой Креонта, согласие подчиниться воле Аполлона — понимает эти слова и Джебб¹⁷. Таким образом, мы должны заключить, что Эдип уже согласился уйти в изгнание только в том случае, если так велит оракул, и возвращение к этому вопросу в последних стихах не имеет смысла.

Есть и еще один аргумент в пользу подложности ст.1515–1523. Из ст.1521 явствует, что Креонт берет Эдипа за руку и уводит во дворец. Но этого у Софокла быть не могло — просто потому, что Креонт уходил со сцены в другую сторону.

¹⁶ J. D. Denniston. The Greek Particles. Oxford, 1954. P. 157.

¹⁷ Jebb. Ad loc.

М. Дайсон¹⁸ убедительно показал, что, если в конце заключительной сцены Антигона и Исмена, вместе с Эдипом и Креонтом, уходят во дворец, их появление на сцене после ст.1470 оказывается слабо мотивированным. В самом деле, вряд ли Креонт, озабоченный, судя по ст.1424–1431, исключительно тем, чтобы скрыть страдания Эдипа, бывшего царя и своего родственника, от посторонних глаз, стал бы устраивать сцену прощания отца с дочерьми прямо здесь, на площади, на глазах у Хора, если бы намеревался потом отвести и Эдипа, и дочерей во дворец. Да и вообще в том случае, если отец и дочери не расстаются, прощание было бы неуместным. В стихах 1502–1510 Эдип поручает дочерей заботам Креонта; но он и сам догадался, что за них теперь отвечает он, и вывел их из дворца только для того, чтобы отвести в свой дом, куда, следовательно, уходит и сам. То, что Креонт живет не во дворце, ясно из обращенных к нему слов Эдипа: τὰς ἐμὰς στέγας ἴκου (533–534); разумеется, теперь он царь или по крайней мере регент при сыновьях Эдипа, но было бы слишком бестактно даже для Креонта, если бы он воспользовался этим немедленно, в тот же день и час, как Эдип перестал быть царем.

Таким образом, после ст.1514 Эдип остается на сцене один. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем слова, которыми кончалась трагедия, вряд ли сможем даже сказать наверняка, кто помог Эдипу уйти со сцены — рабы-статисты или Предводитель Хора. Ясно одно: в финале он не подчиняется распоряжениям Креонта, а ждет повеления Бога, союзником Которого он объявил себя еще в самом начале трагедии (135–136) и имя Которого он назвал в конце (1329) в ответ на смятенные вопросы Хора, пытающегося постичь смысл его страданий.

¹⁸ M. Dyson. Where are you going to, my pretty maids? // CR 22 (1972) 311–312.

В. А. Бондарь

Синтаксис объектных личных местоимений в древнеанглийских текстах

В данной статье рассматриваются синтаксические особенности личных местоимений (ЛМ), которые функционируют в тексте в качестве объекта при глаголе. Цель исследования заключается в выявлении и объяснении позиционных особенностей ЛМ прежде всего в предложении, а также более крупных единицах текста, например СФЕ. Анализ ограничивается в основном формами ЛМ дательного и винительного падежей. В редких случаях, ряд глаголов, например, (ge)miltsian ‘миловать’ требуют после себя местоименный объект в родительном падеже. Однако ЛМ родительного падежа в основном используются в древнеанглийском исключительно как притяжательные местоимения, а количество примеров объектных ЛМ родительного падежа зависит от особенностей глагольного управления.

В качестве анализируемого материала взяты тексты, которые представляют с одной стороны ранние переводные произведения, написанные при короле Альфреде Великом (IX в.) («Обязанности пастыря» Григория Великого), с другой, поздние труды аббата Эльфрика (конец X в.– начало XI в.) («Письма»), а также некоторые рукописи англо-саксонской хроники: рукопись А (Parker manuscript) и рукопись Е (Peterborough manuscript). Кроме того, в число текстов были также включены отрывки из произведений, представляющих собой примеры различных жанров, а именно – законы, медицинские тексты, а также ряд королевских хартий, принадлежащих различным периодам в истории древнеанглийского языка.

При анализе позиционных особенностей объектных ЛМ, с нашей точки зрения, нельзя ограничиваться одним каким-либо фактором. Позиции ЛМ в языке с относительно свободным порядком слов, а тем более в диахронической перспективе следует рассматривать в различных аспектах.

Во-первых, в целом, позиции членов предложения в древнеанглийских текстах во многом зависели от того, какова была структура соответствующего предложения. Так, необходимо выделять простые предложения, сложноподчиненные предло-

жения¹, а также так называемые предложения с союзами *as* и *and*, т. е. сложносочиненные предложения [Mitchell 1985]. Во всех вышеперечисленных видах связи предложений позиционные особенности, по крайней мере, объекта по отношению к глаголу определенно различны. Это же касается и прономинальных элементов. Позиции членов предложения, несомненно, зависят и от коммуникативного типа предложения. В данной статье рассматриваются повествовательные предложения. Вопросительные и императивные высказывания не анализируются.

Во-вторых, позиции членов предложения определяются их структурным составом, их «весом» [Rezskiewicz 1966, Traugott 2000 : 276]. С этой точки зрения, все элементы в предложении подразделяются на «легкие» (*light*), «средние» (*medium*) и «тяжелые» (*heavy*) [ibid.]. ЛМ наряду с такими наречиями как ‘*ra*’ (тогда), ‘*swa*’ (так) относятся к «легким» элементам. Однако, данная категория, к которой принадлежат ЛМ, как мы покажем далее, не предписывает им автоматически фиксированной позиции в предложении.

В-третьих, немаловажным является совместное расположение элементов при двойном объекте. В данном случае, во внимание следует принимать тот факт, выражены ли оба объекта прономинальными элементами или же одно из них представлено именной группой. Здесь же необходимо учитывать и то, какой элемент находится в дательном, а какой в винительном падеже.

В-четвертых, как в целом порядок слов в древнеанглийском, так и позиции прономинальных элементов зависели от прагматических факторов, т.е. от особенностей разворачивания темарематических отношений, топикализации, т.е. выдвижения определенных элементов (в частности прономинальных) в маркированную, иную, чем обычно занимаемую ими позицию без из-

¹ Считается, что древнеанглийский характеризовался обильным использованием паратаксиса [Traugott 2000: 220]. Некоторые исследователи полагают, что это явление – результат возникавших у англосаксонских писцов трудностей с выражением сложноподчиненных предложений [Kohonen 181: 181]. И все же, несмотря на очевидные препятствия, которые порой возникают при определении подчиненных предложений, широко представленных в языке, классификация типов связи предложений при анализе частей речи представляется нам необходимой.

менения синтаксических моделей и т.д. [Traugott 2000 : 220, Kohonen 1978 : 43 et passim]. Причем здесь не следует ограничиваться исключительно предложением, а необходимо рассматривать данные особенности в рамках более крупных единиц текста, т.е., например, СФЕ.

И, наконец, синтаксис элементов в предложении во многом зависит от стиля автора, от жанра произведения, а также от эпохи написания текстов [Andrew 1966, Reszkiewicz 1966 : 116].

Итак, принимая во внимание основные перечисленные факторы возможного влияния на позиционные особенности элементов предложения, рассмотрим особенности объектных ЛМ в древнеанглийских текстах. Сравним сначала позиции объектных ЛМ в «Обязанностях пастыря» и «Письмах» Эльфрика в зависимости от типа предложения. Основное внимание сосредоточено на позиции объекта относительно глагола или глагольной группы. Ниже приводится таблица, в которой представлены количественные данные в соответствии с данным критерием употребления ЛМ.

Тип предложения	Порядок слов	Сложноподчиненное предложение		предложение ac/and	Простое предложение
		главное предложение	придаточное предложение		
Текст					
Обязанности пастыря	VO	68	57	57	38
	OV	148	964	221	81
Письма Эльфрика	VO	19	35	78	22
	OV	21	195	172	27

Из таблицы видно, что в раннем тексте преобладает структура OV. Причем ЛМ зачастую находится в начале предложения, если номинальная объектная группа представлена относительно «тяжелыми» элементами, и рядом с глаголом, если именной объект представляет простой структурный комплекс или же употребляется с другими «легкими» элементами, такими как наречия, предлоги и проч. Не исключено, что данное распределение прономинальных элементов в пределах структуры OV зависело от ударности ЛМ: находясь ближе к глаголу, особенно в придаточном предложении местоимение выступало в роли проклитики, в то время как его вынесение в начальную позицию ближе к союзу выделяло местоимение, которое станови-

лось ударным. Характерно, что в этом же тексте как простое ЛМ, так и предложное местоимение редко выносилось за рамки OV, что определенно является тенденцией в поздних текстах. Как показывают количественные данные, наиболее последовательно позицию OV объектные ЛМ занимали в придаточных предложениях. В остальных типах предложений случаи употребления в структуре OV незначительны, но все же превышают аналогичные примеры структуры VO. Соотношение в поздних текстах как видно из примеров текста Эльфрика, если и не меняется кардинально, то все же говорит об определенной тенденции, а именно, что в простом предложении, в главном и частично сложносочиненном предложении количественное соотношение примеров обеих структур практически одинаково или OV лишь незначительно превышает VO. Если исходить из гипотезы, что древнегерманский был языком с базовым порядком SOV [см., например в Циммерлинг 2002, Hopper 1975, Bichakjian 1999, Lehmann 1974], то можно предположить, что на определенном этапе (в долитературную эпоху) в древнеанглийском начинают происходить изменения в порядке слов: появляются предложения с VO структурами. Судя по примерам, можно предположить, что изменения первоначально проходили в сложносочиненных предложениях, возможно с асиндетической связью и затем переносилось на простые предложения [ср., например, Li, Thompson 1974 : 209]. Примером изменения позиционных особенностей ЛМ по отношению к глаголу может служить англосаксонские хроники. Так, в хронике E объектные ЛМ (как в дативе, так и в аккузативе) начинают употребляться в абсолютном начале простого предложения, и за ними стоит не субъект, а предикат: «**Mid him** ferde þes kinges stiward of France Amalri» (A.D. 1123). Такого рода инверсия в ранних текстах англосаксонских хроник и других, проанализированных нами произведениях, не наблюдается. Исключением являются предложения типа «**Him** byr betere...», в которых начальное ЛМ встречается как в ранних, так и поздних текстах.

С возникновением двух порядков слов (SOV и SVO), существование которых как основу древнеанглийского для своего анализа принимает, например, В. Кохонен [Kohonen 1978], важным становится фактор «веса» прономинальных элементов. С возможностью выносить элементы предложения за рамки OV среди объектных ЛМ появляется тенденция в поздних текстах помещать предложные группы объектных ЛМ ближе к глаголу или даже за глагол, очевидно в силу того, что ЛМ с предлогом

являлось более «весомым» элементом, было более ударным по сравнению с «легкими» безударными или слабуударными формами без предлога. В «Обязанностях пастыря» такие примеры предложных ЛМ в конечной позиции встречаются спорадически, но они являются чуть ли ни правилом в «Письмах» Эльфрика. В. Коопман справедливо отмечает, что для древнеанглийского употребление ЛМ в финальной позиции было редким явлением, а в работах Эльфрика их частотное использование он относит к латинскому влиянию [Коопман 1990 : 116-117]. Если в качестве примеров не брать употребление объектных ЛМ в конце клаузы как результат инверсии², тогда следует признать, что в конечной позиции употребление относительно «тяжелых» прономинальных элементов, т.е. в основном ЛМ с предлогом, характерно именно для позднеревнеанглийских текстов и объясняется особенностями внутреннего развития языка, изменениями, происходившими в результате сдвига в порядке слов:

а) главное предложение – «Crist sylf cwæð **be him...**» («Письма» Эльфрика);

б) придаточное предложение – «...forþanþe Crist þrowode on þone dæg **for us**» («Письма» Эльфрика);

с) ас/and предложения – «& þær wæron ærest gecwedenene cristenen men **þurh hine**» («Письма» Эльфрика);

д) простое предложение – «Ne mot nan man aceorfan his gesceapu **him fram**» («Письма» Эльфрика);

Употребление прономинальных элементов в новых позициях, возможно, первоначально воспринималось как маркированное по отношению к более частотному базовому порядку. Не исключено, что всякое вынесение прономинального элемента как в крайне правую (предложная прономинальная группа) заглагольную, так и в левую предглагольную и предсубъектную позиции рассматривались как маркированные случаи, т.е. как примеры топикализации данных элементов, их выделение в предложении. Так, в «Обязанностях пастыря» в одном предложении встречаем объектные ЛМ как в структуре OV, так и VO в рамках одного СФЕ:

² В древнеанглийском языке после ряда слов, таких как þonne, þa, nu, употребляемых в качестве наречий глагол перемещается на вторую позицию, в результате чего объектные ЛМ, если они употребляются, смещаются в конец клаузы.

«Ure flæsclican fædras lærdon us, & we **hie** ondredon; Hie ðreadon us, & we weorðodon **hie**» («Обязанности пастыря»).

В данном отрывке вынесенные за глагол ‘us’ и ‘hie’ подчеркивают те объекты, которые находятся в центре повествования, которые автор логически выделяет: учили именно нас и мы почитали именно их. В то же время первое ‘hie’ во втором предложении стоит перед глаголом, оно кореферентно с именной группой, стоящей в предыдущем предложении и в данном примере не топиализуется, поскольку, очевидно для автора важнее подчеркнуть, что их ученики боялись своих отцов.

Иногда ЛМ выносится в предглагольную и предсубъектную позиции:

«...gif **hine** gecist sio uplice gifu» («Обязанности пастыря»).

«...ðe **him** mon beodeð to underfonne» («Обязанности пастыря»).

Для древнеанглийского важен и тот факт, соотносится ли объектное ЛМ с темой или ремой повествования. Обычно, объектное ЛМ, которое связано с именной группой, являющейся темой высказывания, стоит перед глаголом:

«Swelce he cwæde: Ic **eow** onlæne ðas gewitendan, & ic **eow** geselle ða ðurhwiniendan» («Обязанности пастыря»).

ЛМ ‘eow’ стоит перед глаголом и соотносится с апостолами, к которым Иисус обращает свою речь. Апостолы в данном СФЕ являются темой высказывания, ремой же является то, что им Иисус оставляет, что он им вручает.

Что же касается позиций прономинальных и номинальных объектных групп относительно друг друга, а также зависимости их позиций от падежа объекта, то, например, данные по «Письмам» говорят о том, что местоименный объект в большинстве случаев предшествует именной группе: главное предложение – VO (Opr/On-9, On/Opr-2, Opr/Opr-2), OV (Opr/On-6, On/Opr-1); придаточное предложение – VO (Opr/On-9, On/Opr-12), OV (Opr/On-47, On/Opr-18). Данный факт подтверждается также примерами и из англосаксонских хроник. При этом в большинстве случаев предшествующее номинальному объекту ЛМ употребляется в дательном падеже. В. Коопман полагает, что это можно объяснить тем, что дательный падеж относится к лицу, а винительный – к вещи. «В тексте более вероятно, что лицо будет представлять «известную» информацию, и следовательно, выражаться местоимением» [Коопман 1990 : 144-145].

В то же время из последовательности двух ЛМ, как правило, объект в винительном падеже предшествует объекту в датель-

ном: «swa swa **hit him** aeode earmlice syððan» [ÆNom 20] Ælfric, *Homilies* [Andrew 1966: 60-61]. Интересно, что обратный порядок также встречается, хотя и крайне редко. При этом характерны две вещи, а именно: во-первых, такие примеры встречаются в поздних текстах и, во-вторых, ЛМ в дательном падеже представлено предложной группой. Например, «swo man **with him hit** finde mage» [Ch 1111] *Writ of King Edward*, Wells.

И, наконец, стоит обратить внимание еще на стилистические и жанровые особенности произведений, факторы, которые также влияют на особенности употребления объектных ЛМ. Так, например, в Соломоне и Сатурне, тексте, построенном на вопросах, которые задает Сатурн мудрому Соломону и ответах мудреца, позиционного варьирования объектных ЛМ не наблюдается. После каждого вопроса, начинающего со слов «Saga me» следует ответ – «Ic þe secge» и последующие предложения зачастую с асиндетической связью. ЛМ в этом тексте всегда стоят перед глаголом. Данная коммуникативно нейтральная фраза используется скорее как клише, что исключает любое в принципе допустимое в языке перемещение объектных ЛМ в пределах предложения. Аналогичные клише встречаются и в текстах законов, в особенности в королевских хартиях. Так, практически во всех хартиях употребляется выражение «ic syðe eow» (нечто вроде «ставлю вас в известность»), в котором ЛМ стоит в заглавной позиции. В других текстах, в частности работах Эльфрика, «eow» стоит перед глаголом: «...ðe ic **eow** sydde...» [ÆСNom II, 40], «...þæt ic **eow** syðe...» [Книга Бытия]. Очевидно, что если «eow» в выражение «ic syðe eow» первоначально и употреблялось как топикализованный элемент, акцентирующий внимание на том, кому адресована речь, то в хартиях оно потеряло эту коннотацию и несомненно употреблялось в качестве клише. Вынесение «eow» в заглавную позицию происходило лишь в случаях инверсии: «Nu syðe ic **eow** þæt Ælfwine abbod...» [Ch 1110] *Writ of King Edward*. Еще один аналогичный пример зафиксирован в [Ch 1427] *Writ of Abbot Wulfwold*. Интересно, что в тексте иного жанра, а именно письме короля Эдуарда объектное ЛМ 2 л. ед.ч. стоит в предглавной позиции: «Leof, ic **ðe** syðe...» [Ch 1445] *Letter to King Edward*, Sawyer 1445 (Harmer 1914, no. 18).

Что же касается авторских стилистических предпочтений, которые влияют на позиционные особенности объектных ЛМ, то основным аргументом, как нам кажется, может служить позиционное варьирование местоимений в рукописях, а именно

исправления, относящиеся к изменению позиций ЛМ. Подобные случаи обнаружены нами в поздних текстах. Так, в качестве примера возьмем рукописи уэссекских Евангелий (X–XI вв.). Исправления наблюдаются практически во всех типах предложения:

а) *ac/and* предложение – «*and ge ne sealdon me etan*» (Mt 25:42), «*ge me ne sealdon*», рукопись A [Liuzza 1994: 53];

б) придаточное предложение – «*þæt eow man lareowas nemne*» (Mt 23:8), «*mann eow*», рукопись RH [Liuzza 1994 : 47].

в) простое предложение – «*Soð ic secge eow...*» (Mt 6:5), «*eow secge*» [Liuzza 1994: 11].

Причем данные изменения едва ли зависят от латинского оригинала. Так, такие предложения, как «*Soð ic secge eow hie onfengon...*», (Mt 6:5) «*...and ge ne sealdon me etan...*», (Mt 25:42) «*...ge ne scryddon me*», (Mt 25:43), «*And se þe me onfehð...*» (Mk 9:36), «*se me onfehð*» (Lk 9:48), «*gewilnude etan mid eow*» (Lk 22:15) и др., можно рассматривать как отражение или совпадение с синтаксической структурой латинского текста, а внесенные в других рукописях исправления ее нарушают. С другой стороны, в «*Ðæt ic eow secge...*» (Mt 10:27), «*...ic eow sæde ær and ge...*» (Lk 9:27) ЛМ стоят в иной позиции, чем в оригинале, а рукописные исправления совпадают с латинским местоименным синтаксисом. И, наконец, изменения в «*Gyf ge me þa spræce secgeað...*» (Mt 21:24), «*...gaðe be me ufele sprecañ*» (Mk 9:38) никак нельзя связать с возможным влиянием латинского, поскольку ни структура текста, ни рукописные исправления не отражают латинского синтаксиса.

По всей видимости, такие рукописные изменения свидетельствуют об особенностях и различиях в коммуникативно-прагматическом восприятии одного и того же текста разными писцами.

Таким образом, позиционные особенности объектных ЛМ в древнеанглийском языке зависели от ряда факторов. На фоне зависимости распределения прономинальных элементов от типов предложения и диахронического изменения порядка слов в языке в целом, немаловажную роль играют структурные характеристики ЛМ (их «вес», структурный состав), тема-рематическое разворачивание повествования, соотношение номинальных и прономинальных объектов и падежей, а также жанровое и стилистическое своеобразие текстов.

ЛИТЕРАТУРА

- Циммерлинг 2002 – А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
- Andrew 1966 – S. O. Andrew. *Syntax and Style in Old English*. New York, 1966.
- Bichakjian 1999 – В. Н. Bichakjian. Language Diversity and the Straight flush pattern of Language Evolution. *Язык и речевая деятельность*, 2, 18–44.
- Hopper 1975 – P. J. Hopper. The Syntax of the Simple Sentence in Proto-Germanic. *Janua Linguarum*, 143, 1975.
- Kohonen 1978 – V. Kohonen. On the Development of English Word Order in Religious Prose around 1000–1200. Abo, 1978.
- Koopman 1990 – W. Koopman. *Word Order in Old English (With Special Reference to the Verb Phrase)*. Amsterdam, 1990.
- Lehmann 1974 – W. Ph. Lehmann. *Proto-Indo-European Syntax*. Austin; London, 1974.
- Li, Thompson 1974 – An Explanation of Word Order Change SVO < SOV. *Foundations of Language*, 12, 1, 201–214.
- Liuzza 1994 – R. M. Liuzza. *The Old English Version of the Gospels*, 1. Oxford, 1994.
- Mitchell 1985 – B. Mitchell. *Old English Syntax*. Oxford, 1985.
- Reszkiewicz 1966 – A. Reszkiewicz. *Ordering of Elements in Late Old English Prose in Terms of their Size and Structural Complexity*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966.
- Traugott 2000 – E. C. Traugott. *Syntax*. In: *Cambridge History of the English Language*, 1. The Beginnings to 1066. Cambridge, 2000, 168–289.

Я. В. Васильков

Частичный пересказ «Бхагавадгиты» в «математической» рукописи Герасима Лебедева: предварительное сообщение*

В «Архиве востоковедов» Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН хранятся две рукописи, представляющие собой единое сочинение первого русского индолога Герасима Степановича Лебедева (1749–1817), посвященное традиционным индийским правилам счета в их применении к денежной системе, а также «основаниям» индийского метода счисления, каковые автор обнаруживает в индийской религиозной философии. Обе рукописи выполнены, по-видимому, профессиональным переписчиком и облечены в дорогие парадные переплеты. На закате жизни, в 1816 году, Г. С. Лебедев, осознав несбыточность своих планов издать на основе собранных в Индии материалов ряд новых работ¹ и создать в России индологическую школу, предпринимает попытку заинтересовать индийской культурой просвещенного императора Александра I, для чего и подносит ему рукопись своего последнего труда. Общим названием сочинения является, по-видимому, название первого тома (АВ СПбФ ИВ РАН, ф.90, №2 – 1226/2)²: «Систематические восточных индийцев начальные, умозрительные и существенные основания Арифметики, называемой Нам мата, сокращенно Намта или Гунона на Шомскрито, Бенгальском и российском языках...». Второй том озаглавлен «Арифметические восточных Индийцев Таблицы, заключающие в себе сообразное основание философской и богословской Брамгенских систем...» (АВ СПбФ ИВ РАН, ф.90, №1-1226/1).

В целом в этой работе Г. С. Лебедев ставил перед собой две задачи. Первая из них – практическая, состоящая в том, чтобы дать торговцам и всем другим россиянам, намеревающимся установить связи с Индией, сведения об индийской системе счета и о единицах денежного обращения. Этому в основном посвя-

* Работа выполнена в рамках проекта № 05-03-03322а, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

¹ Единственным изданным в России при его жизни трудом Г. С. Лебедева осталось «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их и народных обычаев» (СПб, 1805).

² См. также: РГАЛИ, ф.195, оп. 1, ед. хран. 6081.

щены «Арифметические таблицы...». Но, будучи убежден, что «арифметика брамгенов, как и азбука их, заключают в себе таинственные смыслы Индийского Богопознания; и что некоторые арифметические их знаки берутся иногда за признак Божества, или Божеского свойства» (Таблицы, л. 2), что «оная Брамгенская Арифметика имеет основания свои на философской и Богословской системах, и служит Брамгенам к умозрительному их созерцанию Божества и ключом к таинствам природы» (Систематические основания, л. 2 об.), Г. С. Лебедев считал необходимым предварить «Арифметические таблицы» изложением того, что, как он полагал, скрывается за индийской «арифметикой», – то есть, религиозно-философского учения индуизма.

Подход Г. С. Лебедева предопределен особенностями его собственного мировоззрения. Индуистскую символику чисел он воспринимал через призму нумерологии европейского эзотерического гностицизма XVIII века, хорошо ему знакомого в силу его вероятной принадлежности к кругу русских масонов 1770-1780-х гг. и прямой связи с князем А. Б. Куракиным и С. И. Плещеевым – «вольными каменщиками» из ближайшего окружения цесаревича Павла Петровича (который, по некоторым сведениям, и послал Лебедева в Индию)³.

Начав «Систематические основания» с очерка онтологии индуизма, продолжив рассказом о сотворении мира, Г. С. Лебедев подходит к моменту антропогонии – сотворения человека.

³ «Гностическая» ориентация Г. С. Лебедева сказывается и в его общем взгляде на религию индийцев. В отличие от подавляющего большинства своих современников-европейцев, Г. С. Лебедев видел в индуизме не многобожие и язычество, а «сопровождаемое глубоким учением» «сокровеннейшее Брамгенов о Боге познание», сохранившее традиции чистого, первоначального христианства. Показательно его стремление обнаружить в известной триаде (*тримурти*) верховных индуистских богов (Брахма, Вишну, Шива) христианскую Троицу; при этом имя «второго троичности лица» – Вишну – он заменяет именем его земного воплощения Кришны, к тому же в форме, намекающей на тождество этого персонажа с Христом (Криштьо, Криштньо или Криштна). О «гностических» пристрастиях Г. С. Лебедева красноречивее всего свидетельствуют его попытки найти в «богословской системе» индуизма соответствие Софии, Премудрости Божией – концепции, красной нитью проходящей через писания европейских гностиков от античности до XX века (впрочем, остановившись на образе богини Кали, или Дурги, Лебедев сделал, пожалуй, самый неудачный выбор).

Бог-творец Брормго (Брахма) повелевает «Биштне, значит: второму своему произволению Криштне... образовать онго Человека, дабы он мог знать своего Бога и бессмертие души». Далее следует проповедь Кришны, обращенная к этому первозданному «Человеку», в которой внимательный читатель, знакомый с текстами раннего индуизма, вскоре обнаруживает специфические образы, а также целые блоки образов и идей, известных по знаменитой религиозно-философской поэме «Бхагавадгита» из грандиозного санскритского эпоса «Махабхарата». Отличие состоит лишь в том, что в «Бхагавадгите» (далее также: БхГ или «Гита») Кришна обращает свою проповедь не к безымянному Первочеловеку, а к одному из главных героев «Махабхараты», братьев Пандавов – Арджуне.

Ниже мы приводим для наглядности некоторые параллельные места из лебедевских «Систематических оснований» и из «Бхагавадгиты» (буквальный перевод с санскрита сделан автором настоящего сообщения):

«Систематические основания...»	«Бхагавадгита»
<p><u>Кришто</u>: О человек! теперь открою тебе начальное высшее всех других знание, уразумением которого достигнешь до высочайшего совершенства, и получишь бессмертие.</p>	<p>(<u>Кришна</u>): Высшее я вновь возведу, величайшее знание из знаний, которое познав все святые подвижники к высшему совершенству отсюда ушли (XIV.1)...</p>
<p>Великий Брормго есть моя matka: в него полагаю плод мой и из него производится вся натура.</p>	<p>Великое Брахо⁴ для Меня – лоно, в него я помещаю зародыш; от этого и исходит происхождение всех существ (XIV.3).</p>
<p>Великий Брормго есть matka всех разных образов (форм), зачинаемых в каждой натуральной matke, а я емь отец, посевающий семя....</p>	<p>Во всех лонах, о Каунтея, какие формы рождаются, тех лоно – великое Брахо, я же – отец, дающий семя (XIV. 4).</p>
<p><u>Кришно</u>: Теперь открою тебе, человек (<i>Адмо</i>), сокровеннейшее</p>	<p>(<u>Арджуна</u>): Из милости ко мне высочайшее, тайное, до-Высшего-</p>

⁴ *Великое Брахо*. – Используем здесь прием известного переводчика «Махабхараты» на русский акад. Б. Л. Смирнова, который стремился таким образом подчеркнуть средний род термина *brahman*.

таинство, сопровождаемое глубоким учением, о познании Высочайшего Духа, и о пользе, происходящей от познания первого начала, которое узнавши освободишься ты от ига неразумения.

Зри чудеса, никогда тобою доселе невиданные.

Зри в сем теле (*в числах*) моем целый мир, одушевленный и неодушевленный, и все существа, естли имеешь ум для зренья.

Но как ты не способен узреть то сими естественными глазами, то я дам тебе око небесное, коим узришь божественную связь мою!

Знай, что неизследимое существо Брормги уподобляется небесному древу (*Акашер типол...*), на коем он представит (предстает ? – Я.В.) в виде Человека и изливает всякое плодородие. Древа сего корень поднят вверх, а ветви вниз обращены, и которого листья суть священные книги, называемые Беда, т.е. Беды. Знающий сие познал Беды.

Ветви его, произрастающиеся из трех тройственных гунов значит пресущественного мудрствии, или качества которых меньшие отростки суть предметы чувственных органов, распространяются и вверх, и вниз. Корни, простирающиеся вниз, в области человеческие, удерживаются действием.

Духа-относящимся именуемое какое слово тобой изречено тем устранено это мое заблуждение (XI.1).

(Кришна):

...Многие прежде-не-виденные чудеса узри, о Бхарата! (XI.6cd) Здесь в-одном-месте-пребывающим весь мир со всем подвижным и недвижимым узри ныне в теле моем, о Гудакеша!.. (XI.7)

Но ты не можешь увидеть Меня этим вот своим зрением. Дарую тебе “чудесное око”. Видь мою владычную (= божественную) йогу⁵! (XI.8)

(Кришна): О (растущей) вверх корнями, вниз ветвями ашваттхе (смоковнице) нетленной рассказывают, листья которой – ведийские размеры; кто ее знает – тот знаток Веды (XV.1).

Вниз и вверх простерты ее ветви, из гун выросшие, с листочками – объектами чувств; и вниз вытянуты корни, связывающие деяниями в мире людей (XV.2).

⁵ Передача Г. С. Лебедевым общеиндийского термина уога как «связь» опирается на одно из реальных значений данного слова.

Часть самого меня есть всеобщий дух всех существ в сем животном мире. Весь мир распространен в невидимом моем образе. Она совокупляет пять органков и ум, который есть шестой (орган),

дабы получить тело и дабы паки его оставить. *Ишиор* (Бог) *Брормго* ..., принявши их под свое управление, сопровождает их из собственного жилища, как дыхание ветра сопровождает запах цветка.

Он управляет органами слуха, зрения, осязания, вкуса и обоняния, купно с умом, и устремляется к их предметам.

Глупый сопровождаем будучи мраком в бытии, не видит сего, но имущий око мудрости усмотрит сие.

Употребляющий прилежно ум свой к размышлению может ощутить сие всажденное в груди его, но имеющий ум необразованный и слабое рассуждение, трудясь того не найдет.

Когда человек срубит сие небесное дерево *Акашер Пипол*, которого корень толь твердо укреплен, сильною секирою безкорыстия, тогда насытится он живою водою *Амрито*..., и будет безсмертен *амрту*...

Я открываю тебе того первого человека, от которого производится начальное шествие ряда всех существ.

Частица Меня самого, (пребывающая) в мире живых, став душой (*джива*), вечная притягивает к себе относящиеся к Пракрити (миру природы) органы чувств, из коих шестой – ум (*манас*) (XV.7)

Когда тело обретает и когда исходит из него Владыка (=Господь), то, забрав их, с собой уносит, как Ветер – запахи с места их распространения (или: носителя, вместилища). (XV.8).

Слухом, зрением, осязанием, вкусом и обонянием, а также умом (манасом) повелевая, он посвящает себя объектам чувств (XV.9).

Исходит ли он, пребывает ли в (теле), или, сочетаясь с гунами, наслаждается, – ослепленные его не видят, зато видят те, у кого “око знания” (XV.10).

А подвижничающие йогины тоже видят его в себе пребывающим. Те же, чей дух не совершенен, даже прилагая усилия, не видят его, неразумные (XV.11).

Эту ашватху (пипал, вид смоковницы) с сильно разросшимися корнями крепким мечом непривязанности срубив, должно затем искать то место, куда прийдя, более не возвращаются (XV.3cd – XV.4ab),

(сказав): «Я прибегаю к тому Начальному Пуруше (букв.: «[Перво]человеку»), от которого произошло это извечное развертывание» (XV.4cd).

Знай, что свет происходящий от солнца и весь мир освещающий, тот же свет находящийся в Луне и в огне, суть его.

Я проникаю все существа и храню их по его воле моими лучами.

Который свет, вошедший в солнце, озаряет весь мир, который в месяце и который в огне, – то Мой свет, знай! (XV.12)

И, войдя в Землю, (все) существа Я поддерживаю своею мощью и питаю все растения, став Сомой, напитанным соком (XV.13).

По результатам предварительного анализа можно сказать следующее: текст беседы «Криштньо» с «Человеком» у Г. С. Лебедева вне всякого сомнения, восходит к санскритской «Бхагавадгите» из «Махабхараты», хотя и не непосредственно. В тексте Г. С. Лебедева встречаются индийские имена и термины, транслитерированные кириллицей и/или записанные знаками бенгальского алфавита; и это совершенно определенно не санскритские слова, хотя бы и видоизмененные специфическим бенгальским произношением, но чисто новоиндийские, бенгальские формы (*акашер титтол* и т.п.). Можно было бы предположить, что Г. С. Лебедев переводил на русский с какого-то письменного бенгальского перевода «Гиты», но это кажется маловероятным. Со времен великого комментатора «Гиты», философа-ведантиса Шанкары (788–812 гг. н. э.) последовательность стихов в этом тексте строго фиксирована; между тем, в изложении Г. С. Лебедева, как видно из приведенной таблицы, группы стихов, заимствованные из разных глав, от XI до XV, чередуются весьма произвольно. Выявленная к настоящему времени последовательность «цитируемых» Лебедевым и достоверно отождествленных стихов из БхГ, выглядит так: XIV.1, 3, 4; ...XIII.11-12, 13, 14; ...XI.1, 6cd, 7,8; XV. 1, 2, 7, 8, 9, 10, 11, 3, 4, 12, 13. Кроме того, иногда в изложение Лебедевым содержания того или иного стиха явно вторгаются смыслы, почерпнутые из традиционных комментариев к этому стиху⁶. Поэтому резонно

⁶ Например, в переложении стиха XV.1 у Г. С. Лебедева «небесная سموковница» (*акашер титтол*) представлена как символ «неизследимой сущности Брормго (т. е. Брахмо, Брахмана в среднем роде)». Шанкара начинает свой комментарий к этому стиху со слов о том, что Брахман является корнем описываемого «Мирового древа», а другой авторитетнейший комментатор Рамануджа отводит эту роль персонификации того же понятия – богу Брахме (источником для обоих комментаторов является, по-видимому, более древний вариант данного стиха в «Кат-

предположить, что Г. С. Лебедев основывает свой текст на сделанных во время его пребывания в Калькутте записях устного изложения содержания БхГ неким бенгалоязычным информантом, который при этом излагал текст не в обычной последовательности, а так, как помнил: “блоками” или “пучками” наиболее образных, четко запечатлевшихся в его сознании стихов.

В «Систематических основаниях...» Г. С. Лебедев сам свидетельствует о своем знакомстве с изданным в Лондоне в 1785 г. переводом «Гиты» Чарлза Уилкинса и с русским переводом (с английского) А. А. Петрова, увидевшим свет всего тремя годами позже⁷. Тем не менее, опираться на эти тексты при создании своего частичного переложения «Гиты», вошедшего составной частью в «Систематические основания...», он не мог по ряду причин. Прежде всего потому, что Г. С. Лебедев видел в Ч. Уилкинсе и санскритологах его круга адептов конкурирующей школы, ставших жертвой заблуждения. Сам Лебедев принадлежал к той части первых европейских индологов, которая восприняла основы санскрита из уст бенгальских брахманов с их специфически бенгальским произношением санскритских слов, в отличие от ученых круга У. Джонса и Ч. Уилкинса, воспринявших язык от брахманов – выходцев из Кашмира, санскритское произношение которых было намного ближе к древним фонетическим нормам. К переводам английских ученых круга Ч. Уилкинса Г. С. Лебедев относился резко негативно, утверждая, что «настоящие Индейских слов произношения так в из-

ха-упанишаде» VI.1). При этом в самом комментируемом стихе БхГ, как и во всей XV главе, упоминания о Брахмане в связи с космической смоковницей отсутствуют.

⁷ The Bhāgvat-Gēētā, or Dialogues of Krēṣhṇā and Ārjōṅ; in Eighteen Lectures; with Notes. Tr. ... by Charles Wilkins, London: C. Nourse, M.DCC.LXXXV; Багват-Гета, или Беседы Кришны с Арджуном, с примечаниями, переведенные с подлинника, писанного на древнем Браминском языке, называемом Санскритта, на Английской, а с сего на Российской язык. Москва: Университетская типография Н.Новикова, 1788. Об авторе русского перевода Александре Андреевиче Петрове (1760–1793) – яркой личности, безвременно умершем друге юности Н. М. Карамзина, который считал его своим наставником в области литературы, см. в работе: В. Н. Топоров. Об индийском варианте «говорения языками» в русской мистической традиции // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 23, 1989, S. 33-80.

даниях их обезображены испорченными народными Индейцев и Чужестранными наречиями, что не токмо без знания восточных языков Европейцам, но и знающим оные по средственно, никак многих слов доуразуметь не можно» (Систематические основания, л.6). В примечаниях к «Систематическим основаниям» и другим своим работам Г. С. Лебедев не раз выступает с критикой мнений ученых этой школы (часто несправедливой, поскольку сам он имел о санскрите, в отличие от бенгальского языка, довольно смутное представление). Уже поэтому он не стал бы основывать свой пересказ «Гиты» на переводе Ч. Уилкинса. Не лишним будет, однако, проверить, не мог ли Г. С. Лебедев при работе над текстом «Систематических оснований» уже в С.-Петербурге, в 1816-1816 гг. как-либо согласовывать свое понимание тех или иных санскритских терминов с трактовкой их в переводах Ч. Уилкинса и А. А. Петрова. Установить это будет одной из наших задач на следующем этапе исследования «математических» рукописей Г. С. Лебедева.

Н. С. Гринбаум

Древнегреческий язык как критерий периодизации античной культуры

Отвечая на вопрос, что такое «греческий язык», А. А. Белецкий ссылается на сохранившиеся до наших дней письменные тексты разных эпох: «Греческим языком можно назвать язык глиняных табличек с короткими текстами линейного текста класса Б («протоахейский диалект»). Это также диалектологически дифференцированный язык наиболее древних известных нам эпиграфических памятников и язык древнейшего эпоса «Илиады» и «Одиссеи», «Теогонии» и прочих поэм Гесиода, язык всех видов древней лирики, гимнов и эпиникиев, язык драматических произведений Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, язык прозы Геродота, Фукидида, Ксенофонта. Это и эллинистический «общий диалект» (койне), своими фонологическими, морфологическими и синтаксическими особенностями постепенно превращающийся в новогреческий со всеми его разновидностями. Термин «древнегреческий язык», вероятно, ни у кого не вызывает сомнений¹.

Представляя собой объективную реальность и обладая многовековой историей, древнегреческий язык является, несомненно, одним из важных компонентов античной культуры, существенным звеном ее духовного потенциала. В этом своем качестве он может и должен быть использован и как критерий в решении проблемы периодизации античной культуры.

Следует вместе с тем учитывать, что понятие «древнегреческий язык» не однозначно, а включает в себя несколько разновидностей. Главными из них являются: народно-разговорный язык, язык художественной литературы и литературный язык. Эти разновидности отличаются одна от другой рядом особенностей и степень их значимости для рассматриваемого вопроса окажется, естественно, неодинаковой.

В народно-разговорном греческом языке в силу присущих ему свойств удастся на основе лингвистических признаков выделить лишь ряд общих этапов развития, поскольку последнее определялось не столько социально-экономическими, сколько

¹ А. А. Белецкий. Проблема греческого языка византийской эпохи // Античная культура и современная наука, М., 1985. С. 189.

миграционно-демографическими условиями в сочетании с преобладающим значением внутренних закономерностей. Согласно имеющейся классификации древнегреческий язык представлял собой единый период вплоть до IV в. н. э., за ним следовал среднегреческий (до XIII–XV вв.) и новогреческий (до наших дней)². Однако эта общая периодизация народно-разговорного греческого языка мало что дает для исследуемой нами проблемы. Более интересной в этом плане является периодизация, предложенная О. С. Широковым. История древнегреческого языка делится им на три периода: архаический (с XIV в. до н. э.), классический (с VIII–VII вв.) и эллинистическо-римский (с III в.)³. Хотя в основу классификации автором положены соображения не чисто лингвистического порядка, а характер письменности – сначала силлабической, затем буквенной, точка отсчета – XIV в. до н. э. как начало фиксированного греческого языка представляется вполне приемлемой. Менее подходящим для нашей цели является определение всего этого периода (вплоть до VIII в.) как архаического, но об этом – позже. Можно, конечно, предположить относительно высокое жизнеспособное греческих племен и до появления микенских письменных текстов, однако наличие последних является первым конкретным и осязаемым доказательством фактического существования в XIV в. до н. э. греческого раннерабовладельческого общества с широкой системой хозяйственных институтов, разветвленной сетью социальной иерархии и определенным уровнем культурного развития. Все это дает основание признать XIV век до н. э. первым документированным веком античной культуры.

Вторая разновидность древнегреческого языка – язык художественной литературы. Он неразрывно связан с возникновением и становлением самой литературы как художественного явления. Его истоки восходят к древнейшим памятникам греческой поэзии – гомеровскому эпосу, а развитие обусловлено социально-экономической и духовной жизнью рабовладельческого общества. Этим объясняется то обстоятельство, что периодизация языка художественной литературы существенно отличается от периодизации народно-разговорного языка.

² И. М. Тронский, А. А. Белецкий. Греческий язык // Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. С. 361; А. А. Белецкий. Проблема греческого языка византийской эпохи... С. 193.

³ О. С. Широков. История греческого языка. М., 1983. С. 26.

И. М. Тронский выделяет в истории древнегреческой литературы периоды: архаический (до начала V в. до н.э.), аттический (классический, V–IV вв.), эллинистический (IV–I вв.), римский (с I в. до н. э.)⁴. А. А. Тахо-Годи различает периоды: доклассический (или архаический, до VII в. до н. э.), классический (VII–IV вв.) и эллинистический (послеклассический, с III в. до н.э. по V в. н. э.)⁵. Предложенная нами периодизация языка древнегреческой художественной литературы почти полностью совпадает с периодизацией самой литературы: архаический (с VIII–VI вв. до н.э.), аттический (V–IV вв.), эллинистический (IV–I вв.) и римский (I–V вв.) периоды⁶.

По сравнению с периодизацией народно-разговорного языка, представляется более целесообразным обозначение начала архаического периода не XIV, а XI в. до н. э., что более соответствует, нам кажется, периодизации древнегреческой культуры.

Третья разновидность древнегреческого языка – литературный язык. Он выделяется широтой своего охвата, поскольку включает в себя кроме языка художественной литературы деловой язык и язык философии, исторической прозы и публицистики, науки, специальной и технической литературы. Литературный язык сочетает в себе черты, присущие как народно-разговорному языку, так и языку художественной и иной литературы, поэзии и прозы, письменной и, отчасти, устной речи. Его история самым тесным образом связана с возникновением, становлением и упадком древнегреческих полисов.

Все эти обстоятельства делают периодизацию литературного языка наиболее близкой и соприкасающейся с периодизацией античной, в частности – древнегреческой культуры. Они убеждают, что история литературного языка может послужить важным критерием при решении интересующей нас проблемы.

Прежде чем рассмотреть ее, проанализируем периодизации, относящиеся к таким областям духовной жизни как: история, философия и культура. В книге «Античная Греция» В. П. Яйленко предлагает следующую периодизацию греческой истории: миграционная (XIII–XI вв. до н. э.), архаическая (X–VI

⁴ И. М. Тронский. История античной литературы, М., 1983. С. 20–21.

⁵ А. А. Тахо-Годи. Античная литература, М., 1976. С. 9–10.

⁶ Н. С. Гринбаум. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984. С. 14.

вв.), классическая (V–IV вв.) эпохи⁷.

А. Ф. Лосев рассматривает следующие этапы истории греческой философии (эстетики): ранняя классика (VI–V вв. до н.э.), средняя классика (V в.), зрелая (высокая) классика (IV в., Платон), поздняя классика (IV в., Аристотель)⁸; эллинистически-римский период⁹.

К. Куманецки различает ряд периодов античной культуры: эгейская культура (III тысяч. до н.э.); микенская Греция (II тыс.); архаическая Греция (VIII–VI вв.); аттический период – классическая Греция (V в.); классическая Греция (IV в.); эпоха эллинизма (с IV в.)¹⁰.

Сопоставим с вышеперечисленными предложенную мною периодизацию древнегреческого литературного языка: микенский (XIV–XII вв.) и послемикенский (XI–IX вв.) периоды; ионийский (VIII–VI вв.); аттический (VI–IV вв.); эллинистический (ранний, I вв.; поздний, I–V вв.) период.

Остается выяснить, в какой степени приведенная периодизация может оказаться полезной или пригодной для создания периодизации античной культуры.

Представляется целесообразным, прежде всего, с учетом других рассмотренных вариантов, сохранить в основном деление на главные периоды истории древнегреческой культуры.

Желательно вместе с тем приблизить их наименования к самой проблематике вопроса. Следовало бы также продумать вопрос о выделении отдельных этапов в пределах главных периодов.

Целесообразно выделить отдельно «микенский период» (XIV–XII вв. до н.э.) и определить период с XI–IX вв. как «архаический или послемикенский»; с VIII–VI вв. – как «ионийский», с VI–V вв. как «аттический или классический» и с IV в. до н.э. – V в. н.э. – «эллинистический». «Классический» период может быть, в свою очередь, разделен на три отрезка: становления (VII–VI вв.), расцвета (V–IV вв.) и угасания (III–II вв.) культуры полиса, эллинистический период – на греко-восточный

⁷ Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 128.

⁸ А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Высшая классика. М., 1974. С. 6–8.

⁹ А. Ф. Лосев. Эллинистически-римская эстетика. М., 1979. С. 5–6.

¹⁰ K. Kumaniecki. Historia kultury starożytności Grecji i Rzymu, Warszawa, 1964. S. 622–630.

(ранне-эллинистический, IV–I вв.) и греко-римский (позднеэллинистический, I–V вв.).

Исходя из вышесказанного, предлагается следующая периодизация античной (древнегреческой части) культуры:

I. Раннегреческая культура материковой Эллады и эгейских островов (III–II тыс. до н. э.)¹¹;

II. Микенский (древнейший письменно зафиксированный период греческой дворцовой культуры (XIV–XII вв.);

III. Архаический (послемикенский, доэпосный) протоионийско-эолийский период (XI–IX вв.);

IV. Культура греческой периферии Малой Азии. Ионийский период (VIII–VI вв.);

V. Полисная культура. Аттический (классический) период:

а) этап становления (VII–VI вв.)

б) этап расцвета (VI–IV вв.)

в) этап угасания (III–II вв.);

VI. Культура «койне». Эллинистический период:

а) ранний этап, греко-восточный (IV–I вв.)

б) поздний этап, греко-римский (I–V вв.).

Предложенная выше периодизация древнегреческой культуры с учетом двух дополнительных факторов – поэтапного становления литературного языка и очередной смены его диалектно-территориальной базы – могло бы, на мой взгляд, лечь в основу новой разработки и последующего чтения университетского курса античной культуры.

¹¹ См.: Т. В. Блаватская. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.

Н. С. Гринбаум

Бытовая лексика древнегреческой ранней лирики*

Раннегреческая лирика является одним из важных источников наших сведений о жизни Древней Греции VII–V вв. до н. э. Изучение ее лексики предоставляет возможность восстановить также и бытовые условия, характерные для этого периода греческой истории¹.

Аналізу подвергаются слова (имена существительные), касающиеся предметов быта, пищи и одежды.

1. Предметы быта

К относительно более употребительным относятся слова: *τράπεζα* ‘стол’ (14 раз) – милый, гостеприимный, девичий, всегда накрытый (Пиндар, Ол. 1. 17, 3. 40; Пиф. 3. 16; Нем. 11. 9); семь застольных ложей и столько же столов (Алкман, 19. 1), взял и кубки со стола (Семонид, 23), солью и столом (клятва; Архилох, 95. 2), они делили куски мяса за столами (Пиндар, Ол. 1. 50), принимали богов за столами (Пиндар. Ол. 3. 40), ветер не свертывал парус вокруг стола (Пиндар, Истм. 2. 40); ‘кормушка’ – кормушка для скота (Пиндар, Фр. 169. 27); *ἔρκος* ‘ограда’ (11 раз) – ограда окружала двор (Архилох, 35), он перепрыгнул через высокий забор (Солон, 3. 28); переносно: ряд зубов (Солон, 19. 1); ‘сеть’ – без хитрых сетей (Пиндар, Нем. 3. 51); ‘поверхность’ – на морской поверхности (Пиндар, Пиф. 2. 80); черная поверхность моря (Пиндар, Диф. 1. 16); ‘оплот’ – мальчик – верная опора ахейцев (Пиндар. Пеан 6. 85), его сила – оплот в борьбе (Пиндар, Пиф. 5. 113); *σκᾶπτον* ‘посох’ (8 раз) – он убил Ликимния посохом из тугой оливы (Пиндар, Ол. 7. 28); ‘ски-

* Настоящая статья представляет собой извлечение из находящейся в печати монографии: ‘Лексика раннегреческой лирики (опыт семантико-числового анализа)’.

¹ Использованные издания: R. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones, A Creek-English Lexicon, Oxford, 1966; G. Fatouros, Index verborum zur frühgriechischen Lyrik, Heidelberg, 1966; W. J. Slater, Lexicon to Pindar, Berlin, 1969; D. L. Page, Poetae melici Graeci, Oxford, 1962; D. L. Page, Supplementum Lyricis Graecis, Oxford, 1974 (сокращенно: SLG); E. Lobel, D. Page, Poetarum Lesbiorum fragmenta, Oxford, 1963; S. Diehl, Anthologia lyrica Graeca, 1-3, Lipsiae, 1954; Theognis, ed. D. Young, Lipsiae, 1961; Bacchylides, ed. Br. Snell, Lipsiae, 1961.

петр' – Зевса (Пиндар, Пиф. 1. 6; Вакхилид, 3. 70); справедливый скипетр Гиерона (Пиндар, Ол. 1. 12), царский скипетр и трон (Пиндар, Пиф. 4. 152); πέλεκυς 'топор' (6 раз) – Эрот поразил меня большим топором (Анакреонт, 413. 2); упоминается у Коринны (675 е); медный, острый (Пиндар, Ол. 7. 36, Пиф. 4. 263); он породил Афины ударом священного топора (Пиндар, Фр. 34); κέντρον 'шпора' (6 раз) – ударь острой шпорой (Феогнид, 847); упоминается у Солона (24. 20); против стрекала (Пиндар, Пиф. 2. 94); переносно: сладкое стрекало (о песне; Пиндар, Фр. 124. 4), слово – стрекало битв (Пиндар, Фр. 180. 3); χαλιῶς 'узда' (6 раз) – я мог бы красиво накинуть на тебя узду (Анакреонт, 417. 3), он накинул уздечки на коней (Феогнид, 551), дева Паллада передала ему шитую золотом уздечку (Пиндар, Ол. 13. 65); переносно: якорь – узда быстрого Арга (Пиндар, Пиф. 4. 25) узда девичества (Пиндар, Истм. 8. 45).

Реже встречаются слова: ἄλος 'гвоздь' (1 раз) – какая опасность связала их крепкими стальными гвоздями (Пиндар, Пиф. 4. 71), ἀΐα 'возжи' (5 раз) – владея вожжами, я бы тебя повернул (Анакреонт, 417. 4), невредимые вожжи (Пиндар, Пиф. 5. 32), он отпустил вовремя вожжи (Пиндар, Истм. 2. 22), здесь будут править вожжами и повозками вместо весел (Пиндар, Пиф. 4. 18), хочу восславить песней правившего вожжами не чужими руками (Пиндар, Истм. 1. 15); ἄχος 'груз' (3 раза) – как ослы, изнуренные большим грузом (Гиртей, 5. 1); переносно: мучительнейший груз (Киприды; Феогнид, 1384), возложив на плечи двойное бремя (Пиндар, Нем. 6. 57); βρόχος 'сеть' (1 раз) – избежав плохого человека, разорвала сеть (о птице; Феогнид, 1099); δαῖς 'факел' (3 раза) – бросая взвившийся факел (Сапфо, 194), факел под рыжими соснами (Пиндар, Диф. 2. 11); δαλός 'полено' (1 раз) – огонь достиг полена (Неизвестный лирик, 966); δίκτυον 'сеть' (2 раза) – он не разорвал большую сеть (Солон, 23. 4), бесчисленные сети Киприды (Ивик, 287. 4); δοκός 'бревно' (1 раз) – упоминается у Вакхилида (Фр. 60. 22); εἴλημα 'покрывало' (1 раз) – нестиранное покрывало (Анакреонт, 388. 4); ἐρμῖς 'ножка кровати' (1 раз) – упоминается у Гиппонакта (IV 8); ἐσχάρα 'жаровня' (2 раза) – она кушает с жаровни (Семонид, 7. 47), бог у жаровен (Неизвестный лирик, 991); ὀράνις 'скамейка' (1 раз) – упоминается у Коринны (683); ὀῶκος 'стул' (3 раза) – все сидят на стульях (Гиртей, 9. 41), стулья мужей (Вакхилид, Фр. 60. 34); 'престол' – истинный престол прорицателей (Пиндар, Пиф. 11. 9); ἰμός 'ремень' (2 раза) – не сбрасывай с рук красные ремни (Симонид, 517), надев ремень на руку

(Пиндар, Нем. 6. 35); ἰστοπέδα ‘держатель мачты’ (1 раз) – держатель мачты находится в трюме (Алкей, Z 2. 6); ἰστός ‘ткацкий станок’ (3 раза) – я могу ткать на станке (Сапфо, 102. 1), на рукоятях щитов расположились станки пауков (Вакхилид, Fr. 4. 70), она не любила возвратных ходов ткацкого станка (Пиндар, Пиф. 9. 18); κάθερμα ‘серьга’ (раз) – золотые серьги (Анакреонт, 388. 10); καλύπτρη ‘покрывало’ (2 раза) – он возложил Гере священное покрывало (Архилох, 17. 1); упоминается у Ивика (316. 1); κάλωс ‘канат’ (1 раз) – весь невредимый канат над высокой волной (Ивик, 330. 2); κάμαξ ‘жердь’ (1 раз) – упоминается у Алкея (С. 1. 16); κίβισις ‘котомка’ (1 раз) – упоминается у Алкея (М. 4. 3); κλαίς ‘ключ’ (3 раза) – владеющая высшими ключами (Пиндар, Пиф. 8. 4), скрытые ключи (Пиндар, Пиф. 9. 39); κλισμός ‘стул’ (1 раз) – не желаю посмертно восседать в царском стуле (Феогнид, 1191); λάρναξ ‘ящик’ (2 раза) – в искусном ящике (о Данае; Симонид, 543. 1), она сожгла полено из искусного ящика (Вакхилид, 5, 141); λέπαδιον ‘ремень’ (1 раз) – упоминается у Анакреонта (346 fr. 1. 8); λίνον ‘льняное полотно’ (4 раза) – панцири, выстланные новым льном и щиты (Алкей, Z 34. 6); ‘лен’ – совершая возлияния из хлеба, льна и кунжута (Алкман, 19. 3), спелый лен (Алкман, 110); μάστιξ ‘бич’ (2 раза) – стегая хребет кожаным бичом (Анакреонт, 388. 8); переносно: удар (Пиндар, Пиф. 4. 219); μοχλός ‘лом’ (1 раз) – ударив ломом в двойную дверь (Анакреонт, 431. 1); ὄρμος ‘цепь’ (4 раза) – владея золотой цепью (Алкман, 91), обвивают руки цепями (Пиндар, Нем. 4. 17); цепь венков за состязания (Пиндар. Нем. 4. 17); πάσσαλος ‘гвоздь’ (4 раза) – покрывают поножи гвоздями (Алкей, Z. 34. 4), сними формингу с гвоздя (Пиндар, Ол. 1. 17); упоминается у Симонида (519 fr. 41a. 3); лира, не оставайся на гвозде (Вакхилид, Fr. 20 В I); πέδη ‘оковы’ (3 раза) – на неправедных он надевает оковы (Солон, 3. 33), Зевс надел крепкие узы оков (Семонид, 7. 116), муж кует ему оковы (Феогнид, 539); πέσμα ‘канат’ (1 раз) – прогнивший канат (Феогнид, 1362); περόνα ‘булавка’ (1 раз) – распустив булавки покрывала (Ивик, 316. 2); πεισοί ‘игральные кости’ (1 раз) – одним нравятся игральные кости, другим игра на форминге (Пиндар, Френ. 7. 6); πίναξ ‘доска’ (1 раз) – прежде чем поставить доску (Симонид, 79. 2 D); πυρρός ‘факел’ (3 раза) – явив себя как факел Эллады (Вакхилид, 13. 82), с зажженным факелом (о солнце; Пиндар, Фр. 356); переносно: зажечь факел гимнов (Пиндар, Истм. 4. 43); πῶμα ‘крышка’ (2 раза) – крышки пустых сосудов (Архилох, 5А. 7), раскрыв крышку колчана (Вакхилид, 5. 76); ῥάβδος ‘палка’ (3

раза) – сияющая от золота палка (Гиппонакт, IV. 7), и не неподвижным был посох Аида (Пиндар, Ол. 9. 33), по жезлу божественных слов (Пиндар, Истм. 4. 38); ῥόπαλον ‘дубина’ (2 раза) – большая дубина (Вакхилид, Fr. 64. 24), держа шероховатую дубину (о Геракле; Пиндар, фр. III. 3); σπάργανον ‘пеленки’ (4 раза) – красные пеленки (Пиндар, Пиф. 4. 114), пеленки цвета шафрана (Пиндар, Нем. 1. 38), он сорвал с тела разноцветные пеленки (Пиндар, Пеан 20. 12), любимец в пеленках (Пиндар, Фр. 193); σφαῖρα ‘мяч’ (1 раз) – Эрот снова ударил в меня красным мячом (Анакреонт, 358. 1); σφῦρα ‘молот’ (1 раз) – он бросил сильно молот (Вакхилид, 18. 28); τροχός ‘колесо’ (4 раза) – положив шею в колесо (Анакреонт, 388. 7), пыль взметнулась над колесом (Симонид, 516), вращается на крылатом колесе (об Иксионе (Пиндар, Пиф. 2. 22); τρύπανον ‘сверло’ (1 раз) – упоминается у Пратина (708. 13); φάτνα ‘кормушка’ (2 раза) – древние кормушки Зевса (Пиндар, Ол. 13. 92), в каменных кормушках (Пиндар, Фр. 169. 21); φιτρός ‘бревно’ (1 раз) – он сжег недолговечное бревно (Вакхилид, 5. 142).

Вышеназванные слова представлены впервые в гомеровских поэмах. Исключение составляют: σπάργανον – в гомеровском гимне (h. Merc. 237) и κίβισις – у Гесиода (Sc. 224).

Ряд слов встречается впервые у лириков. Ἀάνθα ‘серьга’ (1 раз) – упоминается у Алкмана (127); встречается также у Аристофана (Fr. 926). Ἀρύβαλλος ‘сумка’ (1 раз) – упоминается у Стесихора (206); встречается также у Аристофана (Eq. 1094). Ἀσίλλα ‘кормысло’ (1 раз) – упоминается у Симонида (110. 1D); литературный гапакс. Βακτηρία ‘посох’ (1 раз) – думая ударить его посохом (Гиппонакт, 14a); встречается также у Аристофана (Ach. 682), в исторической (Фукидид, 8. 84) и философской (Аристотель, Ath. 65. 2) прозе. Γέρυρα ‘сточная труба’ (1 раз) – упоминается у Алкмана (130); встречается также в исторической прозе у Геродота (3. 145). Γρύτα ‘сундук’ (1 раз) – упоминается у Сапфо (179); литературный гапакс. Γυλοπέδα ‘оковы’ (1 раз) – в неизбежных оковах (Пиндар, Пиф. 2. 41); встречается также у Эхила (Pr. 169). Δίοπτρον ‘зеркало’ (1 раз) – вино для человека – зеркало (Алкей, Z. 9); литературный гапакс. Ἐσοπτρον ‘зеркало’ (1 раз) – переносно: для хороших дел одно зеркало (Пиндар, Нем. 7. 14); литературный гапакс. Ἠναῖον ‘сковорода’ (1 раз) – бросить руку на сковороду (Анакреонт, 436); встречается также у Аристофана (Eq. 929), θρόνος ‘трон’ (5 раз) – упоминается у Ликимния (769. 1); высочайший трон Реи, у тронов Аполлона, монарший жезл и трон

(Пиндар, Ол. 2. 77, 14. 11; Пиф. 4. 152); встречается также у Эсхила (Ch. 975), Софокла (Ant. 1041), Еврипида (IT 1254), а также в исторической (Геродот, 1. 14) и философской (Платон, Prt. 315c) прозе. Ἴγυδις ‘ступа’ (1 раз) – одни готовят ступу, другие сильфий (Солон. 26. 6); литературный гапакс. Ἰπιός ‘печь’ (2 раза) – она не садится у печи (Семонид, 7. 61); упоминается у Гиппонакта (X1 3); встречается также у Аристофана (AV. 437) и в исторической прозе у Геродота (5. 92). Κάλυστρον ‘плетеная корзина’ (1 раз) – корзина с сыром (Неизвестный лирик, 848. 9); литературный гапакс. Κιβωτός ‘ящик’ (1 раз) – упоминается у Симонида (623); литературный гапакс. Κνάφος ‘чесальный гребень’ (1 раз) – на большом гребне (Алкей, Z 66); встречается в исторической прозе у Геродота (1. 92). Κόσπιον ‘решето’ (1 раз) – она не приподымает с пола решето (Семонид, 7. 59); встречается также у Аристофана (Nu 373) и в философской прозе у Платона (Grg. 493b). Κρέμβαλα ‘погремушка’ (1 раз) – упоминается у неизвестного лирика (955. 4); литературный гапакс. Κτεῖς ‘гребень’ (1 раз) – переносно: гребень Пиерид (Пиндар, Фр. 215a. 6); встречается также у Эсхила (Ag. 1594) и в философской прозе у Аристотеля (NA 491 b25). Λύχρον ‘факел’ (2 раза) – нагнувшись к факелу (Гиппонакт, 22), давайте пить: зачем дожидаться факелов (Алкей, Z 22. 1); литературный гапакс. Μάσθλης ‘ремень’ (1 раз) – ноги скрыл пестрый ремень, искусная лидийская работа (Сапфо, 39. 2); встречается у Софокла (Fr. 129) и Аристофана (Eq. 269). Ξυρός ‘бритва’ (2 раза) – переносно: опасность держится на острие бритвы (Феогнид, 557), Эллада находится на острие бритвы (Семонид, 95. 1D.); литературный гапакс. Ὀπτεας ‘шило’ (1 раз) – упоминается у Гиппонакта (III 6); встречается в исторической прозе у Геродота (4. 70). Ὀλκός ‘вожжи’ (1 раз) – упоминается у неизвестного лирика (473. 1 17, SLG); встречается также у Софокла (El. 863), Еврипида (Rh. 146) и в исторической прозе у Геродота (2. 154). Ὀφέμια ‘веник’ (1 раз) – не было веника (Гиппонакт, IV 20); встречается также у Софокла (Fr. 1079). Περιοτρόφεις ‘оселок’ (1 раз) – упоминается у Алкея (4. 8); литературный гапакс. Πλάστιγξ ‘весы’ (1 раз) – на твоих весах (Неизвестный лирик, 1019. 6); встречается также у Софокла (Fr. 576), Аристофана (Pax 1248) и в философской прозе у Платона (11. 63 b). Πλίυθος ‘кирпич’ (1 раз) – упоминается у Алкея (Z 75); встречается также у Аристофана (Av. 552) и в исторической прозе у Геродота (1. 180). Ρόπτρον ‘задвигка’ (1 раз) – упоминается у Архилоха (82); встречается также у Еврипида (Hipp. 1172). Σίφων ‘насос’ (1 раз) – просверлил крышку

тонким насосом (Гиппонакт, 52); литературный гапакс. Σκιαδίσκη ‘зонт’ (1 раз) – мальчик несет зонт из слоновой кости (Анакреонт, 388. 11); литературный гапакс. Σκύταλον ‘дубина’ (1 раз) – Геракл потрясал дубиной в руках (Пиндар, Ол. 9. 30); встречается также у Аристофана (Ес. 76) и в исторической прозе у Геродота (3. 137). Σφρηγίς ‘перстень’ (1 раз) – переносно: к моим словам пусть будет приложена печать (Феогнид, 19); встречается также у Аристофана (Av. 560), в исторической (Геродот, 1, 195) и философской (Платон, Нр. Μί. 368с) прозе. Σχοινίον ‘веревка’ (1 раз) – переносно: узел несносных забот (Пиндар, Фр. 248); встречается также у Аристофана (Ach. 22), в исторической (Геродот, 1. 36) и философской (Аристотель, Mech. 853 b5) прозе. Τόριος ‘циркуль’ (1 раз) – циркуль и шнурок (Феогнид, 805; встречается также у Эсхила, fr. 57. 3), Еврипида (Ва. 1067) и в исторической прозе у Геродота (4. 36). Τριόδους ‘вилы’ (4 раза) – трезубец Посейдона (Вакхилид, 21. 2), палицей ударить по трезубцу (Пиндар, Ол. 9. 30), громом и трезубцем (Пиндар, Пеан 4. 43); встречается также в философской прозе у Платона (Sph. 220с) и Аристотеля (Fr. 338).

Представляют интерес также и обозначения различных емкостей. Относительно более употребительными являются: кратήρ ‘чаша’ (2 раз) – полная радости чаша (Ксенофан, 1. 4), Гермес намешал чашу амвросии (Сапфо, 141. 2), за чашей многие становятся добрыми товарищами (Феогнид, 643), намешайте чашу сладкого вина (Алкей, Z 44. 3), крепнет голос над винной чашей (Пиндар, Нем. 9. 49); переносно: сладкая чаша песен (Пиндар, Ол. 6. 91); φιάλα ‘бокал’ (10 раз) – в бокале (Ксенофан, 1. 3), бокалы (Симонид, 74 D), бокалы с золотыми ножками (Сапфо, 192). Реже встречаются: ἄγγος ‘кувшин’ (4 раза) – золотой кувшин (Алкман, 56. 3), из желоба в кувшин (Архилох, 5 B), в пестрых сосудах (Пиндар, Нем. 10. 36); упоминается у Алкея (δ 2) и Анакреонта (346 fr. 4, 7); ἀμφορέυς ‘сосуд’ (2 раза) – 60 сосудов оливкового масла (Симонид, 147. 4 D); ни бурдюк, ни сосуд не пустовали в домах (Пиндар, Фр. 104 b. 4); ἀσκός ‘бурдюк’ (3 раза) – упоминается у Солона (23. 7), Архилоха (42) и Пиндара (Фр. 104 b. 4); δέπας ‘кубок’ (2 раза) – взяв кубок (Стесихор, 181. 1); переносно: Солнце вступило в свой челн (Стесихор, 185. 1); κάλπτis ‘кувшин’ (2 раза) – золотые кувшины (Коринна, 654 1 21), серебряный кувшин (Пиндар, Ол. 6. 40); κάλυξ ‘чаша’ (3 раза) – упоминается у Анакреонта (479), Ивика (192 b. 10, SLG) и Вакхилида (Fr. 53a. 1); κέραμος ‘сосуд’ (2 раза) – сладкое как мед вино в сосудах (Ксенофан, 1. 6), в большой со-

суд (Алкей, С 1. 9); *κέρας* ‘рог’ (4 раза) – мне не нужен рог Амалтеи (изобилия; Анакреонт, 361. 2), попивая из серебряных рогов (Пиндар, Фр. 166. 4); ‘рукав’ (реки) – последний рукав Нила (Пиндар, Фр. 201. 2); *λέβης* ‘котел’ (2 раза) – Клото вытащила его из чистого котла (Пиндар, Ол. 1. 26), они украсили дом котлами (наградами; Пиндар, Истм. 1. 20); *λουτρόν* ‘ванна’ (1 раз) – горячие ванны нимф (Пиндар, Ол. 12. 19); *πίθος* ‘кувшин’ (3 раза) – грохотало дно кувшина (Алкей, D 14. 10), полны были все кувшины (Пиндар, Фр. 104b. 5); переносно: кувшин гимнов (Пиндар, Фр. 354); *πέλος* ‘корыто’ (1 раз) – упоминается у неизвестного лирика (905. 2); *σκύφος* ‘кружка’ (4 раза) – большая кружка (Алкман, 56. 3), у меня кружка (Анакреонт, 433. 1), кружка с ушками (Симонид, 631), вино сладкое в беотийских кружках (Вахилид, Фг. 21, 5).

Упомянутые выше наименования емкостей встречаются впервые в гомеровских поэмах.

Ряд слов представлен впервые у лириков. *Ἀπάρτια* ‘посуда’ (1 раз) – у нее чистая посуда (Гиппонакт, 33); литературный гапакс. *Ἀρυστήρ* ‘ковш’ (2 раза) – никто не дал ни ковша с вином (Семонид, 22); упоминается у Алкея (С 1. 9); встречается также в исторической прозе у Геродота (2. 168). *Δέπαστρον* ‘кубок’ (1 раз) – кубок вина (Неизвестный лирик, 848. 8); литературный гапакс. *Κάδος* ‘ваза’ (2 раза) – пустые вазы (Архилох, 5 А. 7), ваза с вином (Анакреонт, 373. 2); встречается также у Софокла (Фг. 534. 3), Аристофана (Ach. 549) и в исторической прозе у Геродота (3. 20). *Κελέβη* ‘кубок’ (3 раза) – чистый кубок; подай нам, мальчик, кубок; кубок в три киафа (Анакреонт, 409; 356a. 2; 383. 2); литературный гапакс. *Κότυλος* ‘чаша’ (1 раз) упоминается у Алкея (Z 94); встречается также у Аристофана (Фг. 71). *Κύαθος* ‘ковш’ (1 раз) – пять ковшей с вином (Анакреонт, 356a. 5); встречается также у Аристофана (Lys. 444) и в исторической прозе у Ксенофонта (Суг. 1. 3. 9). *Κύλιξ* ‘чаша’ (9 раз) – золотые чаши (Сапфо, 2. 14), аргосская чаша (Семонид, 24), у нее не было чаши (Гиппонакт, 16. 2), пусть одна чаша сменяет другую (Алкей, Z 22. 5), афинские чаши (Пиндар, Фр. 124. 4); встречается также у Софокла (Aj. 1200), Аристофана (Pl. 1132), в исторической (Геродот, 4. 70) и философской (Платон, Smr. 214 b) прозе. *Κυλίχνα* ‘миска’ (2 раза) – большая миска (Алкей, Z 22. 2), теосские миски (Алкей, ι 1); встречается также у Аристофана (Фг. 498). *Κώθων* ‘фляга’ (1 раз) – пройди с флягой по палубам быстрого корабля (Архилох, 5 А. б); встречается также у Аристофана (Eq. 600) и в исторической прозе у Ксенофонта (Суг. 1.

2. 8). Λέκος ‘миска’ (1 раз) – упоминается у Гиппонакта (54); литературный гапакс. Ὀλπις ‘пузырек’ (1 раз) – взяв пузырек, Гермес налил вина богам (Сапфо, 141. 3); литературный гапакс. Περίχνα ‘кубок’ (1 раз) – упоминается у Алкмана (19. 3); литературный гапакс. Πελλίς ‘чаша’ (1 раз) – попивая из чаши (Гиппонакт, 16. 1); литературный гапакс. Ποδαίπτηρ ‘таз’ (1 раз) – окаймленный серебром каменный таз (Стесихор, 188); встречается также в исторической прозе у Геродота (2. 172). Ποτήριον ‘кубок’ (3 раза) – взял кубок со стола (Семонид, 23); бесчисленные кубки (Сапфо, 44. 10), пьешь из кубка (Алкей, Z 53); встречается также у Аристофана (Eq. 120) и в исторической прозе у Геродота (2. 37). Χύτρα ‘горшок’ (2 раза) – упоминается у неизвестного лирика (875. τ); встречается также у Аристофана (Ach. 284), в исторической (Ксенофонт, HG 4. 5. 4) и философской (Платон, Ni. Ma. 288d) прозе.

Следует упомянуть еще слова: βακκάρης ‘мазь’ (2 раза) – я натерся мазью (Семонид, 14, 2), намазали мазью ноздри (Гиппонакт, IX 21); встречается также у Эсхила (Fr. 14) и Аристофана (Fr. 319); μύρον ‘благовонное масло’ (10 раз) упоминается у Алкмана (162 Fr. 2с. 5) и Сапфо (94. 18); налей мне масла (Алкей, В 18. 1), будучи старухой, она не пользовалась благовонным маслом (Архилох, 27), она натирается маслом (Семонид, 7, 64), другой сохраняет благовонное масло в чаше (Ксенофан, 1. 3), натерев грудь маслом (Анакреонт, 363. 3); встречается также у Эсхила (Fr. 14) и исторической прозе у Геродота (3. 22); ἰτρόν ‘моющее средство’ (1 раз) – упоминается у Сапфо (189); также в философской прозе у Аристотеля (Met. 383 b 12).

Нами были рассмотрены 125 слов, обозначающих предметы быта. Впервые у Гомера представлены 67 слов, в гимне – 1 и у Гесиода – 1. В лирике встречаются впервые 56 слов.

Обращает на себя внимание большое количество наименований бытовых предметов при относительно низкой частоте их употребления. Из 125 слов лишь три употребляются более 10 раз: τράπεζα ‘стол’ (14 раз), ἔρκος ‘ограда’ (11 раз) и кратήρ ‘чаша’ (12 раз). Привлекает внимание и редкость использования эпитетов при этих словах. Выделяются слова, относящиеся к домашнему обиходу: θράνυς ‘скамейка’, ἰστός ‘ткацкий станок’, λάρναξ ‘ящик’, θῶκος ‘стул’, καλύπτρη ‘покрывало’, с одной стороны, и связанные с уходом за лошадьми, с другой: κέντρον ‘шпора’, χαλινός ‘узда’, ἀνία ‘вожжи’, μάστιξ ‘бич’, φάτνα ‘кормушка’. Сюда же следует отнести и наименования различных емкостей, главным образом, для вина.

Нововведения лириков составляют почти половину всех слов. Обращают на себя внимание детали туалета: ἰάνθα ‘серьга’ (Алкман), δίπτρον ‘зеркало’ (Алкей), κτεῖς ‘гребень’ (Пиндар), ξυρός ‘бритва’ (Феогнид), σφρηγίς ‘перстень’ (Феогнид) и другие. Домашнее хозяйство пополнилось словами: ἄσιλλα ‘кормысло’ (Симонид), ἥγανον ‘сковорода’ (Анакреонт), ἰπνός ‘печь’ (Семонид), κόσκινον ‘решето’ (Семонид), ὄπρας ‘шило’ (Гиппонакт), ὄφελμα ‘веник’ (Гиппонакт), σχοινίον ‘веревка’ (Пиндар). Прибавилось и обозначений всякого рода больших и малых сосудов: ἀρυστήρ ‘ковш’ (Семонид), κελέβη ‘кубок’ (Анакреонт), κύλιξ ‘чаша’ (Сапфо), κυλίχια ‘миска’ (Алкей), κώθων ‘фляга’ (Архилох), λέκος ‘миска’ (Гиппонакт). Следует вместе с тем отметить, что среди наименований емкостей имеются и такие, которые в дальнейшем не встречаются в литературной лексике: ὄλπις ‘пузырек’ (Сапфо), πελίχια ‘кубок’ (Алкман), πελλίς ‘чаша’ (Гиппонакт). Однако преобладающее число нововведений лирики продолжило свое существование в дальнейшем и употребляется у более поздних авторов и, в первую очередь, в исторической прозе.

2. Пища и одежда

В этой подгруппе чаще других употребляется слово οἶνος ‘вино’ (49 раз) – наличное (Ксенофан, 1. 5), свежее (Симонид, 602. 1), сладкое как мед (Феогнид, 475), медвяное (Алкей, Z 14. 6; Анакреонт, 383. 2), сладкое (Ксенофан, 18. 3), холодное (Алкман, 92а), старое (Пиндар, Ол. 9. 48), благовонное (Пиндар, Фр. 338. 3); вино – человеческое зеркало (Алкей, Z 9), лучшее из лекарств – напиток вина (Алкей, Z 11. 4), Зевсов сын подарил людям вино (Алкей, Z 22. 3), в копье – вино исмарикское (Архилох, 2. 1), разбив рассудок вином (Архилох, 77, 2); неси воду, неси вино (Анакреонт, 396. 1), вино сверх меры сделало легким его рассудок (Феогнид, 497), вино указало на ум мужа (Феогнид, 500), вино управляет ногами и рассудком в груди (Феогнид, 506), пить много вина – плохо (Феогнид, 509), вино – защитник от печалей (Симонид, 73 D); и хвалю тебя, вино, и ругаю (Феогнид, 873), хвали старинное вино (Пиндар, Ол. 9. 48), в кружках вино сладкое (Вакхилид, Fr. 21. 5).

Затем следуют: μέλι ‘мед’ (12 раз) – нет мне ни меда, ни пчелы (Сапфо, 146), нагруженный сыром и тягучим медом (Ксенофан, 1. 10); (пчела) заботится о желтом меде (Симонид, 593), печенье и светлый мед (Стесихор, 179а. 2), если бы бог не сотворил светлый мед (Ксенофан, 34. 1), даже мед пресыщает (Пиндар, Нем. 7. 53); переносно: медом орошая город (Пиндар,

Ол. 10. 98), я посылаю тебе мед, смешанный с белым молоком (Пиндар, Нем. 3. 77); δειπνον 'еда' (10 раз) – принося детям повседневную еду (Архилох, 90), прервем еду (Феогнид, 999), выставить обильную еду (Симонид. 70. 2 D.), предоставляя богам ответное угощение (о Сизифе; Пиндар, Ол. 1. 39), зовя чужеземцев к еде (Пиндар, Пиф. 4. 31), слушая на лидийских пирах брэнчание пактиды (Пиндар, Фр. 125. 2); νέктар 'нектар' (6 раз) – пить нектар (Алкман, 42), наливай нектар (Сапфо, 2. 15), он предложил нектар и амвросию (о Тантале; Пиндар, Ол. 1. 63), нектар на губах (Пиндар, Пиф. 9, 63); переносно: текущий нектар, подарок Муз (о песне; Пиндар, Ол. 7. 7); γάλα 'молоко' (6 раз) – упоминается у Алкмана (56. 5) и Симонида (519 fr. 104. 2); прежде чем сбивать молоко, он снял жир (Солон, 25, 7); белое молоко (Пиндар, Фр. 166. 3); переносно: о гимне (Пиндар, Нем. 3, 78).

Реже встречаются: ἄλιτον 'крупа' (1 раз) – из крупы сделаю себе похлебку (Гиппонакт, 42. 3); ἀμβροσία 'амвросия' (4 раза) – он намешал чашу амвросии (Сапфо, 141. 1), нектар и амвросия (Пиндар, Пиф. 9. 63); ἄρτος 'хлеб' (4 раза) – столы с маковым хлебом (Алкман, 19. 2), желтые хлеба (Ксенофан, 1. 9), ода рабский хлеб (Архилох, 79а. 6); их хлеб (Солон, 26. 2); ἄχνα 'пена' (1 раз) – густая пена на твоих волосах (Симонид, 543. 13); βρώσις 'пища' (1 раз) – многие сотоварищи в питье и еде (Феогнид, 115); γάργος 'молоко' (1 раз) – скиросские козы лучшие для дойки молока (Пиндар, Фр. 106. 4); δαιτυμόν 'сотрапезник' (2 раза) – следует при сотрапезниках исполнять пеан (Алкман, 98. 2); упоминается у Стесихора (148 1 3/4, SLC); δόρπον 'снедь' (1 раз) – выделил площадку для еды (о Геракле; Пиндар, Ол. 10. 47); εἰλαπίνη 'пир' (3 раза) – он кормит плодами на пирах (Феогнид, 827); упоминается у Вакхилида (13. 162); ἔλαιον 'оливковое масло' (3 раза) – сосуды с маслом (Симонид, 147. 4 D.), изготовляла лекарства на масле (Пиндар. Пиф. 4. 221), брызгал на других маслом (Вакхилид, 10. 23) κικεών 'напиток' (1 раз) – попивая смесь как лекарство от нездоровья (Гиппонакт, 42. 4); μᾶζα 'лепешка' (2 раза) – и лепешка и сыр (Гиппонакт, 9. 1), в копы мне замешана лепешка (Архилох, 2. 1); μέθυ 'брага' (2 раза) – выпивая много несмешанной браги (Архилох, 78. 1); вода, а поверх ее брага (Ксенофан, 4. 2); ὄψον 'закуска' (2 раза) – лучшая из закусок – креветка (Анакреонт, 5. 2); переносно: разговоры – закуска для завистников (Пиндар, Нем. 8. 21); πῆαρ 'жир' (1 раз) – он снял жир с молока (Солон, 25. 7); σῖτος 'хлеб' (2 раза) – пусть хлеба будут даром общественных имений (Ксе-

нофан, 2, 8), будучи богатым, он отпускал свободно хлеб своему желудку (Феогнид, 916); *στέαρ* ‘сало’ (1 раз) – годовалый козел, обросший салом (Неизвестный лирик, 847); *τυρός* ‘сыр’ (4 раза) – приготовив большой сыр (Алкман, 56. 6), удивительный сыр (Семонид, 20. 2); и сыр, который едят чародеи (Гиппонакт, 9. 2); стол, нагруженный сыром (Ксенофан, 1. 10); *χιός* ‘пена’ (1 раз) – из пены выплывает много водорослей (Архилох, 79а, 7).

Вышеуказанные слова представлены впервые в гомеровских поэмах. Исключение составляет *μάζα* – у Гесиода (Op. 590).

Ряд слов встречается впервые у лириков. *Αἶκλον* ‘ужин’ (1 раз) – упоминается у Алкмана (95 b); литературный гапак. *Ἀμιθός* ‘лепешка’ (1 раз) – упоминается у Анакреонта (467); литературный гапак. *Ἀτταίτας* ‘пирожок’ (1 раз) – обмакнутый в мед пирожок (Гиппонакт, 39. 9); литературный гапак. *Βέκος* ‘хлеб’ (1 раз) – они едят кипрский хлеб (Гиппонакт, 75); встречается также в исторической прозе у Геродота (2. 2). *Βορά* ‘пища’ (1 раз) – упоминается у Пиндара (Фр. 124с); встречается также у Эсхила (Pr. 583), Софокла (Ant. 30), Еврипида (Ph. 1603), в исторической (Геродот, 1. 119) и философской (Аристотель, EN 1118а 23) прозе, *Βροῦτον* ‘брага’ (1 раз) – упоминается у Архилоха (28. 1); встречается также у Эсхила (Fr. 124). *Βρώμα* ‘еда’ (1 раз) – морской тунец – не плохая еда (Ананий, 5. 7); встречается также у Аристофана (Fr. 333), в исторической (Фукидид, 4. 26) и философской (Платон, Crit. 115b) прозе. *Γοῦρος* ‘лепешка’ (1 раз) – лепешки, замешанные на чечевице (Солон, 26. 3); литературный гапак. *Εὔκρίς* ‘лепешка’ (1 раз) – каша и лепешки (Стесихор, 179а. 1); литературный гапак. *Ἐρπης* ‘вино’ (1 раз) – упоминается у Гиппонакта (IV 18) и Сапфо (141. 3); литературный гапак. *Ἐττιος* ‘похлебка’ (1 раз) – упоминается у Алкмана (17. 4); встречается также у Аристофана (Ach. 246) в философской прозе у Платона (Hi. Ma. 290 d). *Ζωμός* ‘похлебка’ (1 раз) – упоминается у Асия (1. 3); встречается также у Аристофана (Eq. 1174) и в философской прозе у Аристотеля (NA 520а 8). *Θριδακίσκα* ‘салат’ (1 раз) – упоминается у Алкмана (94); литературный гапак. *Ἰτρον* ‘пирог’ (2 раза) – они кушают пироги (Солон, 26. 1); я позавтракал, отломав кусок тонкого пирога (Анакреонт, 373. 1); литературный гапак. *Κόλλιξ* ‘булка’ (1 раз) – ячменная булка (Гиппонакт, 39. 6); литературный гапак. *Μυττωτός* ‘паштет’ (2 раза) – тунец и паштет (Гиппонакт, 39. 2), в паштете (Ананий, 5. 8); встречается также у Аристофана (Ach. 174). *Ἦζος* ‘квас’ (1 раз) – упоминается у Солона (26. 7); встречается также у Эсхила (Ag. 322) и Аристофана (Ach. 35). *Παλάθα*

‘пастила’ (1 раз) – упоминается у неизвестного лирика (848, 6); встречается также в исторической прозе у Геродота (4. 23). Πέμμα ‘печенье’ (2 раза) – ни одно печенье не отсутствует (Солон, 26. 3), печенье и мед (Стесихор, 179а. 2); встречается также в исторической (Геродот, 1. 160) и философской (Платон, R. 404d) прозе. Πολτός ‘каша’ (1 раз) – бобовая каша (Алкман, 96. 1); литературный гапакс. Πρόποις ‘напиток’ (1 раз) – принеси мужу горячий напиток (Симонид, 67. 6 D.); литературный гапакс. Σασαίς ‘сладости’ (1 раз) – упоминается у Стесихора (179а. 1); встречается также у Аристофана (Рах 889). Συμπόια ‘пир’ (2 раза) – если нужно мне извлечь пользу из пира (Алкей, Z 45. 2), совершая пиршества (Пиндар, Пиф. 4. 294); литературной гапакс. Συμπόσιον ‘пиршество’ (8 раз) – он забавляется, участвуя в пиршестве (Алкей, D 12. 3), свершается приятный пир (Феогнид, 496), радость от пира (Пиндар, Ол. 7. 5), в свободное время шло пиршество (Пиндар, Нем. 9. 48), улицы полны любимыми пиршествами (Вакхилид, Fg. 4. 79); встречается также в исторической (Геродот, 2. 78) и философской (Платон, R. 363 c) прозе. Συνακλία ‘пиршество’ (1 раз) – на пирах (Алкман, 95а); литературный гапакс. Τροφά ‘пища’ (2 раза) – упоминается у неизвестного лирика (975 b); он готов вскармливать лошадей (Пиндар, Ол. 4. 14); встречается также у Эхила (Ag. 729), Софокла (OC 338), Еврипида (Ion 52), в исторической (Геродот, 3. 48) и философской (Платон, Prt. 392а) прозе. Τρούξ ‘молодое вино’ (3 раза) – кубок вина (Семонид, 22), красное вино из молодого (Архилох, 5 A. 8), он пьет сладкое как мед вино (Анакреонт, 352. 2); встречается также у Аристофана (Pl. 1085) и в исторической прозе у Геродота (4. 23). Τρωγάλιον ‘лакомство’ (1 раз) – сладкое лакомство (Пиндар, Фр. 124c); встречается также у Аристофана (Рах 772) и в философской прозе у Аристотеля (Fg. 104). Χάλις ‘вино’ (1 раз) – мало рассуждают напившиеся вина (Гиппонакт, 66); литературный гапакс. Χίδρον ‘крупа’ (1 раз) – белая крупа (Алкман, 96. 2); встречается также у Аристофана (Eq. 806). Χόνδρας ‘крупа’ (1 раз) – упоминается у Стесихора (179а. 1); встречается также у Аристофана (Fg. 203) и в философской прозе у Аристотеля (Pr. 929 b1).

Заслуживают также внимания слова: ἄμυστις ‘глоток’ (2 раза) – упоминается у Алкея (C 1. 20) и Анакреонта (356а. 2); встречается также у Еврипида (Cus. 417); κεπέωσις ‘винный осадок’ (1 раз) – переносно: несешь на равнину морской осадок (Пиндар. Пеан 9. 16); встречается также в философской прозе у Платона (R. 585 b); κότταβος ‘винный осадок’ (2 раза) – бросая

осадоκ (Пиндар, Фр. 128. 3); сикилийский коттаб (Анакреонт, 4 15); встречается также у Эсхила (Fr. 179. 4) и Еврипида (Fr. 631); λάταξ ‘остаток вина’ (1 раз) – остатки вина выплескиваются из теосских кубков (Алкей, ι 1); встречается также у Софокла (Fr. 277) и в философской прозе у Аристотеля (НА 487а 22); πόμα ‘глоток’ (1 раз) – переносно: воспетый глоток (о поэзии; Пиндар, Нем. 3. 79); встречается также у Эсхила (Eu. 266), Софокла (Ph. 715), Еврипида (Нес. 392), в исторической (Геродот, 3, 23) и философской (Платон, R. 406а) прозе; γάστρων ‘обжора’ (1 раз) – о Питтаке (Алкей, Z 106); встречается также у Аристофана (Ra. 200); συμπότας ‘сотрапезник’ (5 раз) – упоминается у Алкея (280. 27, SLG) и Пиндара (Ол. 1. 61, Пиф. 6. 53, Фр. 124. 3); встречается также у Еврипида (Alc. 343), в исторической (Геродот, 2. 78) и философской (Платон, Prt. 347 d) прозе; σύσιτος ‘сотрапезник’ (1 раз) – среди сотрапезников (Феогнид, 309); встречается также в исторической (Геродот, 5. 24) и философской (Платон, Lg. 806e) прозе.

В подгруппе ‘Пища’ насчитываются 62 слова. Впервые у Гомера представлены 22 слова, у Гесиода – 1. В лирике встречаются впервые 39 слов,

Среди слов подгруппы выделяется οἶνος ‘вино’. Чаще всего отмечается его сладость. Восхваление вина особенно ощутимо у Алкея, Анакреонта и Архилоха. Феогнид отмечает вредность излишнего увлечения вином. Поэт питает двойственное к нему отношение: ‘и хвалю тебя, вино, и ругаю’. Несколько раз упоминаются: мед, молоко и нектар. Обращают на себя внимание слова Сапфо: «нет мне ни меда, ни пчелы», а также утверждение Пиндара, что даже медом можно пресытиться. Из других наименований пищи встречаются: ἄρτος ‘хлеб’, ἄλφιτον ‘крупя’, μᾶζα ‘лепешка’, τυρός ‘сыр’. Имеются и названия жидкостей: ἀμβροσία ‘амвросия’, ἔλαιον ‘оливковое масло’, кικεῶν ‘напиток’, μέθυ ‘брага’. С переносным значением употребляются у Пиндара: μέλι ‘мед’ и γάλα ‘молоко’ – о песнях, ὄψων ‘закуска’ – о разговорах.

Нововведений лириков в подгруппе ‘Пища’ почти в два раза больше, чем «гомеровских» слов. Это – явление необычное. Представлен, в частности, ряд слов, прочно вошедших в позднейшую лексику: βора ‘пища’, συμπόσιον ‘пиршество’, πόμα ‘напиток’. Многие слова встречаются в комедии и художественной прозе: βρώμα ‘еда’, ἔτινος ‘похлебка’, τρύξ ‘молодое вино’, τρωγάλιον ‘лакомство’, χόνδρος ‘крупя’. Некоторые нововведения засвидетельствованы только у прозаиков: βέκος ‘хлеб’,

παλάθα ‘пастила’, πέμμα ‘печенье’, κενέωσις ‘винный осадок’, σύσσιτος ‘сотрапезник’. В то же время почти половина всех нововведений, относящихся к пище, принадлежит к литературным гапаксам: αἴκλον ‘ужин’ (Алкман), ἀμιθάς ‘лепешка’ (Анакреонт), ἀτταίτας ‘пирожок’ (Гиппонакт), γοῦρος ‘лепешка’ (Солон), ἐγκρίς ‘лепешка’ (Стесихор), πρόποσις ‘напиток’ (Симонид), συμποσία ‘пир’ (Алкей). Наибольшее число нововведений (по 6) найдено у Алкмана, Гиппонакта, Алкея и Пиндара.

Подгруппа ‘Одежда’ представлена у лириков весьма скупо. Слово εἶμα ‘одежда’ (7 раз) встречается у Алкея (С 1. 21), Сапфо (золотые локоны и одежда; 44. 8), Архилоха (в опрятной одежде; 10. 2), Семонида (в нестиранной одежде; 7. 5) и Пиндара (Ясон сбросил шафранную одежду; Пиф. 4. 232); слово χλαῖνα ‘плащ’ (7 раз) упоминается у Архилоха (80. 1), Алкея (В 11. 3), Гиппонакта (дай Гиппонакту плащ, 24а. 3; ты не дал ни плотно-го плаща, 25. 1; я снял плащ, IX 17) и Сапфо (92. 9).

Остальные слова употреблены еще реже: ἐσθάς ‘одеяние’ (3 раза) – свое одеяние (Ксенофан, 12), другое одеяние (Пиндар, Пиф. 4. 79), состязались в одеяниях (Пиндар, Пиф. 4. 253); ζῶμα ‘пояс’ (2 раза) – многие пояса (Алкей, Z 34. 7), развязал девичий пояс (Алкей В 10. 10); ζῶνα ‘пояс’ (1 раз) – сотканый из пурпура пояс (Пиндар, Ол. 6. 39); ζωστήρ ‘пояс’ (1 раз) – пояса Амазонки (Пиндар, Фр. 172. 5); θύσανος ‘кайма’ (1 раз) – золотая кайма (Пиндар, Пиф. 4. 231); κράδεμνον ‘повязка’ (1 раз) – переносно: зубцы городских стен (Вакхилид, Fr. 20 В 11); λαῖφος ‘рубище’ (1 раз) – явно различимое рубище (Алкей, Z 2. 7); πέδιλον ‘сандалия’ (4 раза) – озираясь на легко узнаваемую сандалию (Пиндар, Пиф. 4. 95), ступая сандалиями (Пиндар, Парф. 2. 70); переносно: в этой ситуации (Пиндар, Ол. 6. 8); ‘стопа’ – в дорийской стопе (Пиндар, Ол. 3. 5); πέπλος ‘платье’ (5 раз) упоминается у Сапфо (92, 5, 8), Стесихора (13. 10, SLG); кто дотронется до ее платья (Пиндар, Пиф. 9. 120), подпоясав быстро платье (Пиндар, Парф. 2. 6); σάμβалον ‘сандалия’ (2 раза) – сандали из пяти бычачьих кож (Сапфо, 110а. 2), владея свободными сандалиями (Неизвестный лирик, 696. 2); φᾶρος ‘ткань’ (3 раза) – имея пурпурную ткань (Ксенофан, 3. 3), видна издали ткань (Вакхилид, 17. 5, 10. 24); χιτών ‘хитон’ (4 раза) – разрывайте хитоны (Сапфо, 140. 2), сняв хитон (Анакреонт, 399), пурпурный хитон (Вакхилид, 18. 52), только в хитоне (Вакхилид, Fr. 19. 1). Вышеуказанные слова представлены в гомеровском поэмах за исключением σάνδαλον в гомеровском гимне (h.Merc. 79).

Ряд слов встречается впервые у лириков. Ἀνδεμα ‘головная

повязка' (3 раза) – упоминается у Алкмана (162 fr. 2 с. 4), зеленая повязка маслины (Вакхилид, 8. 30); переносно: пестрая повязка (о гимне; Пиндар, фр. 179); встречается также у Еврипида (Нірр. 83). Ἀσκέρα 'башмак' (1 раз) – не укроешь ноги плотными башмаками (Гиппонакт, 25. 3); литературный гапакс. Ἀστέρισκος 'башмачок' (1 раз) – сандалики и башмачки (Гиппонакт, 24а. 4); литературный гапакс. Βερβέριον 'рубашка' (1 раз) – у Анакреонта (388. 1); литературный гапакс. Βεῦδος 'платье' (1 раз) – упоминается у Сапфо (177); литературный гапакс. Βράκος 'платье' (1 раз) – упоминается у Сапфо (57. 3); литературный гапакс. Ἠμίτιβιον 'платок' (1 раз) – упоминается у Сапфо (αἰμfr. 119); встречается также у Аристофана (Pl. 727). Ἰμάτιον 'плащ' (1 раз) – возьмите мой плащ (Гиппонакт, 70. 1); встречается также у Аристофана (Ес. 333), в исторической (Геродот, 1. 9) и философской (Платон, Alc. 1. 122 с) прозе. Κατάγωγος 'женская одежда' (1 раз) – упоминается у Сапфо (22. 13); литературный гапакс. Λᾶδος 'плащ' (1 раз) – надев красивый плащ (Алкман, 117); литературный гапакс. Λῶπος 'плащ' (2 раза) – надев черный как ворон плащ (Гиппонакт, 2. 1), упоминается у Анакреонта (441 b); литературный гапакс. Μιτράνα 'повязка' (1 раз) – упоминается у Сапфо (98а. 10); литературный гапакс. Ρεύος 'ткань' (1 раз) – окрашенная морским пурпуром ткань (Анакреонт, 447); литературный гапакс. Σανδαλίος 'сандалик' (1 раз) – упоминается у Гиппонакта (24а. 4); литературный гапакс. Σισύρια 'тулуп' (1 раз) – надев тулуп (Алкей, Z 56); встречается также у Эсхила (Fr. 109) и в исторической прозе у Геродота (4. 100). Ταυία 'лента' (1 раз) – ленты в золотых кудрях (Вакхилид, 17. 107); встречается также в исторической прозе у Ксенофонта (Smp. 5. 9) и в философской – у Платона (Smp. 212e). Χλαμύς 'короткий плащ' (2 раза) – пурпурная хламида (Сапфо, 54), фессалийская хламида (Вакхилид, 18. 54); встречается также в исторической прозе у Ксенофонта (An. 7. 4. 4) и в философской – у Аристотеля (Fr. 500). Χλανίς 'одежда' (1 раз) – пурпурный плащ (Симонид, 543. 17); встречается также у Аристофана (Ес. 848) и в исторической прозе у Геродота (3. 139).

В подгруппе 'Одежда' насчитываются 33 слова. Впервые у Гомера представлены 14 слов, в гимне – 1. В лирике встречаются впервые 18 слов.

Число слов, обозначающих наименования одежды, незначительно и употребляются они относительно редко. Кроме общих определений (εἶμα и ἐσθᾶς 'одевание') упоминаются: πέπλος 'платье', χιτῶν 'хитон' и χλαίνα 'плащ'. Единственный вид

обуви – сандалии (πέδιλον, σάμβαλον). Цветовых обозначений мало: пурпурная ткань (φᾶρος), золотая кайма (θύσανος), шафранно-желтая одежда (εἶμα).

Нововведения составляют более половины всех слов подгруппы. Однако лишь немногие из них встречаются у позднейших авторов. Сюда можно отнести: ἱμάτιον ‘плащ’, σισύρια ‘тулуп’, ταυρία ‘лента’, χλαμύς ‘короткий плащ’. Большинство новых слов не представлено за пределами лирики: ἀσκέρα ‘башмак’ (Гиппонакт), βεῦδος ‘платье’ (Сапфо), λάδος ‘плащ’ (Алкман), λῶπος ‘плащ’ (Гиппонакт, Анакреонт), ῥέγος ‘ткань’ (Анакреонт). Наибольшее число нововведений обнаружено у Сапфо (6), Гиппонакта (5) и Анакреонта (3).

Вся подгруппа ‘Пища и одежда’ охватывает 95 слов, из которых у Гомера представлены 36, в гимне – 1 и у Гесиода – 1. В лирике встречаются впервые 57 слов.

Нами было рассмотрено всего 220 слов, относящихся к сфере быта. Впервые у Гомера представлены 103 из них, в гомеровских гимнах и у Гесиода – по 2. В ранней лирике встречаются впервые 113 слов.

Ранняя лирика существенным образом обогатила «гомеровскую» бытовую лексику. Ее обновление наиболее ощутимо в подгруппе ‘Пища и одежда’ (57 новых слов из 95). Значительное число нововведений наблюдается и в подгруппе ‘Предметы быта’ (56 из 125). Частотность употребления слов в основном невысокая. Наиболее употребительными оказались слова: τράπεζα ‘стол’ (14 раз) и οἶνος ‘вино’ (49 раз). Заметно пристальное внимание лирических поэтов к бытовым предметам (125 слов), а также к пище (95) и, в частности, к домашнему устройству, особенно к хранению жидкостей. Среди пищевых продуктов выделяются (кроме вина): молоко, хлеб, сыр, оливковое масло. Не вызывает особого интереса одежда человека, упоминаются: платье, плащ, хитон, редко – обувь.

Новые слова в бытовой сфере относятся к предметам туалета, домашнего хозяйства, посуды. Много нововведений, связанных с пищей – названия блюд и продуктов. Хотя часть из них вошла в литературный обиход, почти половина не представлена у позднейших авторов.

Можно предположить, что обогащение ранней лирикой традиционной «гомеровской» бытовой лексики является одним из наиболее существенных ее вкладов в становление древнегреческого литературного языка.

А. В. Грошева

Земля и ее характеристики в сочинениях латинских авторов

Несколько лет тому назад в одном из сборников серии «Этнолингвистические исследования» была опубликована моя статья под названием «Ареальные связи латинской ландшафтной лексики». Статья была посвящена рассмотрению обширной по составу группы терминов, в первую очередь обозначений земли, а также равнин, холмов, гор и т.д. с целью выяснить происхождение этих латинских названий и установить их связи с аналогичными наименованиями ландшафта в родственных индоевропейских языках¹. Настоящая статья решает совершенно иные задачи, лишь частично используя материал предыдущей. Отбрав из целой серии латинских обозначений земли только те, которые имеют отношение к земледелию – *terra, solum, humus* и некоторые другие синонимичные термины (*ager, tellus, locus*) мы решили рассмотреть спектр признаков, которые встречаются у латинских авторов в качестве характеристик этих терминов, с целью выяснить, во-первых, насколько широк или узок этот спектр у каждого из членов данной лексико-семантической группы и, во-вторых, какие именно качества указанных объектов отмечаются в этом спектре, обозначают ли они существенные свойства объектов или случайные, субъективные и т. д. Иными словами, надлежало в словосочетаниях типа существительное (*terra, solum, humus* и др.) + прилагательное (или причастие) изучить семантику этих прилагательных-определений и способы их образования, а в отдельных случаях также привлечь к рассмотрению этимологию. Материал для исследования в основном почерпнут из сельскохозяйственных трактатов латинских авторов – Катона, Варрона, Колумеллы, с включением примеров из поэтических произведений Вергилия, Овидия и др.

Прежде всего необходимо уточнить значения отобранных существительных с целью установить имеющиеся между ними семантические различия, если таковые имеются:

¹ Грошева А.В. Ареальные связи латинской лексики (на материале терминов ландшафта) // Взаимодействие языков и диалектов. Серия «Этнолингвистические исследования». СПб., 1998. С.73-97.

1. *terra, ae f* ‘земля, грунт’² как основа для любой растительности; также называли обработанную землю, часто со ссылками на ее свойства, и ‘почву’; этот термин по своему употреблению наиболее всеобъемлющий;

2. *solum, i n* практически имеет те же значения, что и *terra*, однако основной акцент в этом слове приходится на более узкое значение ‘почва’, особенно обработанная, и лишь потом – ‘земля’, со специальной ссылкой на ее верхний слой; наличие словосочетания *solum terrae* доказывает, что предпочтительным для *solum* является значение ‘почва, верхний пласт земли’;

3. *humus, i f* как термин, относящийся к сфере земледелия, также употребляется в значении ‘земля’, ‘почва’, как и *terra, solum*, но без какой-либо специальной коннотации, выступая таким образом в роли синонима то одного, то другого слова.

Наибольшее число признаков, характеризующих именно почву, грунт, отмечено для *terra* (20). Прежде всего следует выделить прилагательные, отмечающие физические свойства, состав земли, ее природные качества, имеющие первостепенное значение для земледельца. Несколько таких характеристик почвы находим в 34-ой главе *De agrī cultura* Катона, где он дает советы относительно того, в какой земле какую культуру следует сеять: для люпина (у Катона *lupīnum*, сущ. ср.р., обычно *lupīnus*) более всего подходят *ager rubrīcōsus*, *terra pulla, māterīna, rūdedcta* и *harēnōsa*. Из пяти перечисленных определений прил. *harēnōsa*, впервые засвидетельствованное у Катона, абсолютно прозрачно и по значению, и по способу деривации: прилагательное образовано от сущ. *harēna, ae f* ‘песок’ с помощью суффикса *-ōsus*, обозначающего обилие какого-либо качества: *terra harēnōsa* ‘песчаная почва, грунт’; следовательно, это прилагательное характеризует почву *по ее составу*. В словосочетании *ager rubrīcōsus* сущ. *ager* ‘поле’ очевидно является синонимом *terra* ‘земля’; прил. *rubrīcōsus* – производное от субстантива жен. р. *rubrīca, ae f*, которое обозначает различные субстанции, характеризующиеся красным цветом, в частности румяна для щек, красную краску (ее писали заглавия и статьи законов); в сфере земледелия так называли глинистую землю красного цве-

² Грунт – собирательное название горных пород, залегающих преимущественно в пределах зоны выветривания земли. Грунты подразделяют на скальные и рыхлые (т.е. нескальные); к рыхлым относят крупно-обломные, песчаные и глинистые породы.

та³, которая из-за своей плотности не подходила, например, для посадки виноградных лоз (Col. Agr. 3.11.10), но была пригодна для люпина и полбы. Соответственно, *ager rubrīcōsus* следует трактовать как ‘красная глинистая земля’; *цветообозначение* избрано здесь в качестве характерного признака почвы, а отнюдь не ее состав или структура, хотя именно эти качества были наиболее существенны для земледельца.

Значение прил. *rūducta* (terra), которое употребляется исключительно для характеристики почвы, в разных источниках передается по-разному: ‘(земля), полная мелких камешков’ (Оксф. сл.), ‘гравистая’ (М.Е.Сергеенко), ‘каменистая, кремнистая’ (франц. пер.), ‘полная щебня, т. е. сухая, тощая’ (Дворецкий), ‘покрытая строительным мусором, каменная’ (ЕМ: 579). В Словаре Вальде-Хофмана *rūductus* переводится как ‘полный мусора’, специально о почве – ‘сухая, скудная’ (WH2: 446). Этимологи считают прил. *rūductus* производным от сущ. *rūdus* (*rodus*), *eris* n ‘разбитые, разломанные камни, горная порода; галька, мусор, строительный известковый раствор, масса для настила каменного пола’; это слово часто употребляли, когда речь шла о развалинах, обломках камней от разрушившихся строений, о мусоре, щебне, так что прил. *rūductus* как производное от *rūdus* вполне могло быть характеристикой каменной, щебенистой почвы. Но возможно и другое понимание этого термина, возникшего, как считают, по образцу (*h*)*ūmectus*⁴ : *rūductus*. В 10-ой (стихотворной) книге трактата Колумеллы образно говорится о том (строка 81), что ‘весной голод земли будет утолен *gūdere...pingui solido* или навозом – от осликов либо от крупного рогатого скота’. Трактовка словосочетания *gūdis pingue solidum* как ‘*жирный* плотный (м.б. толстый слой?) ще-

³ Термин *rubrīca* встречается ниже в этой же главе: Cato Agr. 34 In scēta, et ūlīgine, et *rubrīca* ...semen adorem potissimum serito ‘на белой глине, и в болотном месте, и на красной (глине) сей главным образом полбу’. По замечанию в Оксфордском словаре *rubrīca* – тип тяжелой глины, вероятно соответствующий *terra rossa* ‘красная земля’ в современной Италии.

⁴ Прил. (*h*)*ūmectus* ‘влажный, сырой, мокрый’ (Cato Agr. 6.3; 40.1) относится к разряду прилагательных, характеризующих *состояние* почвы (наряду с *aquōsus*, *umidus* и др.); «народная» этимология, сближая *ūmor* ‘влажность’ и *humus* ‘земля, почва’, добавляла *h-* к *ūmor* и его производным (ЕМ : 745).

бень' или под. выглядела бы в этом контексте довольно нелепо. Оказывается, термином *rūdus* в земледелии обозначали также мергель, вид осадочной горной породы, которая благодаря своим качествам использовалась как удобрение, и, таким образом, *rūducta terra* могло также означать 'земля, содержащая мергель, удобренная мергелем', что является характеристикой земли по ее составу (подобно *terra harēnōsa*). Катон в 35-ой главе «Земледелия» утверждает, что эти два типа почвы – содержащая мергель и красная глинистая – подходят также для выращивания чечевицы (*lens, lentis f*), которая, как и люпин, очевидно была весьма неприхотливой культурой: *Cato Agr. 35. 1 Lentim in rūducto et rubrīcōso loco⁵...serito.*

Что касается этимологии *rūdus, eris n* и его производного *rūductus*, Эрну и Мейе усматривают их фонетическую и семантическую близость с прил. *rudis, e* 'грубый, необработанный; невозделанный (о поле)'; тем не менее, этимология обоих слов остается для них неясной. В Словаре Вальде и Хофмана латинскому *rūdus* приводятся соответствия из германских языков, например, др.-исл. *gāst f* 'развалины, руины', *rust⁶* 'камень, выпавший из ограждения', *rostenn* 'сгнивший' и др., литов *gausiū* 'копать, рыть'; происхождение же прил. *rudis, e*, по признанию Вальде-Хофмана, неизвестно.

Значение и происхождение прил. *māterīnus*, встретившегося единственный раз у Катона в качестве определения к *terra*, также вызывают сомнение: предположительно его считают производным от сущ. *māteri-a (-ēs)*. В Словаре Эрну и Мейе *māteria* определяется как термин сельского хозяйства в значении 'вещество, субстанция, из которой состоит *māter⁷*' (под *māter* подразумевается ствол дерева, рассматриваемый как производитель побегов). В Словаре Вальде-Хофмана *māterīnus* также соотносится с *māteria* в сходном значении: 'производящая и питающая часть

⁵ *Locus, i m* 'место' в данном контексте расценивается как синоним *terra*.

⁶ В Этимологическом словаре русского языка упомянутое др.-исл. *rust* 'развалины', нидерл. *gul* 'рыхлый и сухой (о песке)', наряду с латыш. *gusenis* 'очень рыхлый снег', *gūsa* 'мусор' представлены как соответствия русск. *рыхлый* (Фасмер 3: 532).

⁷ От *māter* образуется относительное прил. *māternus* 'материнский' с суффиксом *-no-*; суффикс *-īno-* в *māterīnus* является продуктивным конглютинатом (Тронский 2001 : 360).

дерева', т.е. корень и ствол (в противоположность коре или ветвям)⁸ [WH 2 : 51]. Что же касается характеристики земли, наиболее важной для темы нашего исследования, то здесь толкования прил. *māterīna* (*terra*) в одних работах вообще отсутствуют (Словарь Эрну-Мейе оставляет его без перевода, также Оксф. словарь, который считает это слово сомнительным), в других различаются существенным образом: *consistant* 'плотная (земля)' (франц.пер.), 'щебёнистая' (М. Е.Сергеенко), 'твердая, как дерево' (Дворецкий). Отсутствие какого-либо объяснения прил. *māterīnus* у античных авторов позволяет предположить, что слово было хорошо знакомо и понятно итальяским земледельцам и вряд ли оно было «новообразованием», введенным Катонем. Действительно, подобрать одно точное слово для передачи значения *māterīnus* весьма непросто и, может быть, лучше сделать это описательно: *terra māterīna* 'земля, содержащая вещества, необходимые для роста и развития посевов (например, люпина), продуктивная сила земли'. Эти вещества не обозначены, и *māterīnus* следует отнести, по-видимому, к разряду *оценочных* прилагательных с положительной коннотацией.

Теперь обратимся к анализу последнего из пяти прилагательных, характеризующих землю в 34-ой главе «Земледелия» Катона, – *terra pulla*; во французском переводе латинскому *pulla* соответствует прил. *friable* 'рассыпчатый, хрупкий, рыхлый', в русском переводе М.Е.Сергеенко – 'мягкий чернозем', где удачно сочетаются указания на два качества почвы – ее рыхлость и цвет. Словосочетание *terra pulla* у писателей-«агрономов» встречается неоднократно, и они сами находят нужным объяснять его значение. В 151-ой главе «Земледелия» Катон, излагая кампанскую версию посадок кипариса, советует: 'Весной сей в таком месте, где земля самая мягкая (*terra tenerrima*), которую называют *pullam*'. В 135-ой главе имеется противопоставление *terra valida* и *terra pulla*, очевидно, по признаку *плотности* – *мягкости/рыхлости*: 'для сильной земли (таков перевод *terra valida* М.Е.Сергеенко) хороши римские плуги, для рыхлой земли (*terra pulla*) – кампанские'. Свой значительный вклад в толкование термина *pullus* вносит и Колумелла (Col. Agr. 3.11.6), поясняя, что для виноградников наилучшей является та почва, что называется *pulla*, а именно *facilis humus et modice resolūta* 'земля/почва мягкая и в меру разрыхленная'. В другом месте тракта-

⁸ *Materia* у Катона обозначает также 'древесину' (Cato Agr. 6.3).

та, где говорится о посадке каштанов, Колумелла сообщает: (Agr.4.33.1) *ea (castanea) pullam terram et resolūtam desiderat*. На первый взгляд, эти определения к *terra* могут показаться тавтологией: ‘каштан любит землю *рыхлую и разрыхленную*’; *pulla*, должно быть, имеет здесь какое-то иное значение, и французский эквивалент *douce* ‘нежный, мягкий’ отражает это. Следовательно, в этом контексте *pulla* является не физической характеристикой *terra*, а *оценочным* прилагательным (ср. выше синонимичное словосочетание *tenerrima terra*, Сато Agr. 151.2). Единственный раз встречается прил. *pullus* в уменьшительной форме *pullulus* также в значении ‘мягкая земля’ во 2-ой главе 2-ой книги Колумеллы: Col. Agr. 2.2.19 ...*pullula terra, quae melius proventu frugum approbatur* ‘мягкая земля, которая лучше всего доказывает свое качество урожаем плодов’. В Словаре Вальде-Хофмана *pullulus*, однако, дается как обозначение цвета земли – *grauschwarz*, т.е. ‘серо-черная, темно-серая’.

Но особенно важно для целей нашего исследования высказывание Колумеллы о том, что такое *terra pulla*, во вступительной главе трактата (Col. praef. 24), где подчеркивается *черный* цвет этой земли; таким образом, в прилагательном отражены две природные черты, свойственные земле этого типа (мягкому чернозему, по определению М.Е.Сергеенко), – ее *структура* (рыхлая) и *цветообозначение* (черная). Однако, необходимо привести еще одно определение *pullus*, данное Колумеллой (Col. Agr. 2.10.18): ‘рыхлая почва (*putre solum*), которую в Кампании называют *pullum*’. На основании этого высказывания Колумеллы В.Мейер-Любке разграничил два значения *pullus*: ‘черный’ (6829) и ‘рыхлый’ (о земле) (6830), трактуя последнее как *диалектное* слово. В пользу такого решения, казалось бы, свидетельствует и факт многократного разъяснения значения прил. *pullus* писателями-«агрономами». Однако этимологи Вальде и Хофман не согласны с выделением двух омонимов, мотивируя свою позицию тем, что итал. *pollino* ‘болото, трясина’, на которое ссылается В.Мейер-Любке, доказывая необходимость выделения двух особых значений *pullus*, обозначает *черную* болотистую землю, которая сама по себе является *рыхлой*; при таком комплексном понимании термина *pullus* структура почвы, ее рыхлость, воспринимается как вторичный признак, а на первое место выдвигается признак цвета, точно так же, как в *rubricōsa terra*, где отсутствует указание на глинистый состав почвы. Вальде и Хофман относят прил. *pullus* исключительно к разряду цветообозначений: ‘грязного цвета’ (*schmutzfarben*), ‘чернова-

тый' (schwärzlich). Действительно, это прилагательное отмечено впервые у Ливия Андроника (III в. до н.э.) для обозначения цвета одежды, вернее, ее темного оттенка: Liv. poet. 30 (34) *vestis pulla purpurea* 'темнопурпуровое (или темнокрасное) одеяние'. Цвет материи, из которой изготовлена одежда, несомненно является ее существенным признаком. Прил. *pullus* 'черный, темный' было стандартной характеристикой траурных одеяний плакальщиц, а также одежды темного цвета, носимой простолюдинами. Другая характерная черта употребления *pullus* в случаях, когда цвет предмета играет существенную роль, – это окраска шерсти, меха животных, а также растений и их плодов, например: Col. Agr. 10. 123 (*h*)*oleris pulli radix*, букв. 'корень черного овоща' (=h)olus-atrum, разновидность петрушки, бот. *Smyrniium olusatrum* L.; растение названо так за черный цвет плодов [André : 164]). Что же касается цвета земли, почвы, то следует отнестись с большим вниманием к рассуждению Колумеллы на эту тему (Col. Agr. 2.2; в переводе, т.к. цитата очень длинная): «Многие из наших древних авторов, которые писали о сельском хозяйстве, рассматривали в качестве безошибочных примет почвы жирной и дающей обильный урожай зерна (*frumentorum fertilis agri*) некоторую ее мягкость/нежность (*dulcedo*), обилие деревьев и трав и *цвет* – черный или пепельно-серый (*nigrum colorem vel cinereum*)». Относительно первых двух свойств почвы Колумелла пребывает в затруднении, «но, – продолжает он, – что касается *цвета*, я могу только удивляться, что все авторы, и особенно Корнелий Цельс, муж, сведущий не только в земледелии, но и во всей природе, заблуждались, не замечая, сколько болот и солончаков являются равно черными или пепельно-серыми... Итак, – заключает Колумелла, – мы утверждаем, что не цвет земли является знаком ее высокого качества (*bonitas*), и поэтому хлебное поле должно более цениться за его другие свойства. Действительно,... самые здоровые земли (*robustissimae terrae*, от *robustus* 'из крепкого дерева, твердый, прочный, сильный') отличаются по своему цвету большим разнообразием; но для нас важно, что почва (*solum*), которую мы собираемся возделывать, – жирная (*pingue*)».

Из всего сказанного вытекает, по нашему мнению, единственно возможный вывод, что прил. *pullus* в сочетании с обозначениями земли, грунта, почвы (*terra, solum, humus* и пр.) являлось комплексной характеристикой – структуры (главный признак) и цвета (дополнительный признак).

Эрну и Мейе, трактуя *pullus* как прилагательное, обозначающее цвет – ‘коричневый, бурый, темно-коричневый, черный’, связывают *pullus* общностью происхождения с глаголом *palleo* ‘быть бледным или бледно-/светло-желтым’ и прилагательным *pallidus* ‘бледный, бледнозеленый, бесцветный’; двойное *-ll-* во всех этих словах они считают экспрессивным удвоением. Этой группе латинских слов находится целый ряд соответствий в других индоевропейских языках: др.-инд. *palitáh* ‘старец, седой’, греч. *πολιός* ‘серый’, *πέλιός* ‘бесцветный, бледный, темно-серый, темно-голубой/синий’, др.-в.-нем. *falo* ‘блеклый, бледный’, др.-ирл. *liath* ‘серый’, ст.-сл. **плавъ** ‘λευκός’, др.-рус. *половь* ‘светло-желтый, блеклый’, литов. *paĩvas* ‘светло-/бледножелтый’, авест. *pouruša* ‘серый, седой’, алб. *plak* ‘старец, старик, старейший’. Вальде и Хофман выражают сомнение в том, что *-ll-* в лат. *pullus*, *palleo* и т.д. является экспрессивным удвоением, и реконструируют для прилагательного формы **pullno-s*, **p^hln-o-s*. Все приведенные соответствия по своей семантике относятся к сфере цветообозначения; в некоторых языках наблюдается метафорический перенос: прилагательное, обозначающее цвет волос человека, становится возрастной характеристикой (*серый, седой* > *старый*). Цветовой спектр прилагательных-соответствий довольно широк, но преобладают светлые тона, что плохо вяжется со значениями лат. *pullus*. Для сравнения с употреблением лат. *pullus* были рассмотрены основные значения греч. *polios*, и выяснилось, что главное различие пролегает в цветообозначении этими прилагательными таких важных объектов, как *земля* и *море*, в противопоставленности этих объектов: лат. *pullus* является характеристикой *земли, почвы*, греч. *πολιός* (в сочетании с *θάλασσα*, *πέλαγος*, *ἄλς*, *πόντος*) – *моря*, что, возможно, является отражением того рода занятий и образа жизни, которым отдавалось предпочтение каждым из двух народов.

Рассмотренный материал 34-ой главы «Земледелия» Катона, весьма незначительный по объему, показал всю сложность семантического осмысления прилагательных, обозначавших наиболее важные признаки земли, грунта, почвы, которые необходимо было отметить авторам сельскохозяйственных трактатов для того, чтобы ориентировать сельских жителей Италии на правильное использование их земельных угодий. Окончательные выводы будут сделаны после детального изучения всей со-

вокупности прилагательных этого типа в семантическом, деривационном и этимологическом аспектах.

Источники:

- Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1984.
- Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 2001.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. М., «Прогресс», 1986-1987.
- Марк Порций Катон. Земледелие. Пер. с лат. М. Е. Сергеенко. М., Л. Изд. АН СССР, 1950.
- André J. Lexique des termes de botanique en latin // Études et commentaires 23. Paris, 1956.
- Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4 ed. Paris, 1959 (Сокр. ЕМ).
- Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1968.
- Oxford Latin Dictionary. Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, Clarendon press, 1968–1982.
- Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bd, Heidelberg, 1938–1954 (Сокр. WH).

Н. В. Гуров

**Герасим Лебедев - переводчик текстов Ветхого Завета
на языки Индии (1790-1795)***

0. В своем последнем прошении на Высочайшее Имя, поданном в 1816 г., основоположник отечественной индологии Герасим Лебедев заверяет Александра I в своей готовности «насадить в умы верноподданных Ваших самые нужные пособия к изучению Индийских языков... и древней Брамгенов учености», предлагает эти пособия к немедленному изданию. Он упоминает при этом «Азбуку Брамгеновского священного языка...», «Краткий Словарь на Бенгальском, Гражданском и простонародном языках», «Несколько разговоров, употребительных в общении на Бенгальском и народном Индийском языках». Свое прошение Императору Лебедев представил при обширной рукописи, озаглавленной «Систематические Восточных Индийцев... основания Арифметики» (Архив Востоковедов СПб ФИВ РАН, ф.90, NN 1–2 1226/1–2). Он упоминает в прошении и о своих прежних трудах, ранее представленных им на «Высочайшее усмотрение», имея в виду, конечно, грамматику «чистых и смешанных Индийских диалектов», изданную в Лондоне в 1801 г. и свой главный труд – «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов...» (СПб., 1805).

0.1. Извещая императора о своем желании преподавать соотечественникам «Брамгенов Восточной Индии премудрости» Лебедев нимало не преувеличивал свои возможности. Материалы, относящиеся к названным им трудам, были им действительно собраны за 12-летнее (1785–1797) пребывание в Индии и благополучно привезены в Россию. В обширной (140 листов, 97 двойных) тетради, сохранившейся в архиве П.П. Вяземского (РГАЛИ, ф.195, оп.1, ед. хр. 6081) и озаглавленной «Грамматика, разговоры, словарь и азбука бенгальского и индостанского языка»; бенгальского языка таблица умножения и т.д. содержатся записи Лебедева, сделанные им в Калькутте в 1790-х гг. содержание этих записей частично вошло в печатные («Грамматика» и «Беспристрастное созерцание...») или рукописные («Сис-

* Исследование выполнено в рамках проекта № 05-03-03322а, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

тематические основания...») труды Лебедева, частично так и осталось необработанным («Азбука», «Разговоры...»), хоть и неоднократно упоминалось Лебедевым в его переписке. Интересно, однако, что в той же тетради содержится по крайней мере один текст, о котором впоследствии Лебедев никогда не упоминает и который, тем не менее, представляет, как нам кажется, немалый интерес для исследования.

1. Тетрадь из архива Вяземских начинается с различных лексико-фразеологических материалов, относящихся к задуманному Лебедевым русско-бенгальскому и русско-«индостанскому» разговорнику. Материалы эти распределяются по трем группам (колонкам), озаглавленным «По индостански»¹, «по русски / аглицки», «по-бенгальски». Они представляют собой список слов, словосочетаний, коротких фраз. Постепенно фразы усложняются, приобретая характер предложений («Человек рожден для труда, как птица для полета»). Начиная с 37 л., материал превращается в связный текст. Текст этот представляет собой перевод, сделанный Лебедевым с «аглицкого» оригинала на бенгальский и «индостанский». Выбор текста оказывается весьма необычным: Лебедев перевел отрывок из «Екклесиаста» (Екк. 3.1-8). Он опирается при этом на английский текст Библии, изданный в 1611 г. при короле Якове I (т. наз. King James Version).

1.1 Вот как выглядит лебедевский перевод.

По индостански	По руски и аглицки	По бенгалски
1. Гам чанта гѣ хода ке матбаръ акель мѣ Бѣгесте сабъ ия баръа узальа = сабъ ба- на - гѣа.	Я знаю, что совершенную премудростію Бога; со- творены нѣбеса и вѣликія свѣтила; I know that by the Excellent wisdom of God are made the Heaven and the Great Lights	Ами чани ишор- реръ утьтумъ кя- неръ дурай шор ко шоколь эбонъ отъи дипътуманъ утьпотъте гоесе
Абтабъ дѣнке сорваке васте ² магатабъ ия сета-	солнце; днем разъполагать месяць и звѣзды [въ] ночѣ предводительство-	шуд го дибѣрѣ ніамъ = корбаръ німитте чондоръ

¹ Здесь представлен т.н. «калькуттский хиндустани», подробно описанный Лебедевым в его «Грамматике» – ср. работы Г.А. Зографа (1961, 1963).

² *шурось = солнце, чандаръ = месяц – Прим. Г. Лебедева.

ра = сабъ ратке доуръа карнѣке ва(с)ге	вать The sun to rule the day, the moon and stars to govern the night	арь нокотьторъ шоколь ратреръ ніамъ корбаръ = каронъ
2. Гариякъ чись иям мѣ саесъ готъа гей; экъ вохтъ гариякъ фикирь Бѣгисте кѣниче геи	Каждая вещь [въ] свое врѣмя рождается и каждой причинѣ под нѣбомъ есть время To every thing is a season, and a time, to every purpose under the Heaven	Перти босту, ша- маэте гочъче; аръ экъ = шомай на- манъ упай шор- керъ наботъ и
3. Экъ вохтъ паи- да гонѣка аръ экъ вохтъ морнѣ ка	Врѣмя для рождения и врѣмя для преставлѣнія A time to be born and a time to die	Экъ шомай чонмі баръ аръ экъ то- май морнебаръ
4. Экъ саеть гей бонѣ ка аръ экъ саеть гей утаонъ = нѣ ка чо буа кея гей	Врѣмя садить и врѣмя собирать то, что посажено A time to plant and a time to pluck up what is planted	Экъ шомай гаягой (неразборчиво) адѣ чи баръ аръ экъ шомай упрер тепп бар...
5. Эк саеть кунъ = корнѣка ия экъ эк саеть арѣамъ корнѣка	врѣмя для убивства / на убиение и врѣмя для за- живления / на заживление A time to kill and a time to heal	Экъ шомай мар баръ аръ экъ шо- май шуасти = корбаръ
6. экъ вохтъ гей паоне ка аръ экъ саеть, геи коанека	Врѣмя (есть) доставать и врѣмя терять A time to get and a time to loose	экъ шомай гой панбаръ эбонъ экъ шомай гои кетир(ъ)
7. Экъ вохтъ гей ракнека, аръ экъ вохтъ гей фекнѣ ка	Врѣмя беречь и врѣмя есть бросать (кидать) A time to keep and a time to cast away	Экъ шомай гой ракбаръ, аръ - экъ шомай гой фель- баръ
8. Экъ саеть гей пиярь корнека, аръ дусара вохтъ гей бесакъ/таръ гонека	Врѣмя есть любить и дру- гое врѣмя ненавидеть	Экъ шомай гои прить кориберъ эбонъ шомай гой ккірня ³ кориберъ / корибаръ

³ Прим. Г. Лебедева: | онъньо и кирня | произносятся как мною напи-
сано, но бенгальцы только выговаривают, а писать не могут. О! если
бы только знали сил российского алфавета: узнали бы, что многие
языки пред русским себя уничтожат.

9. Экъ вохть геи форнека, аръ экъ саэть гей селаи корнека / сияне ка	Врѣмя есть драть, и врѣмя есть сшивать (зашивать) A time to rend and a time to sow	Экъ шомай гои чирибарь, аръ экъ шомай гои шиня барь
10. Экъ вохть геи ларнека, аръ экъ саэть гей солъа корнека	Врѣмя есть воевать и врѣмя есть примирения (-яться) A time of war and a time of peace	Экъ шомай гои чудьдо кориберь, аръ экъ шомай геи миле кориберь
11. Экъ вохть геи чопь рагнека аръ экъ вохть гѣи бать кагнека	Врѣмя есть молчать и время есть (слова) гово- рить	Экъ шомай гой чупь коре такъ барь экъ шомай гой кота кобарь
12. Экъ вохть геи рунека; аръ экъ саэть геи гаснека	Одно врѣмя есть плакать / (для) плаkania; и врѣмя есть смеяться A time to weep and a time to laugh	Экъ шомай гои кандьбарь; аръ экъ шомай гой гашбарь
13. Экъ саэть геи дилкири ка, аръ экъ саэть геи ноч- нека	Врѣмя есть печалиться, и врѣмя есть плясать A time to mourn and a time to dance	Экъ шомай гой бгабнарь, эбонь экъ шомай гои начьбарь
14. Экъ вохть геи гьор_ дальнека, аръ экъ вохть геи бананека	Врѣмя есть ломать; и врѣмя есть строить (зде- лать) A time to breme down and a time to build up	Экъ шомай гои Бѣнке=фельбарь, аръ экъ шомай гой корбарь
15. Экъ вохть геи милека; аръ экъ вохть гей чорнека /паргесь корнека	Врѣмя есть обнимать / лобызать и врѣмя есть удалится A time to embrace and a time to refrain	Экъ шомай гои коль=дѣбарь; эбонь экъ шомай гой теакъ= кор- барь
16. Экъ вохть гей патѣль=сабѣ (сабѣ) / патѣль фенкъ денѣка, аръ экъ саэть гей уа сабѣ ча- ма=корнека	Врѣмя есть камни бросать и врѣмя есть оныя соби- рать ихъ вместе A time to cast away stones and a time to gather stones together	Экъ шомай гои паторь шоколь фелте дибарь, эбонь экъ шомой гой, о шокол экетъ- торь корбарь
17. sab - сабѣ кучь чо ходъа коргѣ г'е, гока Акер кѣ васте	Все что Богомъ зделано / сотворено, сие пребудеть безъ конечно What soever god doth it will be for ever	че кичо исшорь корень, - та - го- бе, шорбодарь чоньне

18. чо кочь ходъа ке те рагека гаме- са	Что Богом сотворено, то остаётся навсегда What soever god did done shall be for ever	че кися испоръ коре сень / ране, та шобъбада
усме кои комбесь - корне сакека неи / сакте неи	Къ сему (?) ничего болъ прибавить неможно Nothing can be put to it, nor any thing taken from it	Тате кего бар- ба=комъ корте парбе на
19. О! Гамъ=локъ ходако саламъ корте те, Уа ме- гербанъ Эи васте, аръ Унке мегеръ рагега Гамеса къ васте сабърозъ къ васте	О! Богу благодареніе воз- дадимъ за Его милость, ибо Его милость сердце пребудеть (останется) на- всегда O give thanks unto the God lord for he is gracious; and his mercy endureth for ever	Гай! амра испоръ ке пернамъ кори; Уни доя=мой Эи=нимитьте эбонъ оръ ону(нь)к рого ройбе шобъбо- даръ каронъ шоколь дине- чонъне

2. Переведенный Г. С. Лебедевым отрывок из «Книги Екклезиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме» интересен – в научном и культурно-историческом плане по нескольким причинам.

2.1. Прежде всего, этот текст, относящийся, судя по датам, встречающимся в лебедевской «Тетради», примерно к 1790–1795 гг. оказывается **самым ранним** образцом перевода книги Ветхого Завета на новые индоарийские языки. Европейские миссионеры, католики и протестанты, проповедовавшие в Северной и Восточной Индии в XVII–XVIII вв., основное внимание уделяли переводам на различные «местные наречия» основных христианских молитв (прежде всего – Молитвы Господней), а также отрывков из Евангелия и кратких вариантов Катехизиса. Тексты Ветхого Завета на бенгальском языке появляются гораздо позже, уже в XIX в.

2.2. Необычен и сам состав переведенного Лебедевым текста. Текст этот, как это можно видеть, состоит из 19 «высказываний», или «фраз». 16 из них (№№ 2–16), близкие друг другу как по содержанию, так и по структуре, взяты непосредственно из гл. 3. «Книги Екклезиаста» (ст. 1–8). Вс то же время, фразы №1 (I know that by the Excellent wisdom...), а также №№ 17–19 (Whatsoever god doth..., Whatsoever God did done..., и O give thanks unto the God) в тексте «Книги Екклезиаста» – во всяком случае, в непосредственном окружении «микротекста о времени» – отсутствуют. Более того: эти «фразы» по своему содержа-

нию резко противоречат самому макроконтексту первых глав «Книги Екклезиаста». В этих главах, как известно, последовательно проводится мысль о том, что жизнь человеческая – «суета сует и томление духа» (см. Еккл. 1. 2, 14, 17), что труд человеческий бесцелен и бесполезен (Еккл. 3. 9) и т. д. Нетрудно видеть, что в новом контекстном окружении сам «микротекст о времени» воспринимается совершенно не так, как в «оригинале», приобретая совершенно иное концептуальное значение.

2.3. В связи со всем сказанным выше, мы должны отметить, что лебедевский «текст» порождает целый ряд вопросов. Ответы на эти вопросы могут оказаться существенно важными для понимания смысла «миссии» Лебедева в Индии и соответственно правильной трактовки его творческого наследия. Вопросы эти таковы:

1) Из какого источника взяты фразы №1 и №№ 17–19?

2) Можно ли считать, что Лебедев сам соединил эти фразы с текстом Екклезиаста (3. 1-8) или же он заимствовал откуда-либо уже готовый комбинированный текст?

3) Какие цели преследовал Лебедев, переводя тексты Ветхого Завета на «живые» новоиндийские языки?

3. Из всех этих вопросов в настоящий момент более или менее четкий ответ может быть только на первый вопрос.

3.1. Фраза №1 основывается на библейском рассказе о сотворении светил небесных. В первой главе Книги Бытия говорится следующее (цитируем по английскому тексту King James Version):

16. And God made two great lights: the greater light to rule the day and the lesser light to rule the night: he made the stars also.

Заключительные фразы (№№ 17–18) довольно точно воспроизводят содержание ст.14 из той же третьей главы «Книги Екклезиаста», который однако в оригинале с «микротекстом о времени» по смыслу никак не связан:

14. I know that whatsoever God doeth, it shall be for ever: nothing can be put to it, nor any thing taken from it.

Нужно непременно отметить также весьма характерное расхождение между лебедевским текстом и оригиналом. В оригинале ст. 14 оканчивается напоминанием о «страхе Божиим» (... and God doeth it that men should fear before Him), между тем как лебедевский текст оканчивается призывом возблагодарить Господа.

3.2. На второй вопрос можно ответить лишь в предположительном плане. Предположение о том, что Лебедев, не получивший духовного образования, никогда не занимавшийся ни философией, ни богословием, стал бы на свой страх и риск перекomпоновывать тексты Священного Писания, кажется, по меньшей мере, маловероятным. Скорее всего, английский оригинал был взят Лебедевым из некоего пока еще не известного нам источника. Этот источник нам еще предстоит установить.

3.3. Столь же предположительным может быть пока и ответ на третий вопрос. Лебедев, как известно, был твердо убежден, что религия индийцев есть ни что иное как «правверное» христианство, что жители Индии «исповедуют единого истинного Бога...», творца неба и земли и всех видимых и невидимых тварей»; что они признают «неслиянную и единосущную Троицу»; что самое почитаемое в Индии божество – Кришна (у Лебедева – Криштньо) есть «воплощения Сына Божиего». Вполне возможно, что перевод отрывка из «Книги Екклезиаста» был принят им в процессе знакомства с «Индийских Брамгенов учебностью» для того, чтобы наглядно показать своим индийским наставникам близость двух религий. Если допустить, что это было так, выбор текста нельзя не признать исключительно удачным. Для образованных индийцев, с юных лет усвоивших идеи вечной и бесконечной цепи перерождений слова библейского Проповедника о том, что «каждая вещь в свое время рождается и каждой причине под небом весть время» должны были быть близки и понятны.

А. А. Евдокимова

Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской

(Предварительные замечания)

В декабре 2005 года нами был произведен осмотр датированных 40–50 годами XI в. фресок первого этажа Софии Киевской, в результате которого было обнаружено, что кроме русских граффити, изданных в свое время С. А. Высоцким, на фресках встречаются также и греческие, возможная датировка которых колеблется от второй половины XI века до XV–нач. XVI включительно. Из собранного на данном этапе материала, в котором насчитывается более двадцати пяти греческих граффити, было опубликовано девять¹, остальные готовятся к публикации. Пока по палеографическим данным можно только сказать, что в этом соборе выделяется несколько подгрупп граффити по их написанию, однако сами надписи нельзя датировать более определенно. Возможно, анализ языковых особенностей данных памятников мог бы уточнить временные границы, в пределах которых они написаны.

Рассмотрим с этой точки зрения девять греческих граффити, недавно введенных в научный оборот², и одно еще неопубликованное, найденное в левой части алтаря, текст которого таков: «ΚΕ βοήθι τῶν δούλων σοῦ Μιχαήλ» (Господи, помоги рабу Твоему Михаилу).

I. Фонетика и Орфография.

1. Гласные:

1.1 Иттацизм:

«υ» вместо «η»: «βουθίτη» (№ 1)

«ι» вместо «η»: «Μιχαίλ» (№ 2), в третьем слове глагола «βουθίτη» (№ 1) и наоборот «Νηκόλαος» (№ 7), второй слог «βουθίτη» (№ 1), «Γήόργιον» вместо «Γεώργιον» (№ 5).

¹ Евдокимова А. А. Греческие граффити Софии Киевской (предварительная публикация) // Восточная Европа в древности и средневековье. XVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М.: 2006. Стр. 56–62.

² Нумерация граффити будет производиться по тому порядку как они опубликованы, а последнее будет соответственно под номером десять.

Наряду с единственным правильным написанием из 11 повторов слова «Νικύφορος» (№1) в одной и той же надписи мы находим «Νυκίφορος» (2 раза) и «Νυκύφορος» (5 раз), «βοήθι» (4 раза: № 2, 3, 6, 10) и «βοήθη» (№ 5) вместо традиционного «βοήθει».

1.2 Гиперкоррекция:

«κείσαρ» вместо «καίσαρ» (№ 3),
«Γηόργηοι» вместо «Γεώργιοι» (№ 5).

1.3 Смещение:

“ω” вместо “ο”: «Νυκίφωρος» (№1), «των» (№ 10) вместо «τόν», и наоборот: «σόςτι» (№ 9), «Γηόργηοι» вместо «Γεώργιοι» (№ 5), «Γεόργη» вместо «Γεώργη» (№ 3), «σθσ(οι)» (№ 8) Вторая буква слова по своему начертанию представляет собой нечто среднее между “θ”, “ο” и “ω”, такое впечатление, что автор сомневался в написании слова и поэтому так написал.

2. Согласные:

В результате прогрессивной ассимиляции местоимение «με» (меня) превратилось в «νε»: «έλέησόν νε» (№ 7).

II. Морфология:

1. Именные формы:

Именительный падеж вместо формы звательного: «ω ἅγιος Νηκόλαος» (№ 7).

2. Глагольные формы:

«σόςτι» (№ 9) Нерегулярная форма (Imp. Aor. Act.) от глагола «σώζω» с точки зрения нормативной грамматики «βουθίτη». Такая форма глагола “βοηθέω” вместо привычной “βοήθει” появилась скорее всего по аналогии с встречающейся в других христианских надписях в составе формулы: “Κύριε μνησθητί...” (Господи, помяни...) формой глагола “μνησκω” (Imp. Aor. Pass.). Именно эта ошибка повлекла за собой дальнейшее употребление в этой надписи “ὁ δούλος” (раб) в именительном падеже вместо традиционного косвенного (в разных вариантах этой формулы на территории Восточной Европы встречается и родительный, и дательный падежи, наряду с наиболее распространенным винительным).

III. Синтаксис.

Глагол “βοηθέω” во всех анализируемых надписях управляет винительным падежом, вместо классического дательного

Большая часть ошибок в разобранных надписях касается орфографии, что зачастую объясняется иттацизмом, и форм глаголов. Однако такого рода ошибки встречаются в надписях и на территории самой Греции³. Поэтому по характеру ошибок мы не можем точно определить авторов надписей, кто перед нами: греки или знающие греческий славяне. К тому же надписи в наосе (скорее всего писали прихожане) и в алтаре (представители клира) также не сильно отличаются по характеру ошибок. Таким образом, разбор языковых особенностей десяти выбранных для анализа греческих граффити Софии Киевской, к сожалению, не позволяет нам как-то более определенно сузить временные рамки возникновения этих надписей.

³ Cp. A. C. Orlandos. Les graffiti du Parthenon. Athènes, 1973.

В. В. Емельянов

Поэтапная реконструкция шумерской этимологии (Проект шумерского интегрированного тезауруса)

Причины создания проекта

1. Необходимость реконструкции шумерской картины мира через лексическую базу.
2. Необходимость отделения исконно шумерских слов от заимствованных слов с целью: а) воссоздания архаического шумерского мироощущения; б) реконструкции культурных контактов между шумерами и остальными народами древнего мира.
3. Необходимость критики и исправления некорректных этимологий.

Основные виды некорректных этимологий

1. Некорректное сопоставление шумерских и иноязычных слов по сходству звучания (чаще всего, с опорой на значения похожего слова в другом языке)¹.

Примечание: сопоставлению подлежит не звуковая оболочка шумерского слова, а различные варианты его графемы. Сравнение шумерских слов со словами любого из живых языков невозможно, поскольку форма любого живого языка появилась через много тысяч лет после смерти шумерского языка. Следовательно, можно сопоставлять варианты графемы шумерского слова только с реконструируемыми словами праязыков синхронного шумера (или более раннего) уровня древности.

Пример: шумер. da-ri₂ “навсегда” = фин.-угор. tör-tén ”happened”, “occurred”, tör-tén-et =”history” (Fred Hamori)². На самом

¹Autran C. Sumérien et indo-européen. L’aspect morphologique de la question. Paris, 1925; Ball C.J. Chinese and Sumerian. Oxford, 1913; Gostony, Colman Gabriel. Dictionnaire d’étymologie sumérienne et grammaire comparée. Paris, 1975; Yoshiwara R. Sumerian and Japanese. Tokyo, 1991.

²Uralic-Altaic-Sumerian-Etruscan Dictionary (<http://users.cwnet.com/mil-lenia/lang.htm>). К словарям того же типа относятся: Sumerian and Indo-European (www.lexiline.com/lexiline/lex137.htm), Austric relationship of Sumerian language (www.geocities.com/Tokyo/Temple/9845/Sumer.htm).

деле, $da-gi_2 < \text{Akkad. } d\bar{a}r\bar{i}t\bar{u}m$ “вечность” $< \text{Sem. } dwr$ “вращаться, кружиться”;

семит.-чад. $nVrV = IVrV$: $Mpn \bar{l}\bar{a}r$ ‘boulder, stone’ // $\text{Akk. } nar\bar{u}$ ‘stone monument, boundary stone’³. На самом деле, $\text{Akk. } nar\bar{u} < \text{Sumer. } na-dru_2-a$ “камень возведенный”.

2. Корректное фонетическое сопоставление шумерских и иноязычных слов без учета контекстных значений шумерского слова.

Примечание: при определении значения шумерского слова следует исходить из двух основных источников: а) контексты; б) эквиваленты в силлабариях. Чистое сопоставление форм без учета значений ведет к искажению смысла шумерского слова и к приписыванию ему несвойственных для него значений.

Пример: $abzu < \text{афраз. } *baz$ “бить ключом, вытекать; море, озеро, болото”⁴. Шумер. $abzu$ не имеет значений “озеро, болото”. Кроме того, его архаическая орфография $SU.AB$, что предполагает чтение $/absu/$ (эблаит. $a-ba-su$)⁵.

3. Корректное фонетическое сопоставление шумерских и иноязычных слов без учета особенностей шумерского словообразования.

Примечание: часто шумерское сложносоставное слово сопоставляют с основой другого языка. Также нередко можно встретить пример сопоставления иноязычного слова с шумер-

³ Stolbova O. Chadic Lexical Database. Issue I. L, N, NY, R. Kaluga, 2005. P. 95.

⁴ Милитарев А.Ю. Шумеры и афразийцы // ВДИ 2 (1995). С. 124.

⁵ По данным контекстных словарей, $abzu$ может означать: у шумеров 1) область подземных вод; 2) водную бездну, глубину, где хранятся силы всех вещей и тайные знания об устройстве мира; 3) место обитания бога подземных вод, искусств и знаний Энки; 4) храм Энки в г. Эреду; 5) место добычи глины и асфальта; 6) бассейн с освященной водой в храме; у вавилонян и ассирийцев 1) водная глубина, море, космический океан; 2) подземный мир; 3) бассейн с освященной водой в храме (PSD АП 184-202; CAD АП 194-197). О ранней орфографии слова см. Fales F.M. Two-Word Eblaic Entries // Studies on the Language of Ebla. Firenze, 1984 (QdiS 13). P. 173-187; Krebernik M. Die Beschwörungen aus Fara und Ebla. Hildesheim-Zürich-New York, 1984. S. 170, 180.

ским без учета окончания шумерского слова, отпадающего в ауслауте (-g, dr, -d, -r).

Пример: чад. *lugu* “человек” = шумер. *lugal* “человек”⁶. На самом деле, *lugal* < *lu*₂ + *gal* “хозяин, военный предводитель, царь”.

Основные виды существующих печатных словарей шумерского языка

1. Идеографический словарь (А. Даймель): идеограмма – транслитерация – значения – издания.
2. Глоссарий (INIM.KI.EN.GI): транслитерация слова – значения – избранные издания.
3. Большой контекстный словарь (PSD): транслитерация слова – значения – рубрики – контексты – переводы – издания – аккадские эквиваленты в силлабариях⁷.

Основные виды электронных словарей шумерского языка

1. Словарь выписок из индексов изданий, журнальных статей и АНw (ISSL): транслитерация слова – издание – страница; слово – аккадский эквивалент – АНw – страница.
2. Гипертекстовый словарь шумерского языка (ePSD): транслитерация слова – варианты клинописной орфографии – транслитерация клинописной орфографии - аккадские эквиваленты – формы слова в литературных текстах – контексты в литературных текстах (ссылка на ETCSL, полностью) и в некоторых хозяйственных текстах (частично) – общее число контекстов.
3. Этимологический словарь шумерского языка (SumLex): транслитерация слова – значения – попытка вычленения его составных частей⁸.

⁶ Stolbova O. Chadic Lexical Database..., p. 64.

⁷ Deimel A. Sumerisches Lexikon. Roma, 1935—1950; Hübner B., Reizammer A. INIM.KI.EN.GI (Das Sumerische). Marktredwitz, 1985—1986; Pennsylvania Sumerian Dictionary. Philadelphia, 1984-.

⁸ ePSD — electronic version of Pennsylvania Sumerian Dictionary (Philadelphia, 2004-): <http://psd.museum.upenn.edu/epsd/nepsd-frame.html>; ISSL — Tinney S. Index of the Secondary Sumerian Literature. (Philadelphia, 1999-): <http://ccat.sas.upenn/psd/www/ISSL-form.html/>; SumLex - Halloran J. Sumerian Lexikon (www.sumerian.org/sumerlex.htm)

4. Сравнительно-этимологические словари (шумеро-финно-угорские, шумеро-картвельские, шумеро-тюркские) (особ. словарь Фреда Хамори): транслитерация слова – значение в шумерском – подбор родственного по форме и значению слова из живого языка – попытка установления фонетических расхождений.

Необходимость словаря нового типа

Разветвленная историко-филологическая база данных шумерского языка, которая сочетала бы в себе:

1. Историко-географический подход (бытование слова в определенной местности в определенные эпохи и в определенных типах текстов).
2. Филолого-литературоведческий подход (базы данных по текстам различного типа и различной тематики).
3. Филолого-этимологический подход (вычленение слов различного происхождения, состава и формы).
4. Историко-культурный подход (выделение семантических переходов как в заимствованных, так и в оригинальных шумерских словах, с последующей реконструкцией картины мира).

Основные этапы проекта

1. Вычленение аккадских заимствований
2. Вычленение семитских заимствований
3. Вычленение составных частей шумерских многосложных слов
4. Вычленение многосложных слов неизвестного происхождения
5. Вычленение односложных шумерских слов
6. Сопоставление односложных шумерских слов с односложными словами других языковых семей

Исполнители этапов проекта

1. Шумерологи в союзе с аккадистами.
2. Шумерологи и семитологи.
3. Шумерологи.
4. Шумерологи в союзе со специалистами по кавказским, афразийским и дравидским языкам.
5. Шумерологи.
6. Специалисты по языкам дальнего родства в союзе с шумерологами.

Методологическая база проекта

1. Словообразование в шумерском языке⁹
2. Фонетические переходы в заимствованиях из шумерского в аккадский¹⁰
3. Частные наблюдения по вопросам шумерской этимологии¹¹
4. Этимология семитских языков¹²
5. Сравнительная этимология языков дальнего родства¹³
6. Труды на тему “Язык – картина мира – национальный образ мира”¹⁴

Источниковая база проекта

1. Электронные словари шумерского языка
2. Электронная база данных по этимологии семитских языков
3. Печатные словари аккадского языка
4. Печатные словари, глоссарии, индексы к отдельным изданиям шумерских текстов

Материал проекта

1. Имена нарицательные в составе текстов.
2. Имена нарицательные в составе имен собственных.
3. Имена нарицательные в составе названий местностей.
4. Глаголы.

Язык проекта

1. В методологической и пояснительной части – русский и английский.

⁹ *Thomsen M.-L.* The Sumerian Language. Copenhagen, 1984; Канева И.Т. Шумерский язык. СПб; 2006.

¹⁰ *Lieberman S.J.* The Sumerian Loanwords in Old-Babylonian Akkadian. Vol. One. Prolegomena and Evidence. Missoula, 1977.

¹¹ *Diakonoff I. M.* External Connections of the Sumerian Language // Mother Tongue. Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory. Vol. III (1997). P. 54—62; *Powell M.A.* mun-du as an Akkadian Plural Loan Word in Sumerian // ZA 76. P. 12-16; *Rubio G.* On the Alleged “Pre-Sumerian Substratum” // JCS 51 (1999). P. 1-16.

¹² *Militarev A; Kogan L.* Semitic Etymological Dictionary. Vol. I (2000), 2 (2005).

¹³ *Бурлак С.А.; Старостин С.А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М; 2001.

¹⁴ *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М; 1995.

2. В материальной части – английский.
3. В карте слова воспроизводятся переводы шумерских и аккадских слов и текстов на английский и немецкий языки без последующего перевода на русский.

Формы существования проекта

1. Электронная база данных.
2. Печатное издание.

Критерии этимологического анализа

1. Знание способов словообразования в шумерском языке.
2. Знание реалий шумерских текстов.
3. Знание фонетических переходов при заимствованиях из шумерского языка в аккадский.
4. Для аккадских заимствований: соответствие графем шумерского слова графемам исходного аккадского, зафиксированного силлабариями, и обязательное наличие аккадского глагольного корня, от которого образовано данное слово.
5. Для семитских заимствований: соответствие графем шумерского слова формам семитского слова, зафиксированным в словарях, и обязательное наличие семитского глагольного корня, от которого образовано данное слово.
6. Соответствие графем шумерского слова графемам или формам иноязычного слова, зафиксированного лексическими и этимологическими словарями для языков, синхронных шумерскому.

Ожидаемые результаты

1. Функционирование слова в пространстве и времени шумерской культуры.
2. Частотность употребления заимствованных слов в текстах различных групп, эпох и местностей.
3. Установление словоформ и типов их трансформации в шумерском языке.
4. Установление типов семантической трансформации исконных и заимствованных слов.
5. Установление наиболее близких контактов и возможных родственных связей шумерского языка с другими языками мира.

Карта слова

Слово “значения” (словарь, стр.), **производное слово** (словарь, стр.)

ОРФОГРАФИЯ

Ор-фо-гра-фи-я

Контексты (текст, колонка, строка; изд.)

< Яз. *исходное слово* (словарь, стр.)

> шумеризация

> *аккадизация*

Форма

Тип фонетической трансформации

Местность

Эпоха

Тематика

А. В. Жугра

К истории албанского глагола **shfaq** 'обнаруживать; выражать'

Албанский глагол *shfaq* 'обнаруживать, открывать, проявлять; выражать, открыто говорить что-либо другим' имеет прозрачную морфологическую структуру, – он образован с помощью приставки *sh-* от основы существительного *faqe* 'лицо, щека'. Семантическая мотивированность словообразования в данном случае, однако, не столь очевидна.

Приставка *sh-* (с ее фонетическими вариантами *ç-* / *zh-*) используется в албанском языке для образования существительных, прилагательных, глаголов и наречий и придает словам такие значения, как, например, значения интенсивности, привативности, фактитивности, разделения и др. Очень часто с ее помощью создаются новые глаголы, образующие с исходным глаголом антонимичные пары: *ngarkoj* 'грузить, нагружать' – *shgarkoj* 'разгружать', *thur* 'заплетать, плести' – *shthur* 'расплетать', *kuç* 'запирать, закрывать (на замок)' – *shkuç* 'отпирать, открывать'.

Менее продуктивно использование приставки *sh-* для образования глаголов от именных основ. У глаголов, образованных от имен существительных, приставка *sh-* имеет привативное значение: *shkoq* 'лущить, отделять зерна от стебля или вынимать их из стручка' < *koqe* 'семя, семечко, зерно', *çmënd* 'сводить с ума' < *mënd* 'ум, интеллект', *shpik* 'выпивать что-либо до последней капли; выдаивать до конца' < *rikë* 'капля'. И только один глагол в этом словообразовательном типе, по мнению авторов академической грамматики албанского языка, не имеет привативного значения, – а именно, глагол *shfaq*. В докладе делается попытка объяснить внутреннюю форму данного глагола.

В современном албанском языке имеется еще два глагола, образованных от существительного *faqe* и обладающих сходными с уже названным *shfaq* значениями. Это глаголы *rërfaq* и *shpërfaq*, каждый из которых, имея при себе помету *разг.*, толкуется с помощью глагола *shfaq*.

Семантическая структура глагола *shfaq* включает следующие значения: 1. показывать, обнаруживать, делать что-л. известным для всех; открывать, делать что-л. ясно видимым; 2. словесно выражать что-л., открыто высказывать что-л. другим; 3. ставить на сцене (пьесу, спектакль и т. п.), демонстрировать (кино-

фильм); 4. (*разг.*) проявлять, делать достоянием гласности что-л. тайное; 5. (*устар.*) представлять, предъявлять (программу и т. п.) (Fjalor 1981).

В семантике названных глаголов важными являются два признака: «скрытое» и «явное», которые объединяются в одном значении – «нечто скрытое, ранее недоступное наблюдению, и, следовательно, знанию, становится открытым, видимым, известным».

В отношении времени возникновения рассматриваемых глаголов, или, точнее, времени их первой письменной фиксации, обнаруживается следующая картина. В памятниках XVI–XVII вв. не засвидетельствовано ни одного глагола, образованного от существительного *faqe*. Проверка текстов Бузука (1555), Матренги (1592), Богдани (1685) и словаря Барди (1635) показала, что само слово *faqe* обладало в тот период достаточно широким кругом прямых и переносных значений, однако оно еще не использовалось в качестве основы для образования отыменных глаголов или других производных слов. Иную картину дают тексты К. Кристофориди. В его переводе Нового Завета на албанский язык (1872) представлены и сложные наречия и прилагательные, и глаголы, образованные от существительного *faqe*. В «Албанско-греческом словаре», подготовленном Кристофориди в конце XIX в. и опубликованном в 1904 г., также широко представлено словообразовательное гнездо на слово *faqe*, включая и глагольную деривацию.

В первых письменных текстах слово *faqe*, наряду со значениями 'лицо', 'щека', 'образ, внешний облик', могло иметь также значение 'мнимый вид, кажущийся (при первом взгляде на предмет или явление)', что важно для этимологии глагола *shfaq*. В ряде примеров и внешний облик человека, и внешнее проявление какого-либо действия, обозначаемые словом *faqe*, – это только видимость, только то, что лежит на поверхности, а их внутренняя сущность спрятана и может не соответствовать внешнему проявлению. У Бузука: *O të dërejtë për faqe* 'О лицемеры' (букв. «О праведные для вида»), *Mos gjukoni për faqe*, *por gjukoni për gjyq të dërejtë* 'Не судите по наружности, но судите судом праведным', у Кристофориди: *mos punoni për fake* 'Не трудитесь для вида'; *Dasunia mos yete me du fake* 'Любовь пусть не будет лицемерна' (букв. «с двумя лицами»); *sepse nuk asht' Iude ai ki duketë për fake... por ai ki ashtë ndë të mpshefunë Iude* 'Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности ... но тот, кто внутренне Иудей'. Ср. также противопоставление физического,

внешнего и духовного, внутреннего контакта: *Por na, o vëlazën, sepse uvorfënuem prei yush për pak kohë, me faqe, yo me zemërë* 'Мы же, братия, быв разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем...'.
 ~~~~~

На фоне сказанного о лексеме *faqe* становится понятным появление у Кристофориди глагольных словосочетаний *dal për faqe* 'являться, обнаруживаться, становиться известным', букв. «выйти на лицо, т. е. наружу» и *nxjerr për faqe* 'являть, обнаруживать', букв. «вытаскивать что-л. на лицо». Внутренняя форма этих идиоматических выражений означала, что нечто появлялось (само или в результате каузации) на виду, становилось доступным зрительному восприятию.

Первоначально на базе предложных сочетаний с существительным *faqe* возникли глаголы *përfaq* и *shpërfaq*, отличающиеся между собой интенсивностью выражения значений, а не самими значениями. Затем сама семантика глагола *shpërfaq* сделала возможным соотнесение его с глаголами, в которых приставка *sh-* четко выражает привативное значение: *shkoq* 'лущить', *çmënd* 'сводить с ума', *shpik* 'выпивать что-либо до последней капли'. В семантике глагола *shpërfaq* 'обнаруживать', (про)являть' благодаря специфике его внутренней формы присутствует сема преодоления, отбрасывания внешнего, показного для выявления скрытого, подлинного. Таким образом, на фоне глаголов привативной семантики из глагола *shpërfaq* возник глагол *shfaq*, в котором эта привативная сема нашла свое более четкое выражение, – внутреннюю форму глагола *shfaq* можно было бы интерпретировать как 'обнаружить нечто ранее скрытое путем удаления, отбрасывания внешней личины'.

Типологические параллели албанскому глаголу *përfaq* дают как романские языки (с рефлексами того же лат. *faciēs*), так и славянские (с производными от корня *лик-*), ср. рум. *a da pe față* 'разоблачать, раскрывать, обнаруживать', *a se da pe față* 'выявиться, обнаружиться', *a-și da așama pe față* 'показать свое настоящее лицо, разоблачить себя'; русск. *я тебя выведу налицо*, т. е. покажу таким, каков ты есть на самом деле, а глаголы *обличить* 'сделать явной виновность кого-л.', *обличать* в значении 'обнаруживать, показывать' близки анализируемому албанскому и в плане словообразовательном (приставка *об-* + корень *лич-*).

Я. Л. Забудская

Драма в пяти актах: об истоках европейских драматургических форм

1. 5-актное деление античной драмы, как правило, не представляется вопросом, требующим детального рассмотрения: ХОРОУ в текстах Менандра и положения *Ars poetica* (189–190) Горация дают вроде бы достаточное подтверждение этому принципу как с греческой, так и с римской стороны.

Между тем, категоричное утверждение Горация (*neve minor neu sit quinto productior actu / fabula*) – нормативное требование, зафиксированное первый и единственный раз; и поскольку оно стало одной из основ европейской драматургии, следы его практического воплощения (надежно представленного лишь у Сенеки¹) пытаются обнаружить и в греческой драме.

2. Для 5-актного деления римской комедии основным критерием является отсутствие актеров на сцене, маркером – сообщение персонажа о намерении уйти, а образцами и источниками такого деления считаются утраченные греческие оригиналы².

Ближайшим греческим источником естественным образом оказывается Новая комедия Менандра. Здесь, правда, единственным знаком разделения являются хоровые вставки, обозначенные в текстах как *хороб*, но подтверждением оказывается только 1 комедия – кроме «Дискола», тексты Менандра возможностей для нахождения *neve minor neu sit quinto* не дают³.

Следующий этап – Древняя комедия. Именно в ней зарождается принцип обозначения партий хора без включения их в текст. Принцип деления – хоровая песня, сопровождаемая сменной персонажей на сцене, и добавляется еще один фактор – *time-lapse*, промежуток времени больший, чем реальная песня

¹ Что дало возможность утверждать, что 5 актов – исключительно римское явление: Beare W. *The Roman stage*. London, 1955. P. 186.

² Burckhardt G. *Die Akteilung in der neuen griechischen und in der römischen Komödie*. Diss. Basel, 1927. Foster F. *The divisions in the plays of Plautus and Terence*. Univ. of Michigan Studies in Language and Literature, Vol. 1, No. 3, 1914.

³ Полагая этот принцип подтвержденным и в других комедиях Менандра, Бринк указывает на обозначение посредством хоровых песен начала 2, 3 и 5 «акта» «Щита» и 4 и 5 – «Самиянки». Brink C.O. *Horace on Poetry: the Ars Poetica*. Cambridge, 1971. P. 249.

хора, заполняющая необходимую по ходу действия паузу⁴. Правда, даже с учетом этих факторов число «актов» колеблется от 4 до 7, хотя некоторую склонность к числу 5 можно признать (5 комедий Аристофана из 9). Еще два соображения не позволяют признать «обязательность» 5-частной структуры в Древней комедии: схолия к «Богатству» (ст. 252) свидетельствует о том, что Аристофан вводил вставки *χοροῦ* для отдыха и переодевания актеров, но там ничего не говорится о специальном делении на части; а если считать ряд вставок *χοροῦ* более поздними добавлениями схолиастов, как это делает Бир⁵, то большинство подсчетов оказывается лишены смысла, по крайней мере для характеристики драматургической техники классического периода.

Если смотреть не хронологически, а с точки зрения жанровой системы, то получается, что деление на акты – побочная (а для концепции обязательной 5-частной структуры она должна быть основной) функция хора в комедии, непосредственно связанная с двумя другими – восполнением сюжетного «зияния» и сменой персонажей. Впрочем, хронология тоже может сыграть свою роль: получается, что при развитии жанра, когда исчезают парабасы, хор утрачивает функцию заполнения пространственного (пустая сцена) и временного промежутка и в греческой Новой комедии становится разделителем сам по себе, без дополнительного значения. А римская комедия, в свою очередь, «генеалогически» наследует (либо воспроизводит «генетически», в силу логики жанра) другой принцип разделения – «пустую сцену». Правда, невозможно категорически утверждать, что конечная цель этого разделения – именно 5 актов; 5-актный формат пьес Теренция считается результатом деления Доната, а не самого драматурга.

3. Кроме того, не стоит забывать, что и жанр у Горация все-таки другой – трагедия. И драмы Сенеки, и теория Горация (195 *medios intercinat actus*) дают вполне очевидное обозначение для разделения – хоровые песни.

---

⁴ Hamilton Richard. *Comic acts* // *Classical Quarterly* 41 (ii), 1991. P. 346-355. Sommerstein A. H. *Act division in Old Comedy*. BICS 31 1984. P. 139-52. Zimmermann B. *L'organizzazione interna delle Commedie di Aristofane*, *Dioniso* 57, 1987. P. 49-64.

⁵ Beare W. *ΧΟΡΟΥ in the Plutus: a reply to Mr. Handley* // *Classical Quarterly*, New series, Vol. 5, № 1-2 1955. P. 51.

Но существует ли в греческой трагедии композиционное обоснование именно для 5-частного деления? Его можно предположить, во-первых, в архаических формах драмы, а именно трагедиях, отличающихся «фронтонной» композицией. Основа «фронтонной композиции» – три хоровых песни, из которых одна находится в геометрическом центре пьесы, а две другие «обрамляют» трагедию⁶. Впрочем, фронтонную структуру В. Н. Ярхо рассматривает в тех трагедиях, где основным носителем проблематики является хор («Персы») – и хоровые песни, являясь содержательной основой этой структуры, уже не могут быть просто «разделителем», а должны представлять собой 3 из 5 частей.

С другой стороны, с учетом «обязательных» частей по Аристотелю, схема «правильной» трагедии предположительно должна быть такая: пролог – 3 эпизодия – эксод, т.е. парод и 3 стасима⁷: таких трагедий 2 у Эсхила («Хоэфоры» и «Прометей прикованный»), 1 у Софокла (и это «Филоктет», где место стасимов занимают краткие лирические строфы и коммосы), 3 у Еврипида – «Гекуба», «Троянки», «Ифигения в Тавриде»; либо, если стасимов 4, то эксод должен примыкать к последнему эпизоду без хоровой песни («Ипполит», «Геракл», «Финикиянки», «Ион», и «Рес»). Получается, как ни странно, что такое строение характеризует по большей части те трагедии, которые не отличаются, по мнению большинства исследователей, композиционным совершенством («Геракл», «Финикиянки», «Гекуба», «Троянки»); показательно также наличие в этом списке «Прометея» и «Реса». Таким образом, если и есть тенденция, то она довольно поздняя, и ее нельзя назвать ярко выраженной. Формирование этого принципа легко можно было бы объяснить практикой «вставочных песен» (они-то как раз подходят на роль смыслового «разделителя»), но Аристотель в соответствующем месте

---

⁶ Ярхо В. Н. Трагический театр Софокла // Софокл. Драмы. М., 1990. С. 499.

⁷ Что касается функции «заполнения временного промежутка» стасимом, то и она в трагедии вполне возможна. Оливер Тэплин указывает только одну трагедию, где хоровая песнь покрывает lapse of time – «Эвмениды» Эсхила (Taplin O. The Stagecraft of Aeschylus. Oxford, 1977. P. 291), но стасимов, выполняющих аналогичную задачу, в классической трагедии можно насчитать больше (I и II стасим «Агамемнона», II «Трахинянок», II «Просительниц» Еврипида, IV «Андромахи» и «Ифигении в Авлиде») – хотя, безусловно, эта функция не является обязательной для каждой хоровой песни.

«Поэтики» ничего об этом не говорит. Кроме того, становится неясным статус такого лирического элемента, как монодия, традиционно приравниваемая в поздней драме к хоровым частям – если предположить и в ней значение «разделяющей» лирической части, то происходит еще большее «дробление» текста на «акты», кроме того, фактор «пустой сцены» исключается по определению. Конечно, логичнее всего предположить влияние практики несохранившейся эллинистической драматургии. Правда, попытки подтвердить деление на 5 частей 3 вставками ΧΟΡΟΥ ΜΕΛΟΣ во фрагментах⁸, на наш взгляд, не совсем убедительны: в каждом из фрагментов (Hector, Oeneus, Medea) ΧΟΡΟΥ встречается только 1 раз⁹; единственный из сохранившихся образцов драматургии александрийской «Плеяды» – «Александра» Ликофрона – являет собой пример принципа прямо противоположного – отсутствия деления.

4. Теоретическими источниками Горация считаются не дошедшие до нашего времени эллинистические трактаты, а подразумевается – «Поэтика» Аристотеля, μέρη τῆς τραυφδίας κατὰ τὸν ποσόβ, 53 b 16, число каковых у Аристотеля 4 (пролог – эпизодий – эксод плюс хоровые части), но может быть при необходимости расширено до 5 (если «хоровая песнь, а в ней парод и стасим» посчитать за 2). Правда, такое рассмотрение противоречит 55 b 33 «видов трагедии – 4, столько же было указано и частей» и допускает наличие в трагедии только одного эпизодия, и, кроме того, затрудняет соотношение μέρος и actus¹⁰, но это – практически единственный шанс обнаружить следы 5-актного принципа в тексте «Поэтики».

⁸ Xanthakis-Karamanos G. Studies in fourth-century tragedy. Athens, 1980. P. 10.

⁹ Ibidem P. 162–176

¹⁰ Горациевский actus традиционно приравнивается к аристотелевскому (и пост-аристотелевскому) μέρος (Brink С.О. Horace on Poetry: the Ars Poetica. Cambridge, 1971. P. 248; Coffrey M. On: Anliker K. Prologe und Akteiling in Senecas Tragödien. (Noctes Romanae, 9) Bern, 1960 // The Classical Review. Vol. 11 N 3, 1961. P. 232–233. В качестве синонимов выступают μόριον и εἶδος – одновременно и «часть», и «вид», и «средство». К той же группе можно добавить и ἐπεσόβιον в двойном понимании – и изначальной «вставки», разделяющей хоры, и драматической части-акта, разделяемой хорами. В любом случае, для сопоставления с actus требуется рассмотрение и «трагедии», и ее «частей» в конкретном понимании, в то время как Элс настаивает на понимании абстрактном, считая уточнения о «частях» интерполяциями (Else Gerald F. Aristotle's Poetics: the Argument. Cambridge, 1967. P. 361-363).

Итак, внешне вполне соответствующая логике схема «генеалогического» развития 5-актного принципа подтверждается на практике только с очень значительными оговорками. О специальном драматургическом приеме, существующем в эпоху классики нормативно, речи идти не должно; на практике его можно признать только если согласиться, что 4 и 6 – тоже почти 5. Вопрос же об авторской преднамеренности и вовсе остается в стороне.

Обоснование для *neve minor neu sit quinto*, которое приводит в следующей строке сам Гораций – *fabula quae posci volt et spectanda geroni* – наводит на мысль о влиянии постановочной практики. С другой стороны, развитие начиная с IV в. до н. э. формы «драмы для чтения» – ἀναγνώστικόν – позволяет предположить и обратное влияние – не постановки на текст, а текста на постановку. В любом случае, обе версии вновь перемещают становление 5-частной схемы из классики в эллинизм. Если она и формируется в эллинистической поэтике, то поначалу именно как дескриптивная, между тем как у Горация предстает нормативной – вопрос лишь в причинах, позволивших совершить этот шаг. Неясным остается и происхождение самого числа 5 (развитие 5-частной схемы из 3-частной?).

5. Впрочем, в поздней традиции параллельно с 5-частным принципом существовал и 4-частный. У Скалигера («Поэтика», 1562) приводится следующее деление трагедии (и комедии) на части, связанное с построением сюжета: протасис, эпитасис, катастасис, катастрофэ (это деление заимствовано у Доната *De comoedia VII, I*: пролог, протасис – начало действия, эпитасис – завязка, катастрофэ – развязка). Это абсолютно нормативное и потому одинаковое для всех трагедий членение. 5-частная схема оказалась предпочтительней, поскольку поэтика ренессансной драматургии разрабатывалась сначала на основе положений Горация. Интересно, что принцип пятиактного деления достиг и собственный труд Горация – *Arg poetica* итальянские и испанские комментаторы тоже структурировали по пятичастной схеме. Уверенность в обязательности этого принципа в античной драматургической технике привела к тому, что в европейской классицистической драме 5 актов становятся не просто внешним признаком, но и принципом организации сюжета – что и побудило, к конечному итоге, к поискам 5-частной схемы в самой античной драме.

В. П. Завьялова

Еще раз к вопросу о ссоре между Каллимахом и Аполлонием Родосским

I. Древнейшими свидетельствами традиции, утверждающей, что на каком-то этапе между Каллимахом и Аполлонием Родосским возникли серьезные разногласия, являются схолии к жизнеописанию Аполлония и статья о Каллимахе в словаре «Суда». В первом случае К.Вендель, издававший схолии к Аполлонию, обратил внимание на логический разрыв во фразе схолиаста, справедливо полагая, что схолия содержит лакуну, а сообщение схолиаста можно толковать так: Аполлоний дружески общался со своим учителем Каллимахом до тех пор, пока сам не обратился к написанию поэмы. С другой стороны, в словаре «Суда» в статье о Каллимахе в перечне его произведений называется поэма «Ибис», которая до нас не дошла, но которая, в отличие от всех перечисленных в статье произведений, имеет краткую и выразительную характеристику. Автор пишет, что «Ибис» – «поэма искуснейшая (ποίημα ἐπιτετηδευμένον)», в ней завуалировано (εἰς ἀσάφειαν) и резко отрицательно (καὶ λοιδορίαν) говорится о некоем Ибисе (εἰς τινα Ἴβιν), являющемся врагом Каллимаха (γυρόμενα ἐχθρὸν τοῦ Καλλιμάχου), и этим врагом был Аполлоний, написавший «Аргонавтику» (ἦν δὲ οὗτος Ἀπολλώνιος, ὁ γράψας τὰ Ἀργοναυτικά).

II. В науке собрано немалое количество фактов, говорящих об острой литературной полемике между двумя выдающимися александрийскими поэтами. Но касалась ли эта полемика только Каллимаха и Аполлония или в спор были вовлечены и другие поэты; были ли расхождения между учителем и учеником основаны только на различном понимании традиции и новаторства, поэтического мастерства и стиля в поэзии и не сыграли ли свою роль причины личного свойства – на все эти вопросы вряд ли можно будет ответить исчерпывающим образом, и они по-прежнему остаются дискуссионными. Задачей данного сообщения является обратить внимание на некоторые обстоятельства и детали ссоры, известные из словаря «Суда», но которые, насколько нам известно, реже других попадают в поле зрения исследователей.

III. О поэме Каллимаха «Ибис» мы можем судить по Овидию, который во время ссылки (8–17 гг. н.э.) обращается к написанию поэмы-инвективы против неназванного поэта и назы-

вает свою поэму также «Ибис». Почему и насколько «Ибис» Каллимаха послужил образцом для Овидия, можно судить лишь предположительно. Ясно лишь, что вслед за Каллимахом «Ибисом» Овидий называет своего недруга, которому он желает испытать всевозможные казни и муки, проклиная и его жизнь, и его смерть.

IV. Но почему у Каллимаха ибис – Аполлоний и каким образом многочисленные проклятия могут быть связаны с этой птицей? Ведь известно, что ибис, знаменитая птица, в Египте считалась священной, воплощением бога Тота, который изображался с головой ибиса. С прилетом ибиса египтяне связывали разлив Нила, ибисы истребляли мелких змей (Herodot. II, 75) и т.д. Известно, что в святилище Тота в Гермополисе селекции ибисов, уходу за ними уделяли большое внимание; были специальные галереи, где ибисов хоронили после их смерти, предварительно мумифицировав и т.д.

Ибисы хорошо известны в греческой традиции. О них пишут Элиан (Aelian. De animal. Nat. 10, 12); Аристофан (Aph. Av. 1296) и др. Особого внимания заслуживают сообщения об ибисах Страбона (Strab. XVII, 823) и Аристотеля (Arst. Hist. animal. 9, 27). Оба источника подчеркивают, что в древнем Египте особой популяции достигли два вида ибисов – белые и черные. (В современной орнитологии известно более 30 видов ибисов). Священный ибис (*ibis religiosa*) – белого цвета (родиной его является Африка, в настоящее время встречается редко). Черный ибис, как пишет Страбон (Strab. XVII, 824), грязен, «подбирает всяких вредных животных и отбросы в мясных лавках и пекарнях».

V. В поэме Овидия эксплицитно выражено, что имеется в виду черный ибис, и насколько оскорбительным могло быть сравнение именно с черным ибисом, можно судить по стихам Овидия – Ибис, 449-450.

VI. Все это, конечно, не нарушает стройных доказательств литературной полемики между Каллимахом и Аполлоном Родосским, но что чему предшествовало – личная ссора или литературные выпады – остается загадкой.

С. В. Иванов

Этимология поэтическая и научная: Хлебников и Шишков

Наш доклад посвящен одному отрывку из этимологических этюдов адмирала А. С. Шишкова, президента Российской Академии наук, и его связи с творчеством, поэтическим и теоретическим, Велимира Хлебникова. Предпослать дальнейшему изложению нам хотелось бы слова Ю. Н. Тынянова, называвшего Шишкова «одним из замечательных русских семасиологов» [Тынянов: 114] и считавшего, что «ряд исторических ошибок А. С. Шишкова не уменьшает, а усугубляет интерес многих его языковых наблюдений» [Тынянов 189-190].

Хотя этимологические изыскания А. С. Шишкова были не вполне методологически корректны с точки зрения зарождавшейся индоевропеистики и потому получили пренебрежительную оценку со стороны представителей отечественной младограмматической традиции, тем не менее, как мы надеемся показать, они оставили след не только в научном, но и художественном творчестве последующего времени.

Отрывок, на котором мы сосредоточим внимание, заимствован из его труда «Собрания языков и наречий, с примечаниями на оныя» и посвящен рассмотрению этимологии слова *Бог*. Шишков рассматривает предлагавшуюся Ломоносовым этимологию, связывавшую слово *Бог* со словом *бег*, и, не отрицая вероятности этого сближения, предлагает свой вариант решения, сопоставляя слово *Бог* со словами *бука*, *букашка*, *буки*, *азбука*, *буква*, *буйство*, *бык*, указывая на то, что в основе всех этих наименований лежит «чувство страха, выражаемое буквой у» [Шишков: 4–7].

В основе этимологических упражнений Шишкова лежало прямо не высказанное, но явственно ощущаемое стремление к восстановлению, или, как бы мы сейчас выразились, реконструкции «первобытного языка», который, по его мнению, сохраняется в виде своих первичных элементов, разбросанных во всех живых языках, а именно в виде корней. При этом ближайшим к первобытному, сохранившим к нему наибольшую близость президент Российской Академии считал свой родной язык, который называл славенским.

Здесь мы уже находим много общего с теоретическим творчеством Хлебникова, исходившего из тех же самых посылок и стремившегося создать всемирный язык первоначально на эти-

мологической основе. В диалоге «Учитель и ученик» он разъясняет свою теорию «внутреннего склонения слов», в частности, на таких примерах, как Бог – бег и бык – бок. При этом оказывается, что пара Бог – бег связана через третий член – боязнь. Бог – то, к чему обращена боязнь, а бег – то, что вызвано боязнью [Хлебников: 585].

Такие схождения, с одной стороны, позволяют поставить вопрос, был ли Хлебников знаком с трудами Шишкова, а с другой, дают нам возможность пристальнее взглянуть на саму природу этимологических исследований. Очевидно, для уровня отечественной лингвистики начала XIX века этимологии Шишкова были вполне научны. Ненаучными и «смехотворными», по выражению С. К. Булича [Булич: 678], иными словами, народными, они стали уже на следующей стадии развития, проходившей под знаком младограмматизма. Этимологии Хлебникова были отнесены Якобсоном в разряд поэтических этимологий, представляющих собой «параллель народной этимологии практического языка» [Якобсон: 45].

Поэтическая этимология входит в число естественных и необходимых поэтических приемов, так как в основе ее лежит всеобъемлющий тавтологический принцип, подразумевающий постоянный повтор компонентов плана содержания и плана выражения. При линейном повторе различных формальных элементов – в наиболее показательном варианте, паронимов – между соположенными элементами наряду с формальным возникает смысловое натяжение, создающее впечатление их содержательной близости, по словам Якобсона, «обязывая читателя к этимологическому мышлению» [Якобсон: 45].

Сравнительно-историческое, научное этимологизирование сдерживается различными ограничителями, более строгой методологической базой, включающей звуковые законы, но, тем не менее, оставляет достаточный простор для мысли исследователя благодаря всегда возможному действию аналогии, табуирования и т. п. К тому же реконструкция не может ограничиваться лишь формальным сопоставлением и всегда вынуждена в меру своих сил и возможностей объяснять семантические связи между сопоставляемыми элементами.

Неповторимость творчества Хлебникова и заключается в том, что он, будучи знаком как с младограмматической традицией, так и с предшествовавшей ей традицией начала XIX века, осознанно использовал основной принцип этимологии для создания художественных произведений. Он пользуется научными

этимологиями, научными методами разных эпох – в этом смысле его творчество диахронично – и преобразует их, вводя в поэтические произведения, в поэтические, иными словами, народные.

Завершить наше краткое сообщение хотелось бы другой цитатой из Ю. Н. Тынянова: «Совсем не так уж велика пропасть между методами науки и искусства. Только то, что в науке имеет самодовлеющую ценность, то оказывается в искусстве резервуаром его энергии» [Тынянов: 296].

Список цитируемой литературы

- Булич – Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904.
- Тынянов – Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965.
- Хлебников – Велимир Хлебников. Творения. Ред. М. Я. Поляков. М., 1987.
- Шишков – Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Императорской Академии Президента и разных ученых обществ Члена. Часть XV. СПб., 1832.
- Якобсон – Якобсон Р. Н. Новейшая русская поэзия. набросок первый. Прага, 1921.

Е. В. Илюшечкина

Замечания Салмазия по поводу стихов Дионисия Перизэгета

В своем труде *Plinianae Exercitationes in Solinum* (Parisii, 1629¹; Utrecht 1689²) филолог и эрудит XVII в. Клавдий Салмазий (Клод де Сомез, 1588–1653) составил подробный комментарий к компиляции Солина. Для уточнения текста Солина Салмазий привлекает не только рукописи и печатные издания «Естественной истории» Плиния Старшего, служившей одним из основных источников Солину, но и приводит параллельные места из других античных авторов, которые также сопровождает собственными пояснениями и замечаниями. Среди греческих авторов, к сочинениям которых обращается Салмазий, оказался и Дионисий Александрийский по прозвищу Перизэгет – создатель географической поэмы II в. в гекзаметрах.

В 1597 г. отец Салмазия опубликовал первый перевод поэмы Дионисия с греческого на французский, сопроводив издание посвящением королю Генриху IV. Можно предположить, что перевод Беньи Сомеза был сделан с женевого издания Анри Этьена 1577 г., которое помимо греческого текста Дионисия включало латинский перевод поэмы и комментарии Евстафия Солунского (перепечатка издания 1547 г.) с краткими примечаниями издателя. Не исключено, что этим же изданием воспользовался при цитировании стихов Дионисия в своем комментарии к компиляции Солина и Салмазий-младший – в тексте *Plinianae Exercitationes* встречаются ссылки и на текст Евстафия. В этом случае предлагаемые Салмазием исправления в чтениях и соответствующие замечания выдающегося филолога относительно отдельных стихов Дионисия надо относить к жевскому изданию А. Этьена.

Рассмотрим некоторые из многочисленных примеров замечаний Салмазия:

- По мнению Салмазия, в выражении ἐϋστεφάνοιο Κρότωνος (*Dion. Per.* 369) Дионисий использует гомеровский эпитет с формантом ἐϋ- в значении «обнесенный крепкой стеной, сильно укрепленный», т.е. в том же значении, что у Пиндара (Ἰλίῳ μέλλοντες ἐπὶ στέφανον τεῦξαι «вознесли стены венца над Илионом», *Ol.* VIII 32, пер. М. Л. Гаспарова) и у Анакреонта (νῦν δ' ἀπὸ μὲν στέφανος πόλεως ὄλωλεν «горо-

да стены – венец его; ныне они погибли», F 46 Page, пер. В. Н. Ярхо) (*Salm. Plin. Exercit. P. 46*).

- Цитируя по-гречески стих Дионисия «два моря шумят вокруг Истмийской гряды (перешейка), одно направляется от Эфиры в сторону заката (т.е. к западу), другое – к восходу (т.е. к востоку), его называют Сароническим» (*Dion. Per. 420–423*), Салмазий уточняет, что Истмийский перешеек омывается двумя морями – на западе Коринфским, на востоке – Сароническим (*Salm. Plin. Exercit. P. 99*). Недаром очертания полуострова Пелопоннес, омываемого в целом пятью морями, уподобляются у Дионисия и других античных авторов форме платанового листа.
- Комментируя соответствующее место из компиляции Солина о сицилийских мысах, Салмазий приводит стихи Дионисия в качестве примера достоверного расположения мысов Сицилии по сторонам света (*Salm. Plin. Exercit. P. 73*): «...южнее земли авсонов расположена Тринакрия (букв. «Трехконечная»), вытянувшаяся тремя сторонами с мысами Пахин, Пелориада и Лилибей; Лилибей выступает в направлении дуновения западного [ветра], Пахин – к востоку, а овеваемая ветрами Пелориада, обращенная к Авсонии, – к Медведицам» (*Dion. Per. 467–472*). Ср. *Ps.-Scyl. 13; Strabo VI 2, 1 C 265; Plin. nat. hist. III 87; Ptol. Geogr. III 4, 1; Solin. 5, 2*. Мыс Пахин – совр. юго-восточный м. Пассеро, Лилибей – совр. западный м. Лилибео, Пелориада – совр. северо-восточный м. Пелоро.
- «Передают, что [Каспийское море] содержит много всего удивительного; здесь произрастает хрусталь и голубоватая яшма, отпугивающая Эмпус и других призраков» (*Dion. Per. 723–725*). Ср. *Theophr. Lap. 30, Plin. nat. hist. XXXVII 9*, где хрусталь идентифицируется с горным хрусталем; *Theophr. Lap. 23; 27; 35*, ср. *Plin. nat. hist. XXXVII 9*, где яшма идентифицируется с халцедоном или бирюзой. Эмпуса – мифическое чудовище–оборотень из окружения Гекаты (ср. *Aristoph. Ran. 294; Philostr. Vita Apoll. IV 25*).

В качестве параллели к стихам Дионисия о сверхъестественном свойстве яшмы служить оберегом Салмазий ссылается на автора IV в. Епифания, приписывающего аналогичные свойства хрусталу (ἄλλα κρυστάλλου ὕδατι ὁμοία, λέγεται δὲ ὑπὸ μυθοποιῶν ἄκος εἶναι φαντασιῶν, – «хрусталь подобен воде; по словам мифографов, он является

средством против привидений», – *Epiph. De XII gemmis*, 1, 6, Ruelle) (*Salm. Plin. Exercit. P. 92*).

Эпитет к яшме ἡερόεις, -εσσα, -εν – ионическая и эпиская формы вместо ἀερόεις, происхождение которого Салмазий связывает с глаголом ἀερίζω (*Salm. Plin. Exercit. P. 92*), ср. *Plin. nat. hist. XXXVII 115*.

- «Первыми идут скифы, они населяют земли от Кронийского моря до устья Каспия; следующие – фины (θῦνοι), за ними – каспии...» (*Dion. Per. 728–730*).

Византийский комментатор Евстафий Солунский отмечает, что вместо θῦνοι следует читать οὔν(ν)οι, и называет этих «уннов» одним из скифских племен (*Eust. ad Dion. Per. 730*).

Салмазий также различает «финов» Дионисия, отождествляемых комментатором с сарматами вблизи Каспия (ср. *Thynus, Prisc. 705*), и фракийских финов, родственных малоазийским вифинам, переселившимся из Фракии (*Herod. I 28 Φρήκες οἱ Θυνοί; Plin. nat. hist. IV 21; Solin. 10, 7*). Салмазий приводит различные написания этих двух племен: θοῦνοι для прикаспийских финов (не отраженное в критическом аппарате издания Дионисия И. Цавари) и θῦνοι для фракийских. Для каспийских финов Дионисия Салмазий приводит дополнительный ряд параллелей из античных авторов: Χοῦνοι (*Ptol. Geogr. III 5, 10*); Οὔνοι, Θεοῦνοι; *Chuni, Hunni* (*Salm. Plin. Exercit. P. 112*). Поздние рукописи предлагают в 730 стихе ошибочное чтение «гунны» (интерполяция).

Подборку источников о фрако-анатолийских финах см.: *Detschew D. Die thrakische Sprachreste. Wien, 1957. S. 211–213*.

- «...повсюду там (sc. у кражей Парпаниса) водится кроваво-красный коралл» (*Dion. Per. 1103*). Салмазий цитирует этот стих Дионисия и приводит различные формы написания греч. «коралл» у античных авторов – *Theophr. Lap. 38* (κουράλιον); *Ovid. (curalium)*; *Arr. Per. Mar. Erythr. (κοράλλιον)*; *Plin. nat. hist. XXXVII 164 (curalium)*; *Avien. (coralla)*; *Nemesian. (corallia)*; *Hesych. κοράλλιον/ margella* (*Salm. Plin. Exercit. P. 63*).
- По мнению Салмазия, выражение Σειρηνίς πέτρα означает не мыс или оконечность Апеннинского п-ова, а служит названием острова Сирен (т.е. Сиренусс), расположенных, судя по контексту Дионисия Перизгета, в совр. Неаполитан-

ском заливе («К югу, довольно далеко за островом Сирен...» *Dion. Per.* 360). Толкованию этих строк помогают предшествующие стихи 357–359, упоминающие вкратце легендарное предание о Парфенопе – одной из женских демонических существ, которая бросилась в море и погибла после того, как мимо острова Сирен-девственниц благополучно проплыли аргонавты (*Salm. Plin. Exercit.* P. 45).

- Салмазий знаком не только с греческим текстом Дионисия, но и с комментарием к поэме Евстафия Солунского (XII в.). Так, Салмазий рассуждает по поводу основанной фокейцами в VI в. до н.э. Массалии, упоминаемой в поэме Дионисия Перизгета (ст. 75), и опирается на чтение одного из стихов Каллимаха (Φωκάεων, F 388, 8 Pfeiffer), исправляя ошибочное написание Евстафия Солунского Φωκεῖς («фокейцы») (*Eust. ad Dion. Per.* 75) (*Salm. Plin. Exercit.* P. 66).

С определенной долей вероятности можно допустить, что сходство в содержании и текстуальные схождения некоторых мест в произведениях Плиния Старшего (=Солина) и Дионисия Перизгета свидетельствуют об использовании обоими авторами общего или близкого по содержанию раннегреческого и эллинистического источника. Неизвестные ранее замечания Салмазия по поводу отдельных стихов Дионисия Перизгета не только приоткрывают интересную страничку в истории классической филологии XVII в., но и позволяют судить об уровне конъектуральной критики текста, способах и приемах, практикуемых великим французским гуманистом.

Н. Н. Казанский

Микенское *pa-ro* с дательным падежом и его возможные соот- ветствия в гомеровском греческом

Употребление предлога *pa-ro* с дательным падежом в микенских текстах, как считается, соответствует употреблению *παρά* + Gen. в классическом греческом¹. Это мнение сложилось уже давно и, на первый взгляд, в корректировке не нуждается. Существует, впрочем, небольшая группа примеров, в которых мик. *pa-ro* употреблено с родительным падежом:

PΥ Ea 782 .a

ra-wa-ke-si-jo

ru-ko-ro , e-ke , o-na-to , pa-ro, mo-ro-qa-ro-jo ,

ko-to-na ro-me-no GRA T 1

и возможно PΥ Cn 45. 6 *pa-ro do-ro-jo-jo*.

Эти редкие примеры заслуживают специального внимания, но мы оставляем их сейчас в стороне, сосредоточившись на более обычных употреблениях *pa-ro* с антропонимом, стоящим в дательном падеже, которые почти во всех контекстах могут быть поняты в значении «у кого-то», а также на выражении *pa-ro da-mo*.

В диалектах I тыс. до н.э. форма *πάρο* засвидетельствована только в эолийской лирике архаического периода у Алкея (fr.130, 12 L.-P.)².

Для микенского периода в последней и самой полной грамматике А. Бартонька подробно исследуется только выражение *pa-ro da-mo*, в котором *pa-ro* получает аблативное значение «от народа»³. Это стандартное выражение применяется к участкам земли, которые берут в аренду, как я попытаюсь показать, не

¹ F. Aura Jorro. Diccionario Griego-español. Vol. II. Madrid, 1993. s.v. *pa-ro*.

² «*παρά* steht vor Kons. in *παρά μοίραν* A 80,10, *παρά δ' ἔρχεται* S. 94,3 gegenüber *παρ δ' ἔεισι* S. 13, 2, *παρ δέ (= πάρεστι)*. *παρά* kann jüngere Zubildung zu *παρ* sein, aber auch eine alte Nebenform, vgl. got *faudra* und *faur* 'vor' (W.-P. II 34). Dem *παρ δέ = πάρεστι* steht A 24 B, 13 wahrscheinlich *πάρο = πάρεστι* ohne folgende Partikel gegenüber, wie ἔνο Epich., Pap. Hibeh 1, 1, 5 (Dazu Solmsen, Rh. Mus. 62, 1907, 320 f.)» – E.-M. Hamm. Grammatik zu Sappho und Alkaios. Berlin: Akademie Verlag, 1957. S. 111.

³ A. Bartoněk. Handbuch des mykenischen Griechisch. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 2003. S. 89, 349, 417, 423.

просто «у народа», но «во владениях, которыми распоряжается народ». На это указывает бóльшая часть микенских примеров, в которых употребление ра-го едва ли может быть сведено к аблативному значению – имеется ряд контекстов, в которых ра-го отчетливо обозначает «у кого-то».

Не имея возможности привести все примеры, ограничимся только выборочными. Приведем два примера из кносских таблиц:

KN C(2) 913 .2 ra-ro ko-ma-we-te CAP^m 1 «у Комавента один козел (в тексте исправление: первоначально стояло «коза»)».

KN C(2) 915 .A] OVIS^f 10 [.B] pa-ro , a-pi-qa-ta / pa-ro , do-e-ro CAP^f 10 [«у Амфигвота 10 овец, у раба 10 коз».

Такого рода тексты присутствуют и в других микенских центрах, включая Пилос, где упоминаются таким же образом и животные (PY Cn 40 .1 wa-no-jo , wo-wo , pa-ro , ne-ti-ja-no-re , pa-ra-jo OVIS^m 140 «В районе (букв. границе) Ва(р)на у Нестианора старых баранов 140» или .14 a-te-re-wi-ja , pa-ro , e-wi-te-we , a-ke-o-jo OVIS^f 70 «В Атревии у Эвитва сына Акея овец 70»), и люди PY An 129 .7 pa-ro , ka-ke-u-si , .8 we-ro-ta VIR 1 «у кузнецов В. – 1 чел.». Встречается ра-го с тем же значением «у кого-то» и в недавно найденных фиванских табличках с улицы Пелопида⁴.

Такого же рода примеры встречаются и в других микенских текстах, где повсеместно мы обнаруживаем значения «у кого-то». Такой перевод соответствует в наибольшей степени классическому греческому значению παρά + Gen., который способен передавать и аблативное значение, и значение «нахождения рядом, близ чего-то». При дальнейшем исследовании, разумеется, необходимо иметь в виду, что в диалектах первой волны греческого переселения (микенском, аркадском и кипрском) предлоги, выражающие элативное и аблативное значение (например, предлог ἀπό), употребляются с дательным падежом, так что ми-

⁴ V. L. Aravantinos, L. Godart, A. Sacconi. Thèbes. Fouilles de la Cadmée I. Les tablettes en linéaire B de la Odos Pelopidou. Édition et commentaire. Pisa; Roma, 2004. P. 167. Ср. также доклад А. Саккони (A. Sacconi, *Riflessioni sul significato di ο-ρα nei testi micenei*) на Римском микенологическом Коллоквиуме 2006 г.

кенское употребление ра-го + Dat. может быть приравнено к парὰ + Gen. в большей части греческих диалектов I тыс. до н.э.

Ясно, что такое явление носит до некоторой степени системный характер, однако объяснение эти факты до сих пор не получили. Объединить семантически аблативное значение и локативное значение «у кого-то» на основании сопоставления с фактами греческих диалектов I тыс. до н.э. невозможно.

Тем не менее, представляется необходимым постулировать единое значение для микенского ра-го + Dat. во всех микенских текстах, притом, что значение классического греческого парὰ выступает в очень широком спектре значений. Есть еще одно соображение, которое также могло бы браться в расчет: в языке гомеровских поэм отсутствуют какие-то ни было параллели к микенским текстам, притом, что в гомеровских поэмах сохранено немало черт, восходящих к микенской эпохе. Мы в праве ожидать, по крайней мере, косвенных отражений микенского узуса, основанного на преемственности устной традиции.

При анализе употреблений предлога парὰ создается впечатление, что здесь преемственность полностью отсутствует, а между тем, даже в разговорном языке мы были бы в праве ожидать сохранения каких-то устойчивых выражений, в которых была бы представлена норма микенского периода. Все это наводит на мысль, что микенские тексты мы понимаем недостаточно правильно. Поэтому есть смысл обратиться к гомеровским текстам, в которых засвидетельствовано употребление парὰ с Dat. и подробно рассмотреть те значения, которые представлены в греческом эпосе⁵.

В словаре Эбелинга выделяется значение 1) homo potissimum iuxta s. apud hominem с подразделом b) domi cuius, chez 'в чьем-то доме, у кого-то'. Это значение представлено не только у Гомера, но и в позднейшей греческой литеоатуре (см. LSJ, p. 1302, значение В II 2), где однако практически все примеры ограничены местоимениями. Остановимся подробнее на гомеровских примерах, включающих даже формульные сочетания, например, в Илиаде II. 4. 1 οἱ δὲ θεοὶ παρ Ζητὶ... = II. 7. 443 οἱ δὲ θεοὶ παρ Ζητὶ... «боги в доме (у) Зевса».

Ряд других эпических примеров так же отчетливо подразумевает, что речь идет о действии, происходящем в чьем-то доме,

⁵ H. Ebeling. *Lexicon Homericum*. Vol. I-II. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1885. Vol. II. P. 133

например, слугитель Эанта Ликофрон, сын Мастора, который жил у Эанта (II. 15. 431 ...ὅς ῥὰ παρ αὐτῶι ναί' ..., подразумевается – в доме). Точно так же в II. 17. 324 глашатай Эпитид, ὅς οἱ παρὰ πατρὶ γέροντι κηρύσσων γήρασκε... «который, будучи вестником, у старика-отца (в доме) состарился». Телемах, принимая Афины, явившуюся к нему под видом Ментора, говорит: Od. 1. 123 “χαῖρε, ξεῖνε, παρ’ ἄμμι φιλήσεται: ...”, причем «у нас» подразумевает «в нашем доме». Определенно о пребывании во владениях говорится в II. 18. 400, в рассказе о том, как Фетида и Эвринома приняли Гефеста в мрачной пещере посреди Океана. За этим следует «у них» (τῆισι πάρ’), т. е. в их владениях. Не менее отчетливы контексты, касающиеся «безнадельного мужа» в Od. 11. 490 ἀνδρὶ παρ’ ἀκλήρωι, ᾧ μὴ βίωτος πολὺν εἶη ... и в случае, когда речь идет о феаках: Od. 13. 204 αἶθ’ ὄφελον μείναι παρὰ Φαιήκεσσι / αὐτοῦ.

Далеко не все приведенные примеры относятся к древнейшим частям гомеровского эпоса. Тем не менее, мы отчетливо имеем здесь дело с периферийным, но устойчивым употреблением, так что правдоподобно предполагать в нем языковой архаизм и подчеркнуть языковую преемственность с микенским словоупотреблением. Заметим также, что сопоставление с позднейшим и в первую очередь гомеровским словоупотреблением позволяет более единообразным способом интерпретировать микенские тексты. Полного совпадения во всех нюансах значения и употребления мы ожидать не вправе, в том числе имея в виду изменения и в хозяйственном укладе, и даже в лексиконе. Мы не знаем, какого рода обязательства скрываются за микенским *o-pa*, однако при анализе фиванских подвесок⁶ К. Петерос и Ж.-П. Оливье специально отметили сходство в употреблении *pa-ro* + NV (dat.) и NV (gen.) + *o-pa*⁷.

⁶ Например, для текстов Wu 47 SUS^m / pa-ro te-qa-jo / ro-we-wi-ja

Wu 59 *171 36 / [ ]SUS^x / pa-ro , sa-me-/we / ro-we-wi-ja [

⁷ «La mention de *pa-ro* + NV dat. et gen. NV + *o-pa* sont les deux faces d'un seule et la même mécanique bureaucratique et servent à indiquer la localisation exacte de l'obligation (dans le palais pour *o-pa*, dans l'atelier de l'artisan ou dans l'unité de production pastorale de stabulation pour *pa-ro*) – Christos Piteros, J.-P. Olivier, José Melena, Les inscriptions en linéaire B des nodules de Thebes (1982): la fouille, les documents, les possibilités d'interprétation // Bulletin de correspondance Hellénique, 1990. Vol. 114. P. 103–184.

Сопоставление микенского материала с гомеровским словоупотреблением позволяет как будто нащупать общее значение выражения, лишенное аблативного значения, но зато легко интерпретируемого как «у кого-то». Тогда *pa-ro da-mo* «у народа» нужно будет понимать как «во владениях» народа, а *pa-ro + NV* – «во владениях X». Заметим, что «народ» *da-mo* выступает как юридическое лицо, ср. «а народ ей говорит» при описании судебной тяжбы со жрицей Эритой (PY Ep 704.5-6 *e-ri-ta*, *i-je-re-ja*, *e-ke*, *e-u-ke-to-qe*, *e-to-ni-jo*, *e-ke-e*, *te-o*, *da-mo-de-mi*, *pa-si*, *ko-to-na-o*, *ke-ke-me-na-o*, *o-na-to*, *e-ke-e*, *to-so re-mo* GRA 3 T 9 «Жрица Эрита имеет и торжественно заявляет, что имеет *этоний* от бога, а народ говорит, что она имеет в аренду участок земли *кекемена*. Всего зерна...»). Едва ли есть смысл толковать этот текст как отражающий спор на народном собрании – правдоподобнее понимать его как тяжбу по поводу земельного надела между представителем народа и жрицей. В соответствии с таким пониманием, все земельные сделки «у народа» происходят в отношении земель, находящихся в его ведении, но, как можно думать, юридическим оформлением занималось особое должностное лицо, действовавшее «от народа» и оформлявшее сделки с землей, находящейся «во владении» народа.

Такое «территориальное» значение *pa-ro + Dat.*, как мы могли видеть, сохраняется и в поэмах Гомера, и даже позже. Тем самым, можно видеть определенную семантическую преемственность от микенского «во владениях» к греческому употреблению *παρά + Dat.* со значением «в доме»⁸. Микенский материал позволяет, в том числе, несколько иначе взглянуть на значения, которые традиционно понимаются как «в доме» и предложить для них более широкую интерпретацию «на чьей-то собственной территории, во владениях». В частности, в сравнительно недавно обнаруженном в немейской надписи IV в. до н.э. выражении *παρ Ἐραί* (SEG 34.282) подразумевается либо сам храм, либо храмовый участок Геры (P. G. W. Glare. LSJ Revised Supplement. Oxford, 1996. P. 238).

⁸ Для слова «дом» в микенских текстах засвидетельствованы и *wo-i-ko-de* /woikon-de/ KN As 1519, и *do-de* /dō-de/ TH Of 33.

А. Б. Карасев

Образ четырех ветров на античных мозаиках Испании и в идиомах европейских языков

Значение идиомы, как отмечает В. Н. Телия, «формируется за пределами собственно языковой ситуации, хотя и выражается оно языковыми средствами» [Телия В. Н., 1972, с.512].

В современных романских, германских и славянских языках имеются фразеологические единицы (ФЕ), в состав которых входят слова со значением «четыре ветра»; эти идиомы объединяет общее значение (фразеологический фрейм) «повсюду», «куда угодно» или «отовсюду». Так, в романских языках:

Исп. *anunciar a los cuarto vientos*, ит. *spargere ai quattro venti* – разглашать на весь мир, всем; ср. фр. *jeter à tous les vents* – досл. развеять по всем ветрам; *des quatre vents* – со всех концов света.

В германских языках: нем. *in alle vier Winde zerstreuen* – досл. «разбросать на все четыре ветра», ср. *aus allen vier Winden* – досл. «из всех четырех ветров», «отовсюду»; ср. англ. *the four winds* – страны света, *from the four winds* – со всех сторон; в этом же значении употребляются в английском ФЕ *from the four corners of the globe* или *from all corners*.

В славянских языках: русск. (устаревшее) – на все четыре ветра, укр. на всі чотири вітри, на всі вітри, пігнався на штири вітри; пол. *isc zabierac sie na cztery wiatry* – идти, убираться на четыре ветра; сравн. хорв.-серб. *na sve cetiri strane svijeta*.

В русском, украинском, белорусском и хорватско-сербском языках в этой идиоме слово *ветер* заменяется на слово *сторона*. Сравним у А.С. Пушкина в «Капитанской дочке»: «Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь» (слова Пугачева).

В. М. Мокиенко [2003, с.428], оставляя открытым вопрос о происхождении в русском языке оборота *на все четыре ветра*, но допуская, что он мог быть совмещением исконного выражения о четырех ветрах и библейской фразы, считает возможным признать исконно русский (восточнославянский) статус оборота *на все четыре стороны*.

И. Франко подчеркивал то, что «четыре ветра» – древнейший символ всех возможных направлений, всего кругозора, что эти выражения характеризуют пустое поле, где ветры гуляют свободно, что число ветров может в этих выражениях колебаться – например, «Іди на десять вітрів!» отражает 10 различных сторон и направлений ветров.

Польские и немецкие авторы признают указанные выше славянские и германские ФЕ библеизмами [Rohrich, 1977, с. 1152]. Действительно, в Книге пророка Захарии (2,6) мы читаем: «Эй, эй! Бегите из северной страны, говорит Господь: ибо по четырем ветрам небесным я рассеял вас, говорит Господь». Как отмечает В. М. Мокиенко, в христианстве находят длинную вереницу символизма числа *четыре*: четыре ангела уничтожения стоят на четырех углах земли, откуда дуют четыре ветра; четыре реки, истекающие из рая и наводняющие и ограничивающие существующий мир; небесный Иерусалим, располагающийся на четырех углах и т.п. [Chevalier, Gheerbrant, 1987, с.87-89].

В нескольких древних городах Испании имеются мозаичные панно II–III вв. н.э., на которых можно увидеть изображения четырех ветров (Г. Лопес Монтеагудо, 2005). Так, на знаменитой мозаике из Мерида (Августа Эмерита, пров. Бадахос) сохранилось изображение трехмерного мира, моря, земли и воздуха. Возможно, мастер этого шедевра эпохи Антонинов (как считает Г. Лопес Монтеагудо) уроженец Александрии Египетской. В верхней части мозаики воспроизведены Небо во всем своем могуществе и четыре главные ветра. Все названия ветров греческие: Boreas, сравн. лат. Aquilo; Eurus, сравн. лат. Vulturinus; Zephyrus, сравн. лат. Favonius; Notus, сравн. лат. Auster. На мозаике из Италики (пров. Севилья), относящейся к эпохе Северов, изображено рождение Венеры; в композиции участвуют фигуры четырех ветров, идентифицируемые по их именам. Наконец, в археологическом музее Кордобы имеется мозаичное панно со сценой триумфа Вакха из Альколеи, датируемое 160–170 гг. н.э., на котором колесница бога, влекомая кентаврами, занимает центральный восьмиугольник, а по углам композиции расположены четыре бюста главных ветров, вписанные в окружности.

На всех этих античных мозаиках в художественной форме отражается концептуальная модель мира (КММ), которой в определенной степени могла соответствовать языковая модель мира (ЯММ). Информация КММ и той части ЯММ, которая совпадает с КММ, является инвариантной, не зависимой от того, на каком языке она выражается [Брутян, 1973]. Упомянутые выше античные мозаики Испании показывают, что во II–III вв. н.э. образ четырех ветров ассоциировался с четырьмя божествами ветров и фиксировался на мозаичных панно, авторы которых, вероятно, имели восточное (греческое, египетское, сирийское) происхождение. Этот образ стал общим для всей римской империи.

Ни в латинском, ни в древнегреческом нет идиом, подобных приведенным выше, однако есть названия четырех ветров, причем в римской литературе у Вергилия, Овидия и более поздних авторов встречаются как латинские, так и греческие имена ветров, иногда название ветра обозначает сторону света, например, *Boreas* – север (у Горация), *Eurus* – восток (у Валерия Флакка). Вероятно, формировались указанные выше идиомы в соответствии с древней КММ, служившей основой, своего рода прототипом для этих ФЕ. Кроме того, с распространением христианства играла роль ЯММ, представленная в библейских текстах.

Сходство КММ и ЯММ проявляется здесь в некоторых общих чертах, которые обнаруживаются в разных живых индоевропейских языках. Так, Иван Франко подчеркивал, что «четыре ветра» – древнейший символ всех возможных направлений, всего кругозора. В испанском языке встречается ФЕ *cuatro vientos* в значении «горизонт». На мозаике из музея Кордобы изображения четырех ветров помещены по углам композиции. В английском языке значение «со всех сторон» выражается двумя идиомами: *from the four winds* и *from the four corners of the globe* (досл. из четырех углов вселенной).

Существуют и некоторые различия в ЯММ, характерные для упомянутых выше живых языков, связанные с различными способами видения мира, закрепленными в языке. Так, во французском испанскому *cuatro vientos* и итальянскому *quattro venti* соответствует *tous les vents*. В украинском число ветров в идиоме заменяется на 10: *Иди на десять вітрів!* В русском к слову *четыре* добавляется слово *все*: на все четыре стороны и на все четыре ветра. В русском, украинском и белорусском происходит замена слова ветер на слово сторона или слово бок (укр., белор.), но при этом в русской литературе XX века не выходит из употребления и идиома со словом ветер. Так, у М. Цветаевой в одном из прощальных стихов 1916 г., обращенных к Мандельштаму, возникает образ четырех ветров: Растреплют крылья твои по всем четверем ветрам,/ Серафим! – Орленок! (Иванов Вяч. Вс., 2000, с. 447)

Все ФЕ, приведенные выше, отличаются от своих нефразеологических прототипов, к числу которых можно отнести, например, образы четырех ветров или сторон света в римской литературе и в Библии, «приращением смысла», выражая дополнительные оттенки, эмоции говорящего.

Литература

- Брутян Г. А. Язык и картина мира // НДВШ, Филологические науки, 1973, № 1, с.108–109.
- Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II. Статьи о русской литературе. М., 2000, 880 с.
- Лопес Монтеагудо Г. Испано-римские мозаики на мифологические сюжеты в контексте средиземноморской культуры эпохи античности // ВДИ, 2005, № 1, с.74–102.
- Мокиенко В. М. Почему так говорят? – СПб., 2003, с.423–430.
- Телия В. Н. Фразеология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М., 1972, с. 456–513.
- Chevalier, J., Cheerbrant A. Rječnik simbola: Mitovi, sni, obicaji, geste, oblici, boje, brojevi, 2-izd. Zagreb, 1987, 870 s.
- Rohrich Lutz. Lexikon der sprichwortlichen Redensarten. Bd. 1-4, Freiburg; Basel; Wien, 1977, 1256 s.
- Франко І. Галіцько-руські народні приповідки. Т. 1-3. Львів, 1901–1905.

Т. А. Карасева

Формула латинского фонетического закона и ее применение

Еще в 1914 г. ученик А. Мейе Ж. Вандриес писал: «Как формула происшедшего в прошлом изменения фонетический закон имеет абсолютный характер. Эта его черта вытекает из согласованности фонетической системы и из правильности ее изменений. Так как изменение связано не со словом, а с артикуляцией, все слова, заключающие в себе ту же артикуляцию, изменяются одинаково. В этом сущность фонетических законов; это – формулы, выражающие итог процесса, это – правила соответствий». Обобщая исследования ученых XX века, посвященные фонетическим законам (ФЗ), В. К. Журавлев в статье 1984 г. приводит формулу, выражающую сущность любого ФЗ: звук (а) регулярно переходит в звук (b) в строго определенной позиции (р) в данном языке (L) на данном этапе развития (Т). Эта же формула приведена и в статье В. К. Журавлева «Фонетические законы», в Лингвистическом энциклопедическом словаре.

Рассмотрим параметры Т, L и Р приведенной формулы применительно к фактам истории латинского языка.

1. **Параметр Т (tempus, время).** На чем основано установление времени действия того или иного ФЗ? В первую очередь на датировке надписей. Но датировка надписей часто бывает приближительной. Она более или менее надежна, когда в надписи есть упоминание известного исторического события или лица, даты жизни которого известны. Конечно, играют роль и форма букв, и датировка археологами предметов, на которых начертана надпись, а также предметов, окружающих находку. Следует учитывать, что фиксация фонетического изменения в надписи, как правило, опаздывает по сравнению со временем действия ФЗ. Это опоздание приблизительно равно продолжительности жизни одного поколения (то есть для античности – около 50 лет, а иногда и больше). Если римская традиция сообщает, что Луций Папирий Красс, цензор 339 г. до н.э., первый в своем роде именовался Papirius, а не Papisius (Cic., Epist, IX 21,2), то 339 г. нужно считать не временем начала действия закона ротацизма, а временем завершения его действия. Таким образом, параметр Т для закона ротацизма нужно определять как начало IV в. до н.э.

Время действия ФЗ должно определяться также на основании реконструкции системы и относительной хронологии фоне-

тических процессов. Так, например, относительная хронология изменений дифтонгов в архаической латыни позволяет выстраивать цепочку: T1, T2, T3.

Фонетический закон гласит: $eu > u$, но относительная хронология этого изменения дает нам $eu > ou$ (T1), $ou > u$ (T2). Когда в системе дифтонгов и долгих гласных освобождается место дифтонга ou , на это место передвигается oi (Карасева, 2003, с.27-28). Дифтонг oi , изменившись в ou , далее по цепной реакции переходит в u , но $u < oi$ возникает позже, чем $u < eu$.

2. Параметр P (positio). Указанные выше изменения происходили в сильной позиции, в ударном слоге. Однако изменение дифтонга eu даже в сильной позиции зависело от окружающих его звуков. Между l и губным $*eu > ou > oi > ei > i$. После начального v и между l и губным или лабиовелярным oi не изменялось в ou , а переходило в ei и затем в i . (Тронский, 2001, с.84).

Таким образом формулы для фонетических законов $eu > ou > u$, $oi > ou > u$, $oi > ei > i$ должны приводиться с указанием позиций.

Если позиция, в которой происходит фонетический переход, не может быть установлена, значит данное фонетическое изменение нельзя считать фонетическим законом, поскольку формула фонетического закона предполагает наличие в ней *всех параметров* (a, b, p, L и T). Так, невозможно установить позицию для изменения $oi > oe$. Это изменение можно назвать фонетической тенденцией по аналогии с изменением $ai > ae$ на рубеже III-II вв. до н.э., или влиянием заимствований из греческого.

3. Параметр L (lingua, язык).

Если для римской латыни можно назвать фонетическими законами – $ei > i$, $ou > u$, то для территориально близких к Риму говоров Пренесте, Норбы и языка фалисков законами являются изменения $ei > e$, $ou > o$, происходившие в тот же период, что и указанные изменения в Риме.

Если в большинстве латинских говоров к V в. до н.э. уже завершился переход $eu > ou$, а к концу IV в. до н.э. завершилась монофтонгизация $ou > u$ (из $*eu$), то на крайнем юге Италии, в Калабрии, встречается написание *Teurano* в приписке к сенатскому постановлению о святилищах Вакха (186 г. до н.э.): *in agro Teurano*.

Сохранение дифтонга eu здесь следует объяснять особенностями местного говора (L), а также спецификой имен собственных, дольше сохраняющих архаические черты.

Все сказанное выше должно найти применение, во-первых, при реконструкции архаических латинских текстов и их толковании, и во-вторых, при обучении латинскому языку в высших учебных заведениях.

Параграфы учебника латинского языка, посвященные фонетическим законам (см., например, пар. 17-25 прекрасного учебника под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы), приводят только параметры а, в, р указанной выше формулы ФЗ, однако, как правило, упоминаются только основные фонетические законы, и не указывается ни параметр Т (за исключением закона ротацизма), ни параметр L. Так, например, в параграфе 22 указанного учебника говорится: в серединном открытом слоге дифтонг ai (впоследствии ae) переходит в i долгое, однако лучше было бы сначала привести закон: ai > ae в начальном слоге в конце III в. до н.э. в говоре Рима, а затем говорить о переходе в другой позиции ai > i. Тогда не было бы ошибки cecidi из cesaedi (с.26). Действительно, сначала в серединном открытом слоге ai > ei (T1), а затем уже ei > i (T2) (Тронский, 2001, с.89), но никогда долгий гласный i в указанной позиции не происходил из ae. То есть необходимо четко разграничивать две линии изменения дифтонга ai в разных позициях: ai > ae (P1, T1),

ai > ei (P2, T1) > i (T2).

Переход ai > ei > i долгое сопоставим с законом редукции краткого гласного в серединном открытом слоге: а > е > i.

Литература

- Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. Пер. с франц. Изд. третье, М.: Едиториал УРСС, 2004, с. 52.
- Журавлев В. К. Диахроническая фонология, состояние и перспективы // ВЯ, №5, 1984, с. 39–48.
- Журавлев В. К. Фонетические законы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990, с. 554-555.
- Карасева Т. А. Историческая фонетика латинского языка. Изд. второе. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2003.
- Латинский язык под ред. В. Н. Ярхо, В. И. Лободы. 4-е изд., М.: Высшая школа, 1993, с. 24–26.
- Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Изд. второе, М.: изд-во «Индрик», 2001.

А. С. Касьян

Фонема /o/ в хеттском языке?

0.1. Предварительно необходимо отметить, что хеттская клинопись (как и все остальные клинописные системы Ближнего востока) не отличается той логикой, которая естественна для нас, привыкших к греческому буквенному письму.

Хрестоматийный пример — передача взрывных. В хет. письме использовались знаки серии «t» (PA, TA, KA) и «d» (BA, DA, GA). Общепринятая (и, по-видимому, верная) точка зрения, что употребление этих знаков регулируется не фонетическим обликом слов, а исключительно орфографическими правилами. Правила эти крайне непоследовательны и вообще вряд ли могут называться «правилами»: в очень многих случаях употребление двух серий как будто совершенно неупорядочено. Главенствующим принципом, по всей видимости, является принцип прецедента.

Однако, если взять какой-нибудь изолированный фрагмент хеттской системы письма, то может сложиться впечатление, что противопоставление двух серий отражает этимологическое (scil. фонетическое) противопоставление.

Возьмем употребление знаков TA и DA в начале слова. Видно, что TA обычно пишется в соответствии с ИЕ *t-, а DA с ИЕ *d- и *dh-.

1. *ta*, др.-хет. показатель начала фразы, ‘и’ (графич. *ta*). Русс. *та* ‘и, также’, др.-греч. τῶ ‘тогда’.

2. *taje-/taja-* ‘красть’ (графич. *ta*-^o; написания через *da*-^o засвидетельствованы, но редко). ИЕ *(s)tā(i)- ‘id.’.

3. *tapašša-/tapišša-* ‘болезнь (горячка)’ (графич. *ta*-^o). ИЕ *tep-/*top- (др.-инд. *tāpas-* ‘Hitze, Glut’, etc.).

4. *tar-* ‘говорить’ (графич. *ta*-^o или *tar*-^o; написания через *da*-^o засвидетельствованы, но редко). ИЕ *terā-/*torā- ‘id.’ (лит. *tariù, tarýti*).

5. *tarhu-* ‘побеждать; мочь’ (графич. *ta*-^o или *tar*-^o). ИЕ *terHu- (др.-инд. grs. *tarute*).

6. *da-* ‘брат’ (графич. *da*-^o). ИЕ *dō ‘давать’.

7. *dai-* ‘класть’ (графич. *da*-^o). ИЕ *dhē ‘id.’.

8. *dakk-* ‘соответствовать’ (графич.: обычно *dak/ták*-^o, но изредка *da*-^o). ИЕ *dek-/*doḱ-.

9. *daluga-* ‘длинный; долгий’ (графич. *da*-^o; написания через *ta*-^o засвидетельствованы, но редко). ИЕ *dǵgho- ‘id.’.

10. *dankui-* ‘темный’ (графич. *da*-^o; написания через *ta*-^o засвидетельствованы, но редко). ИЕ *dhng^w- ‘id.’.

11. *daššu-* ‘сильный; тяжелый’ (графич. *da-*^o; написания через *ta-*^o засвидетельствованы, но редко). IE **dhs-* ‘id.’ (др.-греч. $\delta\alpha\sigma\acute{\upsilon}\varsigma$).

Есть исключения, но немного, и некоторые допускают другое объяснение.

1. *dam-ešš-*, *dam-ašš-* ‘притеснять’ (графич.: встречается и *da-*^o, и *ta-*^o). IE **demə-/domə-*.

2. *taru* ‘дерево’ (графич. *ta-*^o, мало фиксаций). IE **deru-/doru* ‘id.’. Необходимо отметить, что этот корень как раз нарушает «классические» соответствия ностратических смычных, ср. пра-алт. **t'jór(g)e* ‘support, beam’ (EDAL: 1439), пра-картв. **dwire* ‘бревно, брус’; об этом дополнительном ряде ностратических смычных см. Старостин 2000. Т.е. для анатолийской ветви можно было бы предположить особую рефлексацию этого ностратического смычного как /t/ (что традиционно соответствовало бы алт. **t'*).

3. *tegan*, gen. *tagnaš* ‘земля’ (графич.: написания через *ta-*^o превалируют; через *da-*^o встречаются реже). IE **dheǵhm̥/*dheǵhōm*, gen. **dh^bǵh^mmos*. Основа с бругманновым спирантом. Не вполне ясно, какой первый согласный надо восстанавливать для раннего IE состояния. Возможно, и глухой.

Однако, если рассматривать всю систему хеттского письма, а не только эту изолированную позицию, было бы рискованно постулировать подобное графическое противопоставление серий согласных (хотя бы только и для знаков TA, DA) — ср., напр., Güterbock 1989: 310.

0.2. Второй предварительный пункт. Говорить о собственно фонетике новохеттского языка надо с большой осторожностью — все указывает на то, что хеттский стал мертвым письменным языком в новохеттскую эпоху (по крайней мере после Мурсила-са II).

0.3. Ниже датировки хеттских текстов даются по Конкордансу Сильвина Кошака (Kořak Konkordanz).

1.1. Суммарно клинописные системы Ближнего востока насчитывают около 20 знаков, для которых предполагается (в числе прочих) чтение /u/.

Иногда удается показать, что за противопоставлением разных знаков «u» стоит фонетическая реальность.

В первую очередь это касается нипурской школы (ст.-вав. диалект аккадского), где $\acute{U}$ употребляется в слогах, восходящих к стяжению старых сочетаний вида **i-u*, а U и U₄ — в слогах,

восходящих к стяжению старых сочетаний вида **a-u*. Т.е. $\acute{U} = /u/$, а $U/U_4 = /o/$. См. Westenholz 1991.

По аналогии с этим нечто подобное предполагается для определенных шумерских памятников (Lieberman 1979), что, впрочем, остается вопросом дискуссии.

Неорфографическое распределение знаков $\acute{U}$ (т.е. = /u/?) и U (т.е. = /o/?) традиционно предполагается для миттанийской клинописной системы хурритского языка. См. Wegner 2000: 38 ff.; Giorgieri 2000: 181 f. В данном случае, однако, речь идет только об одном тексте (письме Тушратты), написанном одним писцом, что делает фонетическую интерпретацию несколько спорной. Делаются попытки усмотреть это же фонетическое распределение U и $\acute{U}$ и для некоторых других графических систем хурритского: поздний текст из Эмара (Wegner 2000: *ibid.*) или хур.-хет. билингва из Богазкёя (Wilhelm 1992: 124 ff.).

1.2. Достаточно рано противопоставление /u/ и /o/ начали предполагать и для хеттского языка (ср. уже Weidner 1917), однако эта гипотеза традиционно отвергается большинством специалистов, см. Melchert 1994: 26 w. lit.

2.1. Хронологически последняя попытка реанимировать идею о противопоставлении /u/ (знак $\acute{U}$) и /o/ (знак U) в хеттском принадлежит Элизабет Рикен: см. ее лекцию в берлинском Freie Universität в 2004 г. (я благодарен Андрею Шацкову за предоставленную копию хендаута). Утверждается следующее. IE **ǵ* и *ǵ*-дифтонги дают хет. /u/, которое впоследствии расщепляется на /u/ и /o/ в зависимости от консонантного окружения. Звук/фонема /u/ обозначается знаком $\acute{U}$ (нерегулярное написание *plene*); звук/фонема /o/ обозначается знаком U (нерегулярное написание *plene*). По материалам Рикен основные позиции, где появляется знак U , — это перед/после *h/hh* и перед /r/. По Рикен, такое графическое распределение действует начиная со ср.-хет. периода и в новохет. время.

Хорошей типологической параллелью является т.н. «готское преломление» (переход /i, u/ > /e, o/ перед *r, h, hv*).

2.2. Формат настоящей статьи не позволяет мне полностью рассмотреть вопрос о знаках U и $\acute{U}$ в богазкёйской хеттской клинописи. Я вынужден ограничиться лишь общими замечаниями.

3. Необходимо выделить несколько основных позиций употребления знака U в хеттской клинописи. Позиции 3.1—3.2 являются чисто графическими; позиции 3.3—3.4 можно назвать не только графическими, но и фонетическими или морфонологическими.

3.1. Знак HU в начальной или серединной позиции может свободно чередоваться с комбинацией HU-U, напр.: *hu-u-uš-ti-iš-kán-zi* (NS: KUB 30.23++ III 14) vs. *hu-uš-te-iš-kán-zi* (idid. III 28), *hu-iš-wa-an-du-uš-ma-aš-ša-an* (NS: KUB 39.7++ II 18) vs. *hu-u-iš-wa-an-du-ša-kán* (ibid. II 33). Эти написания *plene* никак не связаны с ударением — ср. многочисленные случаи слов с *plene* при HU (HU-U) и при каком-нибудь другом гласном, напр.: *hu-u-da-a-ak* ‘спешно, быстро’ (MS: KUB 23.72+ Vs. 48).

Комбинация HU-U на месте HU редка в текстах OS, учащается в MS, и становится практически равночастотной простому написанию HU в NS. Напр., в текстах царского погребального обряда (все тексты PreNH/NS; издание: Kassian et al. 2002) знак HU без следующего U встречается 67 раз, а HU-U — 56 раз. По сути, мы имеем полное право транслитерировать HU-U как HU_x для хеттских текстов.

NB: в конечной позиции (практически речь идет только о форме *e-hu* ‘приди!’) как будто всегда сохраняется написание через HU.

3.2. Перед знаком WA (случаи приставки *u-* ‘от’ < IE **au-* пока не рассматриваются).

Знак WA после гласного (морфонологич. {V_цa}). Возможно простое написание WA (*ne-e-wa-an*, ном.-асс. п. ‘новый’) и плеонастическое U-WA (*ne-e-u-wa-an*). Первое скорее характеризует древнейшую систему письма (OS). Второе учащается в MS и приоритетно в NS. В NS практически никогда не записывается через U-WA в основном только энклитика *-war* ‘мол, -де’ (см. Hoffner 1985: 339a) и еще небольшое количество слов, типа *kuwabi* ‘когда?; где?’ (*ku-wa-pí* *passim*, крайне редко *ku-u-wa-pí*), для остальных морфем можно ожидать U-WA. Напр., в текстах царского погребального обряда (все тексты PreNH/NS; издание: Kassian et al. 2002) не в анлаутной позиции знак WA без предыдущего U встречается 74 раза (энклитика *-war* и местоимение *kuwabi* не учитывались), а U-WA — 83 раза.

NB: Также встречается плеонастическое написание *Ú-WA* (*me-mi-ú-wa-an-zi* MS IBoT 2.39 Rs. 18), но оно нечасто (хотя уже в OS и вплоть до NS) и здесь не рассматривается.

Знак WA после согласного (морфонологич. {Cya}). Простое написание: *a-ku-an-zi* ‘они пьют’ < /ak/ + /anzi/. Возможны две степени плеоназма: *a-ku-wa-an-zi* и *a-ku-u-wa-an-zi*. Простое написание характерно для OS (хотя встречаются и два других способа), плеонастические написание становятся приоритетными в MS и NS, причем частотность -U-WA- как будто возрастает.

NB: Также встречается плеонастическое написание $\acute{U}$ -WA (*ša-ak-ru- $\acute{u}$ -wa-an-[zi]* NS KUB 55.19:9 — inf. **šak(u)ruwai-** ‘to water; to drink’), но оно нечасто (хотя уже в OS и вплоть до NS) и здесь не рассматривается.

В начале слова. Обычно пишется WA (*wa-al-ah-zi* ‘he strikes’), но возможно и *u-wa-al-ah-zi*, однако это встречается крайне редко.

По сути, мы имеем полное право транслитерировать U-WA как WA_x для хеттских текстов.

3.3. Передача {u} в интервокале или в начале слова.

В начале слова, если следом идет /a/ (случаи приставки *u-* ‘от’ < IE *au- пока не рассматриваются). Стандартная запись через WA — см. выше про написание со знаком WA.

В начале слова, если следом идет не /a/ (случаи приставки *u-* ‘от’ < IE *au- пока не рассматриваются). Стандартная запись через $\acute{U}$: *$\acute{u}$ -e-ik-zi* ‘he wishes’. Случаи записи через U достаточно редки.

В середине слова, если следом идет /a/. Стандартная запись через WA или U-WA (о которых см. выше). Однако достаточно часто встречается запись через одиночное U: *i-na-ra-u-an-za* (OS: KUB 36.110 Rs. 11'), [(wa-a)]*q-qa-ri-ja-u-ar* (MS: KUB 23.12 Rs. III 7'), *pa-a-u-ar* (NS: KBo 1.35:4). Случаи записи через $\acute{U}$ исключительно редки (ср. *pár-ga- $\acute{u}$ -aš-ši* KUB 58.63 II 4).

В середине слова, если следом идет не /a/. Таких позиций мало. В основном это 1 pl. prs./prt. act. *-wenil-wen* от основ на гласные и прилагательные *u*-склонения. Во все периоды отмечено и U, и $\acute{U}$. Ср. *mi-i-ja-u-e[-eš]* (NS: KBo 13.118 IV 4') = *mi-i- $\acute{u}$ [-(-e)-eš]* (NS: KUB 39.15 IV 9) < *mi(ja)u-* + *-eš*. Написание через U частотнее, ср. *$\acute{u}$ -wa-u-e-ni* (OS: KBo 17.1++ IV 7, KBo 17.3++ III 16), *i-ya-u-en* (MS: KBo 16.27+ Vs. II 4'), *pa-an-ga-u-i* (NS: KUB 30.24++ II 17, III 11'), *da-a-u-e-en* (NS: KUB 39.8++ III 30"), *i-da-a-la-u-i* (NS: KBo 5.8 I 13), *a-aš-ša-u-i-ma-mu* (NS: KBo 5.8 I 14).

NB: При редком и позднем знаке WI₅ спорадически встречается U-WI₅: *na-u-wi₅* (LNS: KUB 25.14 i 9) ‘not yet’.

3.4. Передача {u} в позиции после согласного (этот согласный не *h*).

Если следом идет /a/. Стандартная запись: *a-ku-an-zi*, *a-ku-wa-an-zi* или *a-ku-u-wa-an-zi* — см. выше раздел про знак WA. Редко отмечено плеонастическое написание через дополнительное -U-: *kap-pu-u-an-te-eš* (MS: KUB 30.10 Vs. 21') from **kapu(wai)**- ‘to count’; *ma-al-tu-u-an-zi* (NS: KUB 15.28 iii 8), inf. in -war from **malt-** ‘to recite’; *ma-ni-in-ku-u-an* (NS: KBo 5.6 III 36), *ma-ni-in-ku-u-an-te-eš* (NS: KUB 1.2 I 13), [*ni*]-*ni-in-ku-u-an-zi* (NS: KUB 1.9 iii 12), from **nini(n)k-** ‘to set in motion’ + *-wanzi*.

Если следом идет не /a/. Стандартное написание: *li-in-qa-nu-e-er* (KUB 40.88 IV 10). Однако не так редко отмечено плеонастическое написание через дополнительное -U-: *kap-pu-u-en-zi* (OS: KBo 6.2++ IV 20), from **kapu(wai)**- ‘to count’; *li-in-ku-u-e-ni* (NS: KUB 31.42 III 16), *li-in-ku-u-en* (NS: KUB 23.29:8), 1 pl. prs./prt. from **link-** ‘to oath’; *ma-az-zu-u-e-ni* (NS: KBo 12.126 i 24), 1 pl. prs. from **mazz-** ‘to resist’; *mi-e-nu-u-e-er* (NS: KUB 19.22 rt. col. 3), **minu-** ‘to make mild’; *ni-ni-in-ku-u-e-ni* (NS: KUB 50.6 iii 44), from **nini(n)k-** ‘to set in motion’; *pár-ku-u-i[š]* (KUB 35.92 Rs. 19), *pár-ku-u-i* (LNS: KUB 24.5 Vs. 29); *pár-ku-u-e-eš-šu-un* (NS: KUB 1.1 I 39); примеры можно умножить. Встречается написание и через U, но значительно реже: *še-ek-ku-ú-e-ni* (NS: KUB 49.56 Rs. 3), from **ša/ekk-** ‘to know’; *pa-aš-šu-ú-i* (NS: KUB 22.25 Vs. 15, KUB 58.11 Vs. 5), from **paššu-** ‘(an elevated structure)’ (ср. параллельное *pa-aš-šu-u-i*).

После знака CVC. Особая редкая позиция. Преимущественно употребляется *Ú*: *har-ú-e-ni* (NS: KBo 12.42 Rs. 5), from **har(k)**- ‘to hold’ + *-weni*.

4.1. Я подсчитал количество употреблений знаков U и *Ú* (т.е. количество адресаций) по двум томам Чикагского словаря: CHD, L—N и CHD, P. Конечно, это достаточно грубая статистика (в частности, в нее не включена анлаутная позиция), но все же представляется, что она может отражать реальное положение вещей.

В таблице под «интервокальной» понимается позиция после *a/e/i* перед *a/e/i*.

	Знак U	Кол-во адресаций	Знак Ú	Кол-во адресаций
Позиция 3.1–3.2	HU-U (типа <i>hu-<u>u</u>-iš-wa-an-du-ša-kán</i>)	81	HU-Ú	0
	U-WA [не в анлауте] (типа <i>ne-e-<u>u</u>-wá-an</i>)	331	Ú-WA [не в анлауте] (типа <i>me-mi-<u>ú</u>-wá-an-zi</i>)	11
	HU-U-WA (типа <i>iš-<u>hu-u</u>-wa-i</i>)	51	HU-Ú-WA	0
Позиция 3.3	Интервокальное U + <i>ei</i> (типа <i>pa-an-ga-<u>u</u>-i</i>)	127	Интервокальное Ú + <i>ei</i> (типа <i>ma-<u>ú</u>-ir</i>)	58
	Интервокальное U + <i>a</i> (типа <i>la-<u>u</u>-an-zi</i>)	71	Интервокальное Ú + <i>a</i> (типа <i>pár-ga-<u>ú</u>-aš-ši</i>)	1
Позиция 3.4	cU-U + <i>ei</i> (типа <i>mi-e-<u>nu-u</u>-e-er</i>)	78	cU-Ú + <i>ei</i> (типа <i>pár-<u>ku-ú</u>-i</i>)	17
	cU-U + <i>a</i> (типа <i>ma-ni-in-<u>ku-u</u>-an</i>)	15	cU-Ú + <i>a</i>	0
	После знаков CVC	0	После знаков CVC (типа <i>har-<u>ú</u>-e-ni</i>)	25
	Остальное	376	Остальное	251
ВСЕГО		1130		363
ВСЕГО по позициям 3.1—3.4		754		112

4.2. Из таблицы видно, что

- 1) знак U более чем в три раза частотнее знака Ú;
- 2) Основная функция знака U — передача морфонологического {u}.

5. Фонетическая интерпретация.

5.1. Позиция 3.1 (HU-U). Появление U после HU (нехарактерное для OS, но учащающееся в MS и обычное в NS) допускает чисто графическое объяснение: прибавление U, чтобы четче различить знаки HU и RI. Это находит параллель в различении знаков UK и AZ, которые совпадали в OS и к которым потом стали подписывать маленькие UT и ZA (ст.-акк. и ст.-вав. манера, не сразу воспринятая хеттами).

Конечно, можно считать, что написания вида *hu-u-uš-ti-iš-kán-zi* передавали фонет. /ho.../, но для написаний вида *pár-hu-u-e-na-áš* такая интерпретация непригодна (см. ниже пункты о {u}).

5.2. Позиция 3.2 (U-WA). Неясно, почему хеттские писцы любили такое плеонастическое написание для {ц}. Можно было бы считать, что перед интервокальным {ц} гласный дифтонгизировался, т.е. *ne-e-u-wa-an* (< IE *neuo-t ‘новое’) отражает что-то вроде /ne^hцaп/, но совершенно неясно, почему этот дифтонгоидный призвук надо интерпретировать как /o/.

Аналогично для позиции после согласного, т.е. *ta-uš-šu-u-wa-an-zi* (**maušš-** + *-wanzi*). Можно было бы считать, что в таком контексте появляется новый слог, т.е. /Cцa/ > /Cцa/, но совершенно неясно, почему этот вставной гласный надо интерпретировать как /o/ (**/Cцa/).

По всей видимости, написание U-WA проще всего рассматривать как орфографический прием, не отражающий никакой фонетической реальности. Если же видеть в нем фонетику, то знак U передает тут /u, ц/, но не /o/.

5.3. Позиция 3.3 ({ц} в интервокале или в начале слова). В стандартных написаниях вида *ra-a-u-ar* или *i-da-a-la-u-i* знак U следует интерпретировать как /ц/. Чтение /o/ или /o/ представляется неприемлемым.

5.4. Позиция 3.4 ({ц} в позиции после согласного). Исключительно теоретически за написаниями вида *ti-e-nu-u-e-er* или *ta-ni-in-ku-u-an* можно видеть что-либо типа **/maninkцaп/, где сам глайд /ц/ оказывается графически невыраженным. В действительности же мы обязаны это интерпретировать как /maninkцaп/ (или /maninkцaп/), т.е. знак U = /ц/.

6. Заключение. Основная функция знака U – /ц/ (или /u/ рядом с /ц/). Напротив, знак $\acute{U}$ в основном употребляется в позиции перед согласным (по сути, это строка «Остальное» в таблице выше). Но и знак U в позиции перед согласным весьма частотен (и даже частотнее $\acute{U}$).

Как совершенно точно указала Рикен, в позиции перед гласными *h*, *hh* и */r/* практически всегда употребляется знак U, но не $\acute{U}$ (хотя и не без исключений): *ru-u-ru-ut*, *ru-u-hu-ga-ri-iš* и т.п. Однако перед другими консонантами такой четкой дистрибуции не прослеживается, т.е. U и $\acute{U}$ распределены по лексемам или же разные написания сосуществуют как свободные вариан-

ты (хотя Рикен пытается и тут сформулировать правила фонетической дистрибуции, достаточно сложные).

Объем настоящей статьи не позволяет мне подробно остановиться на этом вопросе и разобрать употребление знаков U и Ú в позиции перед согласным. Выскажу лишь два итоговых соображения, касающихся фонемы /o/ в хеттском языке.

6.1. Если [u] и [o] оказываются позиционно распределенными (в зависимости от следующего согласного), то, исходя из наших нынешних общих представлений о хеттской клинописи, несколько странно было бы предполагать достижения хеттскими писцами такого уровня лингвистической рефлексии, что они стали различать уникальные аллофоны одной фонемы. Это возражение, впрочем, снимается при следующей конструкции: если мы принимаем, что хурритский фонематически различал /u/ и /o/, то можно предположить, что при активном заимствовании хурритской лексики (процесс, начинающийся как раз в период среднехеттского языка) хеттский заимствовал и фонему /o/, а соответственно и в исконных словах [u] с [o] перестали быть аллофонами друг друга. (Это представляется более удачным построением, нежели попытка Рикен постулировать фонематизацию /o/ посредством и.-е. «ларингалов», которые сначала окрашивали [u] в [o], а затем в крайне ограниченном числе морфем падали.)

6.2. Если действительно /o/ передавалось через знак U, то мы получаем совершенно нелогичную орфографическую систему: знак U = /ɥ/ и /o/, а знак Ú = /u/ (и /ɥ/ в анлауте и в маргинальной графической позиции после знаков CVC).

Это в корне отличается от других известных клинописных систем с фонетическим распределением знаков U и Ú (ст.-вав. ниппурский, миттаньский хурритский, хурритский хур.-хет. билингвы), где /ɥ/ передавалось посредством знака WA (или знаков на базе WA), а знаки U и Ú обозначали собственно гласные.

Представляется, что если хетты реформировали свою клинопись с целью фонетически упорядочить употребление U и Ú, то их выбор должен был бы скорее пасть на Ú как способ передачи /o/.

Для нас же, если мы исходим из презумпции наличия /u/ и /o/ и графического их различения в хеттском языке, при имеющемся материале было бы более естественно подозревать как раз

знак $\acute{U}$ в значении /o/, а не U. Т.е. U = /ц, ш/, $\acute{U}$ = /o/, что, однако, на практике наталкивается на не меньшие трудности.

Я склоняюсь к тому, что дистрибуция знаков U и $\acute{U}$ является чисто графическим феноменом и не несет никакого фонетического смысла. Более подробный разбор этого вопроса я надеюсь дать в одной из следующих статей.

Литература

- Старостин 2000 — Старостин С. А. Об одном новом типе соответствий шумных смычных в ностратических языках // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: Доклады и тезисы международной конференции. М., 2000.
- CHD — The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1980—.
- EDAL — Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Brill, 2003.
- Giorgieri 2000 — Giorgieri M. Schizzo grammaticale della lingua hurritica // La civiltà dei Hurriti (=PdP 55). Napoli, 2000. P. 171—277.
- Güterbock 1989 — Güterbock H. Marginal Notes on Recent Hittitological Publications // JNES 48/4. 1989. P. 307—11.
- Hoffner 1985 — Hoffner H. A. // JAOS 105/2. 1985.
- Kassian et al. 2002 — Kassian A. S., Korolëv A. A., Sidel'tsev A. V. Hittite Funerary Ritual *šalliš waštaiš* (=AOAT 288). Münster, 2002.
- Košak Konkordanz — Košak S. Konkordanz der hethitischen Keilschrifttafeln (I—LXI), v.1.0.
<http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/hetkonk/> [visited 31.04.2006].
- Lieberman 1979 — Lieberman S. J. The Phoneme [o] in Sumerian // Studies in Honor of Tom B. Jones (=AOAT 203). Neukirchener Verlag, 1979.
- Melchert 1994 — Melchert H. C. Anatolian Historical Phonology. Amsterdam—Atlanta, 1994.
- Rieken 2004 — Rieken E. On the Spelling of Hittite /o/. Freie Universität, 2004 [hand-out].
- Wegner 2000 — Wegner I. Einführung in die hurritische Sprache. Wiesbaden, 2000.
- Weidner 1917 — Weidner E. F. Studien zur hethitischen Sprachwissenschaft I. Leipzig, 1917.
- Westenholz 1991 — Westenholz A. The Phoneme [o] in Akkadian // ZA 81. 1991.
- Wilhelm 1992 — Wilhelm G. Hurritische Lexikographie und Grammatik. Die hurritisch-hethitische Bilingue aus Boğazköy // Or. 61. 1992.

М. Касьянова

**Некоторые замечания о мифе об Айоне и Тифоне
в поэме Нонна Панополитанского "Деяния Диониса"**

Мифу о Тифоне в поэме Нонна Панополитанского "Деяния Диониса" посвящены I, II и XIII песни поэмы. Формально миф не имеет отношения к Дионису и дионисийскому культу, между тем как его место в поэме (большая часть первой песни и целиком вторая песнь) и исключительно подробное его изложение (подробнее в поэме не излагается ни один миф, за исключением мифов о Дионисе) не позволяют судить о нем как о побочном вставном эпизоде, число которых в поэме очень велико. Причины появления этого мифа в поэме требуют подробного и тщательного изложения; здесь же необходимо отметить некоторые особенности его содержательной стороны. С точки зрения содержания миф о Тифоне в первых двух песнях поэмы представляет собой объединение, в общем, известных до Нонна версий мифа, которые поэт соединяет вместе, действуя сообразно с принципами построения всего текста своей поэмы (здесь речь идет, прежде всего, о принципе "пойкилии", пестроты и разнообразия – Нонн сам называет свою поэму *ποικίλος ὕμνος* (I, 15), "пестрым" или "многоискусным", "многоликим"¹ гимном). Так, в первых двух песнях поэмы идет речь о том, как Тифон крадет у Зевса перуны, и, спрятав их в пещере, нарушает весь мировой порядок, смешивая на небе созвездия, день с ночью, а сушу с морем. Зевс призывает на помощь Кадма, и тому удается игрой на флейте усыпить Тифона. Это позволяет Зевсу вернуть себе перуны, сразиться с Тифоном и ударом перуна победить его в битве. Исчерпав, казалось бы, тему борьбы Зевса и Тифона в первых двух песнях, Нонн, тем не менее, возвращается к этому мифу еще раз, в XIII песни поэмы, где вновь говорит о поражении Тифона, которое тот терпит, однако, вовсе не от Зевса, а от старца Айона. Ни в одной из предшествующих Нонну версий мифа о Тифоне не упоминается победа Айона над Тифоном, в то время как Нонн говорит об Айоне и Тифоне следующее:

---

¹ Так предлагает переводить *ποικίλος ὕμνος* А.В. Захарова, посвятившая значению слова *ποικίλος* у Нонна специальное исследование (Захарова А., Торшилов Д., "Глобус звездного неба. Поэтическая мастерская Нонна Панополитанского" СПб., 2003, стр. 19-31)

ἀλλὰ Διὸς Λυδοῖο θυώδεα ἠὲ νηὸν ἑάσσας
 ἀρητῆρ ἄσιδηρος ἐμάρνατο κέντορι μύθῳ,
 μύθῳ ἀκουτιστῆρι, καὶ οὐ τμητῆρι σιδήρῳ,
 γλώσση ἐρητύων πειθήμιον υἷον ἀρούρης,
 ἔγχος ἔχων στόμα θυῶρον, ἔπος ξίφος, ἀσπίδα φωνήν,
 τοῦτο θεοκλήτῳ προχέων ἔπος ἀνθερεῶνι
 στῆθι, τάλαν' φλογόεις δὲ Γίγας ὑπὸ μύστιδι τέχνη
 ἀρραγέος μύθοιο σοφῶ στηρίζετο δεσμῶ
 ἀνέρα δειμαίνων κεκορυθμένον ἔμφροι λόγχη,
 γυιοπέδην ἄσιδηρον ἔχων ποιμήτορι μύθῳ·
 οὐδὲ τόσον τρομέεσκεν ὀιστευτῆρα κεραυνοῦ
 αἰνογίγας πολύπηχης, ὅσον ῥήξηνορα μύστη
 γλώσση ὀιστεύοντα λάλον βέλος, εἶχε δὲ κάμνων
 ἔλκεα φωνήεντα πεπαρμένους ὀξεί μύθῳ
 καὶ πυρὸς ἔλκος ἔχων, τετορημένος ἔγχει θερμῶ,
 ἄλλῳ θερμότερῳ νοερῶ πυρὶ κάμνε Τυφωεύς (XIII 479^ο494)

("Но, покинув благовонный храм лидийского Зевса, безоружный жрец сразился острым словом, словом-копьем, а не режущим железом, речью сдержав послушного сына земли; и, имея вместо копья неукротимые уста, слово как меч, а вместо щита – голос, такое слово взывающими к богам устами обратил <к Тифону>: "Стой, злосчастный!". А Гигант, запыхав под тайным мудрым искусством несокрушимого слова, устранившись мужа, вооруженного мудрым копьем, застыл окованный и обезоруженный наказывающим словом. И задрожал он, ужасный многорукий Гигант, не из-за метателя перуна, но из-за тайного сокрушителя, мечущего словесное оружие устами. И, изнемогая, оцепенев от острого слова, со смертельными ранами Тифон мучался от огненной раны, пронзенный огненным копьем иного жаркого разумного огня").

О толковании этого не вполне ясного места, которое, на первый взгляд, даже противоречит первым двум песням поэмы, где идет речь о том, что Тифон побежден перунами Зевса, и которому не было уделено достаточно внимания в литературе, посвященной поэме Нонна², и пойдет речь ниже.

² Так, например, в фундаментальном издании поэмы Нонна, снабженном подробнейшим комментарием, идет речь о том, что жрец Зевса сдерживает речью бога или демона, однако причины использования Нонном этого мифа не разъясняются (Nonnus Panopolitanus. Les dionysiaques. v. 5: chants X–XIII (Texte établi et trad. par Francis Vian), Paris,

Прежде всего, необходимо уяснить, каковы общие положения, касающиеся мифологии Айона и что значит слово "αἰών" в поэме Нонна.

Собственно айон, ὁ αἰών, "жизненный век" (например, Ном., II, XVI, 453), "вечность" (Hes. Theog., 609), которая не имеет ни начала, ни конца (Aristot., De caelo, 283b), является "силой, все превосходящей" (Orphica, Hymni, 28), а в качестве личного, мифологического "Айона" считается сыном Хроноса (Euripid., Heracl., 900).

Подобным "живым" и личностным изображен Айон и в поэме Нонна – поэт говорит об Айоне как о седом бородатом старце, помощнике Зевса и стороннике людей (Dionys., VII, 22 ff). Нонн называет Айона "ποικιλόμορφος", "имеющим много видов, изменчивым" (VII, 23), но вместе с тем и "ποιμῆν ἀειδαύ βιότοιο", то есть "пастырем вечной жизни" (VII, 28). Та же мысль об изменчивости и вместе с тем вечности Айона повторяется им в словах "εἰς νέον ἐκ παλαιοῦ ῥέει μορφοῦμενος αἰών", "в новое из старого течет меняющий форму айон" (III, 256); а также в обращении Зевса к Айону: "ὦ πάτερ, ἀειδάων ἑτέων αὐτόσπορε ποιμῆν", "отец, саморождающий пастырь вечных лет" (VII, 73). Кроме того, как видно из приведенного выше фрагмента XIII песни поэмы, Айон – сила, способная останавливать и сдерживать *словом*, μύθῳ – повторенное 5 раз в пределах 15 строк слово μύθῳ, безусловно, обращает на себя внимание. Между тем еще христианские гностики определяли Айон как "последнюю ступень перед высшим существом" в таком ряду как "Бог, Айон, Космос, Время, Становление"³. Примечательны здесь и слова Гераклита, которые приводит Ипполит, где тот называет Айоном – Логос (Ἡράκλειτος ... φησιν εἶναι ... λόγον αἰῶνα) (Hippolyt., Ref. haer., IX, 9). При этом известно, что осно-

---

1995; p. 247); не предлагают разъяснения и работы, посвященные мифологии Тифона (например, одно из самых подробных исследований, посвященных Тифону: Vian F. Le mythe de Typhée et le problème de ses origines orientales. // Elements orientaux dans la religion grecque ancienne. Paris, 1960) или мифологии Айона в поэме Нонна (Stegemann V. Astrologie und Universalgeschichte. Studien und Interpretationen zu den Dionysiaka des Nonnos von Panopolis; Leipzig-Berlin, 1930).

³ Брагинская Н. В. Эон в "Похвальном слове Константину" Евсевия Кесарийского // Античность и Византия, М., 1975, стр. 288; Corpus hermeticum, XI, 2.

вой всего мироздания Гераклит считал именно Логос, понимаемый стоиками как мировой разум, которому подчинена природа и человек. Филон Александрийский называл Логос "вторым Богом" (Philo Jud., Legum allegor. libr. I-III, II, 86), словом и мыслью Бога, создавшего с его помощью мир вещей. Такое понимание Логоса привело, в конечном счете, к идентификации Логоса с Христом (впервые - в Евангелие от Иоанна). При этом у Ипполита с Христом идентифицировался Айон (Hippolyt., Ref. haer., V, 8). Итак, Айон – это бесконечное движение и обновление, лежащее в основе всего мироздания, это сила, стоящая между высшим богом и людьми и являющая собой еще и несокрушимое Слово. Возможно, Айон – это и есть некий Логос мира нонновской поэмы, способный восстанавливать при помощи $\mu\acute{\upsilon}\theta\omicron\varsigma$ гармонию мира. Подтверждают это предположение некоторые строки нонновской парафразы Евангелия от Иоанна Нонна. Так, парафраза начинается словами:

"Αχρονος ἦν, ἀκίχητος, ἐν ἀρρήτῳ λόγος ἀρχῆ (специально отмечены эпитеты, добавленные Нонном в парафразируемый текст) - "вневременное, недвижимое, в неизреченном начале было Слово". Между тем, "ἀκίχητος" и "ἔμπεδος", недвижимым и недосыгаемым, называет Нонн в парафразе также и вечность, αἰών (VIII, 94). Если сопоставить указанные эпитеты Логоса и айона, "вечности", в нонновской парафразе с персонифицированным Айоном в "Деяниях Диониса", то окажется, что эти эпитеты вовсе не противоречат созданному Нонном образу Айона в поэме. Айон есть вечность, то есть сила, заключающая время в себе⁴ (αὐτόσπορος), поэтому сам он находится вне времени, ἄχρονος. Айон есть сила, заключающая в себе вечное движение (ῥέει), поэтому сам он недвижим, неколебим, ἀκίχητος. Примечательно также и то, что в тексте парафразы Нонн называет словом "λόγος" именно само Писание, Учение, но слово, исходящее от Бога, он называет всегда "μῦθος" (в то время как в тексте парафразируемого Нонном Евангелия от Ио-

⁴ Так, В. Штегеманн считает, что вообще вся поэма Нонна представляет собой развитие мирового айона, мирового года, в котором зима, например, заканчивается после поражения Тифона в первых двух песнях поэмы (Stegemann V. Astrologie und Universalgeschichte. Studien und Interpretationen zu den Dionysiaka des Nonnos von Panopolis. Leipzig; Berlin, 1930. S. 127 ff.)

анна слово μῦθος не встречается ни разу)⁵. В свою очередь, в "Деяниях Диониса" слово "λόγος" не встречается ни разу, что, если принять во внимание предположение о том, что нонновский Аион и есть "Логос", мировой порядок, не является удивительным, при этом главным орудием этого Логоса-Айона является μῦθος, что, как было показано, полностью соответствует пониманию слова μῦθος как словесного проявления божественного Логоса в нонновской парафразе. Таким образом, если считать, что Аион – это Логос, слово и мысль бога, то есть Зевса, то замечание о том, что Тифон был побежден словом и мыслью бога, испугавшись именно их, а не перунов, как сообщает Нонн, не противоречит первым двум песням поэмы. Как отметила в своем исследовании, посвященном антитипии⁶ у Нонна, А.В. Захарова, "каждый эпизод поэмы имеет антитип (как минимум один)"⁷. Потому, вполне обоснованным кажется видеть в победе Айона над Тифоном "отображение" самого момента победы Зевса, сразившего во второй песни поэмы Тифона огнем, перуном, а здесь спалившего Тифона огнем своего слова, поэтому и "иным", "другим" (ἄλλος), "надмирным", "ино-мирным" огнем

⁵ В доказательство приведем несколько примеров из текста, парафразируемого Нонном, и из самой парафразы:

Парафразируемый текст.	Парафраза Нонна.
καὶ ἐπίστευσαν τῇ γραφῇ καὶ τῷ λόγῳ ὃν εἶπεν ὁ Ἰησοῦς (2, 22)	θεῖον ἐπιστάσαντο λόγον πείθοντο τε μύθῳ, Ἰησοῦς ὃν εἶπε (2, 109-110)
ἐπίστευσεν ὁ ἄνθρωπος τῷ λόγῳ ὃν εἶπεν αὐτῷ ὁ Ἰησοῦς (4, 50)	...καὶ κρατῖνος ἀνὴρ ἐπεπίεθετο μύθῳ, Ἰησοῦς ὃν εἶπε... (4, 228-229)
ὅτι ὁ λόγος ὁ ἐμὸς οὐ χῶρει ἐν ὑμῖν (8, 37)	οὐ γὰρ ἐμὸς ποτε μῦθος ἐς ὑμετ ἔρην φρένα δύει (8, 101)

⁶ А. В. Захаровой в книге "Глобус звездного неба. Поэтическая мастерская Нонна Панополитанского" (СПб., 2003) было проведено подробное исследование, посвященное "антитипии" у Нонна. В самых общих чертах явление антитипии у Нонна можно определить как "отклик подобного на подобное", при этом прилагательное ἀντίτυπος у Нонна чаще всего значит "отвечающий подобным", "соответствующий".

⁷ Захарова А., Торшилов Д. Глобус звездного неба. Поэтическая мастерская Нонна Панополитанского. СПб., 2003; стр. 173.

силы, лежащей в основе мирового порядка, находящейся вне мира, но заключающей этот мир в себе.

Выдвинутое выше предположение об отождествлении Айона – Слова бога – и Логоса у Нонна, и, следовательно, о победе, одержанной Зевсом не оружием, а Словом, подтверждает, как кажется, и ряд примеров из негреческих мифологических текстов. Так, в Ригведе царь Варуна способен словом отогнать врага, который проник даже в сердце (I, 24, 8). Там же оказывается возможным сокрушить гимнами стены и скалы (I, 71, 2). Наконец, известно и большое число более поздних примеров, где бог побеждает противника словом (в первую очередь здесь идет речь о словесных поединках): например, Тор побеждает таким образом Альвиса в "Старшей Эдде" ("Речи Альвиса"), а в "Калевале" Вяйнямёйнен с помощью слов побеждает своего соперника Ёукахайнена (III, 21–330).

Н. Л. Кацман

Культурологический аспект курса «Древние языки и культуры» в системе современного гуманитарного образования в Российской Федерации

В учебных планах всех гуманитарных вузов нашей страны имеется обязательный курс «Древние языки и культуры». Содержание этого курса варьируется в зависимости от профиля конкретного вуза. В настоящем сообщении рассматривается содержание и возможности реализации культурологического аспекта данного курса в институтах и на факультетах иностранных (западноевропейских) языков, в которых более правильно называть его «*Латинский язык и античная культура*». (Относительно других аспектов курса см. 1). При этом, поскольку количество часов, отводимых на этот курс, мягко выражаясь, явно недостаточно (а в ряде вузов, если смотреть правде в глаза, сведено до *катастрофически* недостаточного), de facto этот курс, как известно каждому преподавателю, и называют просто «Латинский язык», и изучают, прежде всего, именно как *языковую дисциплину*. Культурологическая же составляющая курса, в основном, инкорпорируется в сам процесс изучения языка, поскольку специально на курс античной культуры можно выделить не более трех-четырёх лекций. В этих лекциях необходимо дать беглый очерк основных, эпохальных событий в истории и культуре древней Греции и Рима, уделив особое внимание их связям с прошлым и настоящим европейской и мировой культуры. В дальнейшем, при чтении текстов и даже отдельных фраз, содержащих познавательную информацию по мифологии, истории и культуре античного мира, в сочетании с соответствующими комментариями к ним, углубляются и расширяются сведения, лишь бегло намеченные в лекциях, подчас обозначенные лишь упоминанием о важном событии или знаменитом имени. Таким образом, экстралингвистическая, в нашем случае – культурологическая информация выносится в комментарии: исторические, мифологические, реально-бытовые.

Итак, какой минимум необходимо включить в лекции по античной культуре? Представляется наиболее естественным начать с Троянской войны и поэм Гомера, упоминание о которых постоянно встречается в текстах, что даст возможность, если позволит время, постепенно рассказать о раскопках Шлимана, затем Эванса, приведших к открытию догомеровской Крито-

микенской культуры, сказать хотя бы несколько слов о знаменитом «Лабиринте» – Кносском дворце на Крите (2).

Главным *историческим* событием древней Греции, мимо которого никак нельзя пройти, были Греко-персидские войны, результатом победы в которых явился небывалый подъем, апогей *культурного* развития Греции в V- IV вв. до н. э., период, который носит название «Классическая Греция». Важнейшие сражения в этих войнах невидимыми нитями связывают древнюю Грецию и наш современный мир. Кто не знает, что такое «Марафонский бег»? Но далеко не все знают, почему он так называется, почему он был включен в программу Олимпийских игр при их восстановлении в 1896 г., какова точно длина марафонской дистанции. Рассказ о том, что Марафон – это небольшое поселение, расположенное в 42 км. и 195 м. от Афин, при котором греки одержали первую и самую важную сухопутную победу над персами в 492 г. до н. э., и что лучший бегун Греции, пробежав после битвы от Марафона до Афин, чтобы как можно скорее принести весть о победе, свалился замертво (не потому, что бежал хуже современных спортсменов, а потому, что накануне «сбежал» через горный перевал за подкреплением, а потом принял участие в битве) и что именно в честь этого человека, по имени Филиппид, учреждено соревнование «Марафонский бег», оживляет и приближает к нам события далекой истории (3). Несомненно надо знать и о битве при Фермопилах (вспомним фильм «300 спартанцев»), и о последовавшей за ней морской победе при о. Саламин. С этой битвой античная традиция связывает имена трех знаменитых греческих трагиков: Эсхил участвовал в сражении при Саламине; Софокл, которому тогда было 16 лет, был в хоре юношей, прославлявших победителей, а Еврипид, как считали, родился в год этой битвы (хотя родился он на 4 года раньше, в 484 г., но очень сильно было желание современников, уже тогда понимавших величие этих имен, связать их воедино!). Последующие события: Пелопоннесская война, возвышение Македонии, походы Александра Великого, образование эллинистических государств как результат распада его империи (студенты должны понимать, что скрывается за понятием «эпоха эллинизма»); наконец, завоевание Греции Римом придется из-за недостатка времени лишь бегло упомянуть, порекомендовав студентам соответствующую литературу (2). В частности, необходимые сведения студенты могут почерпнуть из специальных словарей, составленных для этих целей кафедрой классической филологии МГЛУ (4,5).

Культурологический аспект курса, касающийся Рима и тесно связанный с латинским языком, требует, естественно, более подробного рассмотрения. Чтобы хотя бы в общих чертах понять, каким образом маленькое, поначалу ничем не выделявшееся, поселение на Тибре превратилось со временем в огромную средиземноморскую державу, а язык его жителей, пережив падение этой державы, дожил до наших дней, оказавшись самым «живым» из всех мертвых языков, надо знать основные вехи истории древнего Рима. Во вступительной лекции надо рассказать о главных событиях, создать необходимый каркас, контурную конструкцию, которая в дальнейшем, при чтении текстов, будет обрастать необходимыми подробностями, деталями, уточнениями. Итак, контуры: основание Рима в 754 или 753 г. до н. э.; царский период истории Рима. При этом, хотя мы и называем этот период «царским», переводя слово *rex*, как «царь», надо объяснить, что такой перевод не отражает точного значения слова, т. к. власть «рекса» не передавалась по наследству и не была абсолютной: решающее слово принадлежало народному собранию и его высшему органу – совету старейшин. Членами народного собрания были только *patrii* – родовая знать, т. е. те, у которых отцами – *patres* – (или предками) были коренные жители Рима; только они составляли *populus Romanus* в древнейший период истории Рима; второй частью общества были *плебеи* – люди, которые могли владеть землей, служили в римской армии, но не имели политических прав (не участвовали в народном собрании) и не могли вступать в брак с дочерьми патрициев. (Относительно происхождения плебеев существуют разные теории, но большинство ученых придерживается того мнения, что это были жители покоренных римлянами еще в царский период и принятых в Рим соседних народов. Этимологию этого слова выводят от архаического глагола *pleo*, – , – , *ege* 2 «наполнять»). (См. А. Walde, 6). Реформы предпоследнего римского царя, Сервия Туллия (578-534), значительно улучшили положение плебеев, но, тем не менее, не уравниали их в правах с патрициями. Следующий важный этап: изгнание последнего римского царя, Тарквиния Гордого в 510 или 509 г. После этого в Риме устанавливается республика (*res publica!*). Объясняем студентам точное значение сочетания этих двух слов; оно означало, что все дела по организации своей жизни *populus Romanus* берет теперь на себя. «*Res publica – res populi*» говорил Цицерон, и эти его слова приводятся в учебнике. Студентам, таким образом, становится понятным происхождение слова «респуб-

лика», вошедшего во все европейские языки. Высшими должностными лицами в республике становятся теперь два *консула*, избираемые из патрициев и сменявшиеся ежегодно. Обращаем внимание студентов на то, что это слово вошло в новые языки, в том числе и в русский с изменившимся значением.

После изгнания царей почти два века римской истории прошли под знаком борьбы плебеев с патрициями. В конце концов плебеи, которые составляли большинство населения, добились уравнивания в правах с патрициями. Они теперь стали равноправными членами Народного собрания и получили доступ к государственным должностям. Это привело к усилению военного могущества римлян и позволило им к началу III в. до н. э. завершить завоевание Италии, что превратило Рим в крупнейшее государство Западного Средиземноморья.

Следующим очень важным, эпохальным событием в истории Рима были Пунические войны, войны с Карфагеном – могущественным североафриканским государством, господствовавшим в восточной части Средиземного моря. Три Пунические войны (во 2-й из которых главнокомандующим в войске карфагенянина был знаменитый Ганнибал), продолжались в общей сложности (с интервалами) около 120 лет. Их значение для дальнейшей истории Рима так же велико, как для Греции значение Грекоперсидских войн. Многочисленные фразы и тексты, связанные с событиями и участниками этих войн, постоянно встречаются в учебнике. Поэтому студенты должны обязательно знать даты каждой из этих войн, ее цели и результаты. Первая Пуническая война (264–241) велась за обладание Сицилией; ее результатом был выход Рима за пределы Италии – образование внеиталийских провинций: Сицилии, а затем также Корсики и Сардинии. Вторая война (218–201) велась за владычество в Испании; третья (149–146) привела к полному уничтожению Карфагена. В дальнейшем, при чтении соответствующих текстов, можно будет более подробно поговорить об отдельных эпизодах и лицах, связанных с этими войнами. (В частности, знаменитое *Ceterum censeo...*). Следует далее отметить, что завоевания римлян продолжались и в периоды между Пуническими войнами и после их окончания. Важнейшим из них с точки зрения культурного обогащения Рима было завоевание Греции, завершившееся в год окончания 3-й Пунической войны.

«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила,
В Лаций суровый искусства внеся...»

(Гораций в переводе Л. М. Гаспарова).

В конце II в. до н. э., в результате войны (поначалу провальной для римлян) с царем Нумидии Югуртой, эта североафриканская страна также была завоевана и превращена в римскую провинцию. Об этой войне важно упомянуть, т. к. она послужила плацдармом для возвышения *Гая Мария*, под руководством которого была одержана победа не только над Югуртой (105 г.), но и над германскими племенами кимвров и тевтонов (102–101 гг.), до этого трижды побеждавшими римлян. В войске Мария еще во время войны с Югуртой выделился своим полководческим талантом *Луций Корнелий Сулла*; оба они, став непримиримыми противниками, сыграли очень важную роль во *внутренней истории* Рима последних лет республики.

Переломным моментом этой *внутренней истории*, о которой должна пойти речь дальше, явилась победа во второй Пунической войне, которая обеспечила Риму гегемонию во всем бассейне Средиземного моря. Из завоеванных областей в Рим хлынули массы рабов, обеспечивших крупным землевладельцам бесплатную рабочую силу, а также золото и множество других дешевых товаров, в том числе, дешевое зерно; все это привело, с одной стороны, к еще большему обогащению богатых, с другой, – к разорению крестьян, мелких ремесленников и торговцев и увеличению числа *пролетариев* (proletarius в Древнем Риме – это человек, не имевший ничего, кроме своего потомства – proles. Объяснение этого слова, коренным образом изменившего свое значение в новое время, позволяет в очередной раз продемонстрировать связь эпох через язык).

Огромное скопление рабов и свободных, но неимущих граждан создавало в Риме очень напряженную обстановку. Начинается борьба за проведение аграрной реформы, целью которой было наделение землей разорившихся крестьян за счет частичного изъятия ее у богатых землевладельцев. Идеологами и проводниками этой реформы становятся *братья Гракхи*, первые известные нам представители партии *популяров*, отражавшей интересы плебса, главным образом, крестьян. Их борьба за улучшение положения крестьян, хотя и увенчалась успехом, но привела к первым вооруженным столкновениям в Риме, приведшим к гибели их самих и многих их сторонников (старший, Тиберий, погиб в 132, младший, Гай, в 121 до н. э.) в борьбе с *оптиматами* – партией крупных землевладельцев, представителей и сторонников *сената* (пример слова, которое и в наши дни практически сохранило свое значение). С этого времени начинается почти столетний период нестабильности в Римской республике.

лике, важнейшие события и личности которого должны быть известны студентам, поскольку постоянно фигурируют в текстах учебников. Приведем краткий их перечень.

1. Крупнейшее восстание италийских союзников Рима (Союзническая война 90–88 гг.), которые, служа в римской армии и способствуя, таким образом, приумножению богатств Рима, были абсолютно неправы. Борьба с восставшими была поручена Сулле, который подавил это восстание с исключительной жестокостью.

2. Противостояние Мария и Суллы, которые фактически боролись за установление личной власти; при этом победа каждого из них (а власть попеременно переходила от одного к другому) приводила к резне в Риме и уничтожению противников. Особенно преуспел в этом Сулла, придумавший т. н. *проскрипционные списки*, в которые зачислялись все подозрительные ему люди. Человека, внесенного в проскрипционный список, не только можно было безнаказанно убить, но и получить за это часть его конфискованного имущества. Победивший в конечном счете Сулла был провозглашен диктатором на неопределенный срок (дело в том, что диктаторы назначались в Риме и раньше при чрезвычайных обстоятельствах, но только не более чем на 6 месяцев), а его «изобретение» стали использовать и другие политические деятели в борьбе за власть.

3. Восстания рабов, особенно самого крупного из них под руководством Спартака (74–71).

4. Роль *Цицерона* (106–43) в общественной жизни Рима. Цицерон – самый известный оратор и крупный политический деятель, современник Цезаря. В борьбе Цезаря и Помпея (см. ниже) выступал на стороне Помпея, но был прощен Цезарем. Необходимо несколько слов сказать о его речи против Верреса (отрывок из этой речи и отдельные фразы из нее (адаптированные) есть в учебнике. То же относится к его консульству в 63 г. и раскрытию им заговора Катилины – это был звездный час его *политической* карьеры.

5. Выход на политическую арену *Цезаря* (100–44), с самого начала заявившего о себе как о стороннике Мария и партии популяров (его тетка была женой Мария, сам Цезарь был женат на Корнелии, дочери марианца Цинны; Сулла потребовал, чтобы он развелся с женой, но Цезарь не подчинился и вынужден был скрываться от Суллы до его смерти в 79 г.). Союз Цезаря с Помпеем и Крассом (1-й триумvirат, 60 г. до н. э.); консульство Цезаря (59). Войны Цезаря в Галлии (58–51); два похода Цезаря в

Британию (55 и 54 гг.) во время этих войн. Во всех учебниках постоянно встречаются и отдельные фразы, и целые главы из «Записок» Цезаря об этих войнах, включая экспедиции в Британию. Затем распад триумvirата; противостояние Цезаря и сената, сторону которого принял Помпей; переход Цезаря через *Рубикон* с войском (*Alea jacta est!*) – гражданская война (49–45); победа Цезаря. Реформа календаря в январе 45 г. («Юлианский календарь», по которому жила Россия до 1917 г. и до сих пор живет православная церковь). Заговор против Цезаря и его убийство в *Мартовские иды* 44-го года. Гражданская война после убийства Цезаря; второй триумvirат: Антоний, Лепид, Октавиан, усыновленный племянник Цезаря (полное имя Гай Юлий Цезарь Октавиан), по завещанию – его наследник. Победа триумvirов, новые проскрипции, жертвой которых пал, в частности, Цицерон, выступавший с пламенными речами против Антония («филиппики»). Затем история повторяется: триумvirат распадается и идет борьба за власть между Антонием и Октавианом. Победа Октавиана означала конец гражданских войн и наступление долгожданного мира. *Pax Romana* – это был лозунг, объединявший все слои римского общества, умело используя который Октавиан, сохранив все внешние атрибуты республики, добился единоличной власти. Эта власть основывалась на соединении в руках одного человека (его самого) различных магистратур, что было невозможно во времена истинной республики: в 36 г. он получает пожизненную трибунскую власть; начиная с 31 г. ежегодно избирается консулом, что означает также и высшую военную власть; получив цензорские полномочия, он составляет новые списки сенаторов, в которых ставит свое имя на первое место: он теперь *princeps senatus*. Этот титул существовал и раньше, но никаких особых привилегий, кроме права первым высказывать свое мнение по обсуждаемому вопросу, не давал. Теперь этот титул обозначает не только первого человека в сенате, но и первого человека в государстве: никто не мог быть избран ни на какую должность и ни один вопрос не мог быть поставлен на обсуждение сената или Народного собрания без предварительного согласия принцепса. Новое значение приобрело и слово *imperator*. В республиканские времена это был почетный титул, который войска присваивали полководцу-победителю и который сохранялся лишь от победы до триумфа. Октавиан же включил его в состав своего имени. Начиная с 27 г., когда сенат наградил его почетным титулом *Augustus*, что означает «возвеличенный» (божеством), Октавиан

стал именоваться *Imperator Caesar Augustus, divi filius* – император Цезарь Август, сын божественного (Юлий Цезарь был еще раньше обожествлен). С тех пор слово «император» стало употребляться в значении «верховный правитель». За самим же владельцем этого длинного титула традиция закрепила просто имя «Август» или «Октавиан Август» (хотя сам он Октавианом себя никогда не называл), а созданный им государственный строй (I–II вв. н. э.) получил название *эпоха принципата* или *эпоха ранней империи*.

Остальные события римской истории вплоть до падения Западной римской империи в 476 г. можно изложить буквально в нескольких словах, после чего, естественно, основное внимание должно быть уделено I веку до н. э. – периоду наивысшего расцвета Римского государства, периоду, язык которого – классическую латынь – мы изучаем. Помимо Цезаря и Цицерона, которые, будучи политическими деятелями, являются также крупнейшими писателями этой эпохи, необходимо сказать несколько слов и об историках: Саллюстий (86 –35) и его произведениях «Заговор Катилины» и «Югуртинская война; Ливии (59 до н. э. – 17 н. э.), написавшем великий исторический труд «Ab Urbe condita» и о Таците (ок. 55 – ок. 120). Выдержки и пересказы из произведений этих историков составляют содержание наших учебников. Должны быть также названы поэты первой половины I в. до н. э. – Лукреций и его знаменитая поэма «De rerum natura», о котором впоследствии Вергилий, имея в виду его знаменитую поэму «De rerum natura», скажет в своей поэме «Георгики»: «Felix, qui potuit rerum cognoscere causas». (Желательно, чтобы студенты знали, кто и о ком произнес эти слова).

Далее – эпоха Августа – период наивысшего расцвета римской культуры, золотой век римской поэзии и связанные с ним имена римских поэтов (Вергилий, Гораций, Овидий), которых обязательно надо назвать и о которых с той или иной степенью подробности можно будет говорить тогда, когда будут читаться их произведения (е. г. Ad Melpomenen Горация; желательно, чтобы студенты учили его наизусть в сопоставлении, естественно, с «Памятником» Пушкина) или отрывки из них, как и из других, более поздних поэтов, из которых чаще всего в учебниках приводятся эпиграммы Марциала, а также крылатые выражения, пословицы, поговорки.

Приведем несколько примеров практического включения экстралингвистической информации в лингвистическую на ма-

териале известного учебника латинского языка под ред. В.Н. Ярхо и В. И. Лободы, по которому занимаются не только в большинстве вузов нашей страны, но и во многих странах СНГ. Итак, первый раздел учебника. Пословица: «*Aurora musis amica*». Она дает нам возможность в самом начале курса ввести учащихся в мир античности, предложив им вспомнить имена всех муз, а если они их совсем не знают, дать такое задание на дом. Сейчас достаточно справочной литературы, в которой можно найти эти имена. Или, если позволяет время, преподаватель сам называет и просит студентов записать имена муз, постараться их запомнить. В дальнейшем, при изучении числительных, будет фраза: «*Novem doctae sorores*», которая даст возможность проверить, как студенты справились с этой задачей. Во втором разделе крылатое выражение «*Cum tacent, clamant*» потребует уже от преподавателя серьезного комментария. В лекции было кратко рассказано о Цицероне и о заговоре Катилины. Теперь надо обрисовать конкретную обстановку, в которой были произнесены эти слова в сенате *в присутствии самого Катилины*, т. к. он тоже был сенатором. Можно привести в пересказе предыдущие слова Цицерона, объясняющие реакцию остальных сенаторов на «непарламентские» высказывания Цицерона о Катилине: «Они терпят, молчат. Ведь если бы я сказал это же самое присутствующему здесь достойнейшему молодому человеку ... или же храбрейшему мужу ... (имена опускаем: они ни о чем не говорят студенту), то сенат в этом же храме с полным правом на меня, консула, поднял бы руку. Но когда дело идет о тебе, Катилина, то сенаторы, оставаясь безучастными, одобряют; слушая, выносят решение; *храня молчание, громко говорят ...*» (пер. В. Горштейна).

Большие возможности для интереснейших комментариев дают приводимые в учебнике многочисленные стихи из Овидия. Например, в разделе VI двустишие из его “*Tristia*” (V, 37, 38):

“*Barbarus hic ego sum, quia non intellegor ulli,
Et rident solidi verba Latina Getae*”.

Оно позволяет не только рассказать о трагической судьбе Овидия, но и перекинуть «мост» от него к Пушкину, связать две эпохи и две судьбы столь далеких по времени поэтов. Конечно, нет времени на уроке читать все, что написано Пушкиным об Овидии, но надо подсказывать студентам: пусть вспомнят, по какому поводу Пушкин упоминает его имя в «Евгении Онегине», пусть перечитают поэму «Цыгане» и найдут в ней рассказ об Овидии, хотя имя его не названо, пусть прочитают большое

стихотворение «К Овидию», написанное Пушкиным в период его ссылки в те края, куда некогда был сослан Овидий:

«Как часто, увлечен унылых струн игрою,
Я сердцем следовал, Овидий, за тобою...»

И во многих других стихотворениях Пушкин писал об Овидии. Замечательная тема для внеаудиторной работы студентов! Может быть, кто-нибудь захочет сделать доклад на тему «Овидий и Пушкин». А фраза об Овидии в XXVII разделе: «*Recte ac vere Ovidius dixisse laborem emendandi majorem esse, quam scribendi*» вызывает ассоциации уже с другим поэтом, Маяковским: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Овидий, который писал стихи очень легко («*Sponte sua carmen numeros veniebat ad aptos, / Et, quod temptabam scribere, versus erat*»), говорит о том, что «исправлять», т. е. добиваться абсолютной точности выражения, имея в виду, в частности, подбор слов, «труднее, чем писать». О тех же трудностях подбора абсолютно точных слов говорит и Маяковский.

Практически все тексты учебника, в том числе (и особенно!) подлинные стихотворные (поскольку прозаические тексты в той или иной степени подверглись адаптации), а также крылатые выражения, пословицы и поговорки, позволяют реализовать культурологические задачи нашего курса в процессе обучения чтению на латинском языке.

Использованная литература (в порядке цитирования)

1. Н. Л. Кацман. Методика преподавания латинского языка. М., «Владос», 2003.
2. К. Куманецкий. История культуры Древней Греции и Рима. Пер. с польского. М., «Высшая школа», 1990.
3. Ю. В. Шанин. От эллинов до наших дней. М., «Физкультура и спорт», 1975.
4. Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука. Словарь-справочник. Под ред. В. Н. Ярхо. 1-е изд. М., «Высшая школа», 1995; 2-е изд. М., «Лабиринт», 2002.
5. И. Е. Ермилова, И. С. Култышева и др. Античность. Словарь-справочник по истории, культуре, мифологии. Под ред. В. Н. Ярхо. Дубна, «Феникс», 2003.
6. A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1906.

Sara Kaczko

Topics in Greek and Homeric Personal Pronouns

This paper deals with several questions concerning the dual forms of the personal pronouns of Indo-European languages and chiefly of ancient Greek.

At first, I will examine the origin of the Greek pronouns of the 1st ($\nu\hat{\omega}ι$, $\nu\acute{\omega}$, $\nu\hat{\omega}ι\nu$) and mainly 2nd, 3rd person dual ($\sigma\phi\hat{\omega}ι$, $\sigma\phi\acute{\omega}$, $\sigma\phi\hat{\omega}ι\nu$ and $\sigma\phi\omega\epsilon$, $\sigma\phi\omegaι\nu$), whose etymon is still unclear and discussed: a major problem is represented by the obscure $\sigma\phi$ - in the dual pronoun of the 2nd as well as of the 3rd person, **dual** and **plural** (it is well known that the plural of the 3rd personal pronoun is a Greek innovation).

The Greek personal pronouns are as follows:

Homeric forms (Chantraine 1958: 265–7):

	1st person	2nd person	3rd person
Nom. Acc. ¹	$\nu\hat{\omega}ι$; $\nu\acute{\omega}$ (2 instances)	$\sigma\phi\hat{\omega}ι$; $\sigma\phi\acute{\omega}$ (4 instances)	$\sigma\phi\omega\epsilon$ (enclitic)
Gen. Dat.	$\nu\hat{\omega}ι\nu$	$\sigma\phi\hat{\omega}ι\nu$	$\sigma\phi\omega\iota\nu$ (enclitic)

We have notice (*variae lectiones* and debates between ancient scholars) of forms like $\nu\hat{\omega}\epsilon$ as Acc. 1st pers. du., $\sigma\phi\hat{\omega}\epsilon$ as Acc. 2nd pers. du., $\sigma\phi\hat{\omega}ι$ as Acc. 3rd pers. du.

Attic forms:

	1st person	2nd person
Nom. Acc.	$\nu\acute{\omega}$	$\sigma\phi\acute{\omega}$
Gen. Dat.	$\nu\hat{\omega}\iota\nu$	$\sigma\phi\hat{\omega}\iota\nu$

Other forms: 1st person. $\nu\hat{\omega}\epsilon$ Cor. (9 D.); Antim. 28 Stoll (according to Ap. Dysc. 86 Schn.)

The Greek Acc. dual of 1st person are paralleled by Acc. skt. *nau* (also Gen., Dat.), avest. *nā*, OCS *na* (encl., also Dat.). It is widely accepted that Greek replaced the original Nom. 1st pers. du. OCS *vě*, lit. *vě-(du)* (Nom., Acc.), vedic (RV) *vām*, avest. *vā*, goth. *wi-t* (icel. *vit*, old engl. *wit*) < IE **ue-* with **nō-* (**νω-*) clearly based on the Acc. (cf. 1st pers. plur. Nom. ἡμεῖς : Acc. ἡμᾶς < *ηsme vs. Nom.

¹ There are few instances of $\nu\hat{\omega}ι\nu$ and $\sigma\phi\hat{\omega}ι\nu$ as Nom. Acc. 1st and 2nd person, etc., but they are surely late development (cf. e. g. Chantraine 1958: 266-7); on Gen. $\sigma\phi\hat{\omega}\iota\nu$ (or $\sigma\phi\hat{\omega}\iota\nu$) see Wackernagel 1916: 150-1.

skt. *vayám*, goth. *weis* < ie. *uey, Acc. skt. *asmán*, *nas* encl., goth. *uns(is)* < *nsme, *nos* encl.; and also lat. *nos*, *vos*, OCS *vy*, *vasu*, etc.).

Various theories about the personal pronouns of 2nd and 3rd person will be discussed. According to the "standard" theory (accepted for example by Chantraine 1961² and Rix 1976) the source of σφ- in the dual forms σφῶι, σφῶ of the 2nd person is different from σφ- in the dual and plural forms of the 3rd person. There is also the hypothesis that the Greek 2nd pers. duals in σφ- are paralleled by pronominal forms in other IE languages (mainly Celt. *chwi*, Goth. *izwis* of 2nd pers. plur.).

Finally, I will examine a very different approach of Wackernagel 1887 and Willi (forthcoming), who trace the σφ- forms of the dual personal pronoun to *bhō, an IE adjective meaning "both" (cfr. ἄμφω, *ambō*, *bai*). Willi: *s mobile + **bhoH*₁ (σφῶ) "both" > "you both"; "they both" > "you", "they" (du. and plur.). σφε < **sbhH*₁ – Ø grade of **sbhoH*₁ – was an original dual form, used as plural in dialects which have lost the dual (as Ionic); σφε- became the stem on which the plural forms are based, as shown by Myc. *pe-i*, Ion. σφέας, σφέων, etc. (σφι < *σφε- + -φι).

Difficulties of this reconstruction:

a) the relative chronology of the phonological change *u- > Ø before /*ol*/; if *pe-i* represents σφεσι, Dat. 3rd plur. derived from dual pronouns in σφ- in Mycenaean dialect, it follows that already in Mycenaean times **F*ω was lost on the basis of *u- > Ø before /*ol*/. However we cannot be sure that this development had already occurred in Mycenaean times: cf. *wo-ka* (Fοχα < *uegh), *wo-do-we* (FορδοFεν connected with Fροδον), *wo-ze* (< *uig-īo), while instances of *u- > Ø before /*ol*/ are not certain: *o-ro-me-no* (< ὀράω) can be explained by the stems alternation **swer-*, **ser-*, **wer-*, *o-no*, *o-na* point towards to ὀνίνημι, not to ὀνή (< *wosnā); *o-o-pe-ro-si* is paralleled by Fοφλεκοσι in Mantinea (V B.C.), but by οφλεν in Tegea (cf. Lejeune 1972; nowadays most scholars agree that F- in Fοφλεκοσι is hypercorrect, cf. Dubois 1986).

b) In my opinion, 3rd plur. personal pronouns in σφ- < σφiv.

The second part of the paper deals with the Greek dual forms of personal pronouns in the Homeric poems. Some artificial usages there will be discussed (e.g. those of νῶiv and σφῶiv as the Nom./Acc. of the 1st and 2nd pers. dual) as well as the interpretation of νῶ and σφῶ as dialect elements within the complex question of the phases of Homeric diction. In fact, one of the aims of this paper is to

explain the 1st and 2nd dual $\nu\acute{\omega}$ and $\sigma\phi\acute{\omega}$ in the Homeric poems in a way different from the approach of *e.g.* Chantraine 1958 and Wathelet 1981, which are, in my opinion, still unsatisfactory. In the same context, I will examine how the ancient scholars dealt with these problems. In this perspective the information provided by Alexandrian scholars is very useful: their theories were clearly based on principles very different from ours, but all the same their opinions and the material they provide can prove extremely useful to modern scholars interested in the reconstruction of the original forms.

The 1st and 2nd dual personal pronouns in the Homeric text:

There are 2 instances (E 219, o 475) of $\nu\acute{\omega}$ in the Homeric poems, one (E 219) metrically guaranteed; 4 of $\sigma\phi\acute{\omega}$ (A 574, Λ 782, N 47, O 146), 2 (A 574, N 47) metrically guaranteed.

The interpretation of $\nu\acute{\omega}$ and $\sigma\phi\acute{\omega}$ as dialect elements in the Homeric text:

Sommer 1912 = Nom. $\nu\acute{\omega}\iota$: Acc. $\nu\acute{\omega}$; Nom. Acc. $\sigma\phi\acute{\omega}$ are "alt-ionische Formen", Acc. $\nu\acute{\omega}\iota$ and Nom., Acc. $\sigma\phi\acute{\omega}\iota$ are Aeolic.

Chantraine 1958 = $\nu\acute{\omega}$ is parallel with goth. *na*, $\sigma\phi\acute{\omega}$ is an Atticism.

Wathelet 1981 = neither $\nu\acute{\omega}$ nor $\sigma\phi\acute{\omega}$ are proved to be Attic forms in Homer; $\nu\acute{\omega}$ is an archaism, while $\sigma\phi\acute{\omega}$ can be ascribed to another dialect: "Autres traits réputés attiques sont garantis par le metre [...]. Ces traits semblent donc constituer des atticismes authentiques. On doit toutefois se montrer prudent. Ces traits sont ou bien des archaïsmes conservés (c'est le cas de $\nu\acute{\omega}$ et de $\xi\acute{\upsilon}\nu$) et ils ne sont pas propres à l'attique, mais pour lesquelles l'ignorance où nous sommes quant à leur emploi dans d'autres dialectes nous empêche de rien conclure (c'est le cas de $\sigma\phi\acute{\omega}$)" (Wathelet 1981: 831).

Why what is true for $\sigma\phi\acute{\omega}$ should not also be true for $\nu\acute{\omega}$? We cannot exclude that $\nu\acute{\omega}$ as well as $\sigma\phi\acute{\omega}$ were employed in other dialects (less well attested than Attic).

Not all scholars agree that $\nu\acute{\omega}$ is an archaic form: *e.g.* Wackernagel 1916 and Cowgill 1965 (see also now Katz 1998) thought that the archaic form of 1st person dual was $\nu\acute{\omega}\epsilon$ (attested in Homer only as *v. l.*) and that $\nu\acute{\omega}$ is an Attic innovation (Cowgill 1965; Katz 1998 $\nu\acute{\omega}$ < contraction of $\nu\acute{\omega}\epsilon$). Even if $\nu\acute{\omega}$ is ancient, it does not follow that $\nu\acute{\omega}$ is an archaism in Homer; in other words, it is not obvious that an archaic Greek form (retained in a given dialect) is archaic also in Homer: this form may have entered the epic diction in a recent phase.

In my view, this is the case of $\nu\acute{\omega}$. Cf. Wackernagel 1916: if $\nu\acute{\omega}$ were an ancient form, it should have been used more frequently to

have the couple $\omega\iota : \acute{\omega}$ with two different and useful metrical shapes; but we have only two instances of $\acute{\omega}$ (one metrically guaranteed).

I intend to discuss two main problems:

a) We cannot be sure that $\acute{\omega}$ and $\sigma\acute{\omega}$ were exclusively Attic forms.

b) *status* of the Attic forms $\acute{\omega}$ and $\sigma\acute{\omega}$ in the Homeric text.

In the last 30 years many scholars have convincingly proposed that Central Greece was responsible for some recent linguistic features in Homer like "short" Dat. plur. $-\omicron\iota\varsigma, -\alpha\iota\varsigma, -\eta\varsigma$, forms without compensatory lengthening as $\xi\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma, \mu\omicron\nu\omega\theta\acute{\epsilon}\iota\varsigma$ instead of $\xi\epsilon\iota\nu-, \mu\omicron\nu\nu- < *ξενF-, *μουνF-$ and among these, significantly, some pronominal forms like $\acute{\upsilon}\mu\omicron\varsigma, \acute{\alpha}\mu\omicron\varsigma, \tau\acute{\epsilon}\iota\nu$.

I will argue that $\acute{\omega}$ and $\sigma\acute{\omega}$ are recent elements in the epic language, but I would be cautious in ascribing this forms only to the Attic dialect, moreover I would not speak in terms of interpolations: in my opinion $\acute{\omega}$ and $\sigma\acute{\omega}$ have entered the Homeric text in the final phases of the epic diction.

References

- Cassio 1998 = A. C. Cassio, *La cultura euboica e lo sviluppo dell'epica greca*, in M. Bats – B. d'Agostino (curr.), *Euboica. L'Eubea e la presenza euboica in Calcidica e in Occidente. Atti del convegno Internazionale di Napoli 13-16 novembre 1996*, Napoli, 11-22.
- Chantraine 1958 = P. Chantraine, *Grammaire homérique* I, Paris.
- Chantraine 1961² = P. Chantraine, *Morphologie historique du grec*, Paris.
- Katz 1998 = J. T. Katz, *Topics in Indo-European Personal Pronouns*, Harvard Diss.
- Lejeune 1972 = M. Lejeune, *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*, Paris.
- Rix 1976 = H. Rix, *Historische Grammatik des Griechischen*, Darmstadt.
- Schmidt 1978 = G. Schmidt, *Stambildung und Flexion der indogermanischen Personalpronomina*, Wiesbaden.
- Schwyzler 1939 = E. Schwyzler, *Griechische Grammatik*, I, München.
- Wackernagel 1887 = J. Wackernagel, *Miscellen zur griechischen Grammatik*, "KZ" 28, 109-45.
- Wackernagel 1916 = J. Wackernagel, *Sprachliche Untersuchungen zu Homer*, Göttingen.
- Wathelet 1981 = P. Wathelet, *La langue homérique et le rayonnement littéraire de l'Eubée*, "Antiquité Classique" 50, 819-833.
- Willi (forthcoming) = A. Willi, *Griechisch $\sigma\phi\iota(\nu)$, $\sigma\phi\epsilon$, $\sigma\phi\acute{\omega}$ zwischen Etymologie und Philologie*.

Б. А. Каячев

**О двух гомеровских стихах в «Государстве» Платона:
I 499 ~ 364d7 (cf. 365e3–4) и II 433 ~ 388c7**

1. В последнее десятилетие XX в. появились два значительных издания Илиады: Гельмута ван Тиля [van Thiel 1996] (с предшествовавшим изданием Одиссеи [van Thiel 1991]) и Мартина Уэста, в двух томах [West 1998; 2000]. У этих изданий, однако, имеется существенный недостаток, заключающийся в том, что оба издателя систематически отдают предпочтение вариантам прямой рукописной традиции, представленной средневековыми кодексами, пренебрегая вариантами, предлагаемыми другими свидетельствами. Так, чтения александрийских филологов отвергаются как конъектуры (вслед за [van der Valk 1964]), чтения ранних папирусов — как вольность рапсодов (вслед за [West 1967]), и, наконец, содержащиеся в ранних цитатах расхождения с текстом прямой традиции приписываются сознательному или случайному изменению цитировавшего (вслед за [Ludwich 1898]); между тем, несостоятельность подобного подхода может считаться доказанной¹. Такое сужение круга привлекаемых текстологических свидетельств, очевидно, обусловлено естественной для традиционной Textkritik целью восстановить архетип, достижение которой невозможно, если приоритет не будет безоговорочно принадлежать прямой рукописной традиции.

2. Грегори Надь, выступивший с наиболее последовательной критикой издательских предпосылок Г. ван Тиля и М. Уэста, объявляет стремление реконструировать исконный, единственно-верный текст гомеровских поэм ложной задачей, в качестве альтернативы предлагая проект «мультитекстового» издания, способного отразить принципиальную вариативность устного

---

¹ Об издательской деятельности александрийских филологов см.: [Rengakos 2002], [Nagy 2004], [Montanari 2002] (более подробный перечень работ дан в [Montanari 2002: 128, п. 28]). В защиту вариантов, предлагаемых «дикими» (wild, eccentric) папирусами, см.: [di Luzio 1969], [Haslam 1997]. О значении ранних гомеровских цитат как текстологических свидетельств см.: [Dué 2001], [Sanz Morales 2001], [Haslam 1997: 74–79] (на примере цитат из Илиады в речи Эхина «Против Тимарха»).

эпоса, каковым, по мнению ученого, являются гомеровские поэмы². В подобном издании, по мнению Г. Надея, должны быть представлены на равных правах варианты, принадлежащие различным пластам устной традиции; такое издание, в котором будут учтены варианты, предлагаемые всеми, в том числе косвенными, свидетельствами, должно дополняться комментарием, указывающим, к какому именно пласту принадлежит тот или иной вариант.

3. Наиболее ранними косвенными свидетельствами гомеровского текста являются цитаты в сочинениях авторов V–IV вв. до н. э., прежде всего Платона, Аристотеля, Эсхина и Ксенофонта³. В виду того что наши знания о состоянии гомеровского текста в указанную эпоху крайне ограничены⁴, зачастую адекватная оценка предлагаемых цитатами различий бывает осложнена: однозначно установить, восходит ли тот или иной вариант к не дошедшей до нас ветви традиции, или же является результатом сознательного или случайного изменения по вине цитировавшего, удастся не всегда⁵. Единственное, что может быть установлено в большинстве случаев, — отвечает ли то или иное чтение требованиям формальной системы, или нет.

---

² См. [Nagy 2004]. Как бы ни относиться к предложенной Г. Надем модели устной фиксации гомеровского текста, «the plain truth is that the epics as we have them are likely to be the result of extremely complicated processes involving both orality and writing which we can no longer reconstruct» [Cassio 2002: 114].

³ Наиболее полный перечень гомеровских цитат в сочинениях авторов доалександрийского периода можно найти в [Ludwich 1898]; цитаты у Платона рассмотрены в [Labarbe 1949] (другие работы упоминаются ниже); недавно появилось исследование гомеровских цитат в сочинениях Аристотеля [Sanz Morales 1994]; работы, в которых рассматриваются гомеровские цитаты у Эсхина, названы выше (см. прим. 1); одна из важных с текстологической точки зрения гомеровских цитат у Ксенофонта рассмотрена в [Bandini 1994] (все же нельзя не упомянуть диссертацию [Díaz Lavado 1999], посвященную гомеровским цитатам у Плутарха).

⁴ Взвешенное рассмотрение фактов, на основе которых можно строить предположения относительно состояния гомеровского текста до IV в. до н. э., предлагает [Cassio 2002].

⁵ Например, в оценке одних и тех же случаев [Labarbe 1949] и [Lohse 1965] постоянно занимают противоположные позиции.

4. Стихи I 499 и П 433, как они представлены у Платона, отличаются от соответствующих им стихов текста рукописной традиции.

В П 433 мы находим у Платона αἰ αἰ ἐγών, вместо привычного ὦ μοι ἐγών средневековых рукописей. Междометие αἰ αἰ (αἰαἰ) в гомеровских текстах не встречается; предыдущие исследователи предположили, что в цитате у Платона оно появилось под влиянием трагедии⁶. В действительности же появление αἰ αἰ ἐγών в цитате у Платона следует объяснять влиянием не трагедии, но иных эпических традиций (αἰ αἰ ἐγώ(ν) встречается: 1. в аттической надписи сер. IV в. до н. э., *CEG* 556; 2. во фрагменте Эринны, fr. Lloyd-Jones 401. 16; 3. во фрагменте неатрибутируемой поэмы, дошедшем на папирусе III в. до н. э., fr. Lloyd-Jones 903. 8; в *Oracula Sibyllina*, 2. 339).

В I 499 у Платона, вместо *θυέεσσι*, стоит *θυσίασι*⁷. Мнение Ж. Лабарба, возводившего этот вариант к рапсодам, не достаточно обоснованное в его работе (см. [Labarbe 1949: 160]), тем не менее, верно (форма *θυσίασι* встречается уже в гомеровских гимнах (*In Cer.* 368); кроме того, формула *θυσίασι καὶ εὐχολαῖς*, с некоторыми вариантами, встречается: 1. в орфическом гимне, 87. 11; 2. в *Oracula Sibyllina*, 5. 268; 3. у Григория Назианзина, *Carm. quae spect. ad alios*, 1525. 11).

5. Рассмотренные выше варианты, предлагаемые цитатами в текстах Платона, отвечают требованиям формульных систем, чуждых гомеровским текстам в том виде, как они сохранились в рукописной традиции. Иными словами, эти два разночтения свидетельствуют о том, что во времена Платона формульная система гомеровских поэм не была герметичной и могла вбирать элементы других традиций. Следовательно, при определении статуса того или иного чтения было бы неправильным ограничиваться его оценкой с точки зрения формульной системы гомеровских поэм (в том виде, как они дошли до нас); необ-

⁶ Джордж Хоуз приписывает изменение переписчику Платона [Howes 1895:190] (поддержано в [Irigoin 1953: 214]); Герхард Лозе — самому Платону [Lohse 1965: 283] (так же в [van der Valk 1964: 326]); Жюль Лабарб — рапсодической традиции [Labarbe 1949: 185–186].

⁷ Снова Дж. Хоуз делает ответственным за изменение переписчика [Howes 1895:189] (схожим образом в [Ludwich 1898: 94] и [Goossens 1952: 864]); Г. Лозе — Платона [Lohse 1965: 277]; Ж. Лабарб — усную традицию [Labarbe 1949: 160].

ходимо учитывать также тексты, отражающие — по крайней мере, потенциально — не дошедшие до нас ветви гомеровской формульной традиции или иные формульные традиции, которые могли влиять на гомеровские поэмы⁸.

Литература⁹

- Bandini 1994 — Bandini, Michele. *PBerol* 21108 e l'Omero di Senofonte // *Maia* 46 (1994), 19–21.
- Cassio 2002 — Cassio, Albio Cesare. Early Editions of the Greek Epics and Homeric Textual Criticism in the Sixth and Fifth Centuries BC // *Omero tremila anni dopo / A cura di Franco Montanari*. Roma, 2002. P. 105–136.
- Díaz Lavado 1999 — Díaz Lavado, Juan Manuel. La citas de Homero en Plutarco. Diss. Extremadura, 1999.
- Dué 2001 — Dué, Casey. Achilles' Golden Amphora in Aeschines' *Against Timarchus* and the Afterlife of Oral Tradition // *CPh* 96 (2001), 33–47.
- Geffcken 1902 — *Die Oracula Sibyllina / Hrsg. von Johannes Geffcken*. Leipzig, 1902.
- Goossens 1952 — Goossens, Roger. [Рецензия на [Labarbe 1949]] // *RPh* 30 (1952), 858–866.
- Hansen 1989 — *Carmina epigraphica Graeca saeculi IV a. Chr. n. / Ed. Petrus Allanus Hansen*. Berlin; New York, 1989.
- Haslam 1997 — Haslam, Michael. Homeric Papyri and Transmission of the Text // *A New Companion to Homer / Ed. by Ian Morris; Barry Powell*. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 55–100.
- Howes 1895 — Howes, George Edwin. Homeric Quotations in Plato and Aristotle // *HSPH* 6 (1895), 153–237.
- Irigoin 1953 — Irigoin, Jean. [Рецензия на [Labarbe 1949]] // *RPh* 27 (1953), 212–214.
- Kurfess 1956 — Kurfess, Alfons. Homer und Hesiod im 1. Buch der *Oracula Sibyllina* // *Philologus* 100 (1956), 147–153.
- Labarbe 1949 — Labarbe, Jules. *L'Homère de Platon*. Paris, 1949.
- Lloyd-Jones/Parsons 1983 — *Supplementum Hellenisticum / Ed. Hugh Lloyd-Jones; Peter Parsons*. Berlin; New York, 1983.

⁸ О соотношении эпиграфики и гомеровских поэм см. [Scodel 1992]; об оракулах как устной поэзии см. [McLeod 1961], [Maurizio 1997]; о рецитациях орфических поэм и об их влиянии на гомеровские см. [Martin 2001], [Nagy 2001]; об использовании эпических формул в *Oracula Sibyllina* см. [Kurfess 1956].

⁹ Сокращенные названия периодических изданий приводятся в соответствии с каноном *L'Année philologique* (см. также: Альбрехт, Михаэль фон. История римской литературы / Пер. А. И. Любжина. Т. 3. М. 2005. С. 1899–1926).

- Lohse 1965 — Lohse, Gerhard. Untersuchungen über Homerzitate bei Platon. II. Interpretationen // *Helikon* 5 (1965), 248–295.
- Ludwich 1898 — Ludwich, Arthur. Die Homervulgata als voralexandrinisch erwiesen. Leipzig, 1898.
- di Luzio 1969 — di Luzio, Aldo. I papiri omerici d'epoca tolemaica e la costituzione del testo dell'epica arcaica // *RCCM* 11 (1969), 3–152.
- Martin 2001 — Martin, Richard P. Rhapsodizing Orpheus // *Kernos* 14 (2001), 23–33.
- Maurizio 1997 — Maurizio, Lisa. Delphic Oracles as Oral Performances: Authenticity and Historical Evidence // *ClAnt* 16 (1997), 308–334.
- McLeod 1961 — McLeod, Wallace E. Oral Bards at Delphi // *TAPhA* 92 (1961), 317–325.
- Montanari 2002 — Montanari, Franco. Alexandrian Homeric Philology: The Form of the *Ekdosis* and the *Variae Lectiones* // *EPEA PTERO-ENTA: Beiträge zur Homerforschung* / Hrsg. von Michael Reichel; Antonios Rengakos. Stuttgart, 2002. S. 119–140.
- Nagy 2001 — Nagy, Gregory. Éléments orphiques chez Homère // *Kernos* 14 (2001), 1–9.
- Nagy 2004 — Nagy, Gregory. *Homer's Text and Language*. Urbana; Chicago, 2004.
- Rengakos 2002 — Rengakos, Antonios. The Hellenistic Poets as Homeric Critics // *Omero tremila anni dopo* / A cura di Franco Montanari. Roma, 2002. P. 143–157.
- Ricciardelli 2000 — *Inni orfici* / A cura di Gabriella Ricciardelli. Roma.
- Sanz Morales 1994 — Sanz Morales, Manuel. *El Homero de Aristóteles*. Amsterdam, 1994.
- Sanz Morales 2001 — Sanz Morales, Manuel. *El Homero de Esquines* // *AC* 70 (2001), 49–67.
- Scodel 1992 — Scodel, Ruth. Inscription, Absence and Memory: Epic and Early Epitaph // *SIFC* 10 (1992), 57–76.
- Slings 2003 — *Platonis Rempublicam* recogn. Simon Roelof Slings. Oxford, 2003.
- van Thiel 1991 — *Homeri Odyssea* / Recogn. Helmut van Thiel. Hildesheim; Zürich; New York, 1991.
- van Thiel 1996 — *Homeri Ilias* / Recogn. Helmut van Thiel. Hildesheim; Zürich; New York, 1996.
- van der Valk 1964 — van der Valk, Martinus. *Researches on the Text and Scholia of the Iliad. Part Two*. Leiden, 1964.
- West 1967 — *The Ptolemaic Papyri of Homer* / Ed. by Stephanie West. Köln; Opladen, 1967.
- West 1998 — *Homeri Ilias* // *Recens., testimonia conguessit Martin L. West*. Vol. I. Stuttgart; Leipzig, 1998.
- West 2000 — *Homeri Ilias* // *Recens., testimonia conguessit Martin L. West*. Vol. II. München; Leipzig, 2000.

А. Кейдан

«Калькированный архаизм» готского языка

Как известно, готский язык считается самым архаичным из германских языков. При этом наши знания об этом языке основываются на переводе с греческого Нового Завета, осуществленного в конце IV века. Текст этот в большой степени калькирует греческий оригинал. Как сочетается архаичность языка и калькированность того текста, по которому мы можем о нем судить? Ведь, в некотором смысле, архаизм и калькирование – явления трудносовместимые. Понятие архаизма, применительно к языку письменного памятника, подразумевает наличие в его грамматике таких черт, которые не сохранились ни в других языках того же семейства, ни в других памятниках, написанных на том же языке. С другой стороны, калькированность – отличительная особенность таких переводных текстов, авторы которых ставят своей целью сохранить в переводе как можно больше структурных и смысловых характеристик оригинала. Калькированность неизбежно влечет за собой определенное количество новообразований, буквально воспроизводящих на языке перевода структуру и/или смысл языковых знаков языка оригинала. Эти новообразования часто нарушают правила языка перевода (во фразеологии, синтаксисе, морфологии). Все это неизбежно несет новаторский характер, и – в теории – плохо сочетается с архаизмом.

Прежде чем попытаться ответить на поставленный вопрос следует отметить одно немаловажное обстоятельство: если мы считаем, что готский Новый Завет – дело рук одного лица (епископа Вульфилы), то нельзя не принимать во внимание обстоятельства жизни автора как исторического лица. Действительно, готский Новый Завет как литературное произведение, скорее всего, создавался под влиянием литературных и стилистических моделей того времени, в рамках которого жил и творил епископ Вульфила. Вопрос, следовательно, в том, как определяются эти стилистические и литературные каноны.

Оказывается, что определить их довольно просто. Дело в том, что Вульфила, подобно жившим на полтысячелетия позже славянским апостолам Кириллу и Мефодию, был человеком двойной культуры: он родился в «варварской» среде готов, но получил образование и сделал карьеру в Константинополе. Кроме того, Вульфила был арианом. В период молодости Вульфилы, когда он был рукоположен сначала в чтецы, а потом сразу в епископы, и послан на проповедь к готам, это религиозное движение пользовалось наибольшим влиянием в империи и при императорском дворе.

Вульфила принял арианскую веру не из приспособленческих соображений, а чистосердечно и в полной мере, т. е., не пошел на компромисс так называемого полу-арианства (Simonetti). Когда это религиозное течение стало терпеть поражение, он не только не отказался от него, а даже отправился в качестве арианского делегата на Вселенский собор 381 года (однако умер, так и не добравшись до Константинополя).

Из этого можно сделать вывод, что Вульфила может быть по праву отнесен к верхушке арианской интеллигенции. В Константинополе он обучался у наиболее видных представителей арианства, таких, как, например, епископ Евномий кизикийский. Современники (причем не только его непосредственные ученики) ценили в Вульфиле мудрость, и называли его ὁ ἐφ' ἡμῶν Μωϋσῆς 'наш Моисей'. В его житии утверждается, что Вульфила знал *grecam et latinam et goticam linguam*, а также написал *plures tractatus et multae interpretationes* (Streitberg). В епископы он был рукоположен в возрасте всего лишь тридцати лет.

Следовательно, его культурные и литературные пристрастия скорее всего полностью определялись его идеологической принадлежностью. А на вопрос, какова была культурная атмосфера в арианской среде, можно смело дать вполне определенный ответ: писатели и апологеты арианства отличались своим пристрастием к так называемому аттицизму.

Под аттицизмом понимается литературное, стилистическое и языковое направление, процветавшее в грекоязычном мире примерно от александрийской эпохи вплоть до позднего Средневековья. Аттицизм провозглашал культ старины, превозносил языковой классицизм и провозглашал в качестве своего стилистического идеала аттическую прозу V–IV веков до н. э. Авторы-аттицисты намеренно вводили в свои произведения некоторые черты греческого языка, которые в то время были уже давно полностью утрачены разговорной речью, и следовательно имели ярко выраженную архаическую коннотацию. В результате ценой большей или меньшей искусственности язык высокой литературы как бы приобщался к устоям старины, подобно тому, как в России долгое время славянизмы служили показателем высокого стиля (Успенский).

Аттицизм сосуществовал с более просторечными формами койне (преобладавшего в административных и частных документах), но почти полностью вытеснил разговорный язык из литературной сферы. В некотором смысле, грамотность как таковая подразумевала умение писать на языке аттических классиков. В конечном счете эта ситуация привела, уже в Новое время, к диглоссии и противостоянию *δημοτική* и *καθαρεύουσα* в греческом языке.

Важно отметить, что владение навыками аттицизма настолько отождествлялось с приобщенностью к исконной греческой культуре, что иностранцы (и просто провинциалы), стремившиеся получить признание среди греков, были наиболее последовательными приверженцами этой литературной моды. Так, например, некоторые из излюбленных аттицистами архаизмов впервые засвидетельствованы у семитов Иосифа Флавия и Николая Дамаскина.

Как подчеркивают исследователи (Cassio), яркими аттицистами были и ариане, что не удивительно: это религиозное движение зародилось и получило распространение именно в интеллектуальной среде богословов и «технической интеллигенции», например, медиков (Newman). Соблюдая с особой тщательностью каноны классицизма, идеологи арианства культивировали образованность, которая ощущалась как отличительная особенность арианства по сравнению с православием. И наоборот: православная вера имела определенную «плебейскую» окрашенность. Православная толпа с презрением говорила: «Полуариане от Платона, а ариане – от Аристотеля» (Newman). Эта ситуация напоминает тот культ учености, который блюли старообрядцы на Руси, противопоставляя себя безграмотному православному народу.

На самом деле уже во II–III веках, а особенно после принятия христианства в качестве государственной религии, в христианской литературе актуализировалась проблема языка и стиля. Постепенно произошёл переход к более высоким стилистическим стандартам, превышавшим то полулитературное, а временами и совсем просторечное койне, на котором было написано Священное Писание и звучала христианская проповедь «катакомбного» периода. Например, стиль Климента Александрийского уже вполне соответствует канонам аттицизма. Арианство, таким образом, лишь продолжило уже давно назревшую тенденцию.

Гораздо труднее сказать, в чем конкретно состояли отличительные особенности аттицизма. Обычно в этой связи упоминается набор общеизвестных языковых фактов (например, в фонетике, сочетание *tt* вместо *σσ*; в морфологии – широкое, если не гиперкорректное, употребление опатива, дуалиса и, позже, дательного падежа; в лексике – употребление аттического словаря). Однако на сегодняшний день мы не имеем систематического и подробного описания лингвистических особенностей аттицизма. Ближе всего к такому описанию стоит исследование Шмида (Schmid). Фактически, до сих пор одним из основных источников информации об аттицизме остаются древние лексикографы (Фриних, Мерид), несмотря на известную бессистемность и раздробленность их подхода.

В этом докладе будет рассмотрена одна из наиболее характерных отличительных черт аттицизма: дуалис (двойственное число). В Аттике эта грамматическая категория была полностью вытеснена множественным числом уже в конце классической эпохи (конец IV века до н. э.), а в других диалектах она исчезла еще раньше.

Выбор дуалиса не случаен. Дело в том, что двойственное число хорошо представлено в готском языке: в спряжении глагола и в системе личных местоимений (за исключением третьего лица местоимения и глагола, а также всей парадигмы медиопассива). Как известно, дуалис является одним из тех архаизмов, которые отличаются готский от всех остальных германских языков (не считая отдельных реликтовых форм в руническом, древнеанглийском и др.).

В связи с этим можно сформулировать следующую гипотезу: в языке готского перевода Нового Завета присутствуют формы двойственного числа, поскольку эта грамматическая категория воспринималась как признак высокого стиля в той культурной среде, в которой Вульфила получил образование и сделал карьеру. Это не означает, что переводчик придумал эти формы: они существовали (возможно, уже в качестве архаизмов) и в его родном языке.

Не следует забывать, что далеко не во всех случаях, когда логически ожидается дуалис (то есть когда подлежащее представлено двумя лицами или объектами), Вульфила употребляет соответствующие формы. Однако было бы слишком просто объяснять эти колебания как интерполяции более позднего периода: готская цивилизация просуществовала не так уж много лет, чтобы переписчики времен Теодориха (то есть эпохи, к которой относится большинство сохранившихся рукописей) были не в состоянии безошибочно воспроизвести текст Вульфилы.

Не вполне убеждают и доводы Мейе (который развивает гипотезу Кюни) о том, что двойственное число, будучи уже тогда «реcessивным» явлением, употреблялось только в том случае, если два лица, к которым оно относилось, были одного и того же пола. Если принять это предположение, то действительно количество необъяснимых случаев употребления множественного числа вместо двойственного сильно снижается. Однако, как обнаружил Сеппянен, по непонятной причине Мейе упустил из виду и не включил в подсчет несколько контекстов. В результате, по современным подсчетам, «неправильные» случаи (т. е., множественное число в контекстах, предполагающих двойственное) составляют больше трети всех контекстов (Seppänen).

Однако главный вопрос, по нашему мнению, заключается совсем не в этом. Остается непонятным: зачем было вообще употреблять двойственное число, которое полностью отсутствует в языке Нового Завета?

И действительно, готский Новый Завет отличается, как известно, чрезвычайной близостью к греческому оригиналу. Готский язык, таким образом, предстает перед нами как одна большая калька с греческого. Калькируется все, от морфологии до синтаксиса, от употребления глаголов и предлогов до семантических смещений (метафор). Это значит, что Вульфила прекрасно мог бы не вводить в текст перевода двойственное число как таковое: это лишь приоблизило бы перевод к оригиналу.

Однако происходит обратное: формы дуалиса присутствуют в тексте. Объяснить этот факт можно, лишь предположив, что это был намеренный стилистический прием переводчика. Вульфила, приверженец арианства, прославленный ритор-аттицист, человек своей эпохи, совершил как бы стилистическую кальку: на основе языкового материала своего родного «варварского» языка он попытался воспроизвести расхожую стилему высокой греческой культуры.

Исследователи уже отмечали (Gusmani), что контексты, в которых имеются формы двойственного числа, явным образом отличаются определенной торжественностью. Это и не удивительно: если учесть, что готский дуалис имел лишь формы первого и второго лица, становится понятно, что такие формы появлялись в основном в диалогах и в прямой речи; и то, и другое в евангельском повествовании относится обычно к высказываниям Иисуса Христа, так что торжественность этих пассажей вполне естественна. Однако одной этой торжественности, по-видимому, недостаточно для объяснения самого факта выбора именно этой грамматической категории в качестве марки высокого стиля. Лишь при допущении влияния аттицизма на автора перевода формы двойственного числа полностью объясняются.

Что касается колебаний в употреблении дуалиса, следует учитывать, что при переводе с греческого Вульфила должен был самостоятельно «просчитывать» такие контексты, в которых двойственное число было бы оправдано семантически, поскольку в греческом Новом Завете эти формы отсутствуют. Задача эта отнюдь не простая, что видно и по разнице в подсчетах у современных исследователей; поэтому неудивительно, что и Вульфила пропустил некоторые из возможных контекстов. На совести позднейших переписчиков остаются разве что те немногочисленные случаи, когда двойственное и множественное число употребляются вперемешку в одном и том же контексте.

Не следует считать, что такой шаг со стороны Вульфила был маловероятен в силу своей искусственности. Нам трудно себе представить сегодня, какие вольности позволялись при переводе

текстов с языка, пользовавшегося высоким престижем, (обычно греческого) на «варварское» наречие очередного юного народа.

В качестве типологической параллели можно привести пример ранней латинской словесности, которая ориентировалась на современную ей греческую литературу. Тот факт, что эта последняя переживала в тот момент «декадентскую» александрийскую эпоху, нисколько не смущал таких авторов, как Энний, который, в частности, пытался воспроизвести, при помощи архаической и/или диалектной флексии *-oeo* гомеровское окончание родительного падежа *-oio*, а также гомеровские нетематические существительные (типа *δῶ* и *κρί* вместо *δῶμα* и *κρίθη*) в виде совершенно искусственных усеченных форм *do* (вместо *domus*), *gau* (вместо *gaudium*), *cael* (вместо *caelum*), не говоря уже о неуклюжей имитации греческого тмезиса (*cere-comminuit-brum*) (Mariotti).

Еще одна хорошая параллель – грамматика церковнославянского, где существовали целые грамматические конструкции, полностью калькированные с греческого; к ним относятся: конструкция *отъ* + родительный падеж для выражения агенса в пассиве (калька с греческого *ὄντο* + родительный падеж), дательный абсолютный (калька греческого родительного абсолютного) и т. п.

Заметим, что двойственное число отнюдь не единственная отличительная особенность языка Вульфила, объяснимая влиянием греческого аттицизма. Однако дуалис является наиболее выразительной из этих особенностей (к которым можно отнести, по видимому, и такие явления, как тмезис, *figurae etymologicae*, согласование глагола с подлежащим *ad sensum*, атрибутивные конструкции типа *in medias res*, а также некоторые другие).

Подводя итоги, можно заключить, что калькированность и архаизм были мастерски соединены Вульфиллой в одно целое. Его архаизм был сам по себе калькой, но калькой более высокого уровня, чем просто морфологические, синтаксические или семантические кальки. Поэтому не стоит порицать Вульфилу за чрезмерную буквальность его перевода (притом, что в ту же эпоху Иероним провозглашал переводческий принцип *non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*, остающийся в силе и сегодня): епископ Вульфила, равно как и ранние латинские поэты до него, и Кирилл и Мефодий после него, провел важнейшую творческую операцию: грубый языковой материал своего «варварского» племени он превратил в язык новой христианской готской культуры. Как и в других подобных случаях, основным орудием этого преобразования послужил буквальный перевод Священного Писания.

Библиография

- Cassio 1998: Albio Cesare Cassio, *La lingua greca come lingua universale*, в кн.: Salvatore Settis (cur.), *I Greci. 2/III*, Torino: 998-1013
- Cuny 1906: Albert L. M. Cuny, *Le nombre duel en grec*, Paris
- Gusmani 1968: Roberto Gusmani, *Miscellanea gotica*, «Rendiconti dell'Istituto Lombardo. Classe di Lettere e Scienze Morali e Storiche» 102: 272-296
- Hansen 1998: Dirk V. Hansen (hrsg.), *Das Attizistische Lexikon des Moeris: Quellenkritische Untersuchung und Edition*, Berlin – New York
- Mariotti 1988: Scevola Mariotti, *Enn. ann. 120 Skutsch (126 Vahlen²)*, «Bulletin of the Institute of Classical Studies» Supplement 51: 82-85
- Meillet 1909: Antoine Meillet, *Notes sur quelques faits gotiques*, «Mémoires de la Société de Linguistique de Paris» 15: 73-103
- Newman 1890: John Henry Newman, *The Arians of the Fourth Century*, London
- Schmid 1887-97: Wilhelm Schmid, *Der Atticismus in seinen Hauptvertretern von Dionysius von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus*, Stuttgart
- Seppänen 1985: Aimo Seppänen, *On the Use of the Dual in Gothic*, «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur» 114/1: 1-41
- Simonetti 1976: Manlio Simonetti, *L'arianesimo di Ulfila*, «Romano-barbarica» 1: 297-323
- Streitberg 2000: Wilhelm A. Streitberg (Hrsg.), *Die Gotische Bibel*, Heidelberg (7. Aufl.)
- Успенский 1994: Б. А. Успенский, Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.), Москва
- Успенский 2002: История русского литературного языка (XI-XVIII вв.), Москва

М. Л. Кисилиер

О происхождении румейского языкаВ наше время все гуманитарные науки
могут быть только историческими

[ПРОПП 1976: 25]

§ 1. Изучение диалектов греков диаспоры, в особенности на территории древних колоний, интересно не только с точки зрения влияния языковых контактов, но и важно для понимания истории самого греческого языка. Одним из таких греческих диалектов является румейский язык (от *Ῥωμαῖος*, римский гражданин) — диалект приазовских греков. Начиная с конца XIX в. румейский язык неоднократно привлекал внимание ученых, прежде всего из России и Украины. Одни из первых исследователей И. И. Соколов, Д. Спиридонов и М. В. Сергиевский предложили выделить пять говоров в диалекте приазовских греков по степням близости к димотике [СОКОЛОВ 1932; СЕРГИЕВСКИЙ 1934].¹

§ 2. Известно, что греки переселились в приазовские степи из Крыма в конце XVIII в.² Очевидно, еще в Крыму произошло разделение на грекоязычных греков румеев и татароязычных урумов (урум — тюркская огласовка от *Ῥωμαῖος*). Урумский язык считался более престижным, и большинство румеев владели им. Урумы же, напротив, крайне редко говорили на румейском. Тем не менее, влияние урумского (впрочем, как и появившегося позднее в регионе русского) прослеживается только в лексике.

§ 3. Неясными остаются два вопроса: *когда греки пришли в Крым и откуда они пришли*. Ни на один из этих вопросов не удается дать однозначный ответ. Можно лишь утверждать, что было несколько волн колонизации, по крайней мере, одна из которых имела место не ранее X в., на что, в частности, указывает существование в румейском местоименного повтора дополнения, отсутствующее, например, в понтийском диалекте.

¹ Это деление сохраняется и сейчас. В его основе, в основном, лежат фонетические различия [ЖУРАВЛЕВА 1982; НИКОЛАЕНКОВА, в печати].

² Подробнее о переселении греков в Приазовье см.: [ЧЕРНЫШЕВА 1958: 28–34; АНИМИЦА 2003: 27–34; КАЛОЕРОВ, <http://www.mak-mak.com/gendb/rus/Kaloerov.htm>].

§ 4. Вопрос о том, из какой части Греции пришли греки в Крым, еще более сложен. Сами румеи высказывают разные идеи о своем происхождении, начиная с греческой Македонии и кончая Критом или даже Кипром. Эти идеи базируются на том, что румеи, попав в какую-то область Греции, худо-бедно понимали смысл того, о чем говорили носители местного диалекта, благодаря ряду фонетических сходств (см. §§ 5, 16 и 17). В связи с этим вопрос о происхождении румеев целесообразно перенести исключительно в лингвистическую плоскость и сформулировать его так: *к какой группе греческих диалектов можно отнести румейский язык*. Этот вопрос был поставлен уже достаточно давно и даже было предложено два ответа: *румейский является понтийским диалектом и румейский является северногреческим диалектом*. Я не стану предлагать новые варианты, а ограничусь лишь критическим рассмотрением уже предложенных.

§ 5. **Понтийская версия** была предложена П. Кречмером на основании сходства палатализации в румейском и понтийском [KRETSCHMER 1905: 18]:³

§ 6. /h/ перед /e/ и /i/ переходит в /š/: *schon* = χιόνι, *schnar* = χηνάρι, *sintischneni* = σνιτινχάνω, *mascher* = μαχαίρι, *tsch en* = [ov]χ ε vi.

§ 7. /k/ перед /e/ и /i/ переходит в /č/: *schtschili* = σκολί.

§ 8. Сходства между румейским и понтийским не ограничиваются палатализацией, и можно указать на ряд синтаксических особенностей, вероятно, неизвестных даже самому Кречмеру. Прежде всего, это использование частицы *pa*, единственной синтенциальной энклитики, сохранившейся в румейском. Она обычно маркирует логически выделенную часть дискурса и регулярно следует за рядом местоимений и наречий, таких как *все*, *всякий*, *всегда*, *никогда* и *нигде*, которые, в сущности, всегда являются маркированными [КИСИЛИЕР, В ПЕЧАТИ]. Подобное явление характерно и для понтийского на территории Турции, где частица сохраняет более архаичную форму *pal*.⁴

§ 9. Другое сходство в сфере синтаксиса связано с позицией местоименных клитик: и в понтийском, и в румейском они, в основном, следуют за управляющим глаголом: ПНТ: *εἶπεν αὐτόν* ‘сказал ему’ [ΚΟΝΤΟΣΟΠΟΥΛΟΣ 2001: 143, ср.: ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ 1958: 232–234]; РУМ: *fénit mi* ‘мне кажется’. Отдельные

³ В примерах сохранена транскрипция Кречмера.

⁴ Благодарю П. Макриджа, указавшего мне на понтийские соответствия.

сходства наблюдаются и на уровне лексики, однако все эти сходства могли появиться в результате контактов с понтийским диалектом. В частности, одно из греческих сел в Приазовье (Анадоль) было основано понтийскими греками [ΣΥΜΕΩΝΙΑΝΗΣ, ΤΟΜΠΑΪΔΗΣ 1999: 15].

§ 10. Более тщательный анализ демонстрирует существенные различия между румейским и понтийским. Начну с **морфологии**: в понтийском имеется противопоставление определенного и неопределенного артикля в ед. ч., артикля и нулевого артикля во мн. ч. [ЕЛОЕВА 2004: 99–101]. В румейском сохранился лишь один артикль, по форме определенный, но находящийся вне противопоставления *определенный/неопределенный артикль*. Кроме того, в румейском артикль не указывает на род существительного и даже не всегда на падеж. Показательно, что единственный артикль мн. ч. восходит к ср. р.

§ 11. Значительные различия наблюдаются также в склонении. Помимо того, что в понтийском гораздо больше типов склонения, не совпадает и количество падежей: в румейском, в отличие от понтийского, исчез родительный падеж. Его следы можно (и то в грамматикализованной форме) увидеть лишь у притяжательных местоимений (*mána m* ‘моя мама’) и в некоторых атрибутивных конструкциях: *átherpu lahardí* ‘человеческая речь’ (*átherpus* ‘человек’), *kl'éft'a spit* ‘дом вора’ (*kl'éft'as* ‘вор’) и проч. [ВИКТОРОВА, В ПЕЧАТИ].

§ 12. Различия также затрагивают спряжения глаголов и образование времен, в частности, будущего. Упомяну еще две важные особенности румейского языка: в отличие от понтийского в нем нет семантического противопоставления сильных и слабых местоименных форм (т. е. и те, и другие употребляются «на равных»), а также не сохранились древнегреческие притяжательные местоимения.

§ 13. Из **синтаксических** различий важно выделить следующее: в § 7 отмечалось, что и в понтийском, и в румейском местоименные клитики почти всегда следуют за управляющим глаголом, однако в румейском местоименная клитика может оказываться и впереди под влиянием просодических факторов: **РУМ:** *na sas l'éyu* ‘я вам скажу’; ср. **ПНТ:** *átà eĩχα và éλεγα τον* ‘я должен был ему это сказать’ [ΟΙΚΟΝΟΜΙΔΗΣ 1958: 236]. Это различие очень существенно, т. к. свидетельствует о том, что в понтийском, в отличие от румейского, нет тенденции сохранять/формировать цепочки клитик.

§ 14. Кроме того, как уже отмечалось выше, в понтийском нет местоименного повтора дополнения.

§ 15. Предположение о близости румейского к **северногреческим диалектам** также принадлежит П. Кречмеру [KRETSCHMER 1905: 18], и его принимает большинство современных неоллинистов [СЕРГИЕВСКИЙ 1934: 585; БЕЛЕЦКИЙ 1969: 13]. Сторонники данного предположения обычно указывают на следующие черты, общие для северногреческих диалектов и румейского [KONTOΣOΠOYΛOΣ 2001: 109]:

§ 16. Исчезновение безударного /i/: **СевГР**: *πυγάδ'* [KONTOΣOΠOYΛOΣ 2001: 94], **РУМ**: *piγád'*, ср. **НГР**: *πηγάδι* 'источник'.

§ 17. Безударный /e/ сужается и переходит в /i/: **СевГР**: *πιδί*, **РУМ**: *pidíts*, ср. **НГР**: *παίδι* 'ребенок'; аналогичным образом происходит сужение безударного /o/ в /u/: **СевГР**: *κορίτσο* [KONTOΣOΠOYΛOΣ 2001: 94], **РУМ**: *kurtsíts*, ср. **НГР**: *κορίτσι* 'девочка'; Е. Ф. Журавлева приводит ряд примеров чередований: *métra* 'считай' / *mítrú* 'считаю', *féru* 'несу' / *ifíra* 'принес', *inéka* 'женщина' / *inikú* 'женское', *stóma* 'рот' / *stumí* 'ротовой', *ónima* 'имя' / *unímata* 'имена' [ЖУРАВЛЕВА 1982; ср. НИКОЛАЕНКОВА, В ПЕЧАТИ].

§ 18. Род. п. не употребляется как падеж косвенного дополнения: **СевГР**: *i Ána tin* [ACC] *ipi tin mítéra* [ACC] *tis* 'Анна сказала своей матери' [Э],⁵ **РУМ**: *yo ípa tun* [ACC] 'Я сказал ему'.

§ 19. Следует, впрочем, признать доводы, приведенные в §§ 16–18, малоубедительными. Исчезновение конечного безударного /i/ и сужение гласных /e/ и /o/ вообще характерно для ряда греческих диалектов. К тому же в румейском возможны варианты с сохранением безударного -i: *spít'* и *spítí*. 'дом'; *lé* и *léj* 'говорит'; *ksér* и *kséri* 'знает' [НИКОЛАЕНКОВА, В ПЕЧАТИ], а, кроме того, переход безударного /o/ в /u/, по-видимому, во многом зависит от самого говорящего: *adérfu* и *adérfo* 'брат'; *yurýa* и *yorýa* 'быстро' [НИКОЛАЕНКОВА, В ПЕЧАТИ]. Сужение безударного /e/ представляется намного более регулярным — во всяком случае не удалось найти ни одного надежного примера, где бы оно не происходило. Однако, по моему мнению, подобная регулярность вызвана не близостью или родством с северногреческими диалектами, а исключительно влиянием русского языка, где аналогичное фонетическое явление также имеет место, см. также [ΠΑΠΠΟΥ-ΖΟΥΡΑΒΛΙΟΥΒΑ 2001].

⁵ Я благодарю А. Б. Борисову за предоставленные мне материалы по северногреческому говору Эратир, собранные ей совместно с А. Н. Соболевым в ноябре 2000 г. Эти примеры помечены [Э].

§ 20. Неупотребление род. п. в качестве падежа косвенного дополнения (§ 18) вызвано в румейском и северногреческих диалектах принципиально разными причинами: в румейском его нет вообще, а северногреческих диалектах он выполняет иные функции, хотя и регулярно употребляется: *íni tís paréas* [GEN] *tas* ‘он из нашей компании’ [Э]. Не исключено, правда, что широкое использование род. п. в северногреческих диалектах вызвано влиянием стандартного новогреческого, однако даже без этого между румейским и северногреческими говорами хватает различий в области морфологии.

§21. В румейском есть только два прошедших времени: IMPF *éyraftalyráftiška* ‘я писал’, AOR *éyrapsa* ‘я написал’, см. также [Кузнецова, в печати]; в северногреческих диалектах используются и времена перфекта: PRF: *éhu yrápsi* ‘я написал’ [Э], PPF: *íhan rutísi* ‘они спросили’ [Э].

§ 22. В северногреческих диалектах, в отличие от румейского, существует семантическое противопоставление сильных и слабых форм местоимений.

§ 23. Любопытны и синтаксические различия. Остановлюсь только на двух: опущении местоименного субъекта (Pro-Drop) и местоименном повторе дополнения. И в северногреческих диалектах, и в румейском, возможно опущение местоименного субъекта, однако если в северногреческих диалектах местоименный субъект появляется только в маркированной позиции, то в румейском он употребляется и в большинстве случаев опускается только при наличии в ближайшем контексте другого указания на субъект действия, причем глагольная флексия явно не рассматривается как надежный указатель, т. к. иногда вводит в заблуждение омонимичными окончаниями [КИСИЛИЕР, В ПЕЧАТИ].

§ 24. В румейском и северногреческих диалектах регулярно используется местоименный повтор дополнения. В последних он, если оставить в стороне ряд мелких особенностей, мало чем отличается от ситуации в стандартном новогреческом. В румейском это явление сильно отличается, если и дублирующий и дублируемые компоненты являются личными местоимениями. Во-первых, оба компонента могут выглядеть как слабые местоименные формы: *Ta ugrájsis ta* ‘ты выдержала это’, а во-вторых, местоименное дополнение иногда дублируется не один раз, а дважды.

§ 25. Мне кажется, что отнесение румейского языка к понтийскому диалекту или одному из северногреческих диалектов является ошибкой. На сегодняшний момент, это, несомненно,

самостоятельный диалект или даже группа диалектов, во многом непохожая на другие. Вероятно, предки современных румеев пришли из разных частей Греции, и благодаря их взаимодействию и родился неповторимый и ни на что не похожий румейский язык.

§ 26. Можно предположить, что до переселения из Крыма румей не порывали культурных связей с греческим миром, о чем, в частности, свидетельствует их фольклор. В качестве примера ниже приводятся варианты акритской песни о Янисе и драконе на румейском и на понтийском диалекте:

§ 27. Румейская песня из неопубликованного песенника Э. В. Хаджинова:⁶

- Яна́кус дъя́вин сту нирó, стун *пига́дъ екатéвин*,
 Не йвер ки тон дъра́кунда сту *пига́дъе* та ши́ли.
 «Не, калиме́ра, дъра́кунда!» «Кало́ стун Яна́ку!
 Ако́непса та дьо́ндя-му, ире́ву на се фа́гу».
- 5 «На ми му тройсь ме, дъра́конда, на ми мен *катевáси*,
Пéло-м ас па́го с мани́ца-му, *стын кардья́ки-м тын*
мана-му».
- «Дье се пистéву, Яна́ку, дье се ката́пистеву.
 Тун *йлю ва́не ма́ртира*, ту фэ́нгку я писты́я».
 «Не о́са а́стра ст[у] уранó, ва́ну та я та *сма́дья*».
- 10 «Па́ре стрáты — страты́ца-су, тон ме́га-т *мунупáти*».
Пель тун пае́нь с мани́ца-ту кл[е]юме́нус, дья́круме́нус.
 «Ты е́шишь, *йе-му*, кле́йсь си, *варьóн анастенáзис?*»
 «Ти э́ху го на ми му клапсь, ты на ми *настына́ксу*.
 Не йверь ме тун дъра́кундась, ире́ви на ми фа́и...
- 15 На дьо́ку т[у?] ады́рифца-му — авр ады́рифí дье ка́му.
 На дьо́ку *тын* мани́ца-му — авр мани́ца дье ка́му.
 На дьо́ку *тын* кали́ца-му — па́ли кали́ца ка́му».

---

1. дъя́вин *Хаджэ3*; пига́дъё *Хаджэ3*; катéвин *Хаджэ3* 2. пига́дъё *Хаджэ3* 3. дъра́кунде *Хаджэ3*; Кало́с *Хаджэ3*; тун *Хаджэ3* 5. мун *Хаджэ3*; ката́васи *Хаджэ3* 6. Пéло-м н ас *Хаджэ3*; паг го *Хаджэ3*; стынь *Хаджэ3*, *Хаджэ3*; карды́ки *Хаджэ3*; тынь *Хаджэ3* тинь

---

⁶ В песеннике приводится 2 варианта: № 3 (= *Хаджэ3*, зап. в 1970 г. в с. Херсонес, у П. Н. Шпак, 1904 г. р.) и № 16 (= *Хаджэ3*, зап. в 1971 г. в с. Ялта у Ф. Х. Челпана, 1887 г. р.). Курсивом отмечены варианты и исправления.

Хадж16; **8.** йлу *Хадж3*; мартыра *Хадж3*; **9.** симадъгья *Хадж3*
10. мунупаты *Хадж3* **11.** пельс *Хадж3* **12.** йё *Хадж3*; варьён
Хадж3; анастеназись *Хадж16* **13.** анастынаксу *Хадж3* **16.** тинь
Хадж16 **17.** тынь *Хадж3* тинь *Хадж16*

§ 28. Румейская песня, записанная в с. Чермалик:⁷

- Γιανάκις δάιν σ το νερό,
 Γιανάκις σ το πιγάδι,
 Ίβρεν τον δράκο κάινιτун
 πα σ πιγαίδон то σσίλι,
 5 Ίβρεν τον δράκο κάινιτун
 πα σ πιγαίδон то σσίλι.
 “Καλί си μέρα δράκοντα.”
 “Καλός ίρτες Πανάκι.”
 “Καλί си μέρα δράκοντα.”
 10 Καλός ίρτες Γιάνακι
 “Αφσί με δράку, αφσί με
 Σ γιομόно κι аз ірісо.
 Αφσί με δράку, αφσί με
 Σ γιομόно κι аз ірісо.”
 15 Δεν си πιστέβο Πανάκι
 δεν си καταπιστέβο.
 Δεν си πιστέβο Πανάκι
 δεν си καταπιστέβο.
 Τон 'ιλιο βάλон μάρτυρα,
 20 τον φένγο δι απιστία.

§ 29. Понтийская песня (текст предоставлен мне на сайте
http://www.cypriot.ru/forum/read.php?PAGEN_1=6&FID=7&TID=9667#nav_start):

⁷ Песня приводится в греческой орфографии, принятой в 20–30 гг. Текст цитируется с сайта <http://www.mak-mak.com/gendb/index.asp?page=rus/songfolk.htm>.

- Ο Γιά.ννες ο μονόγιαννες,
 Ο μοναχόν ο Γιάννες,
 Ο Γιάννες επεπύρνηζεν
 Και πεγάδ' επήγεν,
 5 Γαργάριζεν η μαστραπά,
 Εγενέφιζεν το δράκον
 Εξέβεν δράκος άγγελος
 Και θέλ' να τρώη τον Γιάννεν.
 — Καλώς καλώς το πρόγεμα μ',
 10 Καλώς το δειλινάρι μ',
 Καλώς το τρώγω κι αγρυπνώ
 Και κείμαι και κοιμούμαι.
 — Παρακαλώ σε, ρδάκε μου,
 Άφσ' με κάν πέντ' ημέρας,
 15 Πάγω 'λέπω τον κύρη μου,
 Έρχουμαι κ' εσύ φά' με.
 — Άρ' άμε, άμε, Γιάννε μου,
 Άμε κι αλήγορ' έλα.
 Ο Γιάννες μόνον έργεψεν,
 20 Ο δράκον εθερέθεν,
 Όντας τέρη το πέραγκιαν,
 Ο Γιάννες κατηβαίνει.
 — Καλώς καλώς το πρόγεμα μ',
 Καλώς το δειλινάρι μ',
 25 Καλώς το τρώγω κι αγρυπνώ
 Και κείμαι και κοιμούμαι.
 — Άσε με, ρδάκον, άσε με,
 Άσε με, νε θερίον,
 Πάγω 'λέπω τη μάννα μου,
 30 Έρχουμαι κ' εσύ φά' με.
 — Άρ' άμε, άμε, Γιάννε μου,
 Άμε κι αλήγορ' έλα.
 Ο Γιάννες μόνον έργεψεν,
 Ο δράκον εθερέθεν,
 35 Όντας τερή το πέραγκιαν,
 Ο Γιάννες κατηβαίνει.
 — Καλώς καλώς το πρόγεμα μ',
 Καλώς το δειλινάρι μ',
 Καλώς το τρώγω κι αγρυπνώ
 40 Και κείμαι και κοιμούμαι.
 — Παρακαλώ σε, ρδάκε μου,
 Θεού παρακαλίς,
 Άς πάγω 'λέπω τ' ορφανά,
 Δατάχκουμαι την κάλη μ'.
 45 — Άρ' άμε, άμε Γιάννε μου,
 Άμε κι αλήγορ' έλα.
 Ο Γιάννες μόνον έργεψεν,
 Ο δράκον εθερέθεν,
 Όντας τερή το περαγκιαν,
 50 Ο Γιάννες κατηβαίνει.
 Είχεν τα χέρα 'τ' πίσταυρα,
 Την γούλαν κρεμασμένον,
 Κι άλλ' οποτίσ' ο κύρις ατ'
 Φτουλίζ' γα γένα 'τ' κ' έρται,
 55 Κι άλλ' αποπίσ' η μάννα του
 Καταματούται κ' ερται,
 σ όλτς αποπίσ' η κάλη του,
 χρυσή καβαλλαρέα,
 χρυσόν μήλον 'ς σο χέρ'ν ατής
 60 παιίζει και κατηβαίνει,
 κατακαρδών' τον Γιάννεν ατ'σ
 και φοβερίζ' το δράκον.
 — Καλώς καλώς το πρόγεμα μ',
 Καλώς το δειλινάρι μ',
 65 Καλώς το τρώγω κι αγρυπνώ
 Και κείμαι και κοιμούμαι.
 — Σπαθίν κα έν' το πρόγεμά σ',
 Κοντάρ' το δειλινάρι σ',
 Φαρμάκ' να τρώς και αγρυπνάς
 70 Και κείσαι και κοιμάσαι.
 — Κόρ' απ' εμέν 'κ' εντρέπεσαι,
 Απ' εμέν 'κι φοβάσαι;
 — Από εσέν 'κ' εντρέπομαι,
 Απ' εσέν 'κι φοβούμαι.
 75 — 'Σ τον Θεο σ', 'ς τον Θεο σ',
 νε κόρασσον,
 τα γονικά σ' απόθεν;
 — Η μάννα μ' απ' τος
 ουρανούς,
 Ο κύρη μ' απ' τα νέφα,
 Τ' αδέφλα μ' στράφτ'νε και
 βροντούν
 80 Κ' εγώ γριλεύω δράκους,
 'Σου πεθερού μου το τσακόν'
 σερέντα δράκων δερμα,
 έναν να παίρω και τ' εσόν,
 γίνταν σεράντα έναν.
 85 — Καθώς που λες, νε κόρασσον,
 Άμε απόθεν έρθες,
 Άς έν' ο Γιάννες χάρισμα σ',
 Έπαρ' 'τον κι άμε δέβα,
 Άς έν' ο Γιάννες αδελφό μ',
 90 Η κάλη του η νύφε μ',
 Του Γιάννε τα μικρότερα
 Άς είν' γυναικαδέφλα μ'.

И. И. Ковалева

Превращался ли Зевс в Эроса?

Среди античных источников, касающихся космогонического Эроса, важное место принадлежит Ферекиду Сиросскому: это в его уста Прокл (in Tim. 32 с = II, 54, 28 DK) вкладывает сообщение о том, что Зевс, намереваясь приступить к демиургическим функциям, «превратился в Эроса» – εἰς Ἐρωτα μεταβελήσθαι τὸν Δία (7 В 3 DK). Это свидетельство не раз привлекало внимание античных и современных комментаторов и интерпретаторов. А. Ф. Лосев в своем впечатляющем компендиуме античных мифологических свидетельств (Лосев 2005 с. 153) называет его «очень важным текстом о превращении Зевса в Эроса при демиургии». Главный вопрос, возникающий в связи с данным фрагментом, следующий: до какой степени это утверждение принадлежит Ферекиду, а не Проклу? Кембриджские комментаторы досократиков (Kirk-Raven-Schofield, p. 62) справедливо указывают, что вся вторая половина фрагмента, после слов ὅτι δὲ – «создав космос из противоположностей, он привел его к согласию и любви и посеял во всем тождественность и единение...»¹ – имеет осязаемый стоически-неоплатонический колорит. Но сам тезис о превращении Зевса в Эроса, по мнению этих исследователей, «должен был опираться на что-то у Ферекида».

Среди фрагментов, так или иначе связанных с Ферекидом, присутствует цитата из одной из речей Максима Тирского (4, 4 = 7 А 11 DK), проливающая некоторый свет на эту проблему: «Но рассмотри творение Сиросца, Зевса и Хтонию, и между ними эрос [καὶ τὸν ἐν τούτοις ἔρωτα], и рождение Офионея, и битву богов, и древо, и покрывало»². Здесь Максим Тирский довольно точно пересказывает миф, содержащийся в атрибутируемом Ферекиду папирусном фрагменте (Grenfell – Hunt, Greek Papyr., Ser. II, # 11, с. 23 = 7 В 2 DK), где речь идет о браке между Засом (который всей античностью был единодушно понят как Зевс, почему Максим Тирский и употребляет аккузатив Ζῆνα, а не Ζάνα) и Хтонией³. Свадебным подарком жениха невесте в этом браке было покрывало, φῦρος, на котором Зас вышил [sic!]

¹ Перевод А. В. Лебедева.

² Перевод мой.

³ О том, в какой степени «Хтония» отождествляется с Землей=Геей, а в какой – с Герой, см. Kirk-Raven-Schofield, p. 57–58.

землю со всем на ней сущим, т.е. свадебным подарком было сотворение мира. Привожу этот текст в переводе А. В. Лебедева (Лебедев 1989): «Стб. 1:.... < E>му строят хоромы, многие и большие. Когда же они завершили их полностью, равно как и утварь, и слуг, и служанок, и все прочее, что необходимо, когда, значит, все было готово, устраивают свадьбу. И когда наступил третий день свадьбы, тогда Зас творит покров, большой и красивый, и вышивает на нем Землю (Γῆν), и Огена, и чертоги Огена.... Стб. 2. [Зас обращается к Хтонию:] Ибо, <желая,> чтобы свадьбы были твоими, я жалую тебя этим [покровом]. Ты же у меня здравствуй и будь моей женой!» Так, говорят, впервые произошли анакалиттерии. С тех пор этот обычай установился и у богов и у людей. Она же ем<у отвеча>ет, приняв< ши у него пок>ров...» Из других источников (например, из Климента Александрийского, Strom. VI, 9) мы узнаем, что «древом» был некий «крылатый дуб», который толкуют весьма расширительно – от мирового древа до ткацкого станка, за которым Зас занимался своим демиургическим рукоделием (Kirk-Raven-Schofield, p. 63). Находят подтверждение в источниках и Офионей, и «битва богов», упоминаемые Максимом Тирским, но нас сейчас занимают не они, а Эрот. Есть ли здесь персонификация, или это простое обозначение любовного чувства? «Крылатый дуб», чем бы он ни был, на Эрота явно не похож...

Кембриджские комментаторы досократиков (Kirk-Raven-Schofield, p. 63), цитируя Максима Тирского, пишут Эрота с заглавной буквы и переводят данный фрагмент так: «But consider also the work of the man of Syros, and Zas and Chthonie and the Eros between them...» М. Трапп, издавший не так давно речи Максима Тирского (Trapp 1994), пишет «Ἔρωτα», а переводит (Trapp 1997) так: «Consider also the poetry of the man from Syros, with his Zeus and Chthonie and their love...» М. Вест, цитируя Максима Тирского (West 1971, p. 15), пишет «эрота» со строчной буквы, – как отмечает Г. Шибли (Schibli 1984, p. 113), специально для того, чтобы показать, что у Ферекида нет персонификации Эроса. Правда, Шибли оговаривает (ibidem), что Максим Тирский в той же речи обсуждает несомненно персонифицированного Эроса – сына Пороса и Пенни у Платона, но Максим Тирский – опытный ритор и в своих четырех речах Περὶ Ἐρωτος ловко обыгрывает переходы от персонифицированного

к персонифицированному эросу и обратно⁴. А. В. Лебедев (Лебедев 1989): «Имей в виду также поэзию Сиросца: и Зевса с Хтонией, и Эрота [Любовь] между ними...» Заметим здесь, что перевод τῆν ποιήσιν как «поэзию», «the poetry» представляется не вполне корректным, поскольку Ферекид известен как раз в качестве одного из первых авторов *прозаических* сочинений (Kirk-Raven-Schofield, p. 51–52); перевод «the work», «творение» более точен. И эта Ферекидова проза, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам и свидетельствам, обладает вполне определенной индивидуальностью, определенными характеристиками, которые позволяют, на мой взгляд, отделить подлинные слова Ферекида от позднейших изложений.

Одной из этих важнейших характеристик я бы назвала *замысловатость*. Суда (s.v.) сообщает о названии сочинения (или сочинений?) Ферекида – «Ἐπτάμυχος ἦτοι Θεοκρασία ἢ Θεογυνία»⁵ – «Семинадрии»...иначе «Богосмещение»...или «Теогония»⁵. По мнению кембриджских комментаторов (Kirk-Raven-Schofield, p. 51), «Семинадрии» – подлинное название книги, а прочие представляют собой более поздние поясняющие добавления. Такой же замысловатостью отличается употребление форм имен «Зас» и «Огенос», вместо привычных «Зевс» и «Океан», и именование Земли «Хтонией», а не Геей. Так же подлинным фрагментом можно считать цитируемое у Диогена Лаэртского (I, 116) *начало* книги Ферекида: «Зас и Хронос были всегда, и Хтония; Хтонии же имя стало Земля с тех пор, как Зас дал ей в дар землю»⁶. С другой стороны, когда Дамаский (De pricipiis 124 bis) начинает цитировать то же начало книги Ферекида, он сперва даже воспроизводит корректную форму Ζάντα – «...Зевс был всегда, и Хронос [Время]⁷ и Хтония...»⁸ – но тут же

---

⁴ См. Ковалева И. Миф об Эросе в позднеантичной философской традиции (Максим Тирский, речи Περὶ ἔρωτος)//Internationale Konferenz aus Anlass des 100. Jahrgangs des Akademienmitglieds Simon Kauchtschischwili. Rsumeeband. Tbilissi, 1995. С. 66–67.

⁵ Перевод А. В. Лебедева.

⁶ Перевод А. В. Лебедева.

⁷ Этот «Хронос, который был всегда» и сделал из своего семени сперва три элемента – огонь, «пневму» и воду, а затем из них – «пятинедровое» поколение богов, – порождает массу проблем. С одной стороны, он вызывает, конечно, ассоциации с орфическим «нестареющим Хроносом», отождествляемым то с Кроном, то с Протогоном, Фанетом,

сбивается на «три первоначала» и сообщает, что Хронос из своего семени сделал πῦρ καὶ πνεῦμα καὶ ὕδωρ, невозможно не опознать в этих словах позднефилософский стоико-неоплатонический жаргон. Точно так же следующая же фраза Дамаския про «пятинедровое» (πεντέμυχος) поколение богов, этот замысловатый эпитет выдает свою принадлежность древнему Ферекиду⁹.

Как показал М. Вест (West 1971, p. 43 - 52), за этими причудливыми формами лежит связь с ближневосточной – и не только ближневосточной – традицией. Так, имя Огеноса он связывает не только с «древним Огигом» греческих мифов, но и с упоминаемым в Библии (Deut. 3, 11) Огом Васанским – великаном из «сыновей Божиих», грешивших с женщинами (Gen. 6, 1 – 5), а также с арамейскими словами, обозначающими водоем (ôgānâ) или обод (ôgen). «Чертоги Огеноса», Ὠγηνοῦ δόματα,

---

совокупляющимся с самим собой и порождающим все остальное, с Эрикепаем, Метисом, «носящим семя богов [Лосев 2005, с.109]», Гераклом и Эросом (Лебедев 1989, с. 48 – 66; Лосев 2005, с.87, 91 – 109). С другой стороны, как указывает М. Вест (West 1983, p. 104 – 105), представления о Времени как божественном прародителе были широко распространены от Индии до Финикии и от Ирана до Египта. В египетских космогонических мифах Ра творит мир из своего семени, и т.п. С третьей стороны, орфические образы почерпнуты, согласно Весту, не из Ферекида, а непосредственно из восточных источников, поскольку у орфиков есть черты, отсутствующие у Ферекида. Наконец, тексты, отождествляющие Фанета с Эросом, а Эроса с Зевсом, опять-таки принадлежат Проклу: (Лосев 2005, с.67, Procl. In Tim. 31 a – «Поэтому и у Орфея...Фанет...именуется Эфира прекрасного чадом и нежным Эротом...»; Procl. In Alcib. I 109 e – «...в Зевсе есть Эрот. Ведь Метис есть первый родитель и Эрот, доставляющий радость, и Эрот проистекает из Зевса и сосуществует с Зевсом первично в умопостигаемом. Ведь здесь есть всевидящий Зевс и нежный Эрот, как говорит Орфей. Они взаимно родственны, вернее же, объединяются взаимно, и каждый из них любит другого». Здесь уже, как видим, не Зевс превращается в Эрота, а Эрот «проистекает от Зевса». Но это – концепция Прокла, который пишет через тысячу лет после Ферекида, после Платона и Парменида с их действительными концепциями космогонического Эроса.

⁸ Перевод А. В. Лебедева.

⁹ Как и приводимое у Диогена Лаэртского (I, 119= 7 В 12 DK) изречение о том, что «боги называют стол θυφορός [жертвенник]» (перевод А. В. Лебедева).

Вест соединяет с существовавшим еще в Египте представлением о мрачных подземных областях, через которые пролегает ночной путь Солнца (что отражается, в свою очередь, в греческих мифах о том, что ночью Солнце отдыхает в глубинах Океана и проходит под ним, чтобы утром снова подняться на небо)¹⁰. Имя Заса отражает, по мнению Веста, имя лувийского бога Шанта, в котором хетты видели соответствие своему громовержцу.

О связи Ферекида с Востоком, по крайней мере, с Финикией, собственно, помнили и его античные комментаторы: так, Суда сообщает (s.v.), что у Ферекида не было учителя, но он обучился сам, приобретя «тайные книги финикийцев»; Филон из Библоса (ар. Eusebium P.E. I, 10, 50) говорит, что учение «о боге Офионее и об Офионидах» заимствовано Ферекидом у финикийцев; а гностик Исидор (ар. Clement. Al. Strom. VI, 53, 5= 7 В 2 ДК) ссылается на «пророчество Хама» как на источник рассуждений Ферекида о *πελοκίλμενον φᾶρος* («вышитом покрывале») и *ὑπόπτερος δρῦς* («крылатом дубе»). У того же Климента Александрийского (Strom. VI 9) содержится отсылка к изготовлению щита Ахилла в «Илиаде» и, в частности упоминания «могучей реки Океана» как параллели к Ферекидовым «чертогам Огеноса».

Представляется, что в той же «Илиаде» можно выделить сюжет, теснейшим образом связанный с Ферекидовым повествованием о Засе и Хтонии. Я имею в виду «Обольщение Зевса», традиционно воспринимаемое в космогоническом контексте. Мы видели, что у Ферекида брак между Засом и Хтонией воспринимается как парадигматический, а вручение дара невесте становится *aition* для установления обряда анакалиптерий. В XIV песни «Илиады» Гера, замышляя отвлечь Зевса от битвы, является к нему в облике *невесты*; собираясь на свидание с Зевсом, она совершает полный ритуал обрядования богини-невесты (166–186)¹¹, в завершение которого окутывается *покрывалом* (*κρηδέμνω*). Зевс, воспринимая Геру как божественную невесту, объявляет, что его душу покорило желание (*ἔρος*, 315), равного которому он не испытывал ни к богине, ни к смертной, ни даже к самой Гере прежде, требует немедленного исполнения супру-

¹⁰ Ср. также фрагмент Ферекида об «уделе Тартарском» (7 В 5 ДК).

¹¹ См. Ковалева И. И., «Богини на rendez-vous»//Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 21–23 июня 2004 г. – СПб., «Наука», 2004.

жеских обязанностей и вступает с ней в соитие, единодушно понимаемое комментаторами как парадигматический $\dot{\iota}\epsilon\rho\acute{o}\varsigma$ $\gamma\acute{\alpha}\mu\omicron\varsigma$. Очевидно, что здесь нет никакой персонификации Эроса, а слова $\epsilon\acute{\rho}\omicron\varsigma$ в 315-м стихе и $\epsilon\acute{\rho}\omicron\alpha\iota$ и $\gamma\lambda\upsilon\kappa\acute{\omicron}\varsigma$ $\dot{\iota}\mu\epsilon\rho\omicron\varsigma$ в 328-м употреблены синонимично.

Но дело этим не ограничивается. Во-первых, на протяжении интересующих нас 200 стихов (153–353) 4 раза упоминается Океан, причем *трижды* повторяется формула о «доме Океана [и Тефии]»: 201–202, 302–303, 311, в двух первых случаях Океан назван «прародителем богов» ($\theta\epsilon\omega\acute{\nu}$ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon\sigma\iota\nu$), и с небольшой вариативностью эта формула повторена в ст. 245–246. В свою очередь, для Ферекида чрезвычайно значима формула «чертоги Огеноса» – $\dot{\Omega}\gamma\eta\nu\omicron\delta$ $\delta\acute{\omicron}\mu\omicron\tau\alpha$: в папирусном тексте это место повреждено, но восстанавливается по Клименту Александрийскому (Strom. VI, 9, 4). Также у Оригена (с. Celsum VI, 42= 7 В 4 DK) читаем о том, что Офионей и Кронос договорились перед поединком, что тот из них, кто «впадет в Огенос» ($\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\dot{\Omega}\gamma\eta\nu\omicron\nu$ $\epsilon\mu\lambda\acute{\epsilon}\sigma\omega\sigma\iota$), будет считаться проигравшим. Кембриджские комментаторы досократиков (Kirk-Raven-Schofield, p. 66) справедливо сопоставляют этот фрагмент с песней Орфея в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (I, 503–506), где речь идет об Офионе и Океаниде Евриноме, владевших Олимпом, но затем лишенных власти Кроном и *павших в волны Океана*.

Но и это не все: вышитый Засом покров находит соответствие в таинственном орудии Афродиты – $\kappa\epsilon\sigma\tau\acute{\omicron}\nu$ $\dot{\iota}\mu\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ $\lambda\omicron\upsilon\kappa\acute{\iota}\lambda\omicron\nu$ (214–215), в котором содержатся все ее чары, $\theta\epsilon\lambda\kappa\tau\acute{\eta}\rho\iota\alpha$. Шапиро (Shapiro 1993, p. 19) отмечает, что не вполне ясно, из какого материала сделан этот «пояс» или скорее «ожерелье», какую он имеет форму и *каким именно образом* в нем содержатся «соитие», «желание» и «любовный лепет»; один из комментаторов полагает, что они *вышиты* на «поясе»¹². Однако, судя по магическому действию этого предмета, чары Афродиты присутствуют в нем так же реально, как стали реальностью Земля, Океан и «чертоги Океана», *вышитые* Засом на «фаросе» Хтонии.

¹² См. также Bonner C. *Kestos himas* and the Saltire of Aphrodite, AJP, 90 (1949), 1–7; Brenk F.E. Aphrodite's Girdle. No Way to Treat a Lady (*Iliad* 14.214.233), CB 54 (1977), 17–20; Faraone C.A. Aphrodite's *Kestos* and Apples for Atalanta, Phoenix 44 (1990), 219–243.

Таким образом, у Ферекида мы имеем повествование о сотворении мира, изложенное в форме *мифа*. Вест показал, что персонажи этого мифа имеют ближневосточные прототипы. Исходя из сопоставления текста Ферекида с «Илиадой», с их повторяющимися формулами, рискну предположить, что за обеими космогоническими версиями лежал, может быть, некий (ближневосточный?) *текст*, некое повествование о «чертогах Огеноса» и о браке божественной пары (а затем войне богов). Начало Ферекидова рассказа в папирусном фрагменте утрачено, но легко предположить, что истории брака предшествовала история любви: Зас *влюбился* в Хтонию, решил жениться на ней и в качестве свадебного дара сотворил для нее мир. Демииургическая функция здесь есть, но «превращения Зевса в Эрота» нет. Г. Шибли замечает (Schibli 1984, 113–114), что сама формула о «превращении» (μεταβληθεῖς, μεταβάλλει .. ἐρασθεῖς) появилась под влиянием многочисленных мифов о превращениях влюбленного Зевса то в быка, то в золотой дождь. Но эта формула имеет отношение к Проклу, не к Ферекиду, у которого мы не обнаружили ни космогонического Эрота, ни даже персонификации: в утраченном начале его мифологического повествования была, вероятнее всего, простая номинация страсти, как и в гомеровском «Обольщении Зевса».

Библиография

- Лебедев 1989 – Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических космогоний до возникновения атомистики. Издание подготовил А. В. Лебедев. М.: «Наука», 1989
- Лосев 2005 – Лосев А.Ф. Античная мифология с античными комментариями к ней. Харьков: Фолио; М.: Изд-во Эксмо, 2005
- Kirk-Raven-Schofield – The Presocratic Philosophers. A critical history with a selection of texts by G.S.Kirk, J.E.Raven, M. Schofield. Second Edition. Cambridge University Press, 1993
- Shapiro 1993 – Shapiro H.A. Personifications in Greek Art. Zürich, AKANTVS, 1993
- Schibli 1984 – Schibli Hermann S. Pherekydes of Syros. The University of Michigan, 1984
- Trapp 1994 – Maximvs Tyrivs. Dissertationes. Edidit M.B.Trapp. Stvtgardiae et Lipsiae. In aedibvs B. C. Tevbneri. MCMXCIV.
- Trapp 1997 – Maximus of Tyre. The Philosophical Orations. Translated, with an Introduction and Notes, by M.B.Trapp. Oxf., Clar. Press.
- West 1971 – West M.L. Early Greek philosophy and the Orient. Oxford, Clarendon Press, 1971
- West 1983 – West M.L. The Orphic poems. Oxford, Clarendon Press, 1983.

П. А. Кочаров

Об отражении индоевропейских основ с назальным инфиксом в армянском языке

Индоевропейские основы настоящего времени, содержащие назальный инфикс, нашли отражение во многих индоевропейских языках; в древнеармянском инфикс либо полностью слился с основой, либо привел к формированию суффиксов *-ana-/na-*, *-ane-/ne-* и *-ni-*:

Основы, содержащие суффиксы *-ana-/na-*, *-ane-/ne-* и *-ni-*, участвуют в образовании форм настоящего времени. Выделяются следующие глагольные классы с этой основой:

- 1.1. *-a-nam* : *-ac^ci* (*im-anam* «я понимаю» – *im-ac^cay* «я понял»);
- 1.2. *-e-nam*¹ : *-ac^ci* (*merdz-enam* «я подхожу» – *merdz-ec^cay* «я подошел»);
- 2.1. *-anem* : *-0-* (*tes-anem* «я вижу» – *tes-i* «я увидел»);
- 2.2. *-anim* : *-0-* (*ows-anim* «я учусь» – *ows-ay* «я научился»);
3. *-num* : *-e-l-c^c-l-0⁻²* (*aṙ-num* «я беру» – *aṙi-* «я взял»).

Отсутствие регулярного выражения категории залога в настоящем времени привело к тому, что в случае необходимости избежания двусмысленности от корневой основы настоящего времени образовывалась основа на *-ani-* (*het-ow* «он льет» – *het-ani* «(что-либо) проливается»); гласная *-e-* окончания в формах страдательного залога настоящего времени регулярно заменялась на *-i-*, поэтому она могла восприниматься как показатель страдательного залога и в *-ani-*.

С помощью суффикса *-an-* регулярно образуются формы настоящего времени каузативных глаголов: *owsowc^c-anem* «я учу» – *owsowc^c-i* «я научил»; основа каузативного глагола состоит из основы аориста и суффикса *-owc^c-*.

В новоармянском языке древнеармянские суффиксы, произошедшие от индоевропейских основ с назальным инфиксом, отразились в суффиксах *-an-* и *-en-*, участвующих в образовании глаголов становления действия: *tec-an-al* «вырастать», *sew-an-al* «почернеть», *mot-en-al* «приближаться».

Существует относительно небольшое число древнеармянских глаголов, *-n-* основы которых вероятнее всего продолжает непосредственно индоевропейский инфикс (см. Таблицу 1); во всех ос-

¹ *-e-nam* < **-i-anam*.

² Этот тип характеризуется многообразием способов образования основы аориста; наиболее распространенной все же является основа на *-e-*.

тальных случаях речь идет об образовавшихся на их основе суффиксах, распространившихся по аналогии.

Таблица 1

армянский	индоевропейский ³
1. <i>aganim</i> ‘одеваюсь’	* <i>h₂unéh-</i> ‘обуваться’
2. <i>ałam</i> ‘молю’	* <i>h₂lnéh₁-</i> ‘молоть’
3. <i>amanam</i> ‘наполняю’	* <i>h₂mnéh₁-</i> ‘лить’
4. <i>anc^canem</i> ‘прохожу мимо’	* <i>dh₂g^hneh₂-</i> ‘подходить’
5. <i>awcanem</i> ‘мажу’	* <i>h₃nnég^u-</i> ‘мазать’
6. <i>banam</i> ‘открываю’	* <i>b^hneh₂-</i> ‘светить’
7. <i>bekanem</i> ‘ломаю’	* <i>b^hneg-</i> ‘ломать’
8. <i>bowcanem</i> ‘кормлю’	* <i>b^hunég-</i> ‘приносить пользу’
9. <i>dizanem</i> ‘собираю’	* <i>dhⁱinég^h-</i> ‘намазывать’
10. <i>elanem</i> ‘прихожу, поднимаюсь’	* <i>plneh₂-</i> ‘приближаться’
11. <i>erdnowm</i> ‘клянусь’	* <i>dh^rnéu-</i> ‘объявлять’
12. <i>lk^canem</i> ‘оставляю’	* <i>linék^u-</i> ‘оставлять’
13. <i>lnowm</i> ‘наполняю’	* <i>plneh₁-</i> ‘наполнять’
14. <i>owsanim</i> ‘учу’	* <i>h₁unék-</i> ‘изнавать’
15. <i>p^clanim</i> ‘падаю’	* <i>ph₃lnéh-</i> ‘падать’
16. <i>sprañam</i> ‘пугаю’	* <i>sp^hyméh-</i> ‘топать’
17. <i>sp^cac^canim</i> ‘опоясываюсь’	* <i>ph₂neg-</i> ‘твердеть’
18. <i>stanam</i> ‘покупаю’	* <i>stneh₂-</i> ‘стоять’
19. <i>f^canam</i> ‘смачиваю’	* <i>tnéh₂-</i> ‘таять’
20. <i>f^cndam</i> ‘дрожу’	* <i>(s)tuned-</i> ‘быть’
21. <i>f^cołowm</i> ‘прощаю’	* <i>t^lneh₂-</i> ‘поднимать’

На то, как именно произошло становление упомянутых выше суффиксов в древнеармянском и как соотносится ярко выраженная семантика глаголов становления в новоармянском со спецификой значений основ с назальным инфиксом в других индоевропейских языках, может указать более детальное исследование глаголов, приведенных в таблице.

³ Приведенные в таблице этимологии взяты из *Lexikon der indogermanischen Verben*. Н. Rix (ed.). Wiesbaden 1998.

A. E. Кузнецов

De «Scipionis» Ennii structura metrica

1. De Enniano carmine, qui *Scipio* inscribi videtur¹, tria, quorum forma metrica servata est, fragmenta ad nos pervenerunt, eisque et nomen poetae et titulum poematis testes nostri adiunxerant.

Fr. VI v. 9   mundus caelī vastus cōnstitit silentiō
                                   et Neptūnus saevīs undīs asperīs pausam dedit
                                   Sōl equīs iter repressit unguīs volantibus
                                   cōnstitēre amnēs perennēs arborēs ventō vacat
                                   Macrobius Sat. VI 2, 26: Ennius in Scipione

VII   13   quāque propter Hannibālis copiās cōsiderat
                                   A. Gellius IV 7, 2: Valerius Probus ... solius tamen Enii ver-
                                   sum unum ponit ex libro qui Scipio inscribitur

VIII   14   sparsīs hastīs longīs campus splendet et horret
                                   Macrobius Sat. VI 4, 6: Ennius ... in Scipione

his quartum fragmentum Vahlen addidit, quod cum nomine tantum Ennii invenitur.

IV   4   vel tū dictātor vel equōrum equitumque magister
                                   estō vel cōsul
                                   Paulus Fest. 507 = Annales v. 256 Skutsch

2. Cum omnes docti materiam heroicam esse accipiant, tamen de natura carminis obscura atque incerta nullum consensum nacti sunt: polymetron enim fuisse videtur, eaque ratione non proprie epicum, sed quid εἶδος poeta adhibuisset alii aliter iudicaverunt². Sed *Scipionem* carmen tragicum non esse paene omnibus studiosis placuit eaque vicit sententia.

At nos contraria, esse scilicet *Scipionem* fabulam praetextam probari contendimus.

¹ Enniannae Poesis Reliquiae itertis curis recensuit Iohannes VAHLEN. Lipsiae, 1928, Sectio «Varia», p. 212-214.

² L. MUELLER (Quintus Ennius. Eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie. Petropoli, 1884) multis doctis persuasit partem *Saturarum* fuisse, ita M. SCHANTZ (1896) *Scipionem* Panegyricum Saturis insertum appellare voluit. id falsum esse VAHLEN ostendit: nam A. Gellium *Saturas* Ennii et legisse et sub titulo *Ennius in satiris* excerpisse, *Scipionis* autem textum in promptu non habuisse constat.

Quibus in rebus rationes metricae cum sint certissimae, structuram versus 14. consideremus.

3. Legem in versibus heroicis condendis sibi instituit Ennius, ut positione tenui, quae *ῥέσις* appellatur, *omnia* verba in –īs vel –ūs desinentia s litteram abiecerint. alio modo dicas: finitiones –īs et –ūs nusquam secundam spondei syllabam facere posse³. Hanc legem Ennius magna cum diligentia servavit, quem Lucilius secutus est⁴, exempli causa in hoc versu:

1048   sublātus (!) pudor *omnis* licentia *fēnus* refertur

Lucretius autem illam subtilitatem veterum neglexit, exempli causa:

I 915   dēnique iam quae cumque in *rēbus* cernis apertīs

Atqui in *Scipionis* v. 14. eadem licentia spretam legem esse videmus:

sparsīs hastīs longīs *campus* splendet et horret

hic concursus consonantium #spl- nos minime decipiat. nam -us# syllabam facere longam potestatem non habuerunt, quod his exemplis probatur:

Ennius   additur orator *Cornēlius* svāviloquentī (Ann. 303 Vahlen 304 Skutsch)

Lucretius   spēluncāsque vel ut saxīs *pendentibus* structās (VI 195)⁵

Denique notanda est in v. 14 etiam partium orationis divisio, quae a structura versus heroici aliena est, et hunc quasi monstrum metricum esse iudices, sed – cum sine dubio Ennianus sit – non esse dactylicum necesse concludamus. quo dato facile verum metrum inveniri potest: sunt tres dipodiae anapaesticae, hoc est dimeter, quem monometer sequitur:

sparsis hastis₁ longis campus₂
splendet et horret₃

³ Otto SKUTSCH in praefatione editionis suae p. 56 (The Annals of Q. Ennius. Oxford, 1985).

⁴ lex in uno Ennii versu 304 V. 305 S. *ōre Cethēgus Mārcus* frangitur et in 112 casibus observatur, apud Lucilium vero in 240 casibus observatur atque in 9, quorum plerique dubii sunt, neglecta esse videtur (L. HAVET. L' S latin caduc. In Études dédiées à G. Paris. 1891, p. 303-329).

⁵ pronuntiandum est: *Cornēliū svāviloquentī, pendentibū structās*, sicut *omni licentia fēnū refertur*, — sed: sublātus pudor. De prosodia consonantium concursuum generaliter vide: HOENIGSWALD. A Note on Latin Prosody: Initial s-impure after short vowel. TAPhA. 80, 1949, p. 271-280.

monometer autem forma adonii concinatus est, quam maxime usitatam in tragoediis Senecae esse scimus. etiam crebrae inter pedes incisiones metra anapaestica indicant.

Erat igitur *Scipio* fabula praetexta. nam cum aliorum metrorum varius usus esset, anapaestos tantum in scaenica et Graeci et Latini poetae accipiebant. coniuncti anapaesti cum septenario (vv. 9-13) sunt et eam societatem in alia Ennii praetexta *Ambracia* inesse videmus. versum 4., qui certus heroicus est, de frustulis *Scipionis* movendum esse dicam, nisi Otto Skutsch rationibus historicis fretus iam eum libro VIII. *Annalium* adiudicavit.

4. Paucis de fortuna v. 14. dicendum est.

(a) Hunc Lucilius saturae vituperandi causa inseruit teste Servio (ad Aen. XI 601).

Lucilius veterem poetam irridens, Ennium dicere “horret et alget” debuisse monuit, et Lucilii textum maxima probabilitate Marx hoc modo restituit:

1190 <sparsis hastis longis campus et> horret et alget

notandum est a Lucilio non structura hexametri sed delectus verborum irrideri.

(b) Postea grammatici, qui fontibus Vergilianis quaerendis studebant, *Scipione* Enniano usi sunt et v. 14 pro exemplari Aeneidos v. XI 601-602 tractaverunt:

huc conuersus et huc; tum late ferreus hastis
horret ager campique armis sublimibus ardent.

qua de re videas peraeeter Servii commentarium supra laudatum etiam Macrobian Sat. VI cap. 3sqq.

Idem Macrobius nostrum fr. VI. ut fontem v. Aeneidos X 100-103 proposuit.

(c) Scriptores rei metricae eum versum heroicum, *qui per singulos pedes verba terminatur, indecentem fore* (VI 71, 25 GLK) docebant, idque genus versus vitiosi *ὑπόρρηθμον* appellatum est. cum eius vitii exemplis opus esset, tamen notissimo illo, qui si dactylicus, aperte *ὑπόρρηθμον* fuisset, *Scipionis* versu non utebantur, sed hunc fictilem proposuerunt⁶:

Pythie Dēlie tē colo prōspice vōtaque firmā

Itaque etiam tardioribus saeculis verum (scilicet non heroicum) versus 14. metrum non ignoratum esse suspicamus.

⁶ primus, ut videtur, G. HERMANN v. 14 *Scipionis* quaestioni de vitiiis versus heroici adiunxit: *Elementa Doctrinae metricae*. Lipsiae, 1816, p. 343.

А. И. Любжин

Русские читатели Проперция: Ф. Я. Козельский

Проперций не относится и никогда не относился к числу наиболее читаемых и популярных в России авторов. В указателе Свиясова ему отведен 61 пункт (у Горация – 889)¹. Однако же в его случае, пожалуй, как нигде количество компенсируется качеством. Среди его поклонников – Феофан Прокопович, М. Н. Муравьев, А. П. Ермолов². Но самая большая редкость – реминисценции из творчества латинского элегика в русской поэзии; пока в императорский период нам известна лишь одна фигура, в чьих стихах удалось обнаружить цитаты — поэт и писатель Федор Яковлевич Козельский (р. 1734 г.), член масонской ложи «Урания». Эти цитаты чрезвычайно немногочисленны (хотя влияние Проперция, как представляется, сказывается не только в них); и все-таки они есть³.

Уже самопредставление в предисловии демонстрирует ориентацию на высокие образцы: «Виргилий славный Римский Стихотворец, когда у него некто с удивлением спрашивал, для чего он Энния не важного Стихотворца читает? Я, отвечив, из навозу Энниева выбираю золото⁴. Ибо сей Стихотворец хотя и весьма низкой имел штиль в своем сочинении; однако между неприятными его стихами не редко находились важные и разумные мнения. Я знаю, что в сем моем сочинении, благосклонный читатель, не сыщешь золота: однако уповаю, что и своего в нем не потеряешь»⁵.

---

¹ Е. В. Свиясов. Античная поэзия в русских переводах. XVIII–XX вв. ИРЛИ. Библиотека, 1998.

² Этому был посвящен мой небольшой доклад: Alexei Liubzhin. La terza edizione completa di Properzio in lingua russa. In: Properzio nel genere elegiaco. Modelli, motivi, riflessi storici. Atti Convegno Internazionale. Assisi, 27–29 maggio 2004. A cura di Carlo Santini e Francesco Santucci. Assisi, 2005. P. 477–480.

³ Мы не рассматриваем топику римской любовной элегии (также отнюдь не обильную у Козельского), где нельзя установить источник с полной достоверностью.

⁴ Donat., Vit. Verg., p. 31.

⁵ Сочинения Федора Козельского. Второе изд., испр. и вновь приумноженное. Ч. II. [СПб.] Печатано при Импер. АН, 1778 года. С. 6.

В стихотворении «Размышление о любви Отечества» Козельский пишет, прямо ссылаясь на Проперция⁶:

Когда Энеиды часть издал в свет Марон,
Проперций и себе и Грекам всем в урон
Сказал, не чувствуя завистливой досады:
Родится нечто в свет побольше Илиады.

Элегии Козельского, конечно же, не могут ориентироваться на античную традицию вполне: они гораздо меньше укоренены в конкретных обстоятельствах места и времени (вплоть до анонимности возлюбленной), они куда больше наполнены жалобами в настоящем несчастье на ушедшее блаженство; даже и черты сходства значительно утрированы — слово предоставляется женщине чаще, чем у римлян, и возникают иногда парные элегии. Однако именно Проперций со своей страстной поэзией задает тональность сборника, даже там, где о прямых текстуальных параллелях нет речи:

Ах естли б днесь тебя узрел я в сей стране!
Во веки твой приход толь дорог не был мне!..
Хотя не для меня в сии ты вниди рощи...
О тщетно света я ишу средь темной нощи!..
Кто вверился тебе, и кто тебя любил,
Обманут тот тобой, тот стал тебе посыл.
Без жалости того неверная терзает,
И ласки все его нежнейши забывает⁷.

Иногда прямые текстуальные параллели все же можно зафиксировать. Так, в одной из элегий его сборника чувствуется влияние письма Аретузы к Ликоту (4, 3)⁸:

Они текут из глаз и падают на стих,
Что тщится изъяснить печали дней моих,
И тем слова мои написанны смывают,
И взор мой помрачив, писать свой рок мешают.
По-видимому, к Prop. 1, 19, 27 слл.⁹ —

⁶ Сочинения... I, с. 151; ср. 2, 34, 66. Впрочем, здесь мы не имели бы оснований усомниться в источнике цитаты и без этой ссылки.

⁷ Элегия XVIII, Сочинения... II, с. 48.

⁸ Элегия XXIV. Сочинения... II, с. 58; у Козельского элегия также написана от лица женщины.

⁹ Перевод мой, по изд.: Секст Проперций. Элегии в четырех книгах. ГЛК Ю. А. Шичалина, М., 2004. С. 45.

За это, божественные родники, мне в награду – холодный утёс
и жёсткий сон на заброшенной тропинке,
и всё, что я могу поведать в своих жалобах,
мне приходится рассказывать одним только голосистым
птицам.

Но, как бы то ни было, леса откликаются мне на имя Кинфии,
и оно непрестанно оглашает пустынные скалы! —
восходят жалобы безымянной возлюбленной:

Неложны слез моих свидетели места,
Где нежностей твоих осталась лишь мечта,
Где тайности свои тебе я открывала,
Где тажож и твои взаимно узнавала...
Воскликнут и луга и рощи зашумят,
И имя в них мое стократно повторят;
Прохладные ручьи журчанием всечасным,
Меж долом страсть мою воспомянут прекрасным,
И чистые ключи, коль прийдешь ты на них,
Изобразят лице мое в струях своих;
И птицы в рощах сих печалию смущенны,
Пресладко воспоют песнь твоя измены¹⁰.

Ландшафт с птицами и сама обстановка заставляют думать, что непосредственный источник — Проперций, а не Вергилий (*eccl.* 1, 5). На этом примере со всей яркостью сказывается искусство Козельского в переработке топосов: зеркальная смена позиций (возлюбленная вместо поэта) сочетается с тем, что имя, которым полны леса, — по-прежнему ее имя; здесь возникает совершенно другая ситуация, и топос обретает иное наполнение: уже произнесенное и поныне звучащее имя задает предысторию, делает явным читателю обмен ролями и подчеркивает превратность судьбы (что соответствует тональности всего сборника).

Сборник элегий — само по себе не столь частое явление в русской поэзии XVIII в. Сборник элегий, учитывающий опыт Проперция, уникален для русской поэзии в целом. Безусловно, дарование Ф. Я. Козельского заслуживает самого пристального внимания тех, кто интересуется рецепцией античной литературы в России.

---

¹⁰ Элегия XXII, с. 55.

В. И. Мажуга

Римские грамматики об этимологии глагольной формы *pepigi*

История лексических форм порою непосредственно отражает историю древних институтов. В архаический период истории Рима слово *pacium* обозначало полюбовное соглашение между правонарушителем и преследующим его потерпевшим. В обмен на прекращение преследования или на дарование свободы правонарушитель обещал в публичном собрании выплатить компенсацию потерпевшему. Обещание обидчика выражалось словом “*pacio*”. В классический период, договор в форме *pacium* под видимостью соглашения по поводу правонарушения, подпадавшего под санкции публичной власти, скрывал под собой частный договор между получателем денежного кредита и кредитором. Именно кредитор, поскольку это отвечало его интересам, брал на себя основную заботу о должном оформлении договора. Иными словами, воля кредитора выступала теперь на первый план, ее выражению служил глагол в страдательном залоге “*paciscor*”.

Очевидно, выражение обязательства мнимого правонарушителя возместить мнимому потерпевшему причиненный ему ущерб, рассматривалось как уже состоявшийся акт. С той поры, форма перфекта *pepigi* в устах получателя кредита полностью вытеснила древнюю форму презенса “*pacio*”. Вероятно, со времени учительства Флавия Капра, т. е. со второй половины II в. н. э., некоторые грамматики стали рассматривать форму *pepigi* как самостоятельный недостаточный глагол. Это представление засвидетельствовано, помимо прочего, перечнями недостаточных (претерито-презентных) глаголов в учебниках Фоки (*GL V 437, 28–29*) и Диомеда (*GL V 358, 27; 30*).

В обыденном словоупотреблении форму *pepigi* часто применяли, когда хотели вызвать общее представление о некотором соглашении. Принимая это широкое значение *pepigi*, Квинтилиан (ок. 35 – ок. 96 г. н. э.) и другие мастера литературной латыни (*summos auctores*), в частности, выдающийся филолог и грамматик Сервий (кон. IV в. н.э.) применяли *pepigi* параллельно с *pacius sum* как формы перфекта глагола *paciscor*. Отвечая тем, кто сомневался в обоснованности такого применения двух форм, Квинтилиан указал на древний глагол *pacio* как общий источник всех названных глагольных форм (*Inst. Orat. I, 6, 10–11*).

Марий Плотий Сакердос, который учил в Риме примерно в последней трети III в. н. э., предложил совершенно новое толкование формы *pepigi*. Коснувшись образования перфекта глаголов, оканчивающихся в презенсе на **-go**, и приведя в качестве одного из примеров глагол *pungo* с перфектом *purigi*, он рядом с ним представил как формы одного глагола *pango-pepigi*. Возможно, он счел возможным связать эти формы воедино ввиду довольно близкого значения, которое они порою принимали. *Pango* мог обозначать сочинение поэтического текста, в то время как *pepigi* мог получать общее значение “устраивать (дело)”.

Сакердос не упустил случая указать, применяя постоянно формы первого лица *inveni*, *repperi*, что он вел самостоятельные грамматические изыскания. Вместе с тем он не скрывал своих колебаний. Так, относительно парадигмы *pango-pepigi* он счел необходимым заметить, что некоторые грамматики рассматривали форму *pepigi* как самостоятельный недостаточный глагол (*GL VI 490, 29: defectivum tempore putant*). В другой версии учебника Сакердоса, приписанной Пробу, “*Catholica nominum et verborum*”, добавлено замечание, что одни грамматики считают *pepigi* формой настоящего времени, другие – прошедшего (*GL IV 38, 26: alii praesentis, alii praeteriti aestimant*).

Построения Сакердоса представляются, однако же, тем более рискованными, что некоторые особенности его грамматической доктрины выдают в нем человека, получившего первоначальное воспитание преимущественно в греческой среде. Что касается указанной парадигмы, то следует помимо прочего принять во внимание, что комбинация форм *pango-pepigi* отсутствует в известных перечнях глаголов с удвоением морфемы в перфекте. Такие перечни представлены у Авла Геллия (*Noct. Att. VI, 9*), Фоки (*GL V, 434, 15–20*), Диомеда (*GL I, 367, 30–368, 3*) и Харизия (318, 18–319, 1 Barw.).

Следуя Диомеду, а быть может, и Бробу из Бейрута, Харизий не упомянул парадигму *pango-pepigi*, когда привел перечень глаголов с удвоением в перфекте, тем не менее в другом параграфе и он представил свою смелую комбинацию интересующих нас форм. Существенно дополняя набросанный вчерне Диомедом перечень глаголов, имевших каждый по две различных формы перфекта, он, похоже, неожиданно припомнил одновременно парадигму *pango-pepigi*, представленную у Сакердоса, и некоторые достаточно надежные примеры перфекта *panxi* от глагола *pango*. Таким образом, у него возникла парадигма *pango-pepigi-panxi* (323, 1–9 Barw., ср. *GL I, 372, 11–21*,

где краткому перечню Диомеда предшествует позднейшая интерполяция). Возникает, однако, закономерный вопрос, не подвело ли здесь Харизия недостаточное чувство подлинного латинского слова, ведь первоначальная греческая формация этого грамматика, похоже, не вызывает сомнений.

Присциан неоднократно приводит сочетание форм *pango-pepigi*, когда в своих *Institutiones Grammaticae* описывает трансформацию корневой гласной в перфекте. Затем, однако, коснувшись сложных глаголов, образованных от *pango*, перфект которых нигде не показывал удвоения морфемы, он значительно внимательнее отнесся к этимологической связи рассматриваемых форм. Очевидно, обострилось и само живое его восприятие латинского слова. Сначала, нарочито сославшись на Харизия, он указывает на еще одну форму перфекта от простого *pango*, а именно *panxi: simplex tamen 'pango' etiam 'pepigi' facit secundum Charisium et 'panxi'* (GL II 523, 23). При этом возникает впечатление, что представление о форме *pepigi* как производной от *pango* он тоже старается отнести главным образом на счет Харизия. Далее, вслед за Квинтилианом, он связывает форму *pepigi* равно с древним глаголом “*pago*” (= *paco*) и с формой презенса *paciscor: sed antiqui 'pago' quoque dicebant pro 'paciscor'* (GL II 523, 24). В своем комментарии на “Энеиду” он приводит *pegi* в качестве формы перфекта глагола *pango*, добавляя к нему, однако, и *pepigi: pango pegi vel pepigi* (GL III, 513, 29).

B. P. Maslov

Κλυτομάντιες Δελφοὶ in Pindar's paeans?

In his admirable recent study of the Pindaric paean, Ian Rutherford points to the “great importance” of *mantike* in the surviving fragments: the sheer number of *manteis* mentioned in Pindar’s paeans, compared to his epinikia or indeed to any body of archaic lyric poetry, may even suggest that “there was a convention of mentioning seers in *παιῶνες*”.¹ The precise nature of this generic convention, which (given the performance-context of these poems) must have had significance for local Apolline cults, deserves closer examination. In particular, I would like to draw attention to two interrelated issues: Pindar’s peculiar representation of the Delphic *mantike* and the use of genealogical myths to subsume diverse mantic practices at local shrines under the aegis of the Delphic oracle.

The Delphic oracle and its pronouncements are ubiquitous in the Pindaric corpus, yet little can be gleaned from it as to the logistics of oracular consultation. Pythian IV, which is exceptional among the epinikia in more than one respect, is apparently the only poem in which, in two elaborate periphrases, a female priestess who speaks for the god is mentioned (*χρυσέων Διὸς αἰετῶν πάρεδρος ἴερα* in l. 4, *μέλισσα Δελφίς* in l. 60). Elsewhere, Pindar designates the speaker of the oracles as Apollo himself, in keeping with the epigraphic practice.² The attempt to occlude human mediation in the communication with the god does not, however, impugn the significance of the particular cult as an institutional guarantee of the

¹ Rutherford, I. *Pindar's Paeans: A Reading of the Fragments with a Survey of the Genre*. Oxford, 2001. P. 173-4. To the best of my knowledge, L. Athanassaki's dissertation, which does not discuss the paeans, is the only extensive study of *mantike* in Pindar (*Mantic Vision and Diction in Pindar's Victory Odes*. Ph.D. Diss. Brown Univ., 1990).

² As J. Fontenrose (*The Delphic Oracle: Its Responses and Operations*. Berkeley, 1978, p. 212) remarks, “the formula in inscription seems to be always *ὁ θεός* (or *Ἀπόλλων*) *ἔχρησε*; only one inscription mentions the Pythia in the formula *κατὰ τὰς μαντείας τῆς Πυθίας*.”

oracular truth. In view of this, the role of the Delphians, thought of collectively as the keepers of the sanctuary, assumes a significance that has not, I believe, been fully appreciated. I am referring to the Pindaric loci where Delphi and the Delphians are assigned the epithet *κλυτόμαντις* (the word only attested in Pind.). The best known of these passages is the opening apostrophe of Paian VI (1-6)³:

Πρὸς Ὀλυμπίου Διὸς σε, χρυσέα
 κλυτόμαντι Πυθοῖ,
 λίσσομαι Χαρίτεσ-
 σὶν τε καὶ σὺν Ἄφροδίτῃ,
 ἐν ζαθέῳ με δέξαι χρόνῳ
 ἀοιδίμον Πιερίδων προφάταν

Rutherford translates *κλυτόμαντι* as “famed for seers” and does not comment on the problem which, in his commentary, L. R. Farnell seems to have seen when he suggested that the epithet could be understood to refer to Pytho “being personified herself as a ‘great prophetess’ or a famous *mantis*” (ad loc.). Indeed, if we believe that there was only one *mantis* of Apollo at Delphi, the Pythia, the epithet, if taken to mean *κλυτὰ μάντεσι*, is somewhat problematic.⁴ However, in two other passages, Pindar seems to refer to the entire population of Delphi as “famed seers of Apollo”. This is how I would read the phrase *κλυτοὶ μάντιες* in the beginning of Paian VIII (1-4).

³ I quote Rutherford’s text for the paeans; for other genres, I use the text printed in *Pindari Carmina cum Fragmentis*, ed. Snell-Maehler (Leipzig, 1989).

⁴ On mantic practices at Delphi, Amandry’s monograph is still foundational (Amandry, P. *La mantique apollinienne à Delphes: Essai sur le fonctionnement de l’oracle*. Paris, 1950); his argument (p. 25ff) for cleromancy at Delphi (not involving, however, other manteis beside the Pythia) has been disproved by Fontenrose (op. cit. p. 219-223). Two more recent important contributions to the reconstruction of the operation of the Delphic oracle are: Price, S. *Delphi and divination*. In: *Greek religion and society*, ed. P. Easterling and J. V. Muir. Cambridge, 1985. 128-54. Maurizio, L. *Anthropology and spirit possession: a reconsideration of the Pythia’s role at Delphi*. *JHS* 115 (1995): 69–88.

Κλυτοὶ μάντιες Ἀπόλλωνος,
 ἐγὼ μὲν ὑπὲρ χθονός
 ὑπὲρ τ' ὠκεανοῦ
 Θέμιδος τ' ἐπι]

Rutherford glosses this striking apostrophe as follows: “These were probably mythological seers associated with Delphi, such as Teneros and Branchus. In that case, this address might be equivalent to an invocation to the Muses, appealing to the seers for divine wisdom” (216). But Teneros is, first and foremost, a Theban seer, whereas Branchus is associated with Didyma, not Delphi (see e.g. Maurizio, op. cit. p.85, n.97); these figures seem to be out of place in a kletic address opening a poem performed at Delphi. Most importantly, however, Rutherford does not take into account fr. 192:

schol. Pind. P.4.4. δύναται δὲ καὶ τοὺς Δελφοὺς λέγειν· ἐτέρωθι γὰρ
 Ἀπολλωνίδαας αὐτοὺς προσηγόρευε·
 Δελφοὶ θεμίστων {ῥυμνων} μάντιες
 Ἀπολλωνίδααι

Here all Delphians are designated as Apollo’s progeny and the *manteis* of his divine decrees. (If we change, with Turyn, *θεμίστων* to *θεμίτων* the statement is analogous to that applied to Teneros at Pai. IX. 41-45). This parallel suggests that the apostrophe at the beginning of Paian VIII is equivalent not to an invocation to the Muses (here uniquely replaced by the seers), but rather to an invocation of the land and its inhabitants (cf., e.g., the beginning of Paian VI). In this context we should consider the final occurrence of the epithet *κλυτόμαντις* in another fragmentary passage in Paian X (17-22).

ἐμὸν τι
 τὴν μὲν[πά]ρ μιν μ[
 ἐμὴν δὲ π[ά]ρ κείνοι[ς
 ζευχθεῖσα π[ρ]οβώμ[ιος
 υἱὸν ἔτι τέξ[ε]ι· τὸν ἀπ[
 κλυτομάντιες τῷ δ[

Following Rutherford's tentative reconstruction, Apollo is the speaker who pronounces a genealogical prophecy; his location is in all likelihood different from the location of κείνοι. Apollo may thus be prophesying, through the Delphic oracle, a future rape that will occur elsewhere, perhaps in the maiden's native land. We are further told "she (or—if we read τέξ[α]— you) will bear a son in front of an altar"; as to the location of the altar, we are in complete uncertainty (note that, if we take πὰρ κείνοις with ζευχθεῖσα, it does not have to be different from that of the speaker). Finally, in ll. 21-22 certain κλυτομάντιες are mentioned who presumably take care of the child. As Rutherford notes, the expression "seems to be peculiar to Delphi" and suggests that "the seers of Delphi" are meant. I would suggest that κλυτομάντιες here stands for the Delphians as a collective body; in this case, the delta that is preserved in the same line may belong to Δ[ελφοί].

For the mythic pattern, we could compare Euripides' *Ion* where Kreusa, raped by Apollo on the Athenian Acropolis, exposes the child in the hope of paternal intervention. Hermes conveys Ion to Delphi where he is brought up by the Pythia. At the sanctuary, Ion gains some mantic expertise (enough to reveal the plot, staged by the unknowing Kreusa, to poison him), ὡς ἐν ἱερῶν μάντεσιν τ' ἐσθλοῖς τραφεῖς (1190).⁵ Hermes is similarly instrumental in the myth of Kyrene as told in Pythian IX: Kyrene is transferred by Apollo from Thessaly to North Africa, where she bears a child (ll. 59ff) which Hermes, having snatched it immediately after birth φιλᾶς ὑπὸ μητέρος brings to the Horai and Gaia who bestow on him immortality as well as manifold cultic functions.

The closest parallel to the genealogical prophecy in Paian X, as noted by Rutherford, is the story of Teneros' birth as it is told in Paian IX (38-43):

λιτανεύω, ἐκαβόλε,
Μοισαίαις ἀν[α]τιθεῖς τέχνα[ι]σι

⁵ Note the parallelism, in this formulation, between the sanctuary and the plurality of *manteis*; the latter may designate the Delphians as a collective body.

χρηστήριον . [.] . . . ο . . . [.] .
 ἐν ᾧ Τήνερον εὐρυβίαν θεμίτων . .
 ἐξάϊρετον προφάταν ἔτεκ[εν λέχει
 κόρα μιγεῖσ' Ἰκεανοῦ Μελία σέο, Πύθι[ε]

We may note that Teneros is linked not just to Apollo (as his son), but specifically to the Pythian Apollo (note the epithet Πύθι[ε]). Several dictional clues also suggest that we are invited to imagine the Ismenion as a Theban replica of the shrine of the Pythian Apollo in Delphi. The dative plural θεμίσιν ‘divine ordinances’ is used in Pyth.IV.54 of Apollo’s prophecies in Delphi; possibly (coni. Turyn) we are also to read θεμίτων in fr. 192. The designation of the Theban Ismenion, not an oracular institution *sensu stricto*, as a χρηστήριον (commonly used of the Delphic oracle) may also be relevant.⁶

We might also compare, as a final Pindaric parallel, Olympian VI. Quite in keeping with the concept of *mantike* as it is expressed in the paeans, Pindar grounds the authority of the most distinguished mantic clan in Greece, the Iamids, by linking their eponymous ancestor, genealogically, to Apollo and, ideologically, to the Delphic oracle. Pindaric concept of mantic authority is thus at odds with both *mantike tekhnike* and *mantike entheos* (the two types of divination traditionally distinguished since Plato). It is affiliation with the Pythian Apollo, rather than a seer’s technical skills or his state of possession, that must lie at the origin of any mantic institution. Local mantic practices are thus validated, in Pindar, by myth rather than cult: the access to truth that they claim is conditioned by their quasi-filial ties to the Delphic oracle, itself populated by Apollo’s scions.⁷

⁶ In Pindar, this word is attested, apart from Pai.9, in Ol.6.70 where it is apparently (the force of the word is disputed) applied to Zeus’ shrine at Olympia as well as in fragmentary contexts, in Pai.6.71 and Pai.7.18.

⁷ Pausanias (2.35.2, 2.24.1) reports that the Argive poetess Telesilla related the foundation of the shrine of Apollo Pythaios in Argos by Pythaios, a son of Apollo coming from Delphi. While W. S. Barrett (Bacchylides, Asine and Apollo Pythaios // *Hermes* 82 [1954], p. 439) is probably right to regard the story as a late invention, it furnishes another example of the mythical pattern at work in Pindar and Euripides.

А. С. Мельников

О «речи» животных в человеческом языке¹

В современной лингвистике факт звукового и смыслового сходства слов в разных языках чаще всего расценивается как показатель их генетического родства (при наличии регулярных звуковых соответствий) или происхождения из единого источника через заимствование. Альтернативный фоносемантический [ономатопозитический] подход, предполагающий возникновение таких слов независимо друг от друга в результате действия тех или иных звукоподражательных или звукосимволических механизмов, применяется в науке намного реже. Причины такого положения видятся как в хаотичности имевшихся прежде представлений о связи звука и значения, открывавших дорогу к самым фантастичным предположениям, так и в распространенности сосюрковского тезиса о произвольности языкового знака, т.е. независимости означающего от означаемого. Однако после того как наука о связи звука и значения вышла из допарадигматического состояния, приобретя четкую научную базу, изложенную в монографии С. В. Воронина «Основы фоносемантики» (1982)², встает вопрос о развитии именно ономатопозитического подхода к проблеме происхождения слова, который в данный момент ещё находится на стадии становления и наработки фактического материала³.

Одной из главных проблем фоносемантики является выяснение того, насколько тесно звучание и значение связаны между собой, т.е. насколько фоносемантические правила «живы», акту-

---

¹ Статья выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН "Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям" от 9.03.2006 г., проект "Реконструкция древнеисландских мировоззренческих комплексов на материале "Старшей Эдды").

² См. подробно теоретическое обоснование фоносемантики, в т.ч. критику сосюровской концепции в [Воронин 2006, 24-38; 129-145].

³ Симптоматично, что, по подсчетам С.В.Воронина, в «Ностратическом словаре» В. М. Иллич-Свитыча от трети до половины всей лексики имеет «дескриптивный», т.е. звукосимволический характер [Воронин 2006, 151-152]. Возможно, что дальнейшие исследования в этом направлении существенно увеличат процент подобных слов в сравнительно-исторических словарях.

альны в данном языке. Порой, особенно в случае звукоподражательной лексики мы не можем с уверенностью сказать, являются ли те или иные два слова в разных языках генетически родственными, либо же они появились независимо друг от друга в результате действия фоносемантических механизмов. К примеру, др.-исл. *geuja* 'лаять' < прагерм. *gawijan и рус. *гавкать*, *гав-гав* представляют, на наш взгляд, образец пары подобного рода, где имеют право на существование как генетическая гипотеза, так и предположение о независимом происхождении слов.

Об отсутствии жесткой сцепки звука и значения свидетельствует огромная масса языкового материала. К примеру, в современном фарерском рефлекс *geuja* < *gawijan звучит как *goyggja* [go(i)dža] [Vries 1962, 165]. Старая звуковая модель разрушена, но слово продолжает сохранять значение 'лаять'. Это как будто подтверждает тезис классической лингвистики об отсутствии прямой связи между звуком и значением.

Однако существует множество других примеров, показывающих, что иногда эта связь все-таки проявляется. Существующий в целом ряде европейских языков класс ругательной лексики на *b(V)l*- укладывается в одну из кинематических моделей пейоративов, ассоциирующейся с выпячиванием нижней губы в знак отвращения [Воронин 2006, 94-95]. Ср. англ. *bloody* 'груб. проклятый' < *blood* 'кровь'; рус. *блуд*- 'разврат' < 'заблудиться'⁴; исл. *bölvadur* 'ненормат. проклятый' < герм. *balw- 'зло' и др.⁵. Таким образом, звуковой комплекс *b(V)l*- является центром притяжения для пейоративных значений – слово, имеющее такую комбинацию звуков, предрасположено к приобретению ругательных коннотаций или даже переходу в разряд ненормативной лексики.

Другой пример – влияние уже значения на звучание – взят из шведского языка, где зафиксировано явление т.наз. "пейоративного йота", который появляется в словах с начальным *f*-, имеющих уничижительное значение, ср. швед. *fjoll* 'дурак' < др.-

⁴ Ср. лит. *blaĩdas* 1. "хмурость", 2. "помрачение зрения, ума"; *blandytis* 1. "хмуриться", 2. "трезветь", 3. "блуждать", лтш. *bluõdītis* "слоняться, шататься", гот. *blandan* "мешать", д.-в.-н. *blantan* "мешать", *blentan* "ослеплять" [Фасмер 1987, 54].

⁵ Ср. также эволюцию русского *блин* в полуругательное слово-паразит.

швед. *föl, fol* [Janzén 1941]. В данном случае напрашивается аналогия с русским междометием *фи*, выражающем брезгливость⁶.

Согласно [Воронин 2006, 119], особое значение связь звука и значения обретает в поэзии, где звукосимволизм используется в поэзии как мощный выразительный способ. Особенно это актуально в отношении контекстов, описывающих животных, которые активно воспроизводят звуки: как оральные (вой, лай, мяуканье, карканье и др.), так и моторные (цоканье, топот, хлопанье крыльев и др.). Интересна следующая пара примеров из «Песни о Хельги сыне Хьёрварда» («Старшая Эдда»):

fuglinn kvakaði ‘птица защебетала’ (ННv. 1, проз.)⁷;

fuglinn kvað ‘птица сказала’ (ННv. 2, 3);

В первом случае употребляется слово *kvaka* ‘щебетать’, чье звукоподражательное происхождение отмечается этимологами [Vries 1962, 335], во-втором – *kveða* ‘сказать’, относящееся прежде всего к человеческой речи. Конечно, не следует по примеру «народных этимологов» объявлять эти слова однокоренными или генетически родственными, однако нельзя не заметить того, что в стихотворном тексте подобная связь может провоцировать “поэтическую номинацию”, т.е. соотнесение значений и звучаний слов, “псевдоэтимологизации” *kvakaði* и *kvað*. Рассмотрим несколько других примеров:

а) *ari hlakkar* ‘орел клекочет’ (Vsp. 50)

Оба слова содержат звуковые элементы, символизирующие птичье карканье и клокотанье (в объяснении не нуждается). Ср. также *klök nam fugla* ‘клекотанья изучал птиц’ (Rig 44);

б) *sú-s Jörmunrekkr // jóum of traddi* ‘та, что Ёрмунрекк // коням дал затоптать’ (Нм. 4);

В данном случае следует обратить внимание на глагол *traddi*, прош. вр. от *treðja* ‘заставить затоптать’, каузатива от *troða* ‘шагать, ступать’. Заметим, что глагол *treðja* в основном употребляется в песнях «Старшей Эдды» в прошедшем времени. Наличие вибранта и межвокалического *-dd-* прекрасно под-

⁶ Отметим широкое употребление *и* (также безударного *e*) в используемых нами в последних двух предложениях русских словах *брезгливость* и *уничтожительность*. Как известно, этот звук часто используется в словах уменьшительной семантики [Воронин 2006, 102], которые допускают развитие пренебрежительных коннотаций.

⁷ Текст “Старшей Эдды” цитируется по [Sæmundar-Edda 1926].

ходит для выражения конского топота как часто повторяющихся фиксированных ударов копытами по земле.

в) *geyr nú Garmr mjök // fyr Gnipahelli* ‘лает сейчас Гарм очень // перед Гнипахеллиром’ (Vsp. 44, 49, 54, 58).

В этом примере выражена связь между *geyr*, наст.вр. 3 л. ед.ч. от упоминавшегося выше глагола *geuja*, и именем собственным *Garmr*, которое в нарицательном употреблении значит ‘собака’ и родственно др.-англ. *gierman* ‘выть, реветь’ [Vries 1962, 157]. Таким образом, как звучание, так и значение слов *geyr* и *Garmr* оказываются близко соотносенными как в фонетическом, так и семантическом аспекте.

В последнем примере мы также столкнулись с явлением аллитерации, по правилам которой в рифмовке участвуют начальные согласные. Как отмечает О. А. Смирницкая, “начально-корневая аллитерация, сращенная с языковым ритмом, искони обладает мотивирующей силой, представляя связь звучаний как выражение семантической связи слов. Аллитерация, часто поддерживаемая корневой рифмой, выступает в германской поэзии как исконный знак сродства <...> предрасполагает к этимологизации, к увлечению глубинных корневых созвучий, подсказываемых традицией” [Смирницкая 1989, 12].

На наш взгляд, в широкой эксплуатации поэтическим языком звуко-символизма и кроется та “мотивирующая сила”, которая, согласно О. А. Смирницкой, связывает смысл и звук в единый резонирующий комплекс. Таким образом, поэтический текст является особым языковым полем, где смысл и значение могут быть намного ближе друг к другу, чем в обычной речи. Дальнейшее изучение этой темы имеет, на наш взгляд, не последнее значение для развития фоносемантики.

Литература

- Воронин 2006 – Воронин С.В. Основы фоносемантики. М.
 Смирницкая 1989 – Смирницкая О.А. Индоевропейское в германской поэзии // Эпос Северной Европы. Пути эволюции. М.
 Фасмер 1987 – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.
 A. Janzén 1941 – A. Janzén. Några ord ned uddljudande ff.//Meierbergs arkiv för svensk ordforskning 4, Göteborg.
 Vries 1962 – Vries, J. de, Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden.
 Sæmundar-Edda 1926 – Sæmundar-Edda. Eddukvæði. Reykjavík.

А. Миусский

**«Галактион и Епистима» и «Картина» Кебета:
Житие как *scriptio superior* сократического диалога****«ЖИТИЕ И МУЧЕНИЧЕСТВО ГАЛАКТИОНА И ЕПИСТИМЫ». СПРАВКА**

Существует малоизученное агиографическое сочинение «Житие и мученичество Галактиона и Епистимы» (далее ГиЕ). (Краткое содержание жития см. в сноске ¹).

---

¹ Супружеская пара, Клитофонт и Левкиппа (Глевкиппа), богатая и знатная, живет в Эмесе. Супруг негодует на бездетность Левкиппы, колотит жену и бранит. Дело происходит во время гонений на христиан. Монах Онуфрий под видом нищего приходит к дому супругов и просит подаяния; видя огорченную хозяйку, он спрашивает ее о причине ее горя и, узнав причину, объясняет ей ее беды поклонением идолам вместо истинного Бога. Онуфрий тайно крестит героиню, и вскоре та беременеет. Обрадованный муж хочет принести богам благодарственную жертву, но жена рассказывает ему свой сон перед зачатием, в котором видела распятого Бога, и предлагает принести жертву ему. Муж опознает «бога галилеян», а жена признается ему, что она христианка. Клитофонт опасается гнева правителя, который казнит христиан, но Онуфрий и его крестит тайно. Родившемуся у супругов Галактиону Онуфрий предрекает «небесное жительство». Галактион превосходит все науки, а по достижении им 25 лет отец находит ему богатую и знатную невесту, язычницу Епистиму. Помолвленный с Епистимой Галактион отказывается ее целовать и объясняет это тем, что она не христианка. Он тайно крестит Епистиму, после чего она видит во сне три поющих хора. Галактион объясняет ей, что это хор монахов, прекрасных дев-монахинь и огненных ангелов, монахи оставили мир и вечно ликуют и торжествуют в небесном чертоге вместе с ангелами. Епистима хочет последовать их примеру, но не разлучаться с Галактионом. Он обещает ей это и в этом веке и в будущем. Они раздают имущество и тайно покидают кров своих родителей, отправляясь вместе со слугой (рассказчиком), тоже уже крещенным, искать монастыри на Синае. Они находят мужской монастырь, неподалеку от которого, выше на горе находится и небольшая обитель с четырьмя престарелыми девами-монахинями. Шесть лет Галактион предается монашеской аскезе, ни разу не повидавши живущей в женской обители Епистимы. Епистима видит сон, в котором Царь в Чертоге венчает ее и Галактиона. Игумен толкует сон как предвещающий мученический подвиг. Тем временем правителю доносят о монахах, живущих на горе, и он отправляет туда солдат, которые хватают Галактиона и ведут его на рас-

Оно было переработано в X в. Симеоном Метафрастом для церковных нужд его времени, переведено на славянский в домонгольский период, на латинский во второй половине 16 в. в Европе, издано в ноябрьских Acta sanctorum (1910) Ипполитом Деле по 6 рукописям (известны 18), который написал и небольшое предисловие по-латыни. Краткие изложения вошли в синаксарию. Ни одной научной статьи о ГиЕ не написано², датировка неясна³, ни одного перевода на современный язык не осуществлено, однако при всей неизученности агиографический характер этого небольшого сочинения не вызывает сомнения.

ЖИТИЕ И РОМАН

Даже на фоне признанного сходства агиографического жанра с романым (которое изучаются в западной науке со времени Р.Зёдер, а в последнее десятилетие особенно активно) ГиЕ выделяется той особенностью, ради которой и упоминается, в тех редких случаях, когда о нем заходит речь в некоторых компендиях и общих руководствах: родителями преподобномученика Галактиона выступают обладатели имен героев известного любовного романа Ахилла Татия. Их зовут Левкиппа (Глевкиппа) и Клитофонт, и они не просто упоминаются, но играют важную

праву. Епистима видит из своего убежища, как ведут Галактиона и стремглав бросается за ним следом, чтобы разделить его участь, какой бы она ни была. Ее тоже хватают, супругов-монахов приводят к правителю, он допрашивает Галактиона и приказывает его бичевать, а Епистима, видя страдания мужа, обрушивает проклятия на мучителей. Тогда правитель велит и ее обнажить для бичевания, и происходит первое чудо: по слову Епистимы все враги слепнут, чтобы они не могли видеть ее наготы. Слепшие взмолились и обещали уверовать в Бога Галактиона и Епистимы. Тогда происходит второе чудо: по молитве Епистимы они прозрели. Но уверовали не все, а ровно 53 души. После чего разъяренный правитель казнил супругов-монахов ужасными казнями, а слуга похоронил их честные останки.

² Справедливости ради надо отметить, что за несколько последних лет Л. Н. Коробейникова, специалист по древнерусской литературе, опубликовала несколько статей о славянском тексте Жития, анализируя при этом его сюжет и образы. Не игнорируя эти работы в целом, мы опустим здесь их обсуждение как не относящихся к греческому памятнику.

³ По мнению И. Деле, ГиЕ написано в конце V – нач. VI века. Эта датировка нашими изысканиями, о которых здесь не место говорить, скорее подтверждается.

роль в повествовании. Автор тем самым претендует на продолжение заведомо вымышленного романа, что несколько противоречит житийной установке на подлинность описываемых событий.

Вторая отсылка к романному жанру столь же несомненна, что и имена из Ахилла Татия, но до сих пор никем не отмечена. Общий мотив – отказ поцеловать невесту-язычницу – объединяет ГиЕ с иудео-эллинистической, но долгое время считавшейся христианской⁴ «Повестью об Иосифе и Асенет». Иосиф отказывается поцеловать Асенет, которую ему прочит в невесты ее отец, и которая на самом деле от века предназначена ему в жены, а Галактион отказывается поцеловать помолвленную с ним невесту Епистиму. Мотивы отказа в «Иосиф и Асенет» и в «Галактионе и Епистиме» те же самые: девица является язычницей, она должна обратиться, принять истинную веру, чтобы стать супругой. Параллель с «Иосиф и Асенет» не изолирована. У ГиЕ много общего с этим сочинением: оба описывают истории любви и брака как истории обращения, оба задают два разных, но равно высоких образца супружества.

«Иосиф и Асенет» небезосновательно квалифицируется целым рядом исследователей как самый ранний «догреческий» греческий роман (одна из принятых датировок, которую мы разделяем, – вторая половина или конец II в. до н.э.), а «Галактион и Епистима» может рассматриваться как своего рода продолжение «Левкиппы и Клитофонта», в котором герои языческого романа становятся христианами. Таким образом, один и тот же мотив фланкирует историю античного романа, и христианское продолжение эротического романа подводит черту под историей жанра⁵.

---

⁴ Так считали средневековые переписчики, переводчики и читатели повести и ее современные исследователи вплоть до самого последнего времени.

⁵ Правда, вопреки представлениям о принадлежности всякого творчества «своей эпохе», Евматий Макремволит сочинил в XII веке «Повесть о Исмине и Исмии», которая ни по языку, ни по образам, ни по реалиям неотличима от языческого романа, да и действие происходит в языческой Элладе. Остальные византийские романы, написанные политическим стихом, ближе рыцарскому европейскому роману, нежели античному.

Сравнение первого и последнего эллинистического романа о любящей чете, жанра, проходящего, тем самым, путь от ветхозаветного апокрифа через эротический роман к христианскому мученичеству, заслуживает специального анализа. Но здесь мы сосредоточимся не на житийной и не на романной, а на дидактической стороне ГиЕ.

ЖИТИЕ И АЛЛЕГОРИЯ

Житие и мученичество подается автором не только как описание имевших место событий, но и как история «душеполезная», имеющая дидактическую цель. Ее обоснованию в частности посвящен пролог ГиЕ. Мы полагаем, что дидактическое сочинение, которое просвечивает через ГиЕ, как один текст через другой в палимпсесте – это аллегорическая «Картина» Псевдо-Кебета. К этому нас подталкивает анализ антропонимики ГиЕ и имен аллегорий в «Картине».

Имена–ключи

Имена персонажей на поверку все оказываются значащими и/или вымышленными. Имена родителей Галактиона, заимствованные из романа II в.н.э., «значат» только то, что языческая традиция не забыта, что читатель опознает эти имена как отсылку к идеальным влюбленным языческого мира.

Еще одно значащее имя, имя второстепенного персонажа слуги, но при этом рассказчика – Евтолмий. Это реальный антропоним, такое имя носили некие авторы эпиграмм, в то же время оно говорящее: Евтолмий – это «Благосмел». Житийная топика (и не только житийная, этот прием известен античным риторам, например, и Лукиан, и Дион Хрисостом прибегают к нему многократно) предполагает, что автор «отваживается» на предприятие, для которого у него нет достаточных средств и о котором он сам говорить недостойно. Пролог ГиЕ отвечает этому правилу: одна из его тем – это тема «дерзновения» недостойного слуги говорить о подвигах его господ. Обращает на себя внимание подчеркивание им своей слабости: жизни «в страстях» и неспособности следовать «ангельской и не по плоти» жизни хозяев. И тем не менее, он обещает не оробеть рассказать историю мучеников, не скрыть сокровища, «которое не по достоинству удостоился принять от Господа», чтобы тем вернее искупить свою вину перед погибшими святыми. Имя рассказчика можно сравнить с именем персонажной маски, так как оно описывает его топическую функцию. Он сам совершает в ГиЕ только один

поступок: хоронит останки святых. Мы опустим прочие имена второстепенных персонажей и сосредоточимся на именах главных героев.

Имя *Галактион* впервые встречается в нашем тексте, до него ни в литературных источниках, ни в эпиграфических оно не засвидетельствовано. Что значит это «млечное» имя? Древний текст сообщает только, что имя было дано младенцу Онуфрием, который пророчествовал о нем словами апостола Павла: «Это дитя получит *жительство на небесах*» (Phil. 3, 20). О том, как могли понимать это имя, свидетельствует Метафраст. В своем переложении он опустил пророчество и поставил на место новозаветной цитаты свое пояснение самого имени как предсказания: «И было это имя верным предсказанием будущего, ведь он произошел от чистых и сам чистый, и от благородных поистине благородный отпрыск» (VII)⁶. Это пояснение говорит о том, что и для Метафраста имя было необычным и требовало пояснения, а также о том, какой символический смысл в нем содержался. Галактион – это младенческая чистота достойная небесного гражданства, о котором говорит опущенная Метафрастом цитата. Вспомним, что юноша Галактион достиг успехов в знании путей небесных сфер, а это говорит о тяготении его к горнему, к Млечному пути, как пути небесному. Известно, что молоко обладает символическим значением как в античной, так и библейской традиции, а земля, текущая молоком и медом – это образ лучшего мира: в Библии – земли обетованной, в античной традиции – сказочной, блаженной страны⁷. И в библейской и в языческой традиции молоко являет образ духовной пищи. Филон

⁶ Καὶ ἦν ἡ κλη̅σις τῶν ἐσομένων ἀσφαλῆς προαγόρευσις' ἐκ καθαρῶν γὰρ καθαρὸς καὶ οὗτος ἀπέβη, καὶ ἐξ εὐγενῶν οὕτως εὐγενὲς βλάστημα.

⁷ См. Ex 3.8 и 17; 13.5; Ez. 20.6; 15; Baruch. 1. 20; Jer. 11/5; 39.22; Syr. 16.18; ср. Joel. 3.18 и Job. 29. 6. др.; ср. Lucian, Saturn. 7, Ep. Sat. 1, 20; Himerius, Or. 13, 7 W. βεῖν μέλι καὶ γάλα; Dio Chrys. 18[35], 18 (пеки Индии, в которых течет молоко, вино и мед и масло). H.Usener, Milch u. Hönig: Rheinisches Museum für Philologie 57, 1902, 177-95.; A.Dieterich, Mithraslit. 1903, 17; K.Wyss, D. Milch im Kultus d. Griech. u. Römer 1914; F.R.Lehmann, D. Entstehung der sakralen Bedeutung der Milch: Zeitschr. f. Missionskunde u. Religionswissenschaft 22, 1917, 1-12; 33-45; H. Schlier, Theologisches Wörterbuch zum NT, ed. G.Kittel, I, 644 сл.

говорил: «поскольку пища младенца молоко, а взрослого – пшеничная лепешка, то и пища души должна быть, пожалуй, молочной (или млекоподобной)»⁸. О «молочной пище» участников мистерий пишет неоплатоник Саллюстий: «Сначала мы сами – падшие небожители, сошедшие с нимфой, – пребываем в беспросветной скорби и отказываемся от хлеба и другой грубой и нечистой пищи, поскольку все это противно душе; за этим следует обрубание дерева и пост, словно для нас закрыт путь дальнейшего бытия; после этого – млекопитание, – как бы по возрождении; и затем – веселие, и венки, и как бы новое восхождение к богам»⁹.

О молоке духовного знания говорится и в Новом Завете, и это важно для нашего текста, обильно цитирующего Послания. Молоко – это либо образ начального духовного образования для тех, кто еще не отличает добра от зла¹⁰, либо образ именно духовной пищи, и при этом христианин приравнивается к младенцу не как слабый, но как чистый¹¹.

Климент Александрийского постоянно прибегает к метафоре млека именно в «Педагоге». Таким образом, христианский символизм имени героя таков: Галактион – чистый, невинный младенец, которому предстоит «возрасти во спасение», то есть объект или субъект воспитания. О его жизни до встречи с Епистимой нам сообщаются конспективно, что он был наречен при рождении Онуфрием, который пророчествовал о его грядущем небесном гражданстве, а потом его отдают учиться наукам. Какие же это науки?

⁸ Philo, Agr. 9-3: ἐπεὶ δὲ νηπίοις μὲν ἔστι γάλα τροφή, τελείοις δὲ τὰ ἐκ πυρῶν πέμματα, καὶ ψυχῆς γαλακτώδεις μὲν ἂν εἶεν τροφαὶ κατὰ τὴν παιδικὴν ἡλικίαν τὰ τῆς ἐγκυκλίου μουσικῆς проπαιδεύματα, τέλειαι δὲ καὶ ἀνδράσιν ἐμπρεπεῖς αἱ διὰ φρονήσεως καὶ σωφροσύνης καὶ ἀπάσης ἀρετῆς ὑφηγήσεις κτλ. . Cp. Philo, Omn. Prob. Lib. 160, Migr. Abr. 29 и др.; Epict. 2, 16, 39; 3, 24, 9. См. также F.W.Danker, ZNW 58, 1967, 94 сл.

⁹ De deis et mundo, 4, перевод Ю.А.Шичалина, см. Учебники платоновской философии, Москва-Томск, 1995, с. 108.

¹⁰ 1 Cor. 3. 2. Hebr. 5. 12-14^h

¹¹ 1 Pt 2:2: «как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко (τὸ λογικὸν ἄδολον γάλα), дабы от него возрасти вам во спасение».

«Когда дитя возмужало, отдали его родители обучаться Священному Писанию. И учился почтенный и святой отрок так хорошо, что легко прошел начальное обучение и постиг всякую науку грамматическую, поэтическую, риторическую и философическую. И в астрономии он преуспел настолько, что прекрасно разбирался в движении небесных тел. Когда ему исполнилось двадцать пять лет¹², его отец решил найти ему жену». «Пропедевтика» (начальное обучение) Галактиона состоит из тривиума и астрономии, взятой из квадривиума, а не собственно пропедевтики. Таким образом, пропедевтикой становится обучение всей языческой премудрости, так как оно предшествует изучению Священного Писания. Но заявленное христианское образование более не упоминается, все достижения Галактиона находятся в рамках греко-римской школы.

Обученный этим языческим «светским» наукам, Галактион должен жениться на богатой, знатной и красивой девушке по имени *Епистима*. Переведем эти говорящие имена, и получится, что Младенец помолвлен со Знанием. Но он отказывается вступить в брак с этим Знанием, потому что оно языческое, Епистима – язычница. И сам Младенец обучился только языческим наукам, и невеста его – языческое Знание или Наука. Что это? Аллегорический роман? «Путешествие пилигрима» Джона Беньяна? Языческое Знание выходит ночью в сад, чтобы принять во время этого свидания тайное крещение от своего жениха Младенца. Крещение замещает любовное свидание в романах, а Знание, ставшее христианкой, получает во сне откровение, которое меняет жизнь молодых людей: их брак заключается не по плоти, они оба делаются монахами, не видят друг друга, живя в соседних обителях, и соединяются только для общего мученичества и общей могилы.

Брак как символ и символический брак

Конечно, ГиЕ не является аллегорическим романом, как, скажем, творение Федора Мелитениота «О целомудрии». Но нам кажется, что символический привкус у ГиЕ все-таки есть.

---

¹² Брачный возраст Галактиона в традиции, в том числе рукописной, слегка варьирует. Возраст Епистимы указывается только в синаксариях: она умирает в возрасте 16 лет. Поскольку на Синае она проводит 6 лет, ее брачный возраст – 10 лет. Но эти вычисления строятся не на данных нашего памятника.

Расшифровка имен вскрывает некий умысел автора построить рассказ по дидактической схеме: рождение, обучение и брак человека-младенца.

Имя Епистима также нигде более до нашего источника как имя исторического лица не засвидетельствовано, но его семантика наводит на мысль о ряде таких образов как София или Пайдея. Брак с Софией-Премудростью, как он представлен в книгах Библии, есть высшее счастье, которого может достигнуть человек (ср. брак с Премудростью в «Книге Премудрости Соломоновой» и соответствующих главах «Книги Притч Соломоновых» или в молитве, обращенной к Софии в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова»). В первые века христианства София стала также персонажем гностиков, ее положение иное, она способна обманываться, соблазняться злым демиургом, «падать». А в гностическом «Евангелии Филиппа» брак Софии означает конец земной жизни и освобождение от этого мира, личный выход из земного бытия. Истории о приключениях Софии многие ученые сопоставляли с «романом», и тема раскаяния-обращения падшей во тьму Софии живет где-то рядом с нашим текстом, в том же воздухе, где Дева Знание принимает святое крещение. Но особенно важны для нас толкования брака в библейской экзегезе.

Брак служил в мифологии образом соединения космических стихий, в философии – метафорой образования сложного понятия, когда же появляется философская экзегеза Библии, то браки патриархов начинают осмысляться как соединения олицетворений с олицетворениями. Так, Филон («О совокупности вопрошаний») Сарру считает Мудростью, высшей философией или добродетелью, а в Агари видит — олицетворение тех самых «свободных наук» (ἐγκύκλια), которыми занимался Галактион до своей женитьбы. Климент Александрийский, в свою очередь, считал Авраама образом христианина, Агарь — светской мудростью и философией, а Сарру — образом Божественной мудрости. Чтобы брак с Божественной Софией оказался не бесплодным, нужно было взять в жены служанку-Агарь, потому что знать философию необходимо прежде изучения Библии (ср. Строматы. 1, 5). Однако случай ГиЕ более сложный, чем аллегорическое толкование библейской истории. Он больше напоминает снова «Иосиф и Асенет», где у героев романа есть небесные двойники, которые появляются в самом действии, а не в комментарии по поводу: Дева Обращение (она же Жена Премудрость) – небесная ипостась Асенет, а Человек (он же Пред-

водитель небесного воинства и в некотором аспекте сам Господь) даже лицом оказывается схож с Иосифом. Аллегорическая экзегеза создает умственную среду, которая делает не только возможным, но и естественным сочинение повествований, где бы действовали в качестве героев Страсть (Купидон), Душа (Психея) и т.п.

«Картина» Псевдо-Кебета как *scriptio inferior* «Галактиона и Епистимы»

Между тем, есть, по крайней мере еще одно, произведение, где в центре находится тема истинной и ложной мудрости-учености (пайдеи) и путь восхождения к добродетели и блаженству, и где именно Епистима предстает как персона, вернее персонаификация. Такая Епистима обнаруживается в эллинистическом диалогическом экфрасисе под названием Πίναξ («Картина»), который традиция приписала ученику Сократа Кебету Фиванскому. В настоящем своем виде он не мог быть создан раньше II–I в. до н.э. Большинство ученых, а литература на этот счет огромна, склоняются к I в.н.э.¹³ «Картина» – сочинение эклектической философии с элементами учений стоиков, киников и неопифагорейцев, воспроизводящее жанр сократического диалога. При этом, как показал еще Р.Жоли (см. примеч. выше), педагогический диалог строится как посвящение в мистирию.

Сопоставим содержание аллегии (краткий пересказ см. в сноске¹⁴) с нашим памятником.

¹³ См.: *Cebetis tabula/Recognovit Fr. Drosihn. Lipsiae, 1871; Joly R. Le Tableau de Cebes et la philosophie religieuse. Bruxelles, 1963; Нахов И. М. Традиции аллегоризма и «Картина» Кебета Фиванского. В кн.: Традиция в истории культуры. М., 1978 с. 71-76.; The Tabula of Cebes / by John T. Fitzgerald and L. Michael White. Chico, 1983. Die Bildtafel des Kebes : Allegorie des Lebens / eingeleitet, übersetzt und mit interpretierenden Essays versehen von Rainer Hirsch-Luipold ... [et al.]. Darmstadt, 2005.*

¹⁴ Юноши приходят к святилищу Кроноса и видят там посвятельный дар – изображение загадочного содержания. Появляется старик, который разъясняет, что на картине изображена Жизнь и пути, ведущие к пороку или к добродетели, к Ложной или Истинной Пайдее, а в конце концов к гибели или спасению. На первом «ярус» у дверей ограды толпятся люди, которым предстоит вступить в жизнь; старец Даймон, впуская их в ворота первой ограды, дает наставления, каким путем им следует идти, но они немедленно пьют зелье Апаты-Дурмана, забыва-

За оградой дома, в дверь которой стучится старец Онуфрий, царит раздор, уныние и несогласие; богатые и знатные супруги не имеют детей, сердитый муж бьет жену, жена горюет, раздражена и не хочет даже подать милостыни. Обыденное существование, опоенных обманом и невежеством язычников. У них есть и богатство и знатность, но рядом бездетность, ссоры, уныние, горе. У Кебета старик Даймон, дающий верные советы, стоит при входе в жизнь. Здесь старец, который дал верный совет, монах Онуфрий входит в «ограду» жизни, отданной страстям и

ют наставления Даймона и попадают из-за Невежества и Соблазна в руки гетер – Мнений, Слостей и Страстей. Особенно интересно появление на этом ярусе важнейшей богини греческого романа – слепой и безумной Тихи – Судьбы-Случая. Те, кто получит Удачу, а не Неудачу, то есть богатство, славу, знатность, власть, попадают в руки гетер следующей ограды – Невоздержности, Мотовства, Ненасытности и Лести. Обманутые и обобранные в притоне Сладострастия они получают в удел Кару, Уныние, Муку, Плач и Тоску и проводят остаток жизни в Злосчастии. Но Метаноя-Раскаяние может пойти им навстречу и повести либо к Истинной Учености, либо к Ложной – Псевдопайдее. У Лжеучености толпятся поэты, риторы, диалектики, музыканты, математики, геометры, астрологи, философы разных школ. Это, заметим, как раз те науки, которым наш Младенец-Галактион обучался. Но путь к Истинной Пайдее ведет по высокому холму, по крутой и каменной дороге. На нем помогают людям Воздержность и Стойкость. Истинная Ученость состоит в очищении от пороков, а истинные Знания тождественны Добродетелям. Те, кто поднимется выше, попадают в ограду, где за воротами их ждет хор благообразных и скромных женщин. Это хор Добродетелей. Причем первая из хора, так сказать его корифей, – это Епистима-Знание. Ее сестры: Мужество, Правосудность, Благородство, Здравомыслие, Строгость, Достоинство, Воздержность, Незлобивость. Добродетели ведут человека на вершину скалы, где восседает Счастье-Евдаймония, которая за победу в состязании с чудовищами пороков венчает добравшихся туда венком, который обладает чудесной силой: увенчанный им не нуждается, чтобы быть счастливым и блаженным, ни в каких внешних благах. Диалог продолжается, сначала рассказывается, как получивший знание и достигший совершенства, возвращается к началу жизненного пути и передвигается затем по жизни свободно, уже в качестве созерцателя-философа, для которого нет никаких соблазнов и опасностей, так как внутри него – противоядие, дарованное добродетелями и счастьем. После этого слушатели задают еще несколько вопросов и обсуждается путь, по которому можно миновать Лжеученость и сразу достичь блаженства, что есть добро и зло или ни то, ни другое, что есть разум и глупость.

порокам, и когда сначала Левкиппа, а потом и Клитофон, последовали его наставлениям, происходит их обращение. Конечно, тут нет точного соответствия: Онуфрий совмещает в себе и Даймона и Метаною, а Галактион – представлен двумя наивными юношами, от имени которых ведется повествование и которых посвящают в «мифологию» картины¹⁵. Тем не менее, при сравнении статической картины и повествовательного Жития выявляется целая серия *disiecta membra* диалогического экфрасиса, которые проникли в повествование. Прежде всего – в подобные экфрасису статические описания, как например, в сон Епистимы. Епистима видит во дворце *chor dev*, причем эпитет для них выбран тот же, что у Кебета для *хора Добродетелей*: «*благообразные*» (εὐειδέεις). Добродетели лишены украшений, это их статическая черта, а Епистима все свои украшения раздаст¹⁶. Повинуясь откровению сна, герои отправляются *на гору* к отшельникам. Епистима с *остальными святыми женами* живет в обители *высоко на горе*. Галактион берет на себя тяжкий труд аскезы, совершает свои *подвиги борения с земными страстями и пороками*, с олицетворениями которых борется и человек на «Картина» Кебета. Здесь он проявляет ту Воздержность и Стойкость, олицетворения которых на «Картина» помогают праведникам достичь вершины горы. Как известно, лексика агона, *соствязания*, выработанная для описания противодействия страстям античной философией, была усвоена христианами подвижниками, и *увенчивание* победителей в состязании со страстями и пороками – общеантичный образ победы – перешел в образ мученического венца. Поэтому неудивительно, что между «Картиной» и ГиЕ так много здесь перекличек. И тем не менее, конечное увенчивание в «Картина» и пророческий сон Епистимы, в котором Царь (Господь) *возлагает венки на головы* Галактиона и Епистимы, как венцы брачные и мученические, это не случайная последовательность. Кебет использует мистериальную схему, о которой мы знаем из Саллюстия: млекопитание, а затем «веселие, и венки, и как бы новое восхождение к богам», а автор ГиЕ следует Кебету.

¹⁵ Заметим, что, начиная с Возрождения, толпу вступающих в жизнь в «Картина» визуализировавшие ее европейские художники представляли толпой младенцев..

¹⁶ Асенет также выбрасывает в окно для нищих и прохожих свои драгоценности и наряды.

Мог ли автор жития читать Кебетову «Картину»? Мог. Картина была достаточно популярна, во всяком случае, сириец Лукиан ссылаясь на нее, многократно переиначивал ее, и пародировал дидактическое морализаторство Кебета, а самого автора именовал знаменитым¹⁷. Но есть свидетельства популярности его и в христианской среде. Во всяком случае, Тертуллиан сообщает, что его родственник написал *Pinacem Cebetis*, составив все описание как центон из стихов Вергилия¹⁸. Из свидетельства Тертуллиана мы узнаем, что и для его христианской аудитории во II–III веках выражение «*Pinax Cebetis*» не требовало специальных пояснений. Можно предположить также, что опыт аллегорического толкования, перенесенного на Библию Филоном и развитый в Александрийской школе, делал аллегорический экфрасис подобный Кебетовому чем-то весьма подходящим для наполнения его схемы христианской аллегорией. Тогда обращение и к роману Ахилла Татия становится не таким уж изолированным жестом автора ГиЕ. Автор вдохновлялся языческой литературой, а вернее, ее перелицовыванием на новый лад. Для нас особенно важно, что сочинение, входящее в круг писаний мужей апостольских или апостольских отцов и датируемое серединой II в., «Пастырь Гермы» (особенно 6 и 9 его «Подобия»), по мнению многих авторитетных ученых, содержит несомненные аллюзии и даже прямые заимствования из «Картины» Кебета¹⁹. Само собой разумеется, что в аллегорическом по жанру «Пастыре» такие заимствования органичны и легко опознаются.

---

¹⁷ Дважды: в «Учителе Риторике» (6 слл.) и в «Философах, состоящих на жаловании» (42) Лукиан упоминает Кебета, говорит о нем, как прославленном авторе и пародирует его «Картину»; в «Рыбаке» (16) он использует его образы (толпа Добродетелей во главе с Епистимой и др.) снова с целью пересмешивания и, возможно, делает то же в «Гермотиме», где Добродетель – это город (22).

¹⁸ Tert. *De praescr. haer.* 39. Это был либо парафраз греческого сочинения центонами из Вергилия, либо «Картина Кебета» была для родственника Тертуллиана тем же, чем была «Мениппова сатура» для Варрона – схемой, по которой пишется оригинальное аллегорическое сочинение. Нельзя же, в самом деле, написать «Пир» Платона? Но сократический диалог – можно, а Федр писал «Эзоповы басни».

¹⁹ См. Hermas, *Le Pasteur / introduction, texte critique, traduction et notes par Robert Joly*. Paris, 1997, p. 51–53. *Der Hirt des Hermas / erkl. von Martin Dibelius*. Tübingen, 1923, S. 579–581.

Что же касается нашего памятника, то здесь сходства не лежат на поверхности.

Различия воплощения дидактического задания в аллегории и романе.

В самом деле, можно было бы считать названные сходства случайными параллелями или общим арсеналом эллинистической образованности, которой и автор «Картины», и автор ГиЕ пользовались равноправно. Но по нашему мнению, оба сочинения используют одну схему – схему выбора пути «нравственного совершенствования», человеческого созревания и умудрения героев, только в ГиЕ дидактическая схема, обрастает плотью романного повествования, которое получает уже свойства символического произведения, а не аллегории. Автор ГиЕ вводит время, заменяет статику описания историей жизни. Точно так поступил со схемой Кебета, сославшись на него, Лукиан в «Учителе Риторике». Он начал рисовать статическую картину, по образцу Кебета, а потом так сказать «вошел в картину», после чего включается время и происходит движение, восхождение к вершинам богатства, славы и счастья, которое у Кебета представлено как одновременное наличие ступеней-оград.

Кроме того, автор ГиЕ избирает особый вариант схемы «восхождения» – духовные брак и соединение в мученичестве. Если человек Кебетовой «Картины» достигает вершины, где его ожидает Счастье в виде прекрасной женщины, которая его венчает, то в ГиЕ Галактион получает венец вместе с Епистимой от царя (Бога) и это венец одновременно брака и мученичества. Поэтому результаты непосредственно не похожи: одно и то же «сообщение» передается разными средствами, в одном случае дидактическими и абстрактными, в другом – драматическими и художественными. Схема, тем не менее, одна. Архетип «восхождения» предполагает, что на вершине не аллегория счастья, а само это счастье в виде девы-невесты, и в сказке гора предстает горенкой, где у окна сидит девица, а женихи должны на коне допрыгнуть до окошка. И снова в «Учителе Риторике» чуткий к возможностям варьирования схемы Лукиан не только пародийно и антидидактически предложил идти не узкой тропой добродетели, а торной – порока, но и посоветовал, добравшись до вершины горы, где восседает на троне Риторика, на ней жениться и получить вместе с нею все те пороки, которые ее окружают. Подобным образом модифицирует дидактическую схему и автор ГиЕ, он идет по тому же пути, что Лукиан, но без его парод-

дейной задачи и потому перемещается ближе к сказке, ближе к архетипу: восхождение на гору как самосовершенствование и очищение оказывается дорогой к духовному браку с Премудростью-Софией-Епистимой. Аллегорические манекены становятся живыми героями, костюмированные мысли – драматическими событиями. Так, важнейшей мыслью Кебета является мысль о разнице Истинной и Ложной Пайдеи, о долгом пути к Истинной через Ложную или о кратком и мгновенном пути непосредственно к Истинной Пайдее. Если говорить о Галактионе языком Кебета, то Галактион попал сначала к Ложной Пайдее. Истинная Ученость Кебета – это нравственное совершенство, для которого науки не важны. Так, получив крещение, Епистима тотчас получает и откровение. Ей истина дается разом, без обучения и аскезы. У автора ГиЕ вместо аллегорического описания того или иного пути – нарратив, а в нем герои – юноша и дева, и события жизни героев, их преображающие – крещение, брак, откровение во сне, уход в монахи, аскеза, мученичество, самопожертвование. Галактион переходит из ограды в ограду, вторая ступень его образования, постижение им христианской науки – это его необыкновенный целомудренный брак с прекрасной Епистимой; он крестит ее и символически она в этот миг становится христианским Знанием-Епистимой. И только после этого мы узнаем, что он читает в годы своего пребывания в обители Священное Писание («о великих делах Божиих»). Он до него «дорос». В символическом плане именно брак приводит его к полному знанию, к Епистиме, живущей на горе первойшей из Добродетелей Кебетовой «Картины», и к увенчанию его мученическим венцом, дающим счастье и блаженство. Галактион идет длинным путем, который при этом подробно описан: сколько не ел, по каким часам пел, как читал Священное Писание. Ничего этого про Епистиму не говорится. Она не учится и не постится, не молится и не совершает аскетических подвигов. Она действует, движимая одной любовью, она жертвует собою, не раздумывая, но именно она получает во сне божественные откровения и она находится на горе, выше, чем Галактион, и по ее слову ослепли мучители, и по ее молитве прозрели обратившиеся. Рассуждение Кебетова диалога о том, что иные минуют Ложную Ученость и приходят к спасению мгновенно, превращается в романе в Галактионов путь учения и аскезы и в путь любви и откровения, которым идет Епистима.

МЕТАФРАСТ КАК «ЕСТЕСТВЕННАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ»²⁰

Для проверки нашей гипотезы у нас имеется случай так сказать естественной «методологической фальсификации». Метафраст, стремясь создать из имеющегося материала нечто максимально близкое типичному житию, убрал из христианского символического романа большую часть того, что к житийному канону не относится как романские черты, так и следы дидактического задания. Первое ему удалось не вполне, поскольку романские черты присутствуют в самом сюжете, второе удалось лучше. Как известно, аллегорический смысл проглядывает сквозь ткань повествования там, где на поверхности какая-то «нестыковка», в нашем случае – это то обстоятельство, что Галактиона отправили изучать Священное Писание, а он учился светским наукам. Метафраст вообще опускает перечисление того, чему учился Галактион, тем самым снимая загадку его языческого образования, а, значит, и соотносимость ГиЕ с важнейшей для Кебета темой Истинной и Ложной Пайдеи. Метафраст сократил и описания аскетических подвигов Галактиона, убрал упоминание чтения им Священного Писания в обители, не стал отмечать, как бросилась стремглав Епистима вслед за Галактионом, вместо высокого места на горе, откуда Епистима видит, как уводят Галактиона, она у него прячется в незаметном укрытии и т.д. Метафраст, не «нуждаясь» в «Картинах» Кебета и потому ее «не видя», убрал все то, что обратило наше внимание и привело к гипотезе языческой *scriptio inferior*, просвечивающей сквозь житие.

Выводы

Все совпадения ГиЕ и «Картины» по отдельности могут быть случайны, но они обусловлены и в том и в другом сочинении одной и той же дидактической схемой, которая эти элементы объединяет. Автор ГиЕ обращается к примеру своего предшественника, Псевдо-Кебета, который написал аллегорию жизненного пути: пути гибели или спасения, причем спасение означает духовное восхождение. Автор ГиЕ имел аналогичную задачу – представить жизнь своих героев как путь духовного восхо-

---

²⁰ Имеется в виду так называемая «методологическая фальсификация» в смысле Карла Поппера.

ждения. Для этого он использовал готовый литературный материал. Общая дидактическая задача – выяснить, какое знание ведет к спасению; в «Картина» – это нравственное совершенствование, в ГиЕ – любовь. Герои ГиЕ одновременно реальные лица и аллегории, аллегории сквозь них просвечивают, но их не заслоняют. В ГиЕ герои достигают блаженства не только «по Кебету» – восхождением-монашеством-отшельничеством, постом и молитвой, а еще и браком, венчанием (во сне Епистимы), которое есть одновременно их мученический конец. На всех жанровых уровнях перед нами рассказ о браке: на житийном уровне о браке небесном, на романном о счастливом браке, на философски-дидактическом о том, что истинная христианская наука или знание – это любовь.

ПРИЛОЖЕНИЕ: СТРАННАЯ ИКОНА.

Конечно, наше предположение не может быть строго доказано. Есть, однако, еще одно косвенное подтверждение тому, что «Картина» Кебета служила формой, которой пользовалась христианская культура. Не говоря уже о многочисленных гравюрах на сюжет «Картины», которые печатались, начиная с эпохи Возрождения, в том числе для украшения изданий Нового Завета, существует необычная икона, находящаяся в греческом монастыре острова Корфу, созданная, возможно, под западным художественным влиянием и представляющая собою аллегорическую картину двух градов – Вавилона и Небесного Иерусалима. Образы «Откровения» сплавлены в ней с образами «Картины» Кебета. Пестрая толпа идет по широкой дороге в окружении гетер-пороков в ад, а редкие группы монахов, отшельников и мучеников в простой одежде – по дороге, ведущей к горе Добродетелей, на вершине которой не крепость Евдаймонии, а Небесный Иерусалим. Выбор пути гибели и пути спасения – главная тема и «Картины» Кебета. Конечно, идея развилки универсальна, и автор «Откровения», которому следует иконография, не должен был непременно знакомиться ни, допустим, с притчей Продика, ни с «Картиной» Кебета. И вместе с тем в образах этого необычного большого «панно» целый ряд признаков говорит об использовании элементов Кебета, перенесенных в христианский контекст. Толпы гетер-пороков, Метаноя, которая спасает некоторых грешников, гора Добродетелей, на вершине которой стоит Небесный Иерусалим, Христос на квадратном камне, как Истинная Ученость, ограды и ворота, узкая тропа к добродетелям и блаженству, толпы разодетых женщин, изображающих пороки.

Конечно, образы эти вдохновляли, они не копировались. Так в иконе два Христа. Один небесный на огороженном лугу вверху, стоит на квадратном камне, совмещая в себе и Евдаймонию и Истинную Пайдею Кебета, а второй Христос, вернее Христос иной стадии, потому что в иконе совмещены разные времена, на полпути к вершине горы Добродетели протягивают руки уставшим путникам, повторяя этим Воздержность и Стойкость. Вавилонская блудница держит чашу, напоминая о Дурмане-Апате и ее напитке и т.д.²¹ Эта икона показывает нам изобразительный вариант использования образности Кебета в христианском контексте. Иной, нежели в ГиЕ, но демонстрирующий такую возможность в принципе.

---

²¹ Trapp, Michael B. On the Tablet of Cebes // Aristotle and after / ed. by Richard Sorabji. London : Institute of Classical Studies, University of London, 1997 , pp. 159-180.

С. А. Никитин, М. Ю. Авдонина

Приемы записи сообщения SMS: уподобление цифр буквам русского языка

Современное высокотехнологичное средство общения – короткое сообщение, SMS (от англ. short message), отправляемое при помощи мобильного телефона, вызывает пристальный интерес специалистов в области орфографии и стилистики, психолингвистики и культурологи во всем мире (Никитин, Авдонина 2005). В английском, французском, итальянском и других языках активно формируется новый код записи и этикет письменного общения; это коснулось и русского языка (Авдонина, Никитин 2006). В русском языке, как и в болгарском и других языках, пользующихся кириллическим алфавитом, обогащение форм записи идет за счет использования двух алфавитов: нормативного кириллического и латинского. При этом, как и в других языках, широко используются цифры 3, 4, 5, 6, 7, 100: *Zemlya* (земля), *с4астье* (счастье), *о5* (опять), *budeб* (будешь), *7я* (семья), *100лица* (столица), а также другие знаки и символы, имеющиеся на клавиатуре компьютера и мобильного телефона: * используется в роли *ж* (*ena), апостроф в роли мягкого и твердого знака (*pod'ezd; otpravitel'*). Заметим сразу, что большая часть мягких знаков, выполняющих функцию носителя грамматических значений (см. подробнее: Суперанская 1978), не применяется в этой форме записи: *slishish* (слышишь), где мягкий знак маркирует второе лицо ед. числа; *noch* (ночь), где мягкий знак – маркер женского рода. Из двоеточия и скобки (скобок) получилось самое знаменитое новшество, являющееся символом нового неформального письменного общения – смайлик (☺).

Выбор в пользу латиницы обусловлен прагматическими и социальными факторами:

1) Экономические факторы. В памяти мобильного телефона одна буква кириллического алфавита «весит» в два раза больше, чем буква латинского алфавита; т.о. латинскими буквами за те же деньги можно написать в два раза более длинное сообщение.

2) Различные кодировки. Получатель SMS на кириллице может его не прочесть: существуют несколько кодировок этой записи, которые не совместимы между собой.

2) Эргономика. Формирование кода записи для SMS началось пять лет назад, когда в мобильных телефонах еще не было русской клавиатуры. Потом появились телефоны, в которых при

наборе доступ к кириллическим буквам был усложнен, и было легче найти соответствующую латинскую букву. С 2004 г. положение резко изменилось: производители мобильных телефонов окончательно адаптировали, загрузив в память мобильного готовые слова, словосочетания и даже целые фразы узуального типа (приветствия, поздравления и пр.). Поэтому то, что фиксируется нами сейчас как позиция в пользу выбора латинского алфавита, возможно, в ближайшем будущем переменит знак.

3) Мода, престиж, желание показать знание латинского алфавита и некоторых слов какого-либо иностранного языка; при этом частично сохраняется нормативная орфография выбранного языка: *budesh pizzu?* (будешь пиццу). Как видно из примера, звукобуквенное соответствие итальянского *zz* [цц] передано верно, но слово оформлено русским окончанием винительного падежа.

4) Психологический фактор. Орфография русского языка основана на принципах, которые наивный носитель русского языка не постигает. Еще в школе складывается неуверенность в том, что то, что слышится, может записаться «фонетически». Отсюда написание *ливт*, *тельняжка* – в этих случаях автор предполагает, что глухие являются оглушенными в следствии ассимиляции звонкими согласными. Запись на латинице дает возможность обойти и многие из грамматических ловушек орфографии русского языка, например, написание *-н/-нн-: medleno* (медленно).

В латинском варианте записи русского текста SMS пользователь по своему усмотрению комбинирует два базовых типа записи: 1) транслитерацию, 2) запись, построенную на уподоблении формам русских букв графических знаков латинского алфавита, а также цифр и дополнительных знаков (Никитин, Авдонина 2006).

Проанализируем функционирование знаков-цифр в записи текстов SMS.

Цифра 4 употребляется при записи сообщений прежде всего как фонограмма буквы Ч, что основано на внешнем сходстве знаков, с одной стороны, а с другой стороны, слово «четыре» начинается с этого звука. Такое двойное основание употребления этого знака привело к полному завершению процесса присвоения знаку 4 значения буквы Ч: *4ego* (чеге), *4elovek* (человек). Конечно, есть и еще одно соображение: аффриката Ч требует как минимум двух латинских букв для ее передачи. Как особенный случай выделим использование цифры 4 в слове сча-

стье, которое в SMS записывается разнообразными способами: *s4ast'e, c4act'e, c4астье, shast'e, w,ast'e* и др. Как показало наше исследование, фонограмма *щастье* является наиболее распространенной формой записи, но использование знака 4 показывает уровень грамотности пользователя SMS, который отражает таким способом орфографическую норму русского языка. Результаты нашего исследования были представлены нами в курсе лекций для студентов-русистов в Римском государственном университете (апрель 2006г.), и итальянские русисты не смогли опознать в этих формах хорошо им известное русское слово.

Цифра 6 является одним из важнейших знаков записи русских текстов SMS. Она является полисемичным знаком; некоторые ее употребления приводят к заключению о сформированной омонимии знака 6:

- 1) Первое значение – это буква *Ш*: *роеб bez menya* (поешь без меня), *babka ne varit* (башка не варит).
- 2) Омонимичным употреблением мы можем назвать использование цифры 6 для передачи буквы *Б*: *букВа* (буква), *буду сКоро* (буду скоро), *КОЛОБОК* (колобок). В последнем случае употреблен достаточно редкий прием записи: буква *Л* рисуется из двух знаков: наклонная черта и заглавная латинская буква *l*.
- 3) Цифра 6 выполняет и функции оглушенного *Ж*, таким образом, в новом типе записи она эквивалентна нормативной орфографической записи с использованием буквы *Ж*: *нобki* (ножки), *лобка* (ложки). Как нам представляется, можно считать такую запись подвидом первого случая: это фонетическая запись оглушенной согласной, характерная для неформального письменного общения молодых людей. Совсем не обязательно считать запись с орфографическими отклонениями следствием недостаточного овладения нормами письма. Как пишет специалист в области русского языка и культуры, Клаудия Ласорса-Седина: «il rifiuto delle norme avviene da parte dei ceti piu' istruiti» («отказ от нормы регистрируется со стороны наиболее образованных слоев общества» – перевод наш; см.: Lasorsa-Siedina 2002, 31). Можно рассматривать такую запись и как протестную, и как юридическую; в мае 2006 у московских молодых студентов зарегистрировано новое написание слова «пицца»: *pitsa* или *pitsia* произносимое как «пиция».

- 4) Цифра 6 распространилась и на запись сложнейшего для передачи латиницей знака русского языка – буквы Щ: *bas pridu* (щас приду), *ibio ha4y* (ишо хачу). Некоторые пользователи в целях дифференциации добавляют знак апостроф: *b'el'* (щель).

Сопоставление использования цифры 6 в языке SMS в русском и итальянском языках показывает качественные различия между функционированием этого знака. В итальянском языке слово *sei* (шесть) является омофоном глагола «быть» второго лица ед. ч. наст. времени. Поскольку глагол «быть» обязателен в отличие от русского языка, то количество употреблений цифры 6 в итальянских SMS не поддается подсчету, так как главным вопросом мобильной коммуникации является «ты где?»: *dove 6?* (*dove sei*). Вторым важнейшим видом фраз, включающих 6 на итальянском языке, являются объяснения в любви и прочие суждения бытийности: *6 la + bella* (*sei la piu' bella*, ты самая красивая). Не меньшее количество употреблений 6 зафиксировано нами в португальском, так как обращение на Вы – *Você* – записывается как *v6*, а во множественном числе – *v6s*.

Вернемся к использованию цифры 6 для записи буквы Ш. В данном случае мы регистрируем совершенно иную форму орфографии, напоминающую нам скорее о письменности Древнего Египта, чем о молодежном фольклоре. Как известно, иероглифическое письмо делится на знаки-идеограммы (знаки, обозначающие слова и понятия) и знаки-фонограммы (знаки, обозначающие звук). «Большинство иероглифов было фонограммами, они обозначали либо сочетание двух или трёх согласных звуков (например, *rg, gun, dd, sdm, shm*), либо отдельные согласные звуки (например, *k, f, b* – всего 24)» (Коростовцев 1968). Грубо говоря, иероглиф-фонограмма на письме обозначал определенные звуки – а именно первые звуки своего названия. К примеру, иероглиф с изображением рта (по-египетски *ro*) давал звук, аналогичный греческой согласной *P* и так далее (пример из книги: Есо 1993, 161). Таким образом, цифра 6, принятая для обозначения русского звука *Ш* в латинских SMS русских пользователей, является примером фонограмматической записи.

Другие цифры используются лишь окказионально, в отдельных словах, но не как правило записи, а в людической функции. Например, в тексты публицистического стиля стало модно включать слова «столица» и «столичный», написанные как *100лица* и *100личный*, так, в №1 московского «Большого столичного журнала» (2006) имеется рубрика «Малый 100личный

журнал». Мы считаем это очень удачной игрой формы, так как читатель воспринимает журнал как личный, как журнал многих мнений (лиц) и как образ Москвы многоликой; актуализируется значение слова «лицо», которое морфологически не имеет отношения к слову «столица». Такое послоговое восприятие слова создает дополнительные положительные, эмоциональные смыслы этого слова.

Выводы:

1. Сопоставление форм записи сообщений на нескольких европейских языках выявляет особую сложность записи на русском языке и ее качественные отличия от прочих записей.
2. Новая форма записи в условиях неформального общения приобретает устойчивый характер.
3. Русские пользователи SMS применяют цифры не только как параграфы, то есть вместо похожих букв, но и как фонемы, то есть по инициалу названия цифр.
4. Использование цифр 4 и 6 характеризуется устойчивостью и регулярностью.
5. Важной характеристикой знаков 4 и 6 в SMS-сообщениях на русском языке является их омонимичность.
6. Наибольшей популярностью они пользуются потому, что по усмотрению автора используется как транслитерация, так и запись, построенная на уподоблении формам русских букв графических знаков латинского алфавита, а также цифр и дополнительных знаков.

В перспективе исследования – дальнейшая социо- и психолингвистическая разработка проблем новой письменности, прежде всего орфографии и синтаксиса SMS в контексте современных европейских языков. Авторы будут признательны за дополнения и комментарии по электронному адресу konstruktividze@yahoo.com.

Литература

- Коростовцев 1969: Коростовцев М.А. *Египетское письмо*// Большая советская энциклопедия. - М., 1969 - Т.3.
- Никитин, Авдонина 2005: Никитин С.А., Авдонина М.Ю. Современное неформальное письменное общение на русском языке (лексикографические и орфографические проблемы в SMS-сообщениях и Internet)// *Преподавание русского языка и литературы в новых европейских условиях XXI века. Материалы международной научной конференции МАПРЯЛ*. - Верона, 2005 – СС. 15-32.

- Никитин, Авдоница 2006: Никитин С.А., Авдоница М.Ю. Фонограмматический принцип письма в современных русских SMS (про шестерку и четверку)// *III Международная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет».* Варшавский Университет, 10-14 мая 2006. Тезисы докладов. – Варшава: 2006. – СС. 49-50.
- Никитин, Авдоница 2006: Никитин С.А., Авдоница М.Ю. SMS – новый этикет, правила и конвенции неформального письменного общения на русском языке // *Речевая коммуникация на современном этапе: социальные, научно-теоретические и дидактические проблемы. Материалы международной научно-методической конференции...* - Институт Русского языка им. А.С.Пушкина, МГУС. М., 2006. – сс. 39-48.
- Петровский 1958: Петровский Н. С., *Египетский язык.* - Л., 1958
- Суперанская 1978: Суперанская А.В. *Теоретические основы практической транскрипции.* - М.: Наука, 1978.
- Языкознание 1990: *Языкознание. Большой энциклопедический словарь.* Под редакцией В.Н.Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Eco 1993: Umberto Eco. *La ricerca della lingua perfetta.* - Gius. Laterza & figli. Roma, Bari, 1993. - 413p.
- Lasorsa-Siedina, Benigni 2002: Lasorsa-Siedina Claudia, Benigni Valentina. *Il russo in movimento.* - Roma: Ed. Bulzoni, 2002.

Ю. В. Откупщиков

Об этимологии гидронима *Ловат*

Уже давно ономастическая этимология находится в глубоком кризисе. Крайне отрицательно об этимологизации ономастики отзывался А. Мейе. Он писал, что «этимологии собственных имен, как правило, недостоверны вследствие того, что из двух решающих факторов – звуковых и смысловых соответствий с фактами других языков – можно использовать только один – звуковой» (Мейе, 1954, 40). А это обстоятельство еще задолго до А. Мейе отразилось на методике этимологического анализа ономастики. Так В. К. Третьяковский считал, что объяснять происхождение имен собственных следует, сопоставляя их «по сходству звона». Против подобной методики исследования почти 200 лет тому назад возражал П. И. Кеппен. Но и в наши дни отправным пунктом ономастической этимологии в большинстве случаев является отыскание более или менее сходных слов (или даже только корней) в самых различных языках. Например, гидроним *Москва* сопоставляли с фин. *musta* ‘черный’, с кавказским этнонимом *Мбсхуи*, марийск. *moskà* ‘медведь’, коми *mòsk* ‘корова’ или *мос* ‘корова’ + *кын* ‘язык’, русск. *мостики*, мордовск. *мушка* ‘конопля’ и мн. др. Трудности с этимологией гидронима *Москва* привели к появлению идеи о множественности этимонов у этого названия, например: *моск-*, *мозг-*, *мож-*, *моц-*, *мост-* (слав.) или *mask-*, *mazg-*, *tak-*, *mast-* (балт.). См. Топоров, 1972, 230. Это делает подобную гипотезу весьма расплывчатой¹. Подобное объединение этимонов невозможно ни опровергнуть, ни доказать – в ономастике, где отсутствует семантический критерий надежности. Но в апеллятивной лексике едва ли придет кому-нибудь в голову идея объединить, например, такие слова, как *мозг*, *моцци*, *мост*, *москоть* или лит. *mask-ėti* ‘быстро бежать’, *mazg-ūotas* ‘узловатый’, *mast-ūs* ‘задумчивый’, *tak-ōnė* ‘грязь, слякоть’ и т.п. С одной стороны, сопоставления отнюдь не близких слов типа *Норвегия* – ‘Наверхия’, *Италия* – ‘Удалия’ (В. К. Третьяковский) или *Москва* – фин. *musta*, этноним *Мбсхуи*, с другой – многочисленные случайные совпадения: *Нейва* г. в Ко-

¹ «Мало значения имеет этимология не очевидная, а только вероятная» – Мейе, 1938, 437.

лумбии – р. на Урале и в Испании, р. *Майн* в Германии и на Чукотке, г. *Матала* в Анголе и на Крите еще более запутывают ситуацию. И, безусловно, прав Р. Катичич, который писал, что большинство ономастических этимологий современных ученых удивительно напоминают самые рискованные народно-этимологические истолкования (Katičić, 1976, I,48). Вот почему столь широкое распространение получило скептическое отношение к этимологизации собственных имен. Окончательную точку в этом вопросе ставит А. В. Суперанская. По ее мнению, ономастическая этимология – «это всегда гипотеза», основанная «на зыбкой почве предположений». И здесь исследователь «не может настаивать на том, что предложенная (им) этимология абсолютна и единственна» (Суперанская и др., 1986, 78). Тем самым автор фактически налагает табу на все исследования в области этимологизации ономастической лексики, ибо ничего положительного эти исследования дать не могут, разве лишь увеличить количество зыбких и ненадежных предположений, которые невозможно доказать.

А. Мейе выделяет два «решающих фактора» соответствий с материалом других языков – фонетический и семантический, оставляя только первый из них – в силу особенностей семантики имен собственных. Это приводит к крайнему субъективизму в выборе фонетических соответствий и к атомарности подхода к каждому имени в отдельности. В книге «Догреческий субстрат» (Л., 1988) мною на материале древних Балкан и западной Малой Азии разработана новая методика этимологизации имен собственных. Позднее она была перенесена на изучение гидронимии бассейна Оки (Откупщиков, 2004 и другие работы). Суть этой методики заключается в том, что при этимологизации ономастики во главу угла следует ставить не фонетический и не семантический, а **словообразовательный** анализ. Обычно суть этого анализа усматривают в вычленении корня, суффиксов и т. д., но это, в сущности, морфемный, а не словообразовательный анализ. Как известно, словообразование – это процесс. Поэтому необходимо вскрыть динамику этого явления, показать модель, по которой образовано имя собственное. Пока не показано к а к, по какой модели образовано слово, мы не вправе говорить о том, что оно получило этимологическое объяснение. Указание на корень или суффикс(ы) – это только сырой материал, который требует более детального анализа. Совокупность и взаимодействие моделей составляют словообразовательную систему языка. Отдельные модели могут быть одинаковыми или

достаточно близкими в двух и более языках, но вся система и взаимосвязи входящих в нее моделей неповторимы даже в рамках близкородственных языков. Например, лит. *gilùs* ‘глубокий’ дает производные оз. *Gilù-š-is* и *Gil(u)-š-ė* – чего не может быть в славянских языках, где были устранены прилагательные с -у-основой. К тому же литовскому *š* закономерно соответствует славянское *с* (лит. *šamas* = русск. *сом*). Иногда суффиксальное -*ša* принимают за финно-угорский «речной суффикс» со значением ‘вода, река’. Против этого возражал А. И. Попов, который считал, что финальное -*ša* может иметь разное происхождение в разных языках (Попов, 1965, 114, 121). Здесь иллюстрацией может послужить лингвистический анекдот: *рикса* и *гейша* поженились и сына своего назвали *Мойша*. Интересна реакция аудитории, в которой был рассказан этот анекдот: а какое значение в русском (!) языке имеет суффикс -*ша*?

В заключение – пример использования метода словообразовательного анализа в процессе этимологизации имени собственного. Речь пойдет о названии реки *Ловать* (др.-русс. *Ловоть*). К. Буга (1961, III, 508, 888) и М. Фасмер (1967, II, 508) считают этот гидроним финно-угорским. К. Буга не предлагает никакой этимологии. М. Фасмер пишет не очень уверенно: «Возм(ожно), из фин. *Alvatti (joki)* – от *alve* ‘выводок’». М. Фасмер упоминает только Ловать, впадающую в Ильмень. Между тем, в бассейне Оки засвидетельствованы реки *Ловать*², *Ловатица* (-ица – результат славянизации) и *Лова* (Смолицкая, 1976, 33, 162). В бассейне Оки – сотни гидронимов балтийского происхождения (Откупщиков, 2004 и др. статьи). Причем, в этом ареале практически нет финно-угорских гидронимов, если не считать отдельных случайных совпадений (Серебренников, 1955, 28). И вообще, – писал Б. А. Серебренников, – «топонимика Волго-Окского междуречья при помощи финно-угорских языков необъяснима» (там же). Б. А. Серебренников также отмечал, что истоки огромной массы топонимов этого ареала следует искать в балтийских языках. К сожалению, никакого конкретного материала в работах Б. А. Серебренникова нет.

В литовском языке хорошо известна словообразовательная модель *ąsà* ‘ушко’ (сосуда, иглы) – *ąsōtis* ‘кувшин’ = *ąsotas* буквально: ‘su *ąsomis* (сосуд)’. О древности этой модели свидетель-

² Также село *Ловоть* (= *Ловать*).

ствуют литовско-латинские изоглоссы: лит. *ąšà – ąšótas* = лат. *ansa – ansātus* ‘с ручками (сосуд)’. Сюда же следует отнести русск. *ушат* < *ans-iāt-ъ (ср. варианты суффиксов *-ot-* и *-iot-* в литовском языке). Ср. также лит. *kasà – kasōtis* ‘*su kasomis, su kasa*’; *barzdà – barzdōtis, gýsla – gyslōtis* ‘*жила – гислōtis* ‘подорожник’ (буквально ‘*su gyslomis*’). Близкая словообразовательная модель: *ašarótas* ‘*su ašaromis*’, *audrótas* (*naktis audrōta*), а также *barzdōtis = barzdōčius* и *barzdōtė* (например, *oška barzdōtė*).

Нередко эта модель встречается и в гидронимии: *neris* ‘бобр’ и р. *Neris* – р. *Nerōtis* (Vanagas, 1981, 228); *ilgas* ‘длинный’ – р. *Īgotis* (Vanagas, 1981, 129); *pāras* ‘гагара’ или ‘очень сырое место’, основа, широко представленная в литовской гидронимии – р. *Narōtis* (Skardžius, 1943, 352); *kařklas* ‘верба, *Salix cinerea*’, *kārkla* ‘место, поросшее вербой’ – оз. *Karklōtis*, р. *Karklōtė* (Vanagas, 1981, 148); *salà* ‘остров’ – оз. *Salōtis = Salótas, Salótė* (‘*su salomis*’ arba ‘*su sala*’), р. *Salótė* (Vanagas, 1981, 289).

В этот словообразовательный ряд, представленный, в частности, в литовской гидронимии, естественно вписывается р. *Лова – Ловать (Ловоть)*, к лит. *lōva, lovỹs*, р. *Loviaĩ* (мн. число) ‘*upė̃s vaga*’ – *Lovōtis → *Ловать, Ловоть*. Кстати, в заимствованиях из литовского языка гласный *o* передается двояко: как *a* и как *o*, особенно в начале слова после плавных сонантов. Да и в исконных русских словах в этой позиции часто варьируются формы с *a* и *o*: *лапух* и *лопух*, *лахань* и *лохань* и др. Та же картина наблюдается и в литовском языке: *lavónas = lovónas* ‘труп’, *lapóti* в одном из значений = *loróti* ‘брести по грязи’. В исконно-родственных словах литовскому *o*, как правило, соответствует славянское *a*, ср. лит. *lōvas* и русск. *лав(к)а*.

Наконец, по той же модели, что и *kařklas – Karklōtis* или *bėržas – Beržōtis* образован гидроним *gūžas* ‘аист’ → *Gužōtis → Г(ъ)жать.

Литература

- Буга, 1961 – К. Būga. *Rinkiniai rastai*. Vilnius, 1961. Т. III.
 Мейе, 1938 – А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938.
 Мейе, 1954 – А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1954.
 Откупщиков, 1988 – Ю. В. Откупщиков. Догреческий субстрат. Л., 1988.
 Откупщиков, 2004 – Ю. В. Откупщиков. Древняя гидронимия бассейна Оки // Балто-славянские исследования XVI М., 2004.

- Попов, 1965 – А. И. Попов. Географические названия. М.; Л., 1965.
- Серебренников, 1955 – Б. А. Серебренников. Волго-Окская топонимика на территории европейской части СССР // ВЯ, 1955, № 6.
- Смолицкая, 1976 – Г. П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Суперанская и др., 1986 – А. В. Суперанская и др. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Топоров, 1972 – В. Н. Топоров. «Балтика» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Фасмер, 1967 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967.
- Katičić, 1976 – R. Katičić. Ancient Languages of the Balkans. The Hague; Paris, 1976. Part 1–2.
- Skardžius, 1943 – P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Vanagas, 1981 – A. Vanagas. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Е. А. Парина

Этимология средневаллийских личных местоимений 1-2 Pl.: состояние исследований

Точная реконструкция прототипов для форм личных местоимений кельтских языков является чрезвычайно сложной задачей. Даже такому крупному специалисту в области сравнительно-исторической фонетики бриттских языков как П. Схрейверу приходится признать, что «the vowel system in clitics was strongly reduced in ways that are not yet well-understood» [Schrijver 1997: 55], поэтому вопросы этимологизации многих местоимений остаются не до конца решенными. Наибольшее число проблем возникает в реконструкции личных местоимений множественного числа. В настоящем сообщении мы хотим обобщить высказанные в литературе теории и выявить вопросы, так и оставшиеся, по нашему мнению, без убедительных ответов.

1. Независимые местоимения:

1Pl: ср.-валл. *ní*, корн. *ny*, ср.-брет. *ni*, *ny*, др.-ирл. *sní*, *snisni*, *sníni*, *sisni*, *sinni*, галл. *SNÍ*

2Pl: ср.-валл. *chwi*, др.-валл. *hui*, ср.-брет. *hui*, *huu*, совр. брет. *c'houi*, корн. *why*, *wy*, др.-ирл. *sib*, *sissi*, *síi*

Начальное *s-* в ирландских формах возможно восстанавливать на общекельтском уровне [GOI 282], в бриттском в любом случае должен был состояться переход *sn-* > *n-* [LHEB 542]. Происхождение этого *s-* неясно, Р. Турнейзен предполагает, что это результат переразложения последовательности глагольное окончание типа *-mos* + местоимение. Так же, как формы 1Sg (ср.-валл. *mí*, др.-ирл. *mé*), независимые формы 1–2 Pl происходят от и.-е. форм винительного падежа, основы на *n-* и *w-* первоначально употреблялись только в косвенных падежах [Семереньи 1980: 231]. Долгота гласного также проблематична, по мнению Р. Турнейзена: реконструируемые формы **nēs*, **wēs* не находят подтверждения в других и.-е. формах, однако О. Семереньи в числе прочих форм вин. падежа включает в и.-е. парадигму и формы **nēs/*nōs*, **wēs/*wōs*.

Г. Шмидт возводит формы 1Pl к и.-е. **nēs*, объясняя *s-* влиянием 2Pl [Schmidt 1978: 178]. При этом примеров на рефлексы **nēs* в других языках он не приводит. Для 2Pl восстанавливается общекельтская праформа **swī(s)*. Приводя и традиционные и.-е. праформы для этой реконструкции **swes*, **swēs*, он предлагает

считать кельт. местоимения результатом контаминации и.-е. **wos/wōs* и **sg^whes*, исходно местоимения 2Du, представленного, к примеру, в греч. местоимениях двойственного числа с основой *σφω*- [Schmidt 1978: 220–221].

Еще одну гипотезу выдвигает Дж. Катц. Он предлагает реконструировать для пракеельтского формы 1Pl *sne, 2Pl *swe с последующим удлинением на том же языковом уровне и переходом *ē > *ī. Их удлинение он не считает результатом воздействия какого-либо регулярного фонетического закона, а объясняет либо ударной позицией этих местоимений [Katz 1998: 275], либо, вслед за К. МакКоуном, аналогией с формой 1Sg с долгой гласной [Katz 1998: 277]. Эти кельтские праформы вписываются в систему личных местоимений, восстанавливаемую автором для и.-е. праязыка, где, как он считает, существовало распределение суффиксов **-mé* в 1 лице и **-wé* во 2 лице и рефлексивном местоимении. Валл. *nī*, др.-ирл. *sní*, галл. *SNÍ* он возводит к *snī < *snē < *sné < *ŋs-né (ассимиляция) < *ŋs-mé; валл. *chwi*, др.-ирл. *sí* < *swī < *swē < *swé < *us-wé [Katz 1998: 280]. К тем же и.-е. праформам, по мнению автора, восходят гот. 1Pl *uns(is)*, 2Pl *izwiz* [Katz 1998: 281], хет. 1Pl *anzāš*, 2Pl *šumāš* [Katz 1998: 282], а также, с некоторыми оговорками, тохарские и армянские местоимения 1–2Pl.

2. Посессивные местоимения.

2.1. Клитики.

1Pl ср.-валл. *an/ynⁿ*, корн. *an*, брет. *hon, on* / др.-ирл. *ar n-*

2Pl ср.-валл. *uch*, корн. *as*, ср.-брет. *hoz*

Мы приводим здесь все высказывавшиеся гипотезы, но не считаем их достаточно убедительными. Ирландские местоимения этимологизируются в [SnaG 188], однако возведение британских местоимений к предлагаемым К. МакКоуном праформам затруднительно.

Х. Педерсен возводит брит. формы 1–2 Pl к сочетанию «артиклекобразного местоимения» (*artikelartige Pronomen*), лучше всего сохранившемся в брет. *ho* (и.-е. *so), и энклитического родительного падежа [VGK 169–170]. Реконструируя другую праформу для ирландских местоимений, Х. Педерсен, тем не менее, говорит о “старой назализующей силе родительного падежа” (*alte eklipsierende Kraft der Genitive*), хотя в британских местоимениях мутация вызывает только валлийская посессивная клитика 1Pl, давая сандхи-*h*, и возводит их к и.-е. 1Pl

*snōsōm, (**snēsōm?*), 2Pl *swēsōm, *swōsōm, сопоставляя им ст.-сл. род. пад. *насъ, васъ*.

Дж. Моррис-Джоунз возводит валл. *an* и брет. *hon, hor* (X. Педерсен, приводя список брет. форм, указывает, что в ср.-брет. встречаются только *hon, on*, а в н.-брет. *hon, hor, hol* [VGK 163]) к форме *anr, а ирл. *ar n-* к **anr n-*, и реконструирует на их основании кельт. *nsron < и.-е. *ns-rōm (ср. гот. *unsara*, с суффиксом *-(e)ro-*: лат. *nostrum* с суффиксом *-t(e)ro-*) [WG 281].

2.2. Независимые посессивы.

1Pl *einym*; 2Pl *einwch* – По мнению X. Педерсена, средневаллийские самостоятельные формы 1–2 л. мн.ч. являются, вероятно, поздними новообразованиями по аналогии с формами 3 лица (3Sgm *eidaw*, 3Sgf *eiidi*, 3Pl *eidunt*), в которых при сравнении с формами изменяемых предлогов, например, 3Sgm *drwydaw*, 3Sgf *drwydi*, 3Pl *drwydunt* от предлога *trwy/drwy*, выделяется корневой элемент *ei-*, на основании которого сначала были образованы незафиксированные формы *ei-n, *ei-ch. Затем, при проникновении в 1Pl изменяемых предлогов глагольного окончания *-m* вместо исконного *-n*, возникла контаминация (Kontaminationsbildung) *einym*, на основании которой была построена форма *einwch* [VGK 170]. Эта схема представляется нам слишком сложной и многоступенчатой. При таком объяснении через многочисленные аналогии не совсем ясно, почему в ср.-валл. сразу не получились формы н.-валл. *eiddom, eiddoch* (по модели которых в н.-валл. устроены также 1Sg *eiddof*, 2Sg *eiddot*), которые потребовали бы меньшего числа преобразований.

Особое объяснение принадлежит Дж. Моррис-Джоунзу: он анализирует др.-валл. глоссу *nouni gl. nostrum* как *(y)n *eu (y)nny* букв. ‘собственность / в собственности к нам’, причем слово *eu в текстах не зафиксировано, автор выводит его на основании пропорции 1Sg и.-е. *moi > валл. *mei* : 3Sg и.-е. *soi >> *(*h*)*eu*. Отметим, что эта глосса анализируется сейчас иначе, см. литературу в [Falileyev 2000: 119, 121]. Из этого предполагаемого *eu unny по аналогии с 3Sgm *eidaw*, где окончание было взято из парадигмы изменяемых предлогов, и 1Sg изменяемого предлога *gennym* ‘у нас’, получилось, по предположению автора, *einym*, а от него по пропорции (*einym*: *gennym*= X: *gennwch*) было образовано 2Pl *einwch* [WG 283–4].

3. Объектные клитики, припредложные личные показатели 1P1 ср.-валл. объектная клитика 'n, при изменяемых предлогах -n, -m, корн. объектные клитики -n-, -gan-, -gen-, при изменяемых предлогах -n, ср.-брет. объектные клитики -n-, -on-, -hon- (вызывают спирантную мутацию k-), при изменяемых предлогах -mp, др.-ирл. -nn- (лабиализованный и палатальный, распределение по падежам установить не удается)

2P1 ср.-валл. объектная клитика, припредложный личный показатель 'ch, корн. объектная клитика -s- (-gas-, -ges-, -gis-, -gys-), припредложный личный показатель -gh, ср.-брет. объектные клитики -oz-, -(h)ouiz-, -ho(z)- припредложный личный показатель -ch, др.-ирл. объектная клитика, припредложный личный показатель -b- (всегда палатальный).

Учитывая характер ирландских припредложных показателей, Х. Педерсен возводит ирландские и валлийские инфигированные и называемые им суффижированными местоимения 1P1 к и.-е. *snēs/snōs [ЛП 265]. О. Семереньи восстанавливает для и.-е. вин. пад. формы *nēs/nōs [Семереньи 1980: 231] (ср. скр. *nas*, лат. *nōs*). Гипотезу об этимологии начального s-, проявляющегося в отсутствии лениции в энклитике, см. 1. Ирландский палатализованный показатель или восходит к *nēs, или объясняется аналогией с 1, 2Sg. Бриттские данные и в этом случае не дают сведений об исходном вокализме.

Исторически закономерным личным показателем при изменяемых предлогах в средневаллийском языке является -n. Однако в образцовом для этого периода прозаическом тексте *Pedeir Keinc y Mabinogi* он ни разу не употребляется, а вместо него употребляется показатель -m. Это глагольное окончание 1P1, ср. 1P1 имперфекта *carem*, 1P1 претерита *carassom* (от *caru* 'любить') [GMW 114]. В ср.-валл. встречаются оба эти показателя, -m чаще, чем -n [GMW 59]. То же самое произошло и в бретонском, где показатель -mp также возник в предложной парадигме под влиянием глагольной [VGK 163].¹

¹ Интересно, что в современных диалектах предлоги в 1P1 оканчиваются на -n, вероятно, в результате ассимиляции конечного согласного с n-репризного местоимения, *arnom ni* 'на нас' > *arnon ni*. Репризные местоимения употребляются после личных форм предлогов в диалектах гораздо чаще, чем в литературном языке, поэтому в литературном языке эта ассимиляция не прошла, прескриптивные грамматики указывают форму *arnom* [Jones 1976: 90].

Местоименный показатель 2P1 в древнеирландском всегда палатален. Х. Педерсен реконструирует лежащую в основе форму **swē̄s*. Из нее закономерно получается валлийская форма *-ch*. Для получения ирландской формы предполагается цепочка **swē̄s > *swī >* (лениция [GOI 132]) **fī > *-f' >* [GOI 126, 130.3] – *b' (=β')*. Эту форму можно либо возводить к традиционно реконструируемой форме и.-е. вин. пад. **wēs* [Семереньи 1980: 231], а начальное *s-* объяснять аналогией с 1P1, либо восстанавливать и для объектного местоимения пракельт. **swī̄s* как результат контаминации и.-е. **wos/wōs* и **sg^whes* [Schmidt 1978: 220–1] и считать, что независимые и объектные местоимения, а также припредложные показатели восходят к одной праформе винительного падежа.

Библиография

- ЛП – Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Семереньи 1980 – Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. Москва.
- Falileyev 2000 – Falileyev A. Etymological Glossary of Old Welsh. Tübingen.
- GMW – Evans D.S. A Grammar of Middle Welsh. Dublin, 1964.
- GOI – Thurneysen R. A Grammar of Old Irish. Dublin, 1946 (reprint 1993)
- Jones 1976 – Jones M. D. A Guide to Correct Welsh. Llandysul, 1976.
- Katz 1998 – Katz J. Archaische keltische Personalpronomina aus indogermanischer Sicht // Sprache und Kultur der Indogermanen. Akten der X. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft, Innsbruck, 22.-28. September 1996. Ed. W. Meid. [IBS 93]. Innsbruck. S. 265–291.
- LHEB – Jackson, K. Language and History in Early Britain. Edinburgh, 1953.
- Schmidt 1978 – Schmidt G. Stammbildung und Flexion der indogermanischen Personalpronomina. Wiesbaden, 1978.
- Schrijver 1997 – Schrijver P. Studies in the History of Celtic Pronouns and Particles. Maynooth.
- SnaG – McCone K. An tSean-Ghaelge agus a Réamhstair // Stair na Gaeilge in ómós do Pádraig Ó Fiannachta. K. McCone, D. McManus, C. Ó Háinle, N. Williams, L. Breatnach (eds), Maynooth, 1994. P. 61–220
- VGK – Pedersen H. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Göttingen, 1909–1913.

Л. Б. Поплавская

Образ Анакреонта в поздней античной традиции

Имя ионийского поэта Анакреонта тесно связано с любовной тематикой, неразлучной с богом Эротом. Это странствующий поэт, который поневоле теряет связь со своей родиной, когда в середине VI в до н. э. г. Теос на юго-западном берегу Малой Азии захватили персы. Но название родного города Анакреонта всегда присутствовало рядом с именем поэта и в поздней греческой литературе (Strab. XIV, 1, 3, с 633). По свидетельству Страбона Анакреонт называл Теос Афамантидой, потому что первым его основал Афамант. Теосцы покинули свой покоренный персами город и переселились во Фракию, основав колонию Абдеры (Strab. XIV, 1, 30, с 644). Вместе с другими теосцами туда переселился и Анакреонт (fr. 505 PMG)¹ затем о. Самос и жизнь при дворе тирана Поликрата, где он встречался с поэтом Ивиком, г. Афины в правление Писистратидов. Гиппарх – старший сын Писистрата послал за Анакреонтом пятидесятивесельный корабль, чтобы залучить поэта к себе (Ael. N.V. VIII, 2). Последние годы жизни Анакреонт прожил в Фессалии при дворе Алевадов. Придворная атмосфера, постоянные праздники и пиры определяют тематику поздней поэзии Анакреонта: ἔρως, οἶνος γυναικες (παῖδες)². Мироощущение поэта жизнерадостно, он открыт всему миру, даже дожив до преклонного возраста, Анакреонт не теряет интереса к жизни. Образ седовласого старца с его гедонистическим отношением к реальной действительности будет затем подхвачен подражателями Анакреонта. Во 2 пол. VI в до н. э. при дворах тиранов создается особый тип культуры, «вечный праздник» придворной жизни особенно нуждается в нем. Не только поэзия, но и изобразительное искусство – скульптура и вазовая живопись требуют от их создателей мастерства и изящества, но в то же время обходятся без глубоких проблем и серьезной тематики. Именно Анакреонт становится певцом такой атмосферы. Его по-

¹ Фрагменты Анакреонта приводятся по изданию *Poetae Melici Graeci / ed. D.L. Page. Oxford, 1962*

² Анакреонт писал гимны, элегии, эпиграммы, сколии. В ранней поэзии были стихи военно-патриотические. Он говорит о карийском оружии (fr. 401), о щите, брошенном на берегу «прекрасноструйной реки» (fr. 381b), об «острие копья, вызывающем слезы» (fr. 382), но затем уходит он от этой темы: « пусть сражается тот, кто хочет этого» (fr. 429).

эзию отличают легкий шумливый эротизм, изящная форма стиха. Эрот Анакреонта – не страсть-страдания Ивика, «горький змей» Сапфо, а веселое приключение, развлекательный случай, дающий повод для наслаждения жизнью. Из богов властвуют Эрот и Дионис. Любовь и вино порождает новую метафору: Левкадская скала и прыжок с нее, поэт захлебывается в любовных волнах, ведь пьян он именно любовью (ἔρωτι – fr. 376). Подлинных стихов Анакреонта сохранилось немного, а в александрийскую эпоху было пять книг. Иногда поэт «предоставлял свою Музу» тирану Поликрату, т.е. «был влюблен за него и писал для него». Клавдий Элиан сообщает, что Поликрат «обогащался» благодаря общению с Анакреонтом (Ael. N.V. XII, 25). Элиан приводит примеры взаимополезного общения из греческой мифологии, где фигурируют Алкиной и Одиссей, Хирон и Ахилл, Ахилл и Патрокл, Нестор и Агамемнон, Менелай и Телемах и др., а также из римской истории. Ведь Лукуллу был полезен Антиох из Аскалона, Меценату – Арий, Цицерону – Аполлоний, Августу – Афинодор. И афиняне были бы счастливы, если бы послушались Сократа (Ael. N.V. XII, 25). Известно, насколько сам тиран Поликрат любил Анакреонта и его стихи, но Элиан подчеркивает, что он «был предан Музам» (Ael. N.V. IX, 4). А Страбон замечает, что стихи Анакреонта были полны похвал тирану (Strab. XIV, 1, 16, с 638). Но поэт и тиран не поделили мальчика Смердия – любимца Поликрата. Чтобы заступиться за Анакреонта, Элиан спешит подчеркнуть, что поэт пленился душевными свойствами отрока, а не телесной красотой. Но тем не менее Поликрат остриг волосы Смердия, чтобы сделать его менее привлекательным³. Анакреонт же в стихах сделал мальчику выговор, обвинив одного его в утрате локонов. Элиан стихов не приводит, ведь сам поэт споет их лучше, добавляет он (Ael. N.V. IX, 4). Об этом же говорит Афинея (Athen. XII, 540D), а стихи Анакреонта известны из «Антологии» Стобея (fr. 414):

ἀπέκειρας δ' ἀπαλῆς κόμης ἄμωμον ἄνθος – Мягких кудрей
цветок безупречный остриг ты.

Евстафий (Eust. Od. 1542. 47) приводит фрагмент, где сохранилось, только обращение к мальчику (fr. 366):

³ О кудрях Смердия, называя его фракийцем, говорят позднеантичные эпиграммы, Антипатр Сидонский называет локон Смердия «киконским» – А.Р. 2. 27. 6 (См. также А.Р. 7. 25. 8). Возможно, что длинные волосы у фракийцев были национальной принадлежностью достоинства. См. Greek Lyric poetry from Alcman to Simonides / by C.M. Bowra, Oxford, 1961, p. 277–281.

ἀλλ' ὦ τρίς κεκορημένε
Σμερδίη

Определение Смердия – это part. perf. от глагола κορέω – “выметать, чистить”, Евстафий объясняет его как ἐκσεσαρωμένε, используя синоним ἐκσαρώ с тем же значением. Он заменяет наречие τρίς – “трижды” на весьма неопределённое πολλάκις “часто”. Комментируя “Илиаду” (II. 725. 35), Евстафий опять возвращается к этому определению, используя уже compositum, соединив наречие с причастием: Ἀνακρέων δὲ τρισκεκορημένον τὸν πολλάκις ἐκσεσαρωμένον – Анакреонт (называет) часто выметенное трижды “вычищенным”. Сам Смердий и потеря его кудрей Евстафию уже не интересны. Дион Христом (ог. II 62, 1. 29 Argim) приводит стихи Анакреонта, где он просит заступничества бога Диониса для другого любимца – Клеобула (fr. 357). Мотив обращения к Дионису начинается с перечисления условных ценностей, которым соответствуют определенные боги (V. 1–8):

ὦναξ, ὦι δαμάλης Ἔρωσ
καὶ Νύμφαι κτανώπιδες
πορφυρῇ τ' Ἀφροδίτῃ
συμπαίζουσιν ἐπιστρέφει
δ' ὑψηλὰς ὀρέων κορυφὰς·
γουνούμαι σε, σὺ δ' εὐμενῆς
ἔλθ' ἡμῖν, κεχαρισμένης
δ' εὐχολῆς ἐπακούειν·

О владыка, с которым ведут свои игры
Укротитель Эрот, синеокие Нимфы,
Афродита в порфире. Обращаешь высокие гор ты вершины.
Благодатным приходи к нам, тебя умоляю,
Чтоб приятность хвалы от нас ты услышал.

Эта молитва не за себя, а за Клеобула, имя которого появляется в этом фрагменте раньше имени Диониса, звательным падежом которого заканчивается это стихотворение, начатое таким обращением к этому богу, (ὦναξ):

Κλεοβούλῳ δ' ἀγαθὸς γένεο
σύμβουλος τὸν ἐμὸν γ' ἔρω-
τ', ὦ Δεόνυσε⁴, δέχεσθαι.

Клебулу будь добрый советник,
Дионис, чтобы принял мою он любовь (V. 9–11).

⁴ Et. Mag. 259. 28 Δεύνυσος· ὁ Διόνυσος. Ἀνακρέων πολλὰ ἐρίβρομον Δεόνυσον (fr. 365).

Ἔρωτα (V. 10) т.е. “любовь” Анакреонта обещаны Дионису и Клеобулу. Бог Эрот, который с нимфами и Афродитой забавляется (συμπαίζουσι –V.4) вместе с Дионисом, назван δαμάλης. Сохранились глосса Гезихия (Hesych. s. v. δαμάλην), объясняющая это слово применительно к богу любви: “Ἔρωτα ἤτοι δαμάζοντα, ἢ ἀγέρωχον – “Эрота или укрощающего, или необузданного”. ἀγέρωχος compositum от ἀγείρω и ὄχος – букв. “собирающий колесницы”. Эпитет бога δαμάλης Гезихий характеризует амбивалентно. Применительно к самому Эроту это сказано о его порывистом, несокрушимом нраве, а что касается жертв этого нрава, то они покорены богом. Вспоминая эти стихи Анакреонта, Дион Хрисостом призывает не молить богов так, как это делал Анакреонт (μηδὲ αὖ τοὺς θεοὺς καλεῖν οὕτως εὐχόμενον ὥσπερ Ἀνακρέων).

Известное в переводе В. В. Вересаева стихотворение Анакреонта “Бросил шар свой пурпуровый златовласый Эрот в меня...” представляет fr. 358, цитируемый Афинеем (Athen. XIII, 599 с). В нем Эрот приглашает поэта поиграть вместе с ним. Тот же глагол συμπαίζειν, что и в предыдущем фрагменте (fr. 357), призывает совместно позабавиться, провести время в веселом приключении. Афиней в свою очередь ссылается на Хамелеона, который говорит, что есть сведения (λέγειν τινάς) о близком знакомстве Сапфо и Анакреонта. Эти сведения призваны объяснить конец фрагмента (V. 5–8):

ἡ δ' ἐστὶν γὰρ ἀπ' εὐκτίτου
 Λέσβου τὴν μὲν ἐμὴν κόμην,
 λευκὴ γάρ, καταμέμφεται
 πρὸς δ' ἄλλην τινὰ χάσκει

“Лесбиянка прекрасная” (в пер. В.В. Вересаева) вводится союзом γάρ (“ибо”). Так Анакреонт объясняет причину пренебрежения. Если бы она была кто-либо другой, то возможно... Но она ἀπ' εὐκτίτου Λέσβου. Это γάρ говорит об особом положении в обществе эолийских женщин по сравнению с ионянками, поэтому и Лесбос назван εὐκτίτος (εὐ + κτίζω) “хорошо основанный”, “с прочными уложениями”, “благоприятным укладом”. Гомеровское εὐκτίτος синоним εὐκτίμενος “хорошо построенный” (II II, 501; Od IX, 130; IV, 226; Hom. H. Ar. 36; II II, 592). В новое время смысл этих строк стали связывать со спецификой сексуальных отношений жительниц Лесбоса, которым неуютен лирический герой Анакреонта в качестве поклонника. У Анакреонта логическое ударение стоит на другой причине отказа: “ так как она смеется над моей головой, ведь она белая”, т. е. “седая”. Это выделено как придаточное предложение причины с пропуском глагольной связки (λευκὴ γάρ – v. 7). Словно в отместку, свое пренебрежение к женщине, отказавшей ему, поэт передает глаголом χάσκει. Жительница

Лесбоса не просто ищет глазами, “выглядывает” новую привязанность, она “разинула рот” – таков буквальный смысл глагола, однокоренного с χαίνω, так говорят о зияющей пропасти, дыре. Поэтому Афинея добавляет после цитаты фрагмента Анакреонта слова, выражающие преклонение Сапфо перед его талантом: “И говорят, что Сапфо сказала ему следующее”:

κεῖνον ὃ χρυσόθρονε Μοῦσ' ἔνισπες
ἕμνον ἐκ τᾶς καλλιγύναικος ἐσθλᾶς
Τῆμος χώρας ὅν' αἶειδε τερπνῶς
πρέσβυς ἀγαθός⁵

О златотронная Муза, пропела ты песню
Прекрасной страны, где все жены красивы.
Весело спел ее Теоса старец прославленный.

Имя Клеобула, за которого поэт просил Диониса (fr. 357), возникает еще раз в стихах Анакреонта, приводимых Псевдо-Геродианом (Ps.-Herodian. π. σχημ. Rhet. Gr. VIII 599 seq. Walz) по поводу полиптога (de polyptoto) у Архилоха. Это 359 fr. Анакреонта:

Κλεοβούλου μὲν ἔγωγ' ἐρέω⁶
Κλεοβούλω δ' ἐπιμαίνομαι,
Κλεοβούλου δε' διοσκέω.

Клеобула я желаю
По нему схожу с ума
Клеобула⁷ я ищу в толпе глазами.

Аффекты, перечисленные с помощью глаголов в конце каждой строки, передают нарастание эмоций и силу чувств, с которыми уже не справиться. Эти глаголы искусно подобраны с соответствующими падежами управления: ἐρέω с genetivus, ἐπιμαίνομαι – dativus, διοσκέω – accusativus. Имя Клеобула стоит во всех падежах, повторяя парадигму склонения, отсутствует только nominativus, но можно догадаться, что он, как и vocativus заполняет все сознание любящего. Глагол διοσκέω дублирует χάσκειν 358 fr. Гезихий (s.v. διοσκεῖν) объясняет его как διαβλέπειν συνεχῶς τὴν ὄρασιν μεταβάλλοντα (μὴ μετα – conī. Edmonds); τίθεται δὲ καὶ ἐπὶ τοῦ διαφορεῖσθαι τῷ σώματι καὶ τῇ ψυχῇ “Постоянно следить за перемещающимся (или неподвижным -conī. Edmonds) объектом на-

⁵ Page D.L. PMG, apparatus ad fr. 358: interpretatus sum Sappho et Alcaeus (1955) 143; Y. Harvey C.Q.N.S. 7(1957) 213.

⁶ ἐρῶ codd.

⁷ О Клеобуле упоминает также Максим Тирский (Max. Tug. XVIII p. 233. 3, XXI p. 256, XXXVII p. 432. 19 Hobein).

блюдения. Употребляется по поводу того, кто мечется душой и телом”.

Геродиан в трактате *Περὶ σχημάτων* (*De figuris*) данными стихами иллюстрирует τὸ πολύπτωτον – повторение одного слова в разных падежах. Он пишет, что “полиптон – это, когда либо антономасия (замена имени эпитетом – Л.П.), либо мы ставим слово, изменяя имена во всех падежах, как у Клеарха...”. И далее в приведенной прозаической цитате полиптон имени Демосфена во всех падежах от *nominativ*’а до *vocativ*’а. Затем автор переходит к поэзии. Четыре падежа имени Леофил у Архилоха (fr. 115W):

νῦν δὲ Λεώφιλος μὲν ἄρχει,
 Λεωφίλου δ’ ἐπικρατεῖν,
 Λεωφίλωι δὲ πάντα κείται, Λεώφιλον δ’ ἄκουε.

Леофил теперь здесь правит,
 Леофила сила тут,
 Все лежит на Леофиле, Леофила Слушай все!

Далее Геродиан добавляет, что у Анакреонта полиптон в трех падежах (fr. 359)

Схолии к комедии Аристофана “Птицы” (*Schol. Ar. Av. 1372*) приводят стихи Анакреонта, где душа любящего воспаряет от счастья к небожителям (fr.378):

ἀναπέτομαι δὴ πρὸς Ὀλυμπον πτερύγεσσι κούφῃς
 διὰ τὸν Ἔρωτ’· οὐ γὰρ ἐμοὶ <-υ>θέλει συνηβᾶν.

Легкими крыльями я возлетаю к Олимпу
 Из-за Эрота, а он не желает делить со мной свою юность.

Во втором стихе явная лакуна из двух слогов. Существует конъектура Порсона: <παῖς ἐ>θέλει – “мальчик не хочет”⁸.

Тогда это стихи о любви неразделенной и подлежащее уже не Эрот. Схолии, приводящие фрагмент, отталкиваются от глагола ἀναπέτομαι с приставкой, указывающей на полет вверх. Его совершает не сам герой, а Эрот на своих крыльях, поэтому и сказано διὰ τὸν Ἔρωτα “посредством Эрота”, ведь любовь окрыляет. Ко II в. н.э. атрибутика Эрота уже становится штампом: если есть лук и стрелы, то должны быть и крылья. Поэтому и Лукиан (*Lucian. Heracl. VIII, I 1, 34 Nilen*), прославляя силу духа, красоту тела и все, что есть в нем доброго, говорит об Эроте Анакреонта (ὁ Ἔρωτος ὁ σός, ὃ Τήϊε ποιητά), что бог посмотрит на него, если пожелает. И

⁸ см. apparatus ad fr. 378: θέλει (sic) schol. Ar. <παῖς ἐ>θέλει coni. Porson, συνηκᾶν schol. Ar.

далее Лукиан цитирует два стиха, разбитых прозаическим εἰ βούλεται:

- а) ὑποπόλιον γένειον χρυσοφαέννων
 б) πτερύγων † ἢ ἀετοῖς † παραπετέσθω

В испорченном тексте стиха б для малопонятого ἀετοῖς есть конъектура Бергка, который так восстанавливает весь фрагмент Анакреонта (fr. 379):

Ἔρωσ ὡς (potius – ὅς) μ' ἐσιδὼν γένειον
 ὑποπόλιον χρυσοφαέννων (potius – εἰνων – Fick)
 πτερύγων ἀήταις παραπέτεται

Посмотрев на мой подбородок седеющий,
 Пролетает мимо Эрот, порхая золатыми крылами
 В букв. переводе : “веянием крыльев с золотым блеском”.

Но почему в цитации, точнее реминисценции Лукиана для παραπέτομαι выбран 3 pers. imp. παραπετέσθω?

Образ Анакреонта как седого человека, не сдающего старости уже стал топосом. Пусть Эрот летит мимо (παραπετέσθω), душа не хочет с этим мириться, даже если οὐ <παῖς ἐ>θέλει συνηβᾶν – fr. 378, а жительница Лесбоса отводит глаза от старца с седой бородой, не расстающегося с Эротом – fr. 358. И опять Афиней, вспомнив об обычае смешивать на пиру вино с водой, цитирует Анакреонта, где его герой уподоблен атлету в поединке с богом любви (fr. 396). Афиней (Ath. XI, 18, p. 782 A), ставит отрицание: μὴ πρὸς ἔρωτα πικταλίζω. Редкое слово πικταλίζω равнозначно πικτεύω, в основе тот же корень, что и в существительном ὀ πικτήс “кулачный боец”. Есть и наречие πύξ “кулаком”.

φέρ' ὕδωρ φέρ' οἶνον ὦ παῖ φέρε<δ'> ἀνθεμόεντας ἡμῖν
 στεφάνους ἔνεικον, ὡς μὴ πρὸς Ἔρωτα πικταλίζω.

Мальчик, воды носи нам, ну-ка носи вина,
 Я же венки принес, цветами покрытые.
 Я не борюсь с Эротом, словно кулачный боец”.

С богом-лучником голыми руками не сражаются. Etymologicum Magnum (345. 39) приводит πικταλίζω со ссылкой именно на Анакреонта, Орион (62.30) вместо отрицания μὴ ставит δὴ. Также Et. Gen. В p. 115 Miller – без отрицания. Евстафий (Eust. II 1322. 53) субстантивирует этот глагол, приписывая его употребление Анакреонту, но в неполной цитате есть отрицание (μὴ πρὸς τὸν Ἔρωτα πικταλίζω). Неясно, δὴ или μὴ предпочтительнее в этом стихе: “я борюсь” или “не решаюсь сопротивляться”, стоит ли противиться неизбежному? Но почему “как кулачный боец”? Это поможет герою защититься от неожиданного нападения, дать отпор? Гэфестион в рассуждении об акаталектическом диметре приводит двустишие Анакреонта, где он бежит от Эрота, а не сопротивляется (fr.

400 – Hephaest. ench. XII, 5, p. 39 Consbr.). В этом же трактате Гефестион (Hephaest. ench. V. 2, p. 16 Consbr.) сохраняет диметр Анакреонта, представляющий собой яркую антитезу (fr.428):

ἐρέω τε δῆϋτε κοῦκ ἐρέω⁹
καὶ μαίνομαι κοῦ μαίνομαι
И я опять люблю и не люблю,
С ума схожу и вовсе не безумен.

Эта антитеза нужна Анакреонту в качестве стилистического контраста, чтобы выразить психологическое состояние его лирического персонажа, для передачи неуловимой смены настроения, одновременной раздвоенности и невозможности постижения своей души. Такими противоположными эмоциями в их крайнем проявлении играет Катулл – *odi et amo* (Cat. 85)¹⁰. Герой Анакреонта не может разобраться в себе: существует его любовь или это кажется, от этого “можно сойти с ума, в здравом ли он рассудке?”. Помимо развернутой антитезы Эрот Анакреонта останавливал внимание поздних схолиастов и комментаторов реализованной метафорой и метонимией. Сервий (Serv. In Verg. Aen. XI, 550, II 544 Thilo-Hagen), говоря о “грузе любви” (*id est onus amoris*), вспоминает φόρτιον “Ервотос Анакреонта (fr. 460). Сервий не только не дает развернутую цитату, но даже не приводит контекст этого стихотворения. Этот факт указывает на то, что в сознании читателей “ноша Эрота” уже была связана с любовной лирикой теосского поэта. Так и слова Вергилия *bibebat amorem* Сервий объясняет застольной шуткой на пиру и в качестве подтверждения приводит выражение Анакреонта “Ервота πίνων (fr. 450). Смесь любви и вина создает не передаваемую иначе пиршенственную атмосферу. Схолии к Аполлонию Родосскому (Schol. Ap. Rhod. III 120, p. 221 w) выражение μάργος “Ерως объясняют как метонимию – он заставляет быть яростным” (ὁ μαργαίειν ποίων). В качестве примера приводится *такерὸς* “Ерως Анакреонта (fr. 459). Не сам бог любви “томный” (от τήκω “плавить”), а он делает таковыми свои жертвы, лишая их способности сопротивляться силе внезапного чувства. И здесь схолиаст не дает полной цитаты, к его времени имидж Анакреонта уже

⁹ ἐρῶ utroque loco codd., также слитная форма: Schol. B in Heph. P. 267 C, Schol. Ar. Plut. 253, L-S- ἐρῶ ... Ἀνακρέοντος

¹⁰ Срав. Со знаменитыми антитезами европейской лит-ры: Ф. Петрарка (Сонет СXXXIV) “И мира нет – и нет нигде врагов” (пер. Ю. Верховского). Поэты возрождения. М, 1948, с 21, Ф. Вийон “От жажды умираю над ручьем” (“Баллада поэтического состязания в Блуа” Пер. И. Эрэнбурга. Европейские поэты Возрождения. М, 1974. С. 285).

окончательно сложился и был узнаваем даже в тех фрагментах, которые полностью не сохранились (fr. 346. P. oxy. – 2321 ed. Lodel). Привычные лексика и метрика (хориямбы) делает их аутентичными: “гиацинтовые поля” (fr. 346b I, 7–9), “избежав любви... от тяжелых оков Афродиты” (fr. 346 IV, 3–6).

Эрот как в бабки играет с душами людей. Поэтому схолиаст Гомера (Ном. II. 23.88), встретив в эпосе слово ἀστραγάλαι (“кости для игры”), объясняет его, прибегая к Анакреонту (fr. 398):

ἀστραγάλαι δ' Ἔρωτός εἰσιν
μαίαι τε καὶ κудоμοί

Бабки Эрота – безумства, смятения.

Хотя контекст “Илиады” – погребение Патрокла мало располагает к такой реминисценции. Душа Патрокла вспоминает детство, когда, “за лодыги поспорясь”, он случайно убил Амфидаманта. Эрот закаляет человеческую душу, как кузнец железо. Гепестион (Herphaest. Ench. XII, 4 p. 39 Consbr.) пишет, что Анакреонт написал про это “целую песню”, но приводит два стиха (fr. 413):

μεγάλῳ δῆϋτε μ' Ἔρωσ ἔκοψεν ὥστε χαλκεύς
πελέκει, χειμερίῃ δ' ἔλουσεν ἐν χαράδρῃ.

И вновь Эрот, подобно кузнецу,
Огромным молотом меня ударил,
Затем в холодную канаву окунул.

Наречие δῆϋτε “вновь”, “опять” характерно для многих фрагментов Анакреонта, где говорится о повторяющихся на пиру ситуациях, непрерывных нападениях Эрота (fr. 349, 356 b, 358, 371, 376, 400, 401, 412, 413 etc.).

Для Максима Тирского (Мах. Туг. XVIII, 9, p. 232-33 Nobein) поэтика Анакреонта стала образцом красивого стиля, ведь он любит все прекрасное, говорит Максим (fr. 402):

καλὸν εἶναι τῶν Ἐρωτι τὰ δίκαιά φησιν

Прекрасное относится к Эроту,
По справедливости он молвит.

В другой цитате этого фрагмента (fr. 402, C) Анакреонт будто бы дает оценку своему творчеству:

ἐμέ γὰρ ἰ λόγων¹¹ εἵνεκα παῖδες ἄν φλέοιεν
χαρίεντα μὲν γὰρ αἶδω, χαρίεντα δ' οἶδα λέξαι

Меня пусть любят мальчики за песни
Я воспеваю то, что сердцу мило, и я умею это передать

¹¹ Конъектура Blass μελέωιτε. См. С.М. Bowra, Greek Lyric poetry, Oxford, 1961, p. 282

Ритор Гимерий также ссылается на Анакреонта, когда ему нужны аргументы для воздействия на слушателей (Himer. Or. XLVIII, 4 p. 197 Sq. Colonna): “Теперь я нуждаюсь в теосских напевах, мне нужна лира Анакреонта, которую он умел настраивать следуя самим Эротом, даже когда любимцы им пренебрегали”. И далее он цитирует стихи, по его мнению (εἶπον ἄν), относящиеся к Эротам его безответной любви (fr. 445):

ἕβρισταὶ καὶ ἀτάσθαλοι καὶ οὐκ εἰδότες
ἔφ' οὓς τὰ βέλη κυκλώσεσθε

Вы оскорбители, лишённые закона,
Не ведомо самим, кого на это раз
Вы окружите, угрожая стрелами.

Эта цитата нужна Гимерию, чтобы перейти к себе самому, он тоже мог бы пригрозить с помощью той угрозы, что и Анакреонт угрожает Эротам. Гимерий рассказывает историю создания этих стихов: не встретив взаимности у эфеба, поэт сказал Эротам, что не будет их славить, пока они не ранят юношу стрелой. Плутарх в диалоге об Эроте (Plut. amator. 4, 341 Hub.) рассуждает о любви истинной, основанной не только на телесном влечении, но и на дружбе, которая есть “нечто прекрасное и гражданственное. Именно такова любовь Анакреонта и это εἶς Ἐρως ὁ γνήσιος ὁ παιδικός ἐστιν – только один ”Ερως παιδικός – настоящий, ὁ παρθένιος – “полный благовоний и разукрашенный” (fr. 444). Молодую и неокрепшую душу путем дружбы Эрот приводит к добродетели. В начале этого диалога Протоген говорит, что он воюет не с Эротом, а за Эрота. Другой собеседник Пемпид высказывает мнение, что “нечестиво не только считать богов нашими страстями, но и обратное – считать наши страсти богами”.¹² Разговор о красоте души и тела не состоялся без Эрота – товарища Муз, Харит, Афродиты. Плутарх приводит цитату из поэта Меланиппида¹³ о том, что Эрот сочетает самое отрадное с самым прекрасным: “В сердце посеяв желанье, дающее сладкую жатву” (Перев. Я. М. Боровского). Плутарх говорит и о том, что в недошедшей трагедии Еврипида Эрот назван богом-бездельником, а в утраченной трагедии Софокла Афродита тождественна Аиду, ее называют и богиней Лисой, олицетворявшей безумную ярость и бешенство (Plut. amator. 13). Это перекликается со схолиями к Аполлонию Родосскому (III, 120 p.

¹² Плутарх. Моралии. Сочинения. М.; Харьков, 1999, перевод Я. М. Боровского, с. 719–759.

¹³ В V в до н. э. было два поэта Меланиппида, кого именно цитирует Плутарх, неизвестно.

221w), где присутствует ὁ μάργος "Ερωος и антитезой Анакреонта: καὶ μαίνομαι κοῦ μαίνομαι (fr. 428). Тем не менее, Гимерий скажет, что Сапфо и Анакреонт не перестают прославлять Киприду в качестве пролога к песням (fr. 489 – Himer. 02. XVII, 4, p. 105 Colonna). Ведь Анакреонт песнями украшает город теосцев и оттуда ведет Эротов (fr. 490 – Himer. 02. XXVII, 27, p. 126 Colonna). В третьей речи Гимерий рассказывает, что Анакреонт даже после болезни настроил лиру для приветствия Эротов (Himer. 02. LXIX, 35, p. 244 Colonna). Упоминание о болезни, несомненно было в стихах, нам неизвестных (fr. 494). Не сохранились и песни Анакреонта, написанные для женских хоров, некоторые из дошедших фрагментов могли принадлежать Парфениям (P. OXY. 221 – fr. 501). Есть упоминания о ночных праздниках в сопровождении женских хоров, к которым был причастен Анакреонт (Athen. XIII, 600D – fr. 500). Лукиан сообщает о хорах на Елисейских полях, запевалы их – Эвном Локридский, Арион Лесбосский, Анакреонт и Стесихор (Luc. Ver. Hist. II, 15). В эпиграммах "Палатинской антологии" Анакреонт – παννύχιος, он всю ночь играет на лире, поэт также назван φιλόπαιδα (A.P. VII, 24, 6). Кифара Анакреонта – νυκτιλάλος "лепечущая по ночам" (A.P. VII, 29, 2), а сам поэт – "повелитель всенощной" (вос. πάσης κοίρανε παννυχίδος – A.P. VII, 31, 2). В создании последующих поколений эротика анакреонтической поэзии не может не быть прекрасной. Схолиаст Аполлония Родосского (Schol. Ap. Rhod. I, 789, p 69w – fr. 498) говоря об определении чертога καλῆ, приводит в пример Анакреонта, который так говорил о том, что любимο (ἐπὶ ἐρωμένης – ж.р. согласован с καλῆς παστάδος – Л.П.)¹⁴. Без песен Анакреонта любой пир утрачивает "особый аромат": "Спой мне, взяв какой-либо сколий Алкея и Анакреонта" (Athen. XV, 594A). Жизнеутверждающий гедонизм Анакреонта еще долгое время настолько привлекателен, что позднеантичные, а затем и европейские поэты создают свои стихи в духе "великого теосца". Его изящный и шуточный эротизм прославляет жизнь, прекрасную каждым мигмом во всех ее проявлениях.

¹⁴ Цитату из Анакреонта устранил Bergk, см. fr. 498

В. П. Поршнева

Птолеми в роли организаторов музыкальных агоний

Александрийский Мусей воспринимается историками культуры как подобие новоевропейских университетов и публичных библиотек, а не как языческий храм, где совершались богослужения. В других такого рода святилищах, например, в беотийской долине Муз, их важнейшим элементом были агонии музыкантов, певцов и спортсменов. В Александрии Птолемей II учредил в честь своего обожествлённого отца пятилетние агонии (Strab. XVII, 795), получившие наименование Птолемеев и состоявшие как из музыкальных, так и из спортивных состязаний. Ко времени расцвета Александрийского Мусея они уже обрели традицию, так как берут начало в 279–278 гг. К третьим играм, происходившим в 271–270 гг., относят грандиозное шествие на городском стадионе, описание которого передал Афиней (V, 200f, 201a – c). Не менее пышная процессия во время праздника Адониса известна из XV-й Идиллии Феокрита. Хотя эти шествия не связаны непосредственно с Мусеем, их организация, требовавшая длительной подготовки и репетиций, скорее всего, возлагалась на служителей Мусея. По крайней мере, некоторые из празднеств происходили на общем с Мусеем пространстве. Если Афиней повествует о шествии на стадионе, расположенном в пригороде столицы – Никополе, то Феокрит указывает на открытую для жителей Александрии часть царских дворцов. Таким местом мог быть храмовый участок в западной части царского квартала, где располагались Мусей и другие святилища. Тот факт, что Птолеми были составной частью заупокойного культа правителя, также позволяет связать их с Мусеем. Большинство античных Мусеев включали в свои священные участки захоронения, или соседствовали с таковыми. Были Мусеи, которые специально создавались для совершения погребальных обрядов, например, Мусей семьи Фойника-Эпиктеты, учреждённый в 220-е гг. до Р. Х. на о. Фера (IG XII, 3, 330). В описании Александрии Страбон упоминает царский некрополь и гробницу Александра Великого сразу за зданиями Мусея (Strab. XVII, 791–794).

Об александрийских агониях мы знаем лишь из литературных фрагментов, но мы можем дополнить представление о них по их аналогам. С одной стороны, Птолеми следовали многовековой традиции греческих агоний, декларируя преемствен-

ность с Олимпийскими и Пифийскими играми. Но, в то же время, прообразами для них несомненно служили и сравнительно новые состязания, к таковым следует отнести учреждённые македонским царём Архелаем (413 – 399 гг. до Р. Х.) празднества в Дионе, во славу Зевса, где «...сочетание атлетических и художественных состязаний ...должно было объединить ...славу Олимпийских игр и афинских Великих Дионисий»¹. После них следует отметить агоны, которыми был отмечен восточный поход Александра Македонского, начиная с празднеств в Эгах, в честь Зевса и Муз, подобных Олимпийским (Arr. Anab. I, 11, 1). Пребывание царя в Илионе весной 334 г. сопровождалось спортивными состязаниями с жертвоприношениями Ахиллу и Патроклу (Plut. Alex. 15). В 333 г. в Солах происходят гимнастические и мусические агоны по поводу выздоровления царя (Curt. III, 7, 3). В конце июня – июле 332 г. Александр устроил гимнастические состязания и бег с факелами после взятия Тира (Arr. Anab. II, 24, 5 – 6). Затем – гимнастические и мусические агоны в Мемфисе, для участия в которых приехали знаменитые актёры и музыканты всей Эллады (Arr. Anab. III, 1, 4). Празднества были повторены после паломничества царя в оазис Аммона (Ibid. 5, 2), затем – в Финикии, где выступали трагические и киклические хоры (Plut. Alex. 26). Зимой 331 – 330 гг. Александр устроил бег с факелами и учредил празднество с гимнастическими состязаниями в Сузах (Arr. Anab. III, 16, 9). В 329 г. – празднество с гимнастическими и конными состязаниями в Александрии Дальней (Arr. Anab. IV, 4, 1). В 327 г. имели место конные и гимнастические состязания в Индии в честь победы над Таксиллом (Arr. Anab. V, 3, 5), а в 326 г. над Пором (Ibid. V, 20, 1). В 325 г. состязания проходят после решения о возвращении домой и сооружения алтарей богам-олимпийцам (Ibid. V, 29, 1–2). В 325 г. – мусические и гимнастические состязания в Кармании (Ibid. VI, 28, 3). Затем – состязания в Сузах, где, кроме греческих музыкантов, трагических и комических актёров, участвовали индийские фокусники (Ael. Var. hist. VIII, 7). В 324 г. гимнастические и мусические агоны были учреждены в Экботанах, куда к Александру явились три тысячи актёров (Plut. Alex. 72; Arr. Anab. VII, 14, 1).

Виды этих состязаний, состав участников, призы – зависели исключительно от царской воли. Ценно суждение Плутарха, пользовавшегося документальными записями, фиксировавшими все детали восточного похода и затем хранившимися в Александрийской Библиотеке: «Александр, по-видимому, не любил ат-

летов: он устраивал множество состязаний трагических поэтов, флейтистов, кифаредов и рапсофов, а также различные охотничьи соревнования и бои на палках, но не проявлял никакого интереса к кулачным боям или к панкратию и не назначал наград их участникам» (Plut. Alex. 4). Отсюда и такие экзотические состязания, как яблочное сражение на лодках вблизи Вавилона (Athen. VII, 4, 277a), или соревнование в винопитии (Ael. Var. hist. II, 41; Plut. Alex. 70). Явный упор делался на зрелищность игр, чему способствовало проведение параллельно им многолюдных шествий: парад в Эфесе в 334 г. (Arr. Anab. I, 18, 2, торжественная процессия с участием всего войска в Солах в 333 г. (Arr. Anab. I, 18, 2; Curt. III, 7, 3), шествие войска в Тире в 332 г. (Arr. Anab. II, 24, 5 – 6) и в Мемфисе в 331 г. (Arr. Anab. III, 5, 2), знаменитый марш через Карманию в 325 г., устроенный с такой роскошью, что историки сомневались в его подлинности (Arr. Anab. VI, 28, 1 – 3; Curt. IX, 10, 22 – 29; Plut. Alex. 67). Между тем, подобные грандиозные процессии позже начнутся в птолемеевской Александрии.

Празднества и шествия организовывались не прямо в честь Александра, но посвящались отеческим богам и героям. В местах, где почитались эти герои, предпринимались попытки ввести уже не разовые, но постоянные празднества. Александр обещал жителям Илиона учредить игры в честь героев Троянской войны (Strab. XIII, 593). Неизвестно, было ли обещание воплощено в жизнь. Но одним из первых актов почитания самого Александра стали игры, называемые Александрийскими, которые начали справлять жители Ионии (Strab. XIV, 644). Видимо, они были подобны играм, которые затем инициировали эллинистические монархи, таким как Атталей, Евмений, или же александрийские Птолемейи.

Кроме свидетельств о непосредственных предшественниках празднеств в Александрии, в нашем распоряжении имеются надписи, рассказывающие об агонах, проходивших за пределами Египта, но под покровительством египетских царей. Александрийские празднества примерно совпадают по времени с учреждёнными жителями островов Эгейского моря во имя Птолемея II и его отца Исоолимпийскими играми (Syl.³ I, 390). В постановлении Лиги островитян прямо говорится о том, что игры будут проходить так, как предписал Птолемей II, по подобию агонов, установленных царём в Александрии. Одновременно устраивались три вида агонов – спортивный (γυμναστικός), музыкальный (μουσικός) и конный (ἵπλικός). В качестве наград при-

суждались золотые венки стоимостью в тысячу статеров, награждённых островитян приравнивали к олимпийским чемпионам, почётный серебряный венок вручался послами островитян царю-благодетелю, Птолемям совершались жертвоприношения, подобные тем, что положены богам (ἱσοθεοί).

К сожалению, до нас не дошли списки победителей, которые позволили бы восстановить весь ход состязаний. Поэтому большую ценность имеют сведения о египетском покровительстве беотийскому святилищу Муз. В своё время высказывалось мнение, что на Александрийский Мусей оказали влияние подобные древние священные долины Муз², но реорганизация агонов, имевшая место в беотийском святилище, следует за становлением и расцветом Мусея в Александрии, что заставляют, наоборот, подумать об обратном влиянии нового Мусея на более древнее культовое место и празднества, происходившие там.

В III в. до Р. Х. беотийская долина Муз переживает большое строительство, сильно изменившее прежний ландшафт, отражённый в поэме Гесиода (Theog. 1–8). На священном участке возводятся театр со сценой длиной более двадцати метров, жертвенник Музам из крупных каменных плит и стометровая парадная стоя с колоннами ионического ордера. Кроме того, на пространстве долины устанавливается много стел с надписями, содержащими ценный материал о знаменитых агонах, совершавшихся в долине каждое пятилетие в честь Муз и Эроса. Списки победителей показывают размах и престиж беотийских агонов, в которых участвовали выходцы из Афин, Коринфа, Никоэды, Пергама, Эфеса, Сидона (ВСН XIX, р. 366). Влияние Египта было особенно большим как раз в период перемен. В долине Муз распространяются культы египетских богов: статуи Аполлона и Диониса соседствуют отныне с Осирисом (ВСН L, р. 233), посвятительные надписи обращены к Серапису, Исиде, Анубису (IG VII, 1869, 2872, 3301, 3380, 3406, 3414, 3426; ВСН L, нр. 48, р. 425–426, нр. 52, р. 427; SEG XLV, 454; ААА III(1), 1970, р. 103). Благорасположение теспийцев к подданным египетских царей выражалось в даровании проксении жителям Канопа и Александрии; им предоставлялось право владения землёй, освобождение от повинностей (ἀτέλεια), право убежища (ἀσυλία) (IG VII, 1722). Павсаний (IX, 31, 1) рассказывает о статуе Арсинои II в долине. Царица была изображена восседающей на страусе, по-видимому, как богиня Афродита, с которой она отождествлялась (Strab. XVII, 801; Athen. VII, 318d). В

этом качестве она могла покровительствовать празднествам, если не в земной жизни, то посмертно.

Имена Птолемея и Арсиной встречаются лишь в одной надписи, рассказывающей о денежных пожертвованиях святилищу из доходов от сдачи в аренду поместий, принадлежавших царской семье (ВСН XIX, nr. 29, p. 379 – 382). Нельзя достоверно сказать, о каких правителях идёт речь: это могли быть как Птолемей II, так и Птолемей IV с их жёнами-сёстрами. В Египте, распоряжаясь огромными земельными владениями, Птолеми финансировали празднества в Александрии также из доходов своих поместий (P. Cair. Zen. 59075).

Но имеются свидетельства, доказывающие, что царское попечительство не ограничивалось только дарами. Птолеми выступили инициаторами тех изменений в организации празднеств, которые и сделали их столь популярными в эллинистическом мире. Ещё в 1895 г. была опубликована надпись, в которой послу Гиероклу от имени города теспийцев и Беотийского союза предложено огласить постановление, касающееся этих перемен. Был изменён срок проведения агонов (по-видимому, тогда и был установлен пятилетний ритм, подобный александрийскому), а сами состязания отныне заканчивались награждением победителей венками (Syl.³ I, 457). Таким образом, повышался их статус: ἄγων θεματικός превращался в более почётный ἄγων στεφανίτης. Далее, подтверждалось право актёров на организацию сообщества при святилище Муз (τὸ κοινὸν τῶν τεχνιτῶν).

Видимо тот же Гиерокл был направлен в Афины и в ещё один союзный беотийцам город, оповестить о введённых новшествах. Его имя фигурирует в надписи, содержащей тексты декретов этих городов, поддержавших новации (IG VII, 1735). В постановлении отмечено, что агон в честь геликонских Муз отныне становится подобным Пифийским играм (ἄγων ἰσοπύθιος). Кроме того, для участия в них приглашаются актёры, прежде побеждавшие на состязаниях Немейских и Истмийских.

То, что теспийцы не сами пришли к идее реорганизации, доказывают опубликованные П.Жамо два текста (ВСН XIX, nr. 3, p. 326 – 327; nr. 4, p. 328), которые вновь упоминают ἄγων στεφανίτης в честь геликонских Муз и уведомляют об отправке посольств. Исполнено и одобрено то, что было ранее предложено царём и царицей (τὰ γε]γραμμένα πρότερον ὑπὸ τοῦ βασιλέως .....]κὴ τᾶς βασιλίσσης[ας .....]). Второй текст, содержащий фрагмент ответного царского письма, где высказывается благодарность сообщившим о результатах реформ послам,

намекает на то, что именно царица (и сестра царя) высказала их идею, или, по крайней мере, участвовала в их обсуждении (ἃ μὲν ἐγράφη παρὰ τῆς ἀδελφῆς [περὶ τῶν ἄθλων ὧν ἡ πολις τίθησιν εἰς τὸν κατὰ πενταετηρίδα συντελούμενον ἀγῶνα ταῖς Ἐλικῶ]νιάσιν [Μο]ύσαις ἀυλητῶν καὶ τραγωιδῶν).

Из двух цариц-сестёр Арсиноя II имела большее влияние на супруга. Именно её статуя упомянута Павсанием. Она могла лично посещать долину Муз, будучи в первом браке супругой Лисимаха Фракийского. Правда, Арсиноя II умерла в 270 г. К столь ранней дате вряд ли можно привязать преобразования в беотийском святилище. Но, поскольку преобразованиям предшествовали прежние послания царя и царицы, может быть, их проект обсуждался ещё при жизни Арсиноя II, однако его осуществление задержали последующие события, а именно – поло-са войн между Египтом и Македонией в 266 – 249 гг. Таким образом, наиболее благоприятный период для реорганизации агон-нов – послевоенные 249 – 246 гг. Если же инициативы исходили от Птолемея IV и Арсиноя III, и реформы осуществлялись в 220-е – 210-е гг., и в этом случае мы имеем основание предположить, что царственные покровители, заботясь о празднествах в беотийском святилище, имели в качестве образца не только Пифийские игры, но и агоны у себя в Александрии.

Значительная часть беотийских надписей относится к римскому времени, но, поскольку какие-либо сведения о новых реформах празднеств в этот период отсутствуют, естественно предположить, учитывая консерватизм религиозных традиций, что те формы, которые приобрели агоны под влиянием Птолемея, могли сохраняться много столетий без существенных изменений. В списках представлены рапсоды (IG VII, 1760), авлеты (IG VII, 1760; Syl.³ I, 457), авлоды (IG VII, 1760; 1762; Syl.³ I, 457), кифаристы (IG VII, 1760; 1763; Syl.³ I, 457), кифареды (IG VII, 1763; Syl.³ I, 457), сочинители произведений для хоров (IG VII, 1772), сочинители просодиев (IG VII, 1760; 1773) и эпических поэм (IG VII, 1735, 1760, 1819; Syl.³ I, 457; BCH XXVI, p. 424, nr. 45), сочинители и исполнители ролей в древней и новой трагедии и комедии (IG VII, 1760, 1761), исполнитель пифийских песен (IG VII, 1773). В спортивных состязаниях количественно преобладают самые зрелищные – заезды колесниц (IG VII, 1764; 1772). Далее следуют забеги на разные дистанции (IG VII, 1764, 1765, 1769) и бег в доспехах (IG VII, 1772), за ними – борьба и кулачный бой, пятиборье и многоборье (IG VII, 1765, 1769). В спортивных агонах участвовало большое количество

детей и детских команд (IG VII, 1765; 1769). Среди агонистов в музыкальной сфере встречается участник песенных состязаний юношей (IG VII, 1773). В долине найдено большое количество статуй детей. Возможно, детские танцевальные и музыкальные хоры составлялись из детей, воспитывающихся при святилище: в эпиграмме, переданной Афинеем (XIV, 629a), речь ведется от лица участника состязаний, который в детстве обучался в святилище танцам и игре на флейте (ἐν Ἐλικῶνι παίδων ὀρχήσεις). В Александрии празднества сопровождалась массовыми шествиями и выступлениями детей; их количество переваливало за тысячу (Athen. V, 200a). Следовательно, Александрийский Мусей мог прежде иметь подобную школу, обеспечивавшую празднества юными актёрами и возможно ставшую образцом для беотийцев, у которых торжества были соединены с культом бога-ребёнка Эрота. Что касается упомянутого сообщества актёров, то, вероятно, вхождение в него было условием их постоянной работы на празднествах. В Александрии, куда стекалось для заработка слишком большое количество актёров (τεχνίται οἱ περὶ Διονύσου), Птолемей IV, возможный инициатор реформирования беотийских агонов, издал указ об их обязательной регистрации с целью профессионального отбора (BGU VI, 1211 = Sel. Pap. II, 208 = C. Ord. Ptol. 29).

Празднества в Александрии связывались с культом обоженных правителей. Статуя Арсинои II является доказательством наличия такого культа в долине Муз. В Александрии на торжествах исполнялись песнопения в честь Птолемеев (XVII-я Идиллия Феокрита). На беотийских агонах исполнялись энкомии и эпиникии (IG VII, 1761). В римскую эпоху важной составляющей состязаний становится исполнение энкомиев, посвящённых императору (IG VII, 1773). Преемственность с правителями эллинизма показывает и появление в долине Муз в качестве объекта поклонения женщины из императорской семьи. В III в. от Р. Х. состязания посвящаются уже Музам, Эроту и Юлии Домне, которой божественные пожизненные почести в общегосударственном масштабе воздавались и мужем (Септимием Севером), и сыном (Антонином Каракаллой). В долине была установлена её статуя на общем пьедестале со статуей Каракаллы (IG VII, 1844 – 1845). Зная об интеллектуальных и художественных пристрастиях этой женщины, мы можем предположить как её личное присутствие на празднествах, поскольку она часто путешествовала по провинциям, так и то, что интел-

лектуалы, окружавшие императрицу, могли подсказать ей «модель поведения» по египетскому образцу.

Кроме прижизненного культа, беотийский Мусей обслуживал посмертный культ правителей: царевич Филетер Пергамский заранее обустроил в долине участок для своего посмертного почитания (IG VII, 1790). Не могли ли наличествовать подобные семейные участки и у Птолемеев, опережавших пергамских царей в покровительстве геликонскому Мусею на целое столетие? Таким образом, в Мусеях эллинистического и римского времени сохранялась многовековая традиция почитания героев. Она была распространена на живущих или недавно умерших царственных попечителей Мусеев. Эта традиция закрепляла за Мусеями одну из их ведущих функций – быть храмами человеческой памяти, предшественниками наших мемориальных музеев. Но, в отличие от них, мемориализация осуществлялась не путём накопления и экспонирования предметов и документов, а в древнейшей форме – через апофеоз и соответствующие обряды. Возможно, что самая ранняя стадия существования Александрийского Мусея, прежде чем он стал сосредоточием всех видов творческой и научной деятельности эллинистического мира, характеризовалась именно этой функцией, что и определило выбор места святилища – рядом с гробницей Александра Македонского, на общем участке с которой стали, затем, хоронить всех Птолемеев. К этому мемориальному комплексу позже добавились храм божественного Цезаря и Тимоний – резиденция претендовавшего на апофеоз Марка Антония, где он намеревался провести остаток дней (Strab. XVII, 794).

Примечания

1. Шахермайр Ф. Александр Македонский. – М., 1986. – С. 19 – 20.
2. Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. V. 2. Notes. – Oxford, 1972. – P. 467, n. 55.

И. В. Рыбакова

О роли формул в «Аргонавтике» Аполлония Родосского

1. Поскольку подход исследователей к «Аргонавтике» Аполлония Родосского в последние годы радикально изменился, мы считаем, что необходимо еще раз вернуться к вопросу о месте этой поэмы в древнегреческой эпической традиции. Мы сосредоточимся, прежде всего, на уровне лексико-стилистического анализа, и еще более узко – на разборе эпических формул.

2. Согласно теории М. Пэрри и А. Лорда, формулы при создании устных эпических поэм играли вспомогательную роль. Поэт всегда имел наготове фразу, которой он мог заполнить любое место в строке. Развивая теорию Пэрри-Лорда, Г.Надь показывает, что «использование формул управляется скорее традиционной темой, чем сопутствующим им метром»¹. М. Пэрри рассматривал формулу как застывшее словосочетание, отпечатавшееся в памяти поэта. Исследование традиционных выражений, проведенное Дж. Б. Гейнсвортом², показало, что сложение стихов не происходило механически. Если первоначальный вид формулы не мог быть использован в определенном месте строки, возможны варианты его изменения. Поэт менял порядок слов, расширял или сокращал формулу, вставляет слова между ее компонентами.

3. В данной работе мы ставим перед собой задачу сравнить механизмы оперирования формулами Гомера и Аполлония на примере понятия «море», поскольку плавание по морю заявлено как тема поэмы в первых строках «Аргонавтики».

4. При анализе образа моря в «Аргонавтике» сразу обращает на себя внимание то, что Аполлоний, в отличие от Гомера, избегает говорить о нем непосредственно. Понятие море Аполлоний выражает через такие слова, как ὕδωρ, κῦμα, λαίμα и οἶμα.

5. Поэт по одному разу употребляет гомеровские определения к существительному ὕδωρ: ἄλμυρόν «морской» (1, 574) и ἄσπετον «огромный» (1, 1235). Словосочетание ἄλμυρόν ὕδωρ является формульным в «Одиссее» (Od. 4, 511; 5, 100; 9, 252; 15, 474). В 5, 100 формула расширена прилагательным ἄσπετον. У Аполлония существительное и эпитет разделены: ἄλμυρόν ἄθροοι ὕδωρ, ἄσπετον ἔβραχεν ὕδωρ.

¹ Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М., 2002. с.44.

² Hainsworth J.B. The flexibility of the Homeric formula. Oxford, 1968.

6. Поэт по одному разу использует следующие гомеровские определения к слову κῶμα: λάβρον «стремительная» (2, 594) и κυλινδόμενον «накатывающаяся» (2, 732). Формулу μέγα κῶμα Аполлоний использует, когда описывает проход Арго между Бродячими скалами и через Планкты. Тем самым Аполлоний подчеркивает параллельность эпизодов внутри своего произведения. У Аполлония формула употреблена в конце четвертой – начале пятой стопы (2, 580) (в «Одиссее» формула в этой метрической позиции стоит в 5, 296 и 5, 313). В 4. 924 стихе формула предстает в модифицированном виде: во-первых, меняется падеж, в котором стоят компоненты, а во-вторых, – между ними стоит предлог ὕπο. Это влечет за собой изменение метрической позиции.

7. В формульном выражении κῶμα μέλαν у Гомера компоненты всегда разделены вставными словами: μέλαν δέ ἐ κῶμ' ἐκάλυψεν. (Od. 5, 353), μέλαν δέ ἐ κῶμα κάλυψεν (Il. 23, 693) – «и черная волна ее скрыла». В «Аргонавтике» формула употребляется два раза в начале строки, существительное и эпитет при этом не разделены: κῶμα μέλαν κριῶ ἄμ' ἐπικλύσαι (1, 257) «черная волна вместе с бараном захлестнула»; κῶμα μέλαν κωφόν τε καὶ ἄβρομον (4, 153) «черная волна, шумящая и бесшумная». Аполлониевское словосочетание κῶμα μέλαν является вариацией гомеровского μέλαν δέ ἐ κῶμα. Оно получилось в результате изменения порядка слов и соответственного стяжения гомеровской формулы.

8. Также гомеровской формулой является словосочетание κῶμα κυλινδόμενον (Od. 9, 147; 14, 315). В 9, 147 существительное и причастие разделены прилагательным: κῶματα μακρὰ κυλινδόμενα. В 14, 315 меняется число, в котором стоит существительное, и глагольная форма, кроме того, выражение расширяется прилагательным: μέγα κῶμα κυλίνδον. В «Аргонавтике» компоненты формулы неразделены, и словосочетание стоит в начале строки: κῶμα κυλινδόμενον (2, 733). Возможно, эта формула существовала в традиции помимо Гомера, или Аполлоний реконструирует ее первоначальный вид из Гомера.

9. Весьма характерно, что гомеровские формулы по большей части появляются в «Аргонавтике» в тех эпизодах, которые прямо перекликаются с гомеровскими поэмами. Формула κῶμα κυλινδόμενον используется, когда аргонавты проплывают место, где открывается вход в подземное царство, μέγα λαίτμα – когда они, миновав остров Гелиоса, приближаются к царству

феаков. У Аполлония эта формула в 4, 1694 стоит в традиционном месте, в конце четвертой – начале пятой стопы.

10. Традиционная формула становится цитатой, прямой ссылкой к гомеровскому тексту, и поэтому возникает прежде всего в эпизодах, напрямую связанных с «Илиадой» и «Одиссеей». Такие эпизоды можно считать вариациями на заданную, традиционную литературную «тему». Таких отсылок немного, что тем более оттеняет эти примеры формальной и содержательной преемственности. Аполлоний использует гомеровский материал, комментируя его.

11. Аполлоний не ограничивается готовыми гомеровскими формулами, а создает на их основе свои. В основу одной из сквозных его формул легло выражение $\rho\acute{o}\rho\upsilon\varsigma \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\varsigma$ «пути моря». Оно встречается один раз в «Одиссее» (12, 259) как альтернатива более традиционному выражению $\upsilon\gamma\rho\acute{\alpha} \kappa\acute{\epsilon}\lambda\upsilon\theta\alpha$ «влажные пути» (Аполлоний использует его один раз в 1, 574). Одиссей рассказывает Алкиною о своих странствиях и утверждает, что встреча со Сциллой и Харибдой было самым страшным испытанием «в пути по морю». В «Аргонавтике» это выражение стоит в той же метрической позиции в 1, 20–2, где поэт заявляет о своем желании сначала перечислить аргонавтов, а затем рассказать об их приключениях. Аполлоний устанавливает связь между путешествием Одиссея и экспедицией героев своего произведения. Поэт использует это выражение без изменений в 1, 361, а в нескольких местах вставляя слова между компонентами формулы – $\rho\acute{o}\rho\upsilon\varsigma \kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\eta\varsigma \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\varsigma$ (1, 986), $\rho\acute{o}\rho\upsilon\varsigma \delta\omicron\lambda\iota\chi\eta\varsigma \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\varsigma$ (4, 486), или разделяя ее компоненты – $\rho\acute{o}\rho\upsilon\varsigma \mu\acute{\alpha}\iota\epsilon\sigma\theta' \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\varsigma$ (4, 1556).

12. Другой формулой Аполлония, которой он заканчивает строку, является словосочетание $\upsilon\pi\epsilon\acute{\iota}\rho \acute{\alpha}\lambda\alpha \nu\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}\lambda\lambda\omicron\iota\nu\tau\omicron$ «плыли по морю» (1, 236; 1, 918; 4, 299). В ее основе лежит гомеровское словосочетание $\upsilon\pi\epsilon\acute{\iota}\rho \acute{\alpha}\lambda\alpha$ (II. 23, 227; 24, 13; Od. 3, 73; 4, 172; 9, 254).

13. По образцу гомеровского выражения $\upsilon\pi\epsilon\acute{\iota}\rho \acute{\alpha}\lambda\alpha$ Аполлоний создает свое – $\delta\iota\acute{\epsilon}\xi \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\varsigma$ (1, 1157). Оно легло в основу формулы $\delta\iota\acute{\epsilon}\xi \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\varsigma \omicron\acute{\iota}\delta\mu\alpha \nu\epsilon\omicron\nu\tau\omicron$ «плыли через морские валы», которую поэт использует, как лейтмотив поэмы (1, 1014; 4, 659). В 2, 351 вариант $\delta\iota\acute{\epsilon}\xi \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\varsigma$ расширяется – $\mu\acute{\alpha}\lambda\alpha \rho\omicron\upsilon\lambda\acute{\lambda}\omicron \delta\iota\acute{\epsilon}\xi \acute{\alpha}\lambda\acute{o}\varsigma$.

14. Новые постоянные выражения становятся связующими лейтмотивами повествования. Таким образом, александрийский поэт включает себя в эпическую традицию и одновременно окончательно преобразует ее из устной в литературную.

М. К. Сабанеева

О некоторых ошибках в хрониках Фредегария

1. Позднелатинские хроники, составленные тремя анонимными авторами, традиционно и, очевидно, ошибочно приписываемые ранее Фредегарию, представлены в рукописях, которые датируются VII и VIII в. н.э. Язык «Хроник Фредегария» в высшей степени привлекателен для лингвистического анализа, поскольку в нем причудливо сочетаются попытки соблюдения норм уже весьма мало знакомой классической латыни, воздействие стихии живой протороманской речи, влияние ряда особенностей латинских переводов Библии, ориентация на некоторые успешные сложиться типичные черты позднелатинской письменной речи.

2. Среди многочисленных нарушений латинской грамматической нормы, которыми изобилуют хроники Фредегария, следует различать «ошибки», отражающие закономерное развитие грамматической системы, характерной для протороманского языкового состояния на территории Галлии, и «ошибки» индивидуального речевого плана, до сих пор не привлекавшие внимания лингвистов и не получившие, соответственно, необходимого комментария.

3. Представляется, что привлечение некоторых результатов современных психолингвистических исследований (например, работы Е.В. Глазановой, М. В. Русаковой и других) может позволить найти объяснение ряда, на первый взгляд, загадочных ошибок.

С. А. Сиднева

Растительные образы в новогреческих народных лечебных заговорах

Известно, что народная медицина построена на сочетании элементов практического опыта и магии. Широкое применение в данной области находят растения, которые служат для приготовления разного рода целебных или магических отваров. Растения могут быть использованы не только для исцеления больных, но и в «профилактических» обрядах, проводимых для предупреждения какой-либо болезни (например, обряд биения веткой детей или скотины на Вербное Воскресенье).

Стоит отметить, что в новогреческой народной медицине нередко отражается опыт «гиатрософии» и ботаники, опыт ученой книжной традиции, восходящей в Греции к античным временам и опосредованной через христианскую. Так, например, уже у Гомера можно найти сведения о шалфее. Его листики жевала Деметра, чтобы забыть о горечи от потери Персефоны. Христианская традиция связала это растение с образом Богородицы, которая якобы использовала его для утешения своей скорби по распятому сыну. В новогреческой народной медицине шалфей используется как средство от меланхолии. Затем, достаточно вспомнить обширные труды по ботанике Феофраста, ученика Аристотеля, или травник Диоскорида, греческого врача I века н.э., на опыт которых опиралась большая часть византийских ботаников и фармацевтов. Иногда они, по сути, комментировали или переписывали сочинения предшественников, но иногда добавляли и собственные наблюдения и открытия в области фармакологии. В византийских рукописях встречается множество рецептов по изготовлению лекарственных препаратов на растительной основе.

В народной лечебной практике обязательно присутствует и вербальный аспект, когда слово наделяется действенной материальной силой: заговоры, заклятия, нередко изобилующие растительными образами, которые несут определенную смысловую нагрузку.

Мы взяли для исследования, кроме собственных записей, несколько народных заговоров и заклинаний, приведенных в ново-

греческих фольклорных собраниях¹. В новогреческой традиции заговор обозначается словами “γηθεία” или “ξόρκιο”. Первое буквально и обозначает «заговор», второе – «заклинание», «заклятие». В новогреческой фольклорной традиции эти понятия выступают как синонимы.

Говоря о заговорах, содержащих растительные образы, следует выделить несколько типов таких заговоров, в зависимости от их направленности и применения: заговоры против болезней, против сглаза, на облегчение родовых мук и т.д. Отметим также, что заговоры на болезни могут носить и «профилактический» характер, то есть произноситься не над «пациентом», а для предотвращения какой-либо болезни или сглаза, который тоже рассматривался как своего рода болезнь или ее причина.

В свою очередь, можно выделить тексты, в которых буквально отражается использование растений в народной лечебной практике. Определенные заговоры сопровождают какое-либо действие, связанное с растением, и являются как бы вербальным комментарием действия. Рассмотрим несколько таких текстов.

Ряд заговоров построен на параллелизме человеческой жизни и растения, характерном для народных мифопоэтических воззрений. В этом случае с растением происходит то, что должно произойти с болезнью:

Ὡς ἐφυγε καὶ ἐμαράθη τοῦ Ἰῶνα ἡ κολοκύθα²
 va ψυγεί καὶ μαραθεῖ τ' ἀνθρώπου τὸ κακὸ δέντροι.

Как пропала и завяла тыква Ионы,

Так пусть замерзнет и завянет человека дурное деревце

В этом тексте образ дерева олицетворяет дурную участь, болезнь человека. Используется метод уподобления. Желаемое явление сравнивается с реальным явлением природы.

Интересный заговор против болей во время родов известен в некоторых регионах Греции. Он построен в форме диалога и произносился между повивальной бабкой и роженицей. Бабка приносила ветку смоквы с тремя маленькими отростками и обрубала их топором или ножом.

¹ Основными нашими источниками являются собрание кипрских заговоров, материалы по народной медицине, собранные Σαράντη-Σταμούλη Ε. (Фракия) и Φραγκάκι Ευ. Κ. (Крит), греко-калалубрийские тексты из собраний Rossi Taibi G., Caracausi G. и Μερυιανού Α. Β.

² Λαϊκή γιатρική, Ρέθυμνο, 2003. Σ. 489.

«Εἶντα μου κάνεις μαρούνα;» «Κόβκω τους πόνους σου κόρη μου!» / «Что ты делаешь, матушка?», «Обрубаю твои боли³».

Растение не названо здесь прямо, но данные слова комментируют действие, производимое с ним, и его символическое значение. Обрубание ветвей смоквы символически обозначало обрубание болей. Важно также количество веток. Число три могло быть значимым. Три – число святое, так как это число Троицы. Три раза иногда повторялся текст заговора. Священны также числа, кратные трем, – девять и шесть. Важны числа семь и пять. Многие отвары состояли именно из семи трав, разных, или семи цветков одного и того же растения. Важно было и количество дней настаивания отвара (на Хиосе лечили раны 40-дневным настоем из разных трав, на Крите женщина, чтобы забеременеть, должна была 29 раз омыться в настое из ромашки). Это совпадало с лунным циклом.

С другой стороны, в народной практике часто применяется способ изгнания болезни на растение, что отражено в следующей заклинательной формуле: «Στα όρυια στα βουνά και στα άγρια δέντρα/ В горы-горки и в дикие деревья». Иногда эпитет «άγρια» («дикие») заменяется на «άκαρπα» («бесплодные»). Дикие деревья, очевидно, соотносятся с чужим, потусторонним пространством, в которое должна уйти болезнь (сами болезни нередко олицетворяются и предстают в виде злобных духов, овладевающих человеком, приходящих из этого же чуждого мира). Бесплодные деревья традиционно считаются проклятыми. Однако не всегда болезнь переносилась на проклятые деревья. Во фракийских деревнях во время эпидемии выбирали дерево или несколько деревьев и проводили обряд их освящения. Перед обрядом деревню опоясывали белыми полотнами, которые тащили быки. Потом вся деревня во главе со священником шла к деревьям. В стволе проделывалось отверстие, в которое помещали освященный хлебец (ύψωμα), потом отверстие замазывалось воском церковной свечи. Примечательно, что к священному дереву (υψωμένο δέντρο) желательно было не притрагиваться. Так, одна женщина, по местному преданию, пожевала с него веточку и заболела именно той болезнью, которая явилась причиной описанного действия с деревьями. В данном случае ощу-

³ Σαράντη-Σταμούλη Ε. Από τα φυτά της Θράκης. Σ 9-72.// Θρακικά 20, Αθήνα, 1944. Σύγγραμμα περιοδικών εκδιδόμενου υπό του εν Αθήναις «Θρακικού κέντρου». Σ.13.

щается двойственное отношение к дереву. С одной стороны, оно считается священным и оберегает деревню от болезни, но, с другой стороны, оно как бы принимает эту болезнь на себя, что демонстрирует быличка о женщине и веточке.

В ряде случаев фитоним (название растения) соотносится по народной этимологии с болезнью, которая должна быть исцелена при помощи заговора. Ниже приведем три заговора или, скорее, три варианта одного заговора, которые построены по данному принципу.

Αδάμης ο Πρωτόπλαστος τρία δέντρα εφύτρεψε στην παράδεισο'
 Μια δάφνη, μια μηλιά και μια μουρ(ν)ιά.
 Η δάφνη κι η μηλιά να αθεί κι η μουρ(ν)ιά να ξεραθεί⁴...
 Адам Первородный три дерева вырастил раю:
 Лавр, яблоню и шелковицу
 Пусть цветут лавр и яблоня, а шелковица пусть засохнет.

Другие варианты начинаются словами:

Αϊ Γιάννης κι Αϊ Πέτρος κι άγιος Παντελεήμονος
 τρία δέντρα φυτέψανε κάτω στον Αιου Τάφου
 Святой Иоанн, святой Петр и святой Пантелеймон
 вырастили три дерева у Гроба Господня

или

Αϊ ἱ Γιώργης κι Αϊ Γιάννης κι Αϊ Δαμιανός
 αφού την Πόλη περβόλιw εφυτέψανε
 στον αἱ τραπεζοφόρο και βάλανε μουρνιά.
 δάφνη και μηλιά.
 Η μηλιά κι η δάφνή ν' αθεί
 κι η μουρνιά να ξεραθεί.
 Μαύρη, γαλανή, θηλυκή κι αρσενική
 να φύγει, να μαραθεί⁵..

Святой Георгий и святой Иоанн и святой Дамиан
 у Константинополя сад разбили
 на святом престоле и посадили шелковицу,
 лавр и яблоню.
 Яблоня и лавр пусть цветут,
 а шелковица пусть засохнет
 Черная, голубая, женская или мужская,
 пусть засохнет и пропадет.

⁴ Λαϊκή γιατρική / Πατεράκης Μ. Θεραπευτικές γητείες αναταλικής Κρήτης. Ρέθυμνο, 2003. Σ.489.

⁵ Λαϊκή γιατρική ... Σ.489-90.

В данных текстах меняются «действующие лица» и «локализация». В первом тексте деревья сажает Адам в раю, во втором святые Иоанн, Петр и Пантелеймон у Гроба Господня, в третьем святые Георгий, Иоанн и Дамиан в Константинополе. Выбор персоналий и мест, упоминаемых в заговоре, естественно, не случаен. Образ Адама связан с райским садом. Ту же связь можно проследить с образом Петра как хранителя ключей от рая. Святые Пантелеймон и Дамиан⁶ считаются в общехристианской традиции покровителями медицины, к ним часто обращаются с молитвой об исцелении.

С днем Иоанна Предтечи, приходящимся в Греции на 24 июня, связана традиция сбора некоторых целебных трав, что порождает определенные символические связи между растениями и священным образом, пожалуй, наиболее цитируемые в новогреческом фольклоре (отметим, что этот образ повторяется в двух из приведенных текстов). Иногда растения, собираемые в Иванов день, называются общим названием «цветки святого Иоанна».

Επ' Ἀγίῳ Γιάννῃ βοήθη με, να πλέξω το γαῖτανι..

Και πλέγοντας και λέγοντας και ψιλοτραγουδώντας,
στη μέση πλέγουν το Χριστό, στην άκρη το βαγγέλιο,
και στο καλό το γύρισμα πλέγουν του Αγι-Γιάννη το βότανο⁷.

На святого Иоанна помоги мне, сплету пояс

Плетут пояс и говорят и тихонечко поют,
в середину вплетают Христа, по краю Евангелие,
а на красивом обороте вплетают траву святого Иоанна.

Иногда святому дают «растительный» эпитет, например Γιάννης Ρηγανάς (из-за сбора органа).

С традицией сбора лечебных растений, по всей видимости, связано и упоминание святого Георгия. Среди новогреческих народных названий находим λουλούδι Αἰ-Γεωργίου или Παναρίϊτσα (цветок св. Георгия). Растения, собранные в определенные дни, обладают, по народному поверью, наибольшей силой.

⁶ Немного странным кажется тот факт, что вместе с Дамианом не называется Косма, который в религиозной традиции часто упоминается вместе с Дамианом, а в народной традиции часто воспринимается как одно имя Косма Дамиан.

⁷ Эта песня записана мной в деревне Полидендро (Фракия). Информант – Зоя Саранти, 79 лет.

Своеобразной «константой» остаются в приведенных выше текстах деревья: яблоня, лавр и шелковица. Слово, обозначающее «шелковица» (μουρ(v)ιά), народная этимология сближает со словом μουρλια (безумие). Сам мотив произрастания в раю или некоем священном месте растений, часто деревьев, находит свое отражение и в библейской традиции и соотносится с образом древа жизни. Достаточно вспомнить отрывок из Апокалипсиса, упоминающий растущее посреди рая дерево жизни, приносящее 12 раз плоды и листья «для исцеления народов». Из приведенных в заговорном тексте деревьев именно яблоня часто ассоциируется с райским деревом или вообще соотносится с каким-либо отдаленным мифологическим пространством (чудесная яблоня в садах Гесперид или мифическая Красная Яблоня на краю земли, до которой в греческих песнях или плачах о Константинополе должен прогнать турок восставший из мертвых император Константин Палеолог). Кроме того, в новогреческой традиции яблоня – символ любви, красоты, молодости и здоровья (ср. мотив молодильных яблочек в сказках).

Яблоко в христианской традиции часто связывается с запретным плодом. Во Фракии и на Кипре есть легенда⁸ о так называемом «адамовом яблоке» (название кадыка). Согласно легенде, когда Адам вкусил запретный плод, он услышал голос Бога, позвавшего его. Адам так перепугался, что кусочек плода (здесь яблока) застрял у него в горле. Стоит отметить, впрочем, что «яблоко» («το μήλο») может быть общим названием для любого другого плода сферической формы и обладающего схожими свойствами (гранат, айва, смоква).

Лавр в греческой традиции, наряду с веткой оливы, часто выступает как субститут пальмовой ветви на праздновании Вербного воскресенья, поэтому считается благословенным растением. Греческий фольклорист Г. Мегас приводит ряд обычаев, связанных с βαγιοχτυπήματα/ хлестанье лавровой= «паль-

⁸ Данная легенда приводится Σαραντή Σταμούλη Ελ. в статье «Προσλήψεις και δαιμονίες της Φράκης», Λαογραφία ΙΔ, 1952. Σ. 172., ее же упоминает Ρουσουνίδης Α.Χ. «Δένδρα στην ελληνική λαογραφία με ειδική αναφορά στην Κύπρο», τ.Α'. Λευκωσία, 1988. Интересно отметить, что с некоторыми модификациями эта же легенда была рассказана мне двумя информантами из сев. Фракии.

мовой» веткой⁹. На Эвбее принято хлестать веткой лавра, оливы, мирта или другого вечнозеленого растения новобрачную, чтобы сообщить ей животворную силу этого растения. В других частях Греции распространен обычай хлестанья веткой беременных женщин, чтобы облегчить им роды, виноградной лозы – чтобы давала больше урожая, домашнего скота – чтобы был больше приплод.

В новогреческих заговорах встречаем мотив не только произрастания растений в сакральном топосе, но и принесения из него растений. Приведем два греческих текста южноиталийского происхождения. Что касается греков южной Италии, главным образом Калабрии, то здесь народная традиция сохранила знания, почерпнутые некогда из травников, составленных калабрийскими монахами, которые, в свою очередь, в качестве источников использовали античные сочинения. К сожалению, рукописных свидетельств сохранилось не много. Известно нескольких книг калабрийских врачей X-XI вв, находящихся в библиотеке Ватикана, а именно Donnolo Sabbathai, Konstantino da Reggio, Filippo Xero, Mose Vidal¹⁰ и фитолог Castore Durante¹¹, в котором помещено несколько рецептов, написанных на латыни и греческом.

Приведенные ниже заговоры от сглаза записаны греческой исследовательницей Анджелой Мергиану в греческой общине Калабрии. При произнесении первого заговора на тлеющие угли кладут немного соли и ветку оливы, освященной в церкви во время пасхальной мессы. Для второго заговора целительнице (традиционно заговорами в Калабрии занимаются женщины) приносят одежду и немного волос «пациента», которые она кладет возле тарелки с водой. В воду добавляется три капли оливкового масла.

---

⁹ Μέγας Γ. Ελληνικά εορταί και έθιμα της λαϊκής λατρείας. Αθήνα, 1976. Σ. 145-146.

¹⁰ На эти труды ссылается Мергианού Α. Β., Λαογραφικά της Κάτω Ιταλίας. Ινστιτού του βιβλίου Μ. Καρδίτσα, Αθήνα, 1989. Σ.366.

¹¹ Durante Castore Herbario nuovo. Con figure, che rappresentano levive piante, che nascono in tutta Europa, e nell'Indie orientali, ed occidentali; con versi latini, che comprendono le facolta de i semplici medicamenti; con discorsi, che dimostrano i nomi, le spetie, la forma, il loco, il tempo, le qualita, e le virtu mirabili dell'herbe. In Venetia: Appresso li Sessa, 1617.

Το Χριστό αν το τσέλο εκατέβηκε¹²
 Κλαντί аσε ελαία στα χέρια έφερε
 Στα αρτάρι το έβαλε
 Ένα λούκιо та κατάλυε
 Τσε τρία το εθιάε
 Ο Πάντρε, ο Γυιό
 Τσε το Αγιο Πνεύμα
 Είναι πορταμένο ό ένα μαγεία
 Πάσα ένα να πάει τη βία.

Спустился Христос с неба,
 Ветвь оливковую в руке принес.
 На алтарь положил,
 От дурного глаза освободил
 Три раза сказал,
 Во имя Отца, Сына
 И Святого Духа.
 Вот тот, кого сглазили, а вот дурной глаз,
 Пусть каждый пойдет своей дорогой.

Ο Σινιόρε έρκετο αν τη Ρώμη¹³
 μια πάλμα аσε ελαία έφερε στο χέρι
 στο αρτάρι το έβαλε να το βλογκίσει
 έμπα το καλό να γκουαίνει το κακό

Господь пришел из Рима,
 принес ветвь в руке,
 положил на алтарь, чтобы ее благословить,
 пусть придет хорошее уйдет.

Примечательно, что в данных заговорах чувствуется сильное влияние католической традиции, так как в качестве сакрального места, из которого приносится оливковая ветвь, называется и Рим.

Мотив исцеляющих растений, занесенных из священного места, встречается в византийской христианской литературе. Известно, например, житие Ефросима-повара¹⁴, который во сне побывал в раю и принес оттуда три яблока, вдохнув аромат которых исцелились многие болящие. Кроме того, мотив принесения оливковой ветви соотносится с реальной практикой. На

¹² Μεργιανού Α. Β., Λαογραφικά της Κάτω Ιταλίας. Ινστιτούτου του βιβλίου Μ. Καρδίτσα, Αθήνα, 1989. Σ. 315.

¹³ Там же. Σ.316.

¹⁴ «Византийские легенды». Санкт-Петербург, «Наука», 2004. С.181-184.

Пасху в Калабрии и многих регионах Греции ветви оливы несут в церковь, а потом приносят домой и окуряют ими жилье, чтобы добиться здоровья и благоденствия.

Во многих регионах Греции и на Кипре жениха и невесту окуряют ветками оливы, чтобы уберечь от сглаза:

Φέρτε ελιάν καπνίστε τον να μεν τον πκιάσ' αμμάτιν
που πάει να στεφανωθεί με την δικήν τ' αγάπην¹⁵.

Несите оливу, воскурите ее, чтобы не взял дурной глаз
того, кто идет венчаться со своей любимой

Ветки оливы используются как апотропей от злых духов, поскольку олива священное дерево греков, почитавшееся еще с античных времен. Согласно античной мифологии – это дерево, посвященное Афине, которая научила людей разводить его. Существует много новогреческих легенд об оливе, которые имеют религиозную христианскую основу. Оливу называют «царицей деревьев» (βασίλισσα μες στα δέντρα). В Греции распространена легенда, согласно которой евреи хотели повесить Христа на оливе, но та не приняла его. Есть предание о том, что олива первая поклонилась Христу. На Крите упоминаются так называемые «апостольские» оливы, под которыми, согласно местным преданиям, отдохали апостолы. Под оливой разрешается спать, более того, считается, что под ней можно увидеть пророческий сон. Только на Хиосе есть поверье, что спящий под оливой теряет голос. Опасность спать под оливой объясняется там следующим образом: поскольку это священное дерево, за ним, как за душой праведника, особенно охотятся злые силы.

Еще один тип заговоров использовал растительные образы так, что у растения будто бы заимствовалося то, чего «не доставало» человеку. Вот отрывок из заговора на молоко для кормящей женщины:

Ὡς ἔχει γάλα η συκιά να' χει κι η λεχούνα. .
Ὡς ανοίγει η συκιά ν' ανοίξουν οι φλέγες τω βυζώ τζη¹⁶.

Сколько молока у смоквы, пусть столько же будет у роженицы
Как открылась смоква, пусть также откроются и вены ее груди

Белый сок, выделяемый плодом смоквы, сравнивался с молоком женщины. На Крите считалось, что нельзя топить печку дровами из смоквы и вообще рубить ее во время кормления ре-

¹⁵ Κυπριακές γηθείες. Κύπρος, 1967. Σ.481.

¹⁶ Φραγκάκι Ευ. Κ. Η δημόδης γιατρική της Κρήτης. Αθήνα, 1978. Σ.58.

бенка, иначе не будет молока у кормящей матери. Аналогично использовался молочай из-за своего сока, сходного с молоком, пучки из молочая вывешивали у загона, чтобы скотина давала больше молока.

Итак, подведем итоги. Растительные образы часто являются в народных заговорах одним из важных элементов и имеют метафорический и символический смысл. Они могут символизировать саму болезнь, особенно если фитоним имеет сходное с ней название. Для заговоров также характерен мотив райских деревьев или растений, связанных с сакральным топосом, который соотносит растительные образы с такими универсальными понятиями как «древо жизни», «мировое древо», «древо познания» и «запретный плод». Некоторые заговоры комментируют применение растений в народной лечебной практике и отражают факторы, влияющие на подобное применение (название, время сбора, внешние признаки и так далее). Растение в заговоре рассматривается, с одной стороны, как объект, на который переносится болезнь. При этом растение часто воспринимается как проклятое. С другой стороны, растение может рассматриваться в качестве апотропея против дурного глаза, болезни и считаться священным.

Библиография

1. Κυπριακές γηθείες. Κύπρος 1967.
2. Λαϊκή γιατρική, Ρέθυμνο, 2003.
3. Μέγας Γ. Ελληνικά εορταί και έθημα της λαϊκής λατρείας. Αθήνα, 1976. Σ. 145-146.
4. Μεργιανού Α. Β., Λαογραφικά της Κάτω Ιταλίας. Ινστιτούτου του βιβλίου Μ. Καρδίτσα, Αθήνα, 1989
5. Σαράντη-Σταμούλη Ε. Από τα φυτά της Θράκης. Σ 9-72.// Θρακικά 20, Αθήνα, 1944. Σύγγραμμα περιοδικών εκδιδόμενου υπό του εν Αθήναις «Θρακικού κέντρου»
6. Σαράντη-Σταμούλη Ε. «Προσλήψεις και δαιμονίες της Φράκης», Λαογραφία ΙΔ, 1952. Σ. 172.
7. Φραγκάκι Ευ. Κ. Η δημόδης γιατρική της Κρήτης. Αθήνα, 1978.
8. Ρουσουνίδης Α.Χ. «Δένδρα στην ελληνική λαογραφία με ειδική αναφορά στην Κύπρο», τ.Α'. Λευκωσία, 1988.
9. Rossi Taibi G., Caracausi G. "Testi neogreci di Calabria". Scuola tipografica Salesiana, Palermo, 1994
10. «Византийские легенды». Санкт-Петербург, «Наука», 2004.

М. В. Скржинская

Эпikleзы Аполлона в античной литературе и их отражение на памятниках искусства из Ольвии и городов Боспора

Древние греки почитали большинство своих богов в нескольких ипостасях. В устной практике и в литературе им соответствовали различные эпikleзы — определения, отражающие те или иные функции божества. Аполлон принадлежал к числу богов, имевших множество эпikleз. Например, лапидарные надписи и граффити из Ольвии дают возможность узнать шесть местных эпikleз бога: Иетрос (Врач), Дельфиний, Ликей (Волчий), Борей (Северный), Таргелий и Простат (Защитник)¹, а памятники изобразительного искусства позволяют их еще больше расширить.

С древнейших времен в эпитетах Аполлона часто присутствовали слова лук и стрела. В эпических поэмах и гимнах бога называли сребролуким (*αργυρότοξος* *Ном. II, II, 76; Нумн. IX, 5* и др.), и этот постоянный эпитет мог даже замещать имя бога, как, например, в молитве, которую Гомер вложил в уста жреца Хриса (*II, I, 36*). Автор гимна Аполлону (*Ном. XIII, 126*) и Пиндар (*fr. 19*) именовали бога *τοξοφόρος*. Подобные эпитеты были хорошо известны ольвиополитам и боспорянам. Ведь все граждане имели хотя бы первичное школьное образование², а оно у греков обязательно включало знакомство с эпическими поэмами. Дион Хросостом в своей «Борисфенитской речи» (*XXXVI, 10*) отметил особую любовь ольвиополитов к произведениям Гомера и стремление местных поэтов писать в гомеровском духе. Среди ольвийских граффити имеются цитаты из «Малой Илиады» и из «Одиссеи», а надпись на чернолаковой солонке свидетельствует о состязаниях в чтении эпических поэм во время симпозиумов в Пантикапее.³

Фольклор и литература способствовали тому, что в изобразительном искусстве лук и стрелы были избраны одним из отлич-

¹ Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992. С. 29- 55.

² Скржинская М.В. Образование и досуг ольвиополитов // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999. С.62- 66.

³ Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 93. Рис. 28; Виноградов Ю. Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3. С. 142; Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ 1980. № 3. С. 68. № 33.

чительных атрибутов Аполлона. Именно с ними прославленный скульптор Леохар в IV в. до н. э. представил бога на знаменитой статуе, повторенной в множестве копий и называемой теперь Аполлоном Бельведерским. Статуя Аполлона с большим луком у ног и стрелой была привезена в Ольвию в VI в. до н. э. и на многие столетия стала здесь почитаемым кумиром. Изображение этой скульптуры сохранилось на ольвийской монете II в. н. э.⁴

Разящие стрелы бога могли нести и наказание, и исцеление. Они были отличительным символом Аполлона в ипостаси Врача (Ἱητροός), который стал богом покровителем колонистов, отправлявшихся искать новую родину на северном и западных берегах Черного моря. Первые монеты в основанных здесь городах от Аполлонии на западе до Ольвии и Керкинитиды на севере имели форму наконечника стрелы. Они находились в обращении примерно столетие, начиная с середины VI в. до н. э., и, согласно мнению современных исследователей, символизировали Аполлона⁵. То же значение имела стрела на эталонных весовых гирих, найденных на Березани⁶. Лук и стрелы как атрибуты Аполлона были знакомы также и боспорянам. Такова, например, стрела в пасти грифона, символизирующая бога на монетах Пантикапея⁷, или его изображение с луком на халцедоновой вставке в перстень, принадлежавший жителю Горгииппии в IV–III вв. до н. э.⁸

Все ионийцы, по словам Страбона (IV, 1, 4), почитали Аполлона с эпиклезой Дельфиний. Античные авторы неоднократно упоминали святилище Аполлона Дельфиния в Афинах (Aristot. Ath. 57,3; Andocid. I, 78; Plut. Thes. 12, 18), а в Милете Дельфинион был главным храмом города⁹. В ионийских и некоторых других колониях также появлялись свои Дельфинионы¹⁰. Их

⁴ Зограф А.Н. Античные монеты. М., Л., 1951. С.143; Русяева А.С. Указ. соч. С.37.

⁵ Анохин В.А. Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 77, 78, 84.

⁶ Крапивина В.В. Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и ее округа. Киев, 1986. С. 108, 109. № 1, 3.

⁷ Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю. Семантика изображений на золотых статерах из Пантикапея // Археологические вести. 2005. № 12. С. 221.

⁸ Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976. № 54.

⁹ Кобылина М.М. Милет. М., 1965. С. 74- 82.

¹⁰ Bilabel Fr. Die ionische Kolonisation. Leipzig, 1920. S. 109- 110.

строили на западном и северном краях греческой ойкумены в Массилии (Strab. IV, 1, 4) и в Ольвии Понтийской, где найдено немало посвящений Аполлону Дельфинию архаического, классического и эллинистического времени¹¹.

Эллины заимствовали культ Дельфиния на Востоке в микенскую эпоху, и хеттский Телепинус на греческой почве стал произноситься как Дельфиний¹². В дальнейшем это определение Аполлона в народной этимологии связалось со словом дельфин (δέλφις), что отразилось в гимне Аполлону, сочиненном ионийским автором в VII–VI вв. до н. э. (Hom. Hymn. II, 315–317):

Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Дельфинию.

(Перевод В.В. Вересаева).

Этим объясняется, почему дельфин стал атрибутом Аполлона в ипостаси Дельфиния. Бог с такой эпиклезой, согласно верованиям ольвиополитов, был организатором и покровителем их государства и с конца VI в. до н. э. несколько столетий занимал главенствующее положение в пантеоне богов этого полиса, оттеснив на второй план Аполлона в ипостаси Врача¹³. Одним из выражений этого стали пришедшие на смену монетам-стрелкам медные монеты разных номиналов в форме фигурки дельфина; они в отличие от первых обращались только на территории Ольвийского полиса и существовали более столетия, начиная с третьей четверти VI в. до н. э. Позднее Аполлон и его символ дельфин неоднократно изображались на ольвийских монетах и эталонных весовых гирих IV в. до н. э.¹⁴ На подобных гирих изредка встречается эмблема Ольвии, состоявшая из фигур орла и дельфина¹⁵, на монетах же эта эмблема постоянно чеканилась с

¹¹ Русяева А.С. Указ. соч. С. 42-43.

¹² Гиндин Л.А. Отражение мифа о поединке в гомеровских гимнах // Античная балканистика. Ч. 2. М., 1975. С. 58; Яйленко В.П. Греция и ближний Восток. М. 1990. С. 222.

¹³ Русяева А.С. Указ. соч. С. 42.

¹⁴ Крапивина В.В. Коллегия агораномов в Ольвии // Боспорские исследования. Вып. 5. Симферополь-Керчь, 2004. С. 135-137. №8, 9 12, 13, 15-18, 21, 22.

¹⁵ Там же. С. 135. № 11.

последней трети V в. до первой половины II в. до н. э.¹⁶ Орел и дельфин символизировали Зевса и Аполлона, самых почитавшихся ольвиополитами богов. Недаром их храмы стояли рядом на священном участке, примыкавшем к главной площади города.

Изображение дельфина на монетах Ольвии римского времени становится крайне редким, потому что в это время здесь первенствующее положение вместо Дельфиния получил Аполлон Простат (защитник). Орел же, символизировавший Зевса, продолжал занимать видное место на местных монетах.

В глазах греков одной из отличительных черт Аполлона был его выдающийся талант игры на струнных инструментах лире и кифаре. Он считался покровителем мусических искусств, и в этом качестве его называли Мусагетом, предводителем Муз (Ном. Нумн. III, 475–486). В Дельфах на знаменитых во всей Элладе Пифийских играх в честь Аполлона мусические агоны занимали ведущее положение. Эпиклезы бога Μουσᾱγῆτης и Μουσᾱρχος известны в античной литературе с архаического времени (Ном. Нумн. III, 450; Терп. Fr. 3; Pind. Fr. 116; Diod. Sic. I, 18). В эпиграфике античных государств Северного Причерноморья такие эпиклезы отсутствуют, но произведения искусства свидетельствуют о знакомстве местного населения с этой ипостасью бога, а также с мифами о его победах на мусических состязаниях.

Изображения Аполлона Мусагета появились на привозных вазах уже в конце VI в. до н. э. Таков, например, аттический чернофигурный килик из раскопок Ольвии; на нем нарисован Аполлон с лирой и две Музы¹⁷. Сцены из мифа о победе Аполлона в состязании с силеном Марсием запечатлены на двух вазах IV в. до н. э. из Пантикапея и Херсонеса¹⁸. Аполлона Мусагета нередко изображали в нарядном длинном подпоясанном хитоне, который греческие кифареды надевали во время выступлений на праздничных агонах и концертах. В таком одеянии

---

¹⁶ Карышковский П. О. Об изображениях орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика Северного Причерноморья. Киев, 1982. С. 80–98; Русяева А. С. Указ соч. С. 65–70.

¹⁷ Одесский археологический музей АН УССР. Киев, 1983. № 51.

¹⁸ ОАК 1904. С. 68. Рис. 104; Музы и маски. СПб., 2005. № 32.

бог запечатлен на упомянутой вазе из Пантикапея и на терракоте с азиатской части Боспора¹⁹.

Представление об Аполлоне музыканте отразилось в искусстве в виде изображений бога с лирой или кифарой, ставшими его постоянными и хорошо узнаваемыми атрибутами. Такие изображения в Северном Причерноморье встречаются как на импортных, так и на местных изделиях. О популярности последних свидетельствует форма из мастерской коропласта III в. до н. э. на Центральном теменосе Ольвии; терракотовые фигурки, выходившие из этой формы, изображали сидящего Аполлона, играющего на лире²⁰. Множество монет, отчеканенных в Тире, Ольвии и на Боспоре, украшены на аверсе головой Аполлона, а на реверсе лирой или кифарой²¹.

Подобные изображения на привозных вазах появились уже в архаическое время. Аполлон с кифарой изображен рядом с Афиной на чернофигурных ольпах из Ольвии и Борисфена и на килике из Пантикапея²². Особо следует выделить чернофигурный лекиф 530–520 гг. до н. э. из Ольвии²³. Насколько мне известно, на нем находится единственный сейчас уцелевший в Северном Причерноморье рисунок, иллюстрирующий представление об Аполлоне как о зрелом мужчине, а не юном боге, каким его привычно видеть на множестве памятников изобразительного искусства. Вазописец нарисовал Аполлона бородатым; одетый в разукрашенный узорами хитон и плащ, он сидит на табурете-дифросе и играет на большой кифаре; перед с ним стоит Дионис в венке, за которым находится его постоянный спутник хвостатый силен с ослиными ушами. Кроме бороды у Аполлона здесь следует отметить и то, что он играет на большой кифаре сидя, а не, как в обычно стоя.

---

¹⁹ *Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 61.

²⁰ *Леви Е.И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985. С. 83. Рис. 73.

²¹ *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 168, 226; *Он же.* Монеты Северо-западного Причерноморья. Киев, 1989. № 282–291, 311, 313, 317, 338, 339, 383, 387, 454, 460.

²² *Сидорова Н.А.* Чернофигурная керамика из Пантикапея // Сообщ. ГМИИ. № 17. М., 1984. С. 103. Рис. 24 б; *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. С. 64. № 79; Борисфен – Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. СПб., 2005. № 132.

²³ *Скуднова В.М.* Указ соч. С. 38. № 9.

Эпиклеза Аполлона Φοῖβος (Лучезарный) встречается в греческой литературе с самых ранних времен. Гомер (II, I, 43, 72, 443; XX, 68) и Гесиод (fr. 194), а также авторы гимнов богам (Horn. Hymn. XXVII, 14; Callim. Hymn. III, 6, 145) называли Аполлона Фебом, а позже его прямо уподобляли солнцу (Masc. Sat. I, 117). Лев издавна был солярным знаком Аполлона²⁴ и символизировал бога на милетских монетах эпохи Великой греческой колонизации²⁵. Эта традиция была продолжена в милетских колониях на Боспоре²⁶. Голова льва на древнейших монетах Пантикапея, а затем стоящие и лежащие львы олицетворяли верховного бога этой колонии. Солярный символ льва и отмеченное выше знание эпических поэм позволяет заключить, что на Боспоре эпиклеза Аполлона Феб была широко известна.

Эпитет Аполлона Гиперборейский связан с древним преданием о том, что раз в несколько лет бог отправляется в сказочную страну гипербореев (Diod. II, 47), обитающих где-то далеко на севере за пределами северного ветра борея (Her. IV, 13). Атрибутом Аполлона Гиперборейского был фантастический зверь грифон, как и гиперборееи, живущий в каких-то отдаленных землях. Древнейшее известное сейчас изображение Аполлона с грифонами найдено на острове Делосе; там находился знаменитый во всем греческом мире храм бога, около которого справлялись панэллинские празднества. Именно туда, согласно легенде, гиперборееи ежегодно отправляли свои дары (Her. IV, 33; Callim. Hymn. IV, 292; Paus. I, 31, 2). Милетяне также считали грифона одним из символов Аполлона, и не случайно его изображение присутствовало в декоре милетского храма этого бога²⁷. Афинские вазописцы иногда изображали Аполлона едущим на грифоне. Килик с таким рисунком, исполненным в IV в. до н. э., найден на хоре Херсонеса²⁸.

К IV в. до н. э. относятся замечательные золотые статеры Пантикапея; на их реверсе представлен львиноголовый грифон со стрелой в зубах. Он напоминает об эпиклезе бога Гипербо-

²⁴ Cahn H. Die Löwen des Apollo // Mus. Helveticum. 1950. № 7. S. 185.

²⁵ Зограф А.Н. Указ. соч. С. 62 Табл. 1, 7 и 9.

²⁶ Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора. М., 1956. С.17- 18; Анохин В.А. Указ соч. 1986. № 1-12, 14-24, 85, 99, 108.

²⁷ Archaeologische Anzeiger. 1913. S. 181. Abb. 6,7.

²⁸ Горбунова К.С. Краснофигурный килик, найденный на некрополе Панское // История и культура античного мира. М., 1977. С. 41- 45.

рейский и о мифе с участием гипербореев, живших, по верованиям греков, где-то не далеко от их северных колоний на Понте Евксинском²⁹. Стрела в пасти чудовища еще один символ Аполлона, о котором говорилось выше.

С мифом об Аполлоне Гиперборейском связан образ всадника на грифоне, нарисованного на пеликах так называемого керченского стиля. В IV в. до н. э. афинские вазаписцы специально расписывали такие вазы для вывоза в боспорские города³⁰.

Итак, памятники искусства из раскопок Ольвии и Боспора дали возможность рассмотреть иллюстрации к многочисленным эпikleзам Аполлона, верховного бога обоих государств. Росписи ваз, терракоты и монеты помогли узнать, какие зрительные образы возникали у ольвиополитов и боспорян при мысли о той или иной ипостаси Аполлона. Кроме того, анализ изображений позволил дополнить к известным по надписям эпikleзам несколько других: Мусaget, Феб, Гиперборейский. Две последние в основном получили распространение на Боспоре, а ипостась Дельфиния, хотя и была известна боспорянам (КБН № 1038), не имела здесь широкого круга почитателей и потому в отличие от Ольвии, почти не отразилась в изобразительном искусстве.

---

²⁹ *Виноградов Ю.А., Шауб И.Ю.* О семантике изображений на золотых стateraх Пантикапея // Археологические вести 2005. № 12. С. 219- 233.

³⁰ *Кобылина М.М.* Поздние боспорские пелики // МИА. № 19. М., 1951. С. 146; *Онайко Н.А.* Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира. М., 1977. С. 157; *Шталь И.В.* Указатель мифо-эпических сюжетов античной краснофигурной вазовой росписи керченского стиля // Классическая филология на современном этапе. М., 1996. С. 35.

А. И. Солопов

Фитотопонимы в греко-римской географической номенклатуре

Фитотопонимы, т. е. топонимы, производные от фитонимов (названий растений), как известно, играют важную роль в большинстве распространённых ныне топонимических систем (напр., германской, славянской, тюркской и др.). Предварительный анализ показал, однако, что для греко-римской системы этот способ совсем не так характерен.

Отбрасывая сомнительные случаи, мы получаем очень ограниченный список фитотопонимов, как греческих, так и латинских (они приводятся, для облегчения идентификации, с сигларами “Атласа древнего мира” Р. Тальберта (2000)).

Это, во-первых, два производных от *arbor*: *Tres Arbores* (FRA, 14 E4) и *Arbor Felix* (SWI, 19 B2) (Производных от *δέυδρον*, однако, нет).

Затем – ряд производных с корнем *δρυς* “дуб; (твёрдое) дерево”: просто *Δρυς* (название двух городов, упоминаемых, напр., в “Суде” – 1. (GRE, 51 F3); 2. (TKY, 53 B3)), города *Δρυμός* (GRE, 54 D4) и *Drymus* (ISR, 69 A 5), *Δρυμαία* (Paus. X 3, 2 al.) (GRE, 55 D3), остров *Δρυμοῦσα* (Aristid. ἱερ. λόγ. p. 293, 23 Jebb) или *Δρυμοῦσσα* (Thuc.; Polyb.; Herodian.; Steph.) (TKY, 56 D 4), *Δρύοπες* (Hdt. I 146; Thuc. VII 57, 4; Plut. mor.; Strab. XIII 1, 8; Stesichor. fr. 45, col. 2, l. 8) (GRE, 55 G4), *Δρυπίς* (Hdt. VIII 31, 8; Aristot. fr. uar. 8, 44, fr. 522) (GRE, 54 C3).

Есть также производные от названия пробкового дуба (*ὁ φελλός*): омонимичный растению топоним *Φελλός* (Strab. XIV 3, 7; Ptol. V 3, 6) (TKY, 65 C5) и расположенный напротив него *Ἀντίφελλος* (Strab. XIV 3, 7) (TKY, 65 C5). Поразительно, но в латинской части, судя по атласу Тальберта, нет не только производных от *suber* “пробковый дуб”, но и производных от основных фитонимов *quercus* и *gobur*.

Относительно много производных от названия сосны – остров *Πιτυώδης*, остров *Πιτυόνησος*, острова *Πιτυοῦσαι*, город *Πιτυοῦς*.

Как в греческой, так и в латинской части (*Ad Oliuam*, *Oliuula*) терминологии засвидетельствованы производные от названия маслины, которые в греческой части терминологии образуют одну из наиболее многочисленных групп (*Ἐλαία*, *Ἐλαίας* *λιμήν*, *Ἐλαιοῦσσα* и др.).

В греческой части весьма распространены топонимы, производные от названия сельдерея – четыре реки с названием Σελινοῦς (1. GRE, 58 C1; 2. ITL, 47 B3; 3. ТКУ, 61 E2; 4. ТКУ, 66 A4) и одна река Selinus (GRE, 58 B2), озеро Σελινοῦσία (Strab. XIV 1, 26) (ТКУ, 61 E2), четыре города с названием Σελινοῦς (1. GRE, 55 F2; 2. GRE, 58 B2; 3. GRE, 58 D3; 4. ТКУ, 66 A4) и один Selinus (ITL, 47 B3).

Довольно часты топонимы, производные от названия мирта и родственных слов: Μυρρίνοῦς, Μυρσιῖτις, Μύρτος, Μυρτοῦπιον и др.

“Розы” засвидетельствованы, по-видимому, только в греческой части терминологии: Ῥοδοιτία (Strab.) (GRE, 55 D3), остров Ῥοδοῦσσα (ТКУ, 61 G4), острова Rhodussae (ТКУ, 53 A3).

Изолированно Ἰερασυκάμιλος (EGY, 81 C2).

“Груша”, возможно, имеется в виду в двух топонимах Ad Pīrum (1. ITL, 45 C2; 2. SVN, 20 B4).

“Вяз” представлен, за исключением неясных случаев, только топонимом Vicus *Vlmetensium (ROM, 22 F4).

При этом “бук”, равно как и “ясень” (во всех видах), “клён”, “каштан”, “липа”, “берёза”, похоже, не встречаются совсем.

Единичные случаи: Ad Cerasias, Ad Ficum, (Ad) Oleastrum (?).

Примечательно полное отсутствие топонимов, образованных от слов типа греческого μυρσεῶν или латинского myrtetum.

Разительные несовпадения наблюдаются у этой картины не только с системами романских народов, но и с той системой, которая восстанавливается, например, на основании итальянской топонимии для позднеантичного периода (см.: Pellegrini, G. V. Toponomastica italiana. Milano, 1990, cap. 6 “Fitotoponomia e zootoponomia”).

Е. Б. Соснина

«Пелигнские надписи»: из истории эпиграфических штудий профессора И. В. Цветаева

В 1870-80 годах научно-исследовательская деятельность профессора И. В. Цветаева была посвящена теме италийской диалектологии, и в этот период он неоднократно приезжал в Италию, путешествовал по центральным и южным регионам, посещал музеи, осматривал частные коллекции эпиграфики, бывал в местах археологических раскопок.

В июне 1880 года целью научной командировки Цветаева в Абручцо было посещение городов Аквила и Сульмона.

Крупнейшим специалистом-археологом в этих местах был Антонио Де Нино (1833–1907), учитель технической гимназии города Sulmona, где он преподавал итальянский язык и литературу. Но также он занимался этнографией и фольклористикой. С начала 1870-х годов А. Де Нино вел раскопки в окрестностях города Sulmona и научную обработку своих находок периодически публиковал в журнале “Вестник раскопок античности” в Риме (*Notizie degli scavi. R. Accademia de’ Lincei, Roma*). Эти публикации заинтересовали Цветаева. Это был эпиграфический материал на неизвестном ранее диалекте пелигнов (*paeligni*) – народа, жившего в античную эпоху в абруццких городах, с 343 года до н. э. состоявшего в союзе с Римом. Язык пелигнов был утрачен к эпохе Империи.

Заручившись поддержкой директора Неаполитанского музея Дж. Де Петра, получив у него рекомендательное письмо, Цветаев обратился с просьбой о сотрудничестве к Антонио Де Нино. 19 июня 1880 года Де Нино ответил ему письмом: “Уважаемый профессор, сердечно приветствую Вас. Ваш визит будет очень знаменательным для Абрущ, где Вы найдете хоть и неотесанный народ, но всегда сердечный. Итак, я до 3-го июля не двигаюсь из Сульмоны. В это время Вы можете рассчитывать на меня. Преданный Вам – Антонио Де Нино. (Наилучшие пожелания кавалеру де Петра)”¹

Вскоре И. В. Цветаев приезжает в Сульмону, родной город Овидия

Итогом эпиграфических исследований Цветаева в Сульмоне явилась его публикация “Пелигнские надписи” в “Журнале Министерства народного просвещения” (1885).

В этом лингвистическом очерке И. В. Цветаевым были пред-

---

¹ Архив ГМИИ, ф. 6, оп. I, д. 2486. (пер. с ит.).

ставлены подробный грамматический разбор и перевод на латинский язык 26 пелигнских надписей, 19 из которых впервые опубликовал А. Де Нино в 1877–1882 годах в Риме (журналы: *Notizie degli scavi di antichità*; *Bullettino dell' Istituto archeologico di Roma*). Все 19 вышеназванных эпиграфических памятников были найдены А. Де Нино на раскопках в корфинийской долине (Pentima), 15 из них хранились там же, во временном помещении созданного им музея; и три плиты с надписями принадлежали непосредственно домашней коллекции А. Де Нино.

Работая над переводом этих надписей, Цветаев привлекал данные диалектологии языков тех народов, которые жили в непосредственной близости от пелигнов, а именно: осков, умбров, вольсков, сабинян, фалисков, сабеллов, марсов, марруцинов и даже этрусков.

В работе над переводом Цветаев обращается к произведениям Авла Геллия, Плавта, Овидия, Катутла, Квинтилиана, сетуя при этом на то, “как мало римские ученые, в том числе и величайший между ними Варрон, обращали внимания на языки других италийцев и как недостаточно они были знакомы с ними.”²

Одновременно с Цветаевым те же пелигнские надписи переводили такие крупные европейские ученые, как Ф. Бюхелер, М. Брель (1832–1915), Г. Иордан (1833–1886), Г. Дрессель и др. Но их мнения и результаты работы не всегда сходились, вызвали массу разногласий. Цветаев справедливо отмечал: “Интересно будет следить за этой полемикой: истина многих научных вопросов часто добывается лишь путем оживленных споров.”³

Предложив свои варианты перевода Цветаев подготовил также фонетические и морфологические замечания к надписям пелигнов, сделав вывод о том, “что язык надписей древнего Корфиния и окрестных с ним городов и селений был ближе к осскому и древнелатинскому, чем умбскому в той форме последнего, какая представлена игувинскими таблицами и несколькими мелкими надписями <...> что язык пелигнов был только говором осского диалекта, как фалисский считается говором латинского.”⁴

---

² Цветаев И. Пелигнские надписи // ЖМНП, 1885, N 1, с. 6.

³ Там же, с. 38.

⁴ Цветаев И. Надписи пелигнов. Фонетические и морфологические замечания. // ЖМНП, 1885, N 11, с. 141.

М. А. Таривердиева

Несобственно-прямая речь в латинском дискурсе

Одним из векторов развития современной лингвистической науки является когнитивно-дискурсивная парадигма, дающая возможность комплексного изучения как языковых явлений – инструмента формирования языковой картины мира, так и человека – носителя языка и субъекта познания.

Существует мнение, что такой подход в исследовании, равно как и само понятие «дискурс» («связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» (ЛЭС)), неприменимы к древним языкам. Представляется, однако, что в случае сохранности значительного числа текстов, достаточно репрезентативно отражающих среду функционирования древнего языка, нецелесообразно отказываться от привлечения данного метода к его изучению. Заметим, что в трудах по классической филологии изучение языка никогда не отделялось от культурологического фактора.

Главным проявлением языковой личности является ее речь. Наряду с письменной фиксацией прямой речи (в драматургических произведениях, публичных речах, письмах) источником искомым сведений могут быть и повествовательные тексты, где речь персонажей передается в косвенной форме. Утрата в косвенной речи эмоционального элемента, свойственного прямой речи, восполняется в языках по-разному. В русском языке, например, используется прием описания речи персонажа с вводом таких глаголов как «желать, укорять, упрекать, сожалеть, удивляться» (С. И. Соболевский). В латинском языке косвенная речь характеризуется жесткими грамматическими правилами передачи прямой речи, что обеспечивает сохранение всех смысловых деталей содержания последней. Однако экспрессия, свойственная прямой речи, адекватного отражения не получает.

В практике устного общения желание воспроизвести при пересказе чужой речи ее эмоциональные оттенки нередко приводит к непосредственному включению в косвенную речь фрагментов прямой речи: «Он сказал, что я не смогу прийти» вместо «что он не сможет прийти». Подобное включение фрагментов прямой речи в косвенную речь с нарушением синтаксических правил противоречит языковой норме. В литературе используются специальные языковые приемы, назначение которых – сохранить интонацию прямой речи при ее косвенной передаче, не нарушая при этом грамматических норм (в русском

языке главным маркёром таких построений являются частицы «де, дескать, мол»). Конструкции с использованием этих приемов именуется несобственно-прямой речью.

В несобственно-прямой речи происходит «речевая интерференция» автора и персонажа, совмещение двух интонаций (М. М. Бахтин). Такое соединение дает возможность не только услышать «голос» персонажа, но и понять авторскую реакцию на его слова.

Повествовательные жанры римской литературы – по преимуществу «официальная» (политическая, историческая, философская) литература. Дискурс же – это «речь, присваиваемая говорящим»; он противопоставлен объективному повествованию (Э. Бенвенист). В этом мы видим одно из объяснений практического отсутствия интереса исследователей к несобственно-прямой речи как проявлению дискурса в латинских языковых памятниках.

Мы обратились к латинским источникам в поисках ответа на следующие вопросы: а) существуют ли языковые свидетельства несобственно-прямой речи в латинских текстах классического периода?; б) если да, то каковы эти языковые факты и возможно ли структурирование языковых средств, служащих для построения несобственно-прямой речи?; в) что дает такой прием как несобственно-прямая речь в латинском тексте для воссоздания языковой картины мира и характеристики языковой личности персонажей и автора?

В результате исследования удалось выявить следующие основные средства построения несобственно-прямой речи в латинском языке:

- использование синтаксических «контейнеров» (автономные инфинитивные обороты, придаточные с *quīn*);
- «нарушение» правил употребления времен и наклонений в формально независимых и придаточных предложениях;
- введение в косвенную речь субъективно-оценочных элементов.

В докладе на конкретных примерах проводится рассмотрение и анализ перечисленных приемов.

Необходимо отметить, что реализация указанных структур несобственно-прямой речи происходит в рамках норм литературного латинского языка и не нарушает системных функций используемых языковых единиц, а лишь подчеркивает их выразительный потенциал.

С. А. Тахтаджян

Характеристика Клеарха в «Анабасисе» Ксенофонта: скрытая полемика с Антифонтом?

В последней, шестой главе второй книги «Анабасиса» Ксенофонт дает характеристики предательски захваченных персами и затем казненных ими греческих стратегов. Он уделяет им внимание очень неравномерно. Об Агии из Аркадии и об ахейце Сократе сказано буквально два слова. Фессалийцу Менону, к которому Ксенофонт испытывал крайнюю неприязнь, если не ненависть, посвящено полторы страницы современного издания. Немного меньше страницы занимает характеристика беотийца Проксена. Наиболее подробным является портрет Клеарха – примерно две страницы (2, 6, 1–15).

Характеристику Клеарха Ксенофонт начинает с утверждения, что тот, по общему мнению всех близко знавших его, был *καὶ πολέμικὸς καὶ φιλοπόλεμος ἐσχάτως* (§ 1) – «в высшей степени отличался как знаниями и опытом в военном деле, так и любовью к нему». Последующее изложение (§§ 2-5) призвано подтвердить вторую часть характеристики Клеарха: его любовь к войне и военному делу. Так, пока шла война с Афинами, Клеарх не выходил из повиновения должностным лицам Спарты (§ 2): его страсть находила себе применение. Но вот наступил мир. Клеарх сумел убедить власти, что надо помочь грекам, на которых нападают фракийцы, и было решено организовать экспедицию на Херсонес Фракийский. Корабли отплыли, но вскоре эфоры передумали и попытались отозвать Клеарха назад (§§ 2-3). Однако теперь он проявил непослушание и отказался выполнить приказ эфоров. Ксенофонт, по-видимому, хочет, чтобы читатель истолковал это так, что причиной непослушания Клеарха была тяга к войне, пересилившая дисциплину. За отказ вернуться Клеарха заочно приговорили к смертной казни, и он оказался на положении изгнанника (§ 4). Затем Клеарх сближается с Киrom и получает от него значительную сумму денег. На них он нанимает войско и успешно воюет с фракийцами. Через некоторое время Кир приказал Клеарху с войском прибыть к нему, и Клеарх явился, чтобы принять участие в новой войне – походе Кира (§§ 4-5).

Эту, первую часть портрета Клеарха Ксенофонт заключает обобщением, которое начинается следующими словами: *ταῦτα οὖν φιλοπόλεμου μοι δοκεῖ ἀνδρὸς ἔργα εἶναι* (§ 6, самое начало)

– «так вот, эти поступки указывают на человека, испытывавшего тягу и любовь к войне». Затем следует сама обобщающая характеристика (§ 6), завершающаяся фразой, в которой φιλοπόλεμος встречается уже в третий раз: οὕτω μὲν φιλοπόλεμος ὦν – «до такой степени он отличался любовью к войне».

Далее (§ 7) Ксенофонт показывает, что Клеарх был πολεμικός. Остальная часть рассказа (§§ 8-15) раскрывает еще одну сторону личности Клеарха: он был ἀρχικός (§ 8), т.е. был способен и умел командовать, добиваясь от воинов беспрекословного повиновения. Следует подчеркнуть, что Ксенофонт не идеализирует Клеарха или делает это в небольшой степени: так, он не скрывает его жестокости (§§ 9-10, 12).

В § 6 Ксенофонт подчеркивает, что война была призванием Клеарха, определившим его жизненный путь: ταῦτα οὖν φιλοπόλεμου μοι δοκεῖ ἀνδρὸς ἔργα εἶναι, ὅστις ἐξὸν μὲν εἰρήνην ἄγειν ἀνευ αἰσχύνης καὶ βλάβης αἰρεῖται πολεμεῖν, ἐξὸν δὲ ραθυμῶς βούλεται πονεῖν ὥστε πολεμεῖν, ἐξὸν δὲ χρήματα ἔχειν ἀκινδύνως αἰρεῖται πολεμῶν μείονα ταῦτα ποιεῖν· ἐκεῖνος δὲ ὥσπερ εἰς παιδικὰ ἢ εἰς ἄλλην τιὰ ἡδονὴν ἤθελε δαπανᾶν εἰς πόλεμον. οὕτω μὲν φιλοπόλεμος ἦν (Anab. 2, 6, 6) – «так вот, эти поступки указывают на человека, испытывавшего тягу и любовь к войне, который, хотя у него была возможность без позора и ущерба для себя вести мирную жизнь, предпочитал ей войну, и хотя у него была возможность жить без трудностей, стремился к трудам с тем, чтобы вести войну, и хотя у него была возможность обладать деньгами, не подвергаясь при этом опасностям, предпочитал, ведя войну, иметь их в меньшем количестве. Он охотно тратил деньги на войну, словно тратил их на любимца или на какое-нибудь другое удовольствие».

Этот отрывок уже привлекал внимание исследователей стиля Ксенофонта благодаря выразительной анафоре (ἐξὸν μὲν ... , ἐξὸν δὲ ... , ἐξὸν δὲ ...) и антистрофе (... πολεμεῖν, ... πολεμεῖν), которые вместе образуют συμπλοκή.

В то же время это место замечательно и по смыслу. Настойчивым повторением ἐξὸν Ксенофонт подчеркивает, что у Клеарха была возможность вести совсем иной образ жизни, причем эта альтернатива не была сопряжена для него с позором (αἰσχύνη) или ущербом (βλάβη). Однако миру Клеарх предпочитал войну, причем такое решение, по крайней мере по словам Ксенофонта, было для него невыгодным: ἐξὸν δὲ χρήματα ἔχειν ἀκινδύνως αἰρεῖται πολεμῶν μείονα ταῦτα ποιεῖν.

Я обращаю внимание на сходство этого места Ксенофонта с отрывком из трактата Антифонта «Об истине»: ... καὶ οἵτινες ἂν παθόντες ἀμύνονται καὶ μὴ αὐτοῖς ἀρχώσιν τοῦ δράν· [καὶ οἵτινες ἂν τοὺς] γειναμένους, καὶ κακοῦς ὄντας εἰς αὐτοὺς εὐποιῶσιν· καὶ οἱ κατομνύσθαι διδόντες ἑτέροις, αὐτοὶ δὲ μὴ κατομνύμενοι.] καὶ τούτων τῶν εἰρημένων πόλλ' ἂν τις εὖροι πολεμία τῇ φύσει ῥ' ἐνὶ γε αὐτοῖς ἀλγύνεσθαι τε μᾶλλον, ἐξὸν ἦττω, καὶ ἐλάττω ἤδεσθαι, ἐξὸν πλείω, καὶ κακῶς πάσχειν, ἐξὸν μὴ πάσχειν (F 44a IV 32 – V 24) – «... и все те, которые защищаются после того, как им нанесена обида, а не нападают первыми; и все те, кто заботится о своих родителях, несмотря на их плохое отношение к себе; и все те, кто позволяет другой стороне приносить клятву, а сами не приносят. Многое в указанном поведении следует признать враждебным природе. Ведь в нем заключается слишком много боли, хотя ее могло быть меньше, и слишком мало удовольствия, хотя его могло быть больше, и страдание, хотя его можно было избежать. До такой степени он отличался любовью к войне».

В пользу связи этих пассажей можно привести ряд доводов.

Само по себе причастие ἐξόν не принадлежит к числу особенно употребительных слов: как показывает электронный тезаурус греческого языка, оно встречается всего около 1300 раз.

Очень редко ἐξόν употребляется в анафоре. Примеры: Xen. *Anab.* 4, 6, 13; *Lys.* 7, 42–43; *Dem. Ol.* 3, 9. Причем в этих случаях ἐξόν встречается лишь дважды. Троекратное употребление этого причастия в анафоре встречается только в приведенных отрывках Ксенофонта и Антифонта.

В процитированном пассаже из трактата «Об истине» мы сталкиваемся с характерной для Антифонта эгоистической калькуляцией, когда каждый поступок оценивается в зависимости от того, сколько горя или удовольствия, ущерба или выгоды он принесет. Антифонт считает правильным поведение, дающее в результате наилучший баланс с максимумом выгоды и удовольствием и минимумом горя и ущерба.

В начале приведенного отрывка Антифонт перечисляет три категории людей, поступивших собственной выгодой, хотя они могли избрать противоположную линию поведения. Он, разумеется, не одобряет их выбор. Ксенофонт, напротив, подчеркивает, что поведение Клеарха определялось не соображениями выгоды или тягой к удовольствиям, – направляющей силой на его жизненном пути была его любовь к военной профессии.

Очевидно, что эта верность Клеарха своему призванию вызывает уважение у Ксенофонта.

Итак, налицо формальное сходство обоих отрывков. Кроме того, оба автора ведут речь о людях, чье поведение не определяется утилитаристскими расчетами, однако оценивают его противоположным образом. Я полагаю, что отрывок из «Анабасиса», где Ксенофонт дает характеристику Клеарха, является полемическим откликом на приведенный пассаж из трактата Антифонта «Об истине».

Т. Ф. Теперик

Онейротопика эллинистического эпоса: Аполлоний Родосский

Онейротопика¹ Аполлония Родосского – наиболее яркое проявление отступления от гомеровской онейротопики в эпической традиции. В «Аргонавтике» наименьшее количество сновидений в сравнении с остальными произведениями античного эпоса². Если в гомеровском эпосе их 6, в «Энеиде» – 7, в «Фарсалии» – 3, (сновидения главных героев и сны солдат Цезаря, показанные как сны всего войска), то у Аполлония – только три сна: Медеи, Кирки и Евфема. Что касается связи сновидений с образами персонажей, то и здесь поэма Аполлония демонстрирует особую мотивацию, так как лишь один сон принадлежит главному герою, точнее, героине. С божественным планом связаны два сновидения, но совершенно иначе, чем у Гомера. Особенно интересен сон Кирки, и не только своим символическим содержанием, но и личностью сновидца. Кирка – не олимпийское божество, но она и не человек, это мифологическое, богоподобное существо. В её сне присутствуют *символические образы*, *кровь и огонь* в её доме, точнее, огонь, который она тушит кровью. Сон Кирки описан в момент её встречи с аргонавтами, а именно, в момент совершения обряда очищения. Постсновиденческий ритуал и есть, таким образом, главный мотив введения сновидения в сюжет. Следует сказать, что символизм не свойственен эпическим сновидениям, он характерен прежде всего для трагедии³. Поскольку большая часть эпических сновидений связана с воздействием божества, то естественно, что воля его

---

¹ О значении термина «онейротоп» см. статьи автора данной работы: Онейротопика как элемент культуры: классика и архаика. В кн.: Культура в эпоху цивилизационного слома. М., 2001; Онейротопика как элемент жанровой поэтики. Вопросы класс. фил., XII, М., 2002.

² Исследуемая нами эпическая традиция ограничена произведениями Гомера, Аполлония, Лукана и Вергилия, т. е. классическим героическим эпосом. В неё не входят ни философско-дидактическая поэма Лукреция, ни мифолого-риторическая поэма Овидия, связанные с иной жанровой поэтикой, ни эпос поздней античности, также результат иной жанровой и эстетической парадигмы.

³ См. Жанровая специфика онейротопы в греческой трагедии. Материалы чтений, посвящённых памяти Тронского И.М., СПб, 2000.

должна быть выражена понятным и ясным способом. Так проявляется воля Афины в «Одиссее» или Гермеса и Тиберина в «Энеиде». Однако там, где сновидение связано с изображением психологического состояния самой личности, присутствуют символические образы и действия, как в снах Пенелопы и Дидоны. Иными словами, сны связаны либо с развитием сюжета, либо с характером героя. В первом случае они не нуждаются в толковании, во втором оно необходимо. Сновидение Кирки (IV, 662–670) ни в коей мере не укладывается в эту схему. Существенно, что и кровь, и огонь распространились *по её* дому, и такой сон, естественно, вызывает у неё чувство ужаса. Сначала она не догадывается о том, от какого убийства очистила своих гостей, но затем, расспрашивая Медею и Ясона об их странствиях, она *вспоминает* о содержании своего сна, и хотя факт убийства Апсирта они утаивают, она *понимает* это и изгоняет их из своего дома. Между «вспоминанием»⁴ и пониманием нет ни временной дистанции, ни словесной интерпретации, и это можно объяснить лишь божественной сущностью Кирки. Перед нами единственный случай в эпосе, когда сновидец без чьей-либо помощи понимает смысл своего сновидения, и здесь связь между символизмом содержания и личностью самого сновидца несомненна. Но и сам момент «вспоминания» является также совершенно новой тенденцией в онейротопике. В отличие от снов Гомера, которые описывались в *момент возникновения*, и тем самым, *не рассказывались, а показывались*, в двух случаях из трёх сны «Аргонавтики» описываются *после* их появления, что существенно меняет композицию онейротопоса. Она становится более сложной. Не случайно для всех сновидений характерно усложнение событийного ряда. Кроме того, для всех снов характерен мотив возвращения к ним, причем если на сюжетном уровне он может быть реализован однократно, то на лексическом – неоднократно. Евфем: «сон свой вспомнил, ему приснившийся ночью»⁵ (IV, 1732) «Сердце ему этот сон привело на

---

⁴ В психологической науке термин «вспоминание», в отличие от «воспоминания», является обозначением специфического мнестического процесса.

⁵ Греческий текст рассматривался нами по изданию Apolloni Rhodii Argonautica recognovit brevique adnotatione critica instruxit Hermann Frankel. Oxford, 1986. Русский перевод цитируется по книге: «Александрйская поэзия». М., 1972.

память» (IV, 1746). Кирка: «Дух её был ночными смущён сновидениями сильно» (IV, 664), «Страх отогнав, сновиденьем ночным порождённый» (685), «На ум ей воспоминанье пришло о ночных сновиденьях тяжёлых» (724). Медея: «Её стали сразу манить сновиденья обманные, злые» (III, 618), «Бедная я! Эти страшные сны, как они напугали!» (III, 636). «Дремотой забылась я и такие страшные видела сны!» (III, 691–692). Это усиление мотива сновидения связано с тем, что в «Аргонавтике» сны становятся необычайно сильным художественным средством, обладающим многоплановой выразительностью. Не случайно там реализовано наибольшее количество сюжетов в сравнении с Гомером, Луканом и Вергилием, хотя самих снов, как мы помим, меньше. При этом наибольшее число сюжетов содержится в сновидении главной героини, Медеи, единственном, описанном в соответствии с гомеровской традицией в момент возникновения (III, 619–633). Однако этим сходство с гомеровской онейротопикой ограничивается, так как ни в одном из сновидений гомеровского эпоса мы не найдём такого количества событий, как в сновидении Медеи. Она видит во сне следующее: 1) *чужеземец прибыл не за руном, а за ней*, 2) *она сама вместо него успешно бьётся с быками*, 3) *Родители её подвига не признают*, 4) *Возникает ссора между гостями и отцом*, 5) *Ей поручают разрешить этот спор*, 6) *она предпочитает чужестранца*, 7) *Родные её кричат в скорби и гневе*. (III, 619–632). Нельзя не согласиться с тем, что в этом сне Медеи «намечено всё её будущее... Аполлоний полунамёком заставляет вспомнить значение её «говорящего» имени»⁶. Но это то, что касается *функции* сновидения. Что же касается его *поэтики*, то она в большей степени явление александринизма, чем наследие эпической традиции. Невероятная насыщенность действием, сложная композиция, любовная тематика и интерес к детали, все эти черты онейротопики александрийского эпоса – новый этап в развитии поэтики сновидений. При всех отличиях сон Медеи сближает со сном Кирки и отсутствие речей, и возвращение сновидца к своему сновидению, мотив «вспоминания».

---

⁶ Чистякова Н. А. Сказание об «Аргонавтах», его история и поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского. В кн. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. М., 2001, с. 203. Ср: Грабарь-Пассек М.Е. Александрийская греческая литература. В кн. Александрийская поэзия, с. 15-16.

Этот же мотив характерен и для сновидения аргонавта Эвфема (IV, 1731–1745), где вновь наблюдается обилие сюжетов, отличающее александрийскую онейротопику как от предыдущей, так и от последующей эпической традиции. Эвфем вспоминает свой сон, в котором ему снилось, как 1) *ком земли источал молоко*, 2) *из него появилась женщина*, 3) *он соединился с ней в любви*, 4) *плач после соединения*, 5) *она обращается к нему с речью*, 6) *она открывает ему, что она – дочь Тритона*, 7) *просит аргонавта отдать её Нереидам* (IV, 1732–1745).

Здесь мы видим редкое сочетание символических действий, происходящих с комком земли, постепенно превращающимся в девушку, и её слов, самих по себе ясных, но ещё не открывающих того, что ком земли необходимо бросить в море, и тогда из него появится остров. Об этом догадается Ясон, который выступит в качестве *интерпретатора* сновидения, и подобное завершение онейротопы также встречается в античном эпосе единственный раз. Связь с божеством состоит в том, что землю аргонавтам дал Тритон, но этот сон практически не связан с главными событиями поэмы, зато вновь связан с одной из основных тенденций александрийской поэзии – *вниманием к географическим подробностям*. Автору «Аргонавтики» было важно объяснить, как возник остров Санторин (он же Фера, он же Каллиста). Поэтому Эвфем вдруг неожиданно *вспоминает* (как и Кирка) о своем сне, и рассказывает о нём аргонавтам. Мы видим, что в «Аргонавтике» отход от гомеровской онейротопики прежде всего касается типологии изображения. Но касается он и того, что божественные сновидения связаны уже не с главными персонажами, не с основными богами, действующими в поэме, не с основными событиями. Однако эти отступления, как и уменьшение общего количества снов, при увеличении событийного ряда – результат не столько меньшей веры в сновидения, сколько влияния жанровой поэтики эллинистического эпоса с её любовью к интеллектуальным усилиям и к редким сюжетам, интересом к географическим подробностям и детализирующему изображению. Дальнейшее развитие онейротопики как римского александринизма, так и «нового стиля» было бы невозможно без достижений поэтики греческого александринизма, и прежде всего, «Аргонавтики» Аполлония Родосского.

Т. В. Топорова

О позиции глагола в старших рунических надписях (к германской версии закона Вакернагеля)*

Хотя статья Я. Вакернагеля о порядке слов в индоевропейском и была написана в конце XIX века, она остается «важной вехой на пути индогерманистики, и притом принадлежит не только истории, но и живой современности, <...> а ее автор цитируется значительно чаще любого другого ученого [того времени], и спустя многие годы после своей смерти воспринимается как настоящий партнер в диалоге»¹.

С именем Вакернагеля неизменно ассоциируются представления об акцентологии, древнеиндийской морфологии, гомеровском синтаксисе, а его знаменитый закон, сформулированный в 1892 году², «в своем наиболее общем виде гласит, что в древних индоевропейских языках энклитики располагаются так, что они составляют конечную часть первого фонетического слова (= тактовой группы) фразы» [Зализняк 2004, 45] или – если попытаться несколько упростить это определение – «непосредственно после первого полноударного слова фразы»³.

Как известно, в качестве главных источников своего исследования Вакернагель использовал древнеиндийские и древнегреческие примеры, в некоторой степени он принимал во внимание и кельтский ареал. Новые данные, в частности, хеттского и микенского языков, естественно, не могли быть учтены им. Это обстоятельство, однако, ни в коей мере не свидетельствует об избирательности действия этого закона, опираясь на который «как на Архимедов рычаг»⁴ последователи Вакернагеля блестяще продемонстрировали его актуальность. Научную продуктив-

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 98-04-0636).

¹ Ср. [Schlerath 1990, 10]: “Wackernagels Bücher und Aufsätze sind Meilensteine auf dem Weg der Indogermanistik. <...> wird sein Name, aufs Ganze gesehen, häufiger zitiert als der jedes anderen Gelehrten. Fünffzig Jahre nach seinem Tod steht Jacob Wackernagel als Dialogpartner lebendig mitten uns”.

² Ср. [Wackernagel 1892].

³ Там же.

⁴ Это сравнение принадлежит Кришу [Krisch 1990, 65].

ность закона Вакернагеля, проявляющуюся в потенциальном объяснении ранее не известных языковых фактов, подтверждают также недавно опубликованные берестяные грамоты, максимально отражающие живую речь раннедревнерусского периода – XI – начало XIII века [Зализняк 2004].

Что касается германского материала, то Вакернагель, исходя из неакцентуированности глагола главного предложения в ряде древнеиндийских текстов и его регулярного выделения при помощи ударения в придаточных предложениях, экстраполировал эту тенденцию на уровень своего родного языка – современного немецкого, выдвинув гипотезу о «смещении глагола в главных предложениях по аналогии с безударными частицами» [Кацнельсон 1962, 217]. Идеи Вакернагеля на германской почве нашли свое продолжение в концепции Г. Куна, которая трактуется в сравнительной грамматике германских языков таким образом: «Фразовые частицы стояли в позиции первой каденции во фразе, в проклize к первому или второму ударному слову. Им не могло предшествовать слово с неударным префиксом либо сложное слово с внутренней каденцией, так как в этом случае фразовые частицы не стояли бы уже в позиции первой каденции. В аллитерационном стихе фразовые частицы могли получить ударение, но при этом они сохраняли обычное для них место в предложении» [Кацнельсон 1962, 218].

Суть теоретических воззрений Куна в основных чертах сводится к следующим положениям:

- ядро составляет оппозиция *ударности – неударности* слов, предполагаются различные градации ударности;
- *неударные* (в том числе слабоударные) слова подразделяются на две группы: *фразовые*, относящиеся не к какому-либо члену предложения в отдельности, а ко всему предложению в целом (местоимения, наречия, личные формы глаголов, союзы и др.); *синтагматические*, прикрепленные к определенному члену предложения (прежде всего артикли и предлоги);
- постулируется совпадение *словесного* (Wortakzent) и *фразового* (Satzakzent) ударения в германских языках: «важнейшие слова выделяются во фразе посредством усиления в них важнейших (корневых) морфем, и тем самым устанавливается полное соответствие между интенсивностью данного слога в слове и значимостью данного элемента фразы» [Смирницкая 1989, 49];

- осуществляется реинтерпретация фразовых частиц: *энклитики* к *первому* сильноударенному слову (по Вакернагелю) воспринимаются как *проклитики*, компоненты, соотносимые с точки зрения акцентуации со *вторым* сильноударенным словом в предложении;
- вводится стиховедческая терминология (аллитерационный стих, каденция) и тем самым принципиально расширяется область исследования;
- в центре внимания оказываются место и ударение личных форм глагола, обусловленные в конечном счете характером предложения, то есть в *несвязанных* (простых) предложениях *безударный* глагол занимал положение фразовой частицы, а в *связанных* – придаточных и главных с сочинительной связью – сильноударенный глагол размещался ближе к концу предложения.

Подводя итоги краткого обзора концепции Куна, отметим наиболее существенный вывод о том, что при отождествлении словесного и фразового ударения при описании аллитерационного стиха и преимущественном внимании к противопоставлению внутри слова – в пределах краткой строки – «оказалось возможным связать германские акценты (как они запечатлены в схемах аллитерационного стиха) преемственной связью с индоевропейскими тонами, например, увидев в строке с ослабленной личной формой глагола⁵ отражение правила Вакернагеля, касающегося индоевропейских энклитик» [Смирницкая 1989, 49].

Скептические высказывания германистов о сугубой гипотетичности теории Вакернагеля и Куна, отсутствии достаточных оснований для соответствующей реконструкции, ее опровержении именно руническими надписями, зафиксированные в сравнительной грамматике германских языков, с одной стороны, и трактовка стиха как исконного локуса формирования этой теории, а также убедительные доводы в пользу рассмотрения древнейших рунических надписей как памятника протостиха [Смирницкая 1989], с другой стороны, стимулируют изучение позиции глагола в старших рунических надписях.

---

⁵ Разрядка сделана автором статьи.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу⁶, необходимо сделать некоторые замечания относительно самих рунических надписей.

Старшие рунические надписи выполнены древнейшим алфавитом из 24 знаков, применявшимся вплоть до VIII века, называемым по начальным рунам (f, u, þ, a, r, k) футарком⁷; они противопоставляются более поздним *младшим* руническим надписям, выполненным 16-значным алфавитом, функционировавшим до XV века, по ряду признаков: в частности, по территориальному охвату *всех* германских ареалов – восточногерманского, скандинавского и западногерманского – в отличие от более локальных младших рунических надписей. Их *количество* к настоящему времени достигает 250 экземпляров⁸. Большая часть надписей обнаружена на металлических предметах (наконечниках копий, лезвиях мечей, шишаках шлемов) и украшениях (в том числе на брактеатах); они встречаются также на камне и дереве. Исходя из графических особенностей рун, прежде всего отсутствия округлых линий, специалисты признают первоначальным *материалом* дерево, волокнистая структура которого мешает изображать изгибы и плавные переходы. По поводу техники вырезания рун можно отметить, что в качестве наиболее распространенного инструмента использовались рунические палочки. *Временем* возникновения рунического письма принято считать I–III века на основании датировки предметов, на которые были нанесены надписи. В качестве *места* зарождения рунического письма называют пограничную область между Римской империей и территорией расселения германских племен в начале н. э.

Что касается *происхождения* рунического алфавита, то общепризнанная точка зрения состоит в усвоении мигрирующими германскими племенами, среди которых выделяют восточногерманских герулов (ср. рунический термин erilaR ‘эрил; жрец’),

---

⁶ Впервые к изучению синтаксиса старших рунических надписей автор настоящей статьи обращался еще в 1990 г. Ср. [Топорова 1990, 210–230].

⁷ Порядок следования рун в алфавите неизменен; он засвидетельствован в нескольких надписях.

⁸ Сведения о старших рунических надписях излагаются согласно данным, опубликованным в монографии Е.А. Мельниковой [Мельникова 2001].

одного из южноевропейских алфавитов (возможно варианта североиталийского алфавита или латинского письма)⁹ на рубеже н. э. Этимология *руны* – знака рунического алфавита – остается спорной; предлагаются два решения: принять за образец семантическую мотивировку др.-исл. *rún* ‘тайна; шепот; секретное знание; руна’ или установить связь между др.-исл. *rún* и нем. *ritzen* ‘царапать, насека́ть’ [Мельникова 2001, 7]. Таким образом, внутренняя форма руны актуализирует либо идею скрытого знания, доступного избранному кругу лиц, либо чисто технологическую сторону процесса нанесения рунических знаков. Руны обладали как фонетическим, так и символическим значением, то есть они помимо определенного звука одновременно обозначали и соответствующее понятие. Иными словами, неукоснительно соблюдался принцип двойной референции руны (*звук – понятие*).

Языковой статус старших рунических надписей интерпретируется как койне, первый наддиалектный вариант германского языка, отражающий промежуточную стадию между общегерманским и отдельными складывающимися германскими диалектами [Макаев 1965]. Важнейшим результатом последующего изучения старших рунических надписей с полным правом можно считать их ассоциацию именно с поэтическим языком, их восприятие как памятника протостиха, конституировавшегося в период, предшествовавший дивергентному развитию ударного и безударного вокализма, и определение ритма рунической формулы как акцентного ритма отдельных (иногда вдобавок алитерирующих) слов, строящегося на основе фразового ударения [Смирницкая 1989, 38; 54].

Вопрос о первоначальных *функциях* рунического письма остается дискуссионным; предполагается, что оно могло быть культовым, магическим или коммуникативным средством [Мельникова 2001, 13]. *Содержание* старших рунических надписей стереотипно. Если речь идет о достаточно протяженном фрагменте текста, то, как правило, фигурирует перформативная формула, «то есть формула, референтное значение которой совпадает с самим производимым действием» «Я, такой-то, пишу (режу, окрашиваю и т. п.) руны» [Смирницкая 1989, 41].

---

⁹ Подробнее о различных прототипах рунического письма см. [Мельникова 2001, 11–12].

Отнюдь не отрицая тезис о центральном месте и мени существительного, чаще всего представленного двусоставным именем собственным, «нелинейности построения, при котором вся надпись центрируется вокруг двучленного имени либо формулы» [Смирницкая 1990, 206], слабости синтаксических связей в старших рунических надписях, попытаемся доказать,

- во-первых, правомерность трактовки старших рунических надписей как реализации коммуникативных актов и,
- во-вторых, объяснить роль глаголов, которые должны были бы выполнять основную информативную функцию в сообщении, однако же, такая ситуация вовсе не характерна для старших рунических надписей.

Прежде чем перейти к решению поставленных задач, нельзя не упомянуть ряд факторов, создающих определенные трудности для прочтения рунических надписей, как чисто технического характера (ср. нечеткую прорисовку рун, произвольную направленность письма, нарушение его линейности, отсутствие словоделения), так и вытекающих из их жанровой принадлежности (ср. их краткость, иногда незавершенность и малочисленность).

§1. Попробуем ответить на вопрос «возможно ли ожидать, что рунические формулы, не рассчитанные на прочтение, то есть не имеющие прямой коммуникативной функции, строятся тем не менее как правильные предложения, то есть коммуникативные синтаксические единицы?» На наш взгляд случаи сакрализации письма в старших рунических надписях, проявляющиеся в ритуальном повторении рун, числовой магии, использовании магических слов или формул (например, *alu* ‘пиво’, *laukaR* ‘лук’, *gibu auja* ‘даю удачу’), ни в коей мере не препятствуют их интерпретации в рамках теории коммуникативного акта, так как в данном случае мы имеем дело с сообщением, посылаемым исполнителем надписи (руническим мастером или самим заказчиком), и высшей инстанцией - божеством¹⁰, цель которого – заявить о своем существовании, продемонстрировать умение владеть руническими знаками и тем самым свою причастность к сфере сакрального. Трафаретность *содержания* надписи ком-

¹⁰ Ср. по этому поводу высказывание Г. Хёст о том, что «руны в германском обществе времен Великого переселения народов служили не средством коммуникации между людьми, а «вестью» от человека к богу» [цит. по Смирницкая 1989, 41].

пенсруется осознанием мастером ее *формы* как медиатора между миром людей и миром богов. Ссылку на «применение рунического письма в его прямой функции – для записи текстов, но применении, не преследующем непосредственных целей коммуникации, то есть обращенном на себя» [Смирницкая 1989, 41], как нам кажется, нельзя считать веским аргументом в пользу неактуальности коммуникативного подхода по отношению к старшим руническим надписям, хотя бы на том основании, что ситуация, при которой код направлен сам на себя¹¹, засвидетельствована в различных языковых феноменах и функционирует как раз в рамках теории коммуникативного акта.

Не должен остаться незамеченным тот факт, что среди старших рунических надписей встречаются и надписи мемориального характера на каменных стелах [Мельникова 2001, 13], хотя и значительно уступающие по частотности надписям, содержащим имя, формулу-наименование или перформативную формулу. Кроме того, не следует абстрагироваться и от некоторых черт разговорной речи¹², присущих старшим руническим надписям и обусловленных экстралингвистической ситуацией¹³.

§ 2. В старших рунических надписях репрезентированы следующие синтаксические конструкции с глаголом:

1) начальное положение глагола:

а) **verb (imperative) [+ obj.]**: *wate hali hino horna haha skafi haþu ligi* (45) «*намочи* камень этот, рог; *мотыга, навреди*; битва, *лежи*»;

б) **verb (1 л. ед. ч. наст. вр.) + obj.**:

tawo lapodu (64) «*делаю* приглашение»; ... *gibu auja* (71) «*даю* удачу»;

¹¹ Code referring to code в терминологии Р. Якобсона [Якобсон 1972, 96].

¹² Ср., например, отсутствие согласования между именем существительным в им. пад. ед. ч. и глаголом в I л. ед. ч. (вместо 3 л. ед. ч.): ...*dagastiz runo faihido* (20) «...дагаст [окончание имени собственного в им. пад., то есть 3 л. ед. ч.] руну сделал [I л. ед. ч.]» или нагромождение личных местоимений, ср.: *ek wiz wiwio writum runo aisaz* (53) «Я, мы Вивиев [рода] написали руны. Айсаз».

¹³ Ср. гипотезу Э. Мольтке о влиянии латинского алфавита на руническое письмо в северогерманско-датском регионе, возникшем из-за потребности купцов из этого ареала в удобном средстве коммуникации в своей торговой деятельности [Мельникова 2001, 12].

в) **verb + obj. + subst.:** *wurte runoz an walhakurne heldaz kunimudiu* (109) «сделал руны на вальском зерне Хельд Куни-мунду»; *liliz aiwiuidai t uha* (60) «Лилиз. Сделал правильным это Уха»;

2) срединное положение глагола:

subst. + verb + obj.: ... *ek hrazaz satido* [s]tain[a] ana ...r... (26) «... я Хразаз поставил камень на ...»; *hadulaikaz ek hagustadaz hlaaiwido magu minino* (38) «Хадулайказ. Я, Хагустальдаз, похоронил сына моего»; *ek wiz wiwio writum runo aisaz* (53) «Я, мы Вивиев [рода] написали руну. Айсаз»; *hāpuwolAfA sAte stAbA þria fff* (116) «Хадуволаф установил знака три fff»; *Afatz hAriwulafa hApuwulafz hAeruwulafiz warAit runAz þAizAz* (117) «По Харивульфу Хадувульф Херивульфа [сын] написал руны эти»; *ni uhA borumz ni uha gestumz hApuwolAfz gaf j hAriwolAfz mAg[i]u ...* (119) «Ни Уха [местным] жителям, ни Уха гостям, Хадуволафс дал j [урожай]. Харифолафс сыну ...»;

subst. + verb + ek + obj.: *ekA sigimArAz Afs[A]kA raisidokA stAinA ... *z ...* (114) «Я Сигимараз невинный поднял я камень ...»;

obj. + verb + subst.: *makija maridai ala* (9) «меч украсил Ала»; *ana hahai slaginaz frawaradaz* (11) «на коне убитый Фраварадаз»;

obj. + verb + ek: *hidezruno no felaheka hederA ginoronoz ...* (119) «[из] ярких рун прячу я сюда могучие руны ...»;

obj. + verb + obj.: *ek erilaz hrosaz hroze worte þat azina ...* (111) «Я эрил Хроза. Хрозу сделал этот камень ...»;

3) конечное положение глагола:

а) нераспространенные предложения:

subst. + verb: *bidawarijaz talgidai* (4)¹⁴ «Бидавацияз (имя собственное) вырезал»; *hagiradaz tawide* (24) «Хагирад сделал»; *ek erilaz asugisalas em uha haite ...* (15) «Я эрил Асугисаль есмь. Уха зовусь»; *swabaharjaz sairawidaz ... stainawarijaz fahido ...* (26) «Свабахаряз с широкими ранами. ... Стайнаварияз [я] раскрасил»; *ek wakraz unnamz wraita* (41) «Я Вакр неберущийся написал»; *ek erilaz ...ubaz hite harabanaz hait* (48) «Я эрил ...убаз зовусь. Харабаназ зовется»; *ek erlaz wortaa* (110) «Я эрил сделал»;

¹⁴ Цифры в скобках после текста обозначают порядковый номер надписи в издании Антонсена [Antonsen 1975].

subst. + verb + ek 'я': ek erilaz sawilagaz hateka (17) «Я эрил Савилагаз зовусь я»; hariuha haitika farauisa (71) «Хариуха зовусь я в путешествии мудрый»;

б) распространенные предложения:

subst. + obj. + verb: ...dagastiz runo faihido (20) «...дагаст руну раскрасил»; ek hlewagastiz holtijaz horna tawido (23) «Я Хлевагаст Хольтий рог сделал»; ek wiwaz after woduride witadahalaiban worahto (27) «Я Вив по Водуриду господину сделал»;

obj. + verb: ... runoz waritu (48) «... руны пишу»; r¹⁵ writu (70) «руны пишу»;

obj. + verb + ek: runo fahi raginakudo tojeka ... hakufo (46) «руну удачную божественную делаю я ... Хакуду»;

obj. + subst. + verb: ... magoz minas staina ... daz faihido (18) «... сыну моему камень ...даз¹⁶ раскрасил»; ... [me]z woduride staina þrijoz dohtriz dalidun arbijarjostez arbijano (27) «... мне Водуриду камень три дочери приготовили законнейшие из наследников».

* * *

Выводы, которые можно сделать на основании анализа старших рунических надписей, носят, разумеется, эмпирический характер, если учитывать фрагментарность и неполную сохранность объекта исследования, тем не менее, нам кажется, что описание рунического материала несомненно заслуживает внимания с точки зрения древнейших германских аутентичных текстов, в которых лишь намечается ареальная дифференциация. Кроме того, оказывается возможным не просто констатировать факты, но и предложить их приемлемое на наш взгляд объяснение, а также сделать некоторые заключения относительно дальнейшей судьбы германских глагольных конструкций в ходе языковой эволюции.

Главным итогом исследования можно считать постулирование в старших рунических надписях основного структурного типа предложения с конечным положением глагола (**subst. + obj. + verb**), причем исходя не из его частотности, а скорее из логики анализа, так как только принятие этого тезиса позволяет мотивировать начальное или срединное положение глагола.

¹⁵ В старшей рунической надписи № 70 г, по-видимому, означает сокращенное написание runo 'руны'.

¹⁶ Окончание имени собственного.

Чтобы проверить эту гипотезу, необходимо оперировать рядом понятий:

- коммуникативными интенциями исполнителя надписи, — хотя нам и понятно «нежелание обращаться к такой непроверяемой сфере, как намерения говорящего» [Зализняк 2004, 59], на необходимость использования такой процедуры указывает сам языковой материал — прежде всего *эмфазой*, приданием дополнительного веса тому или иному элементу предложения, членением информации на главную и второстепенную;
- ритмико-синтаксическим барьером¹⁷ на стыке фраз;
- магической функцией слова в старших рунических надписях;
- экстралингвистическими факторами, то есть выделением реалий в составе предложения.

Опираясь на приводимые выше положения, попытаемся доказать правомерность трактовки конструкций с начальной и срединной позицией глагола как трансформаций синтаксической модели с конечной позицией глагола.

По поводу инициального положения глагола можно отметить, что оно является общегерманской нормой в императиве (ср. (45)). Функционирование конструкции с **verb (1 л. ед. ч. наст. вр.) + obj.** обусловлено, во-первых, особенностями магического словоупотребления (*laþodu* (64) ‘приглашение’ и *auja* (71) ‘удача’ входят в инвентарь ключевых магических слов старших рунических надписей) и, во-вторых, стремлением рунического мастера выдвинуться на первый план, обозначить свою роль. Иначе говоря, конструкции типа **laþodu tawo* «приглашение делаю» или **auja gibu* «удачу даю» воспринимались бы как абсолютно нейтральные, не акцентирующие внимания на отправителе сообщения, в то время как реально засвидетельствованные *tawo laþodu* (64) «делаю приглашение»; ... *gibu auja* (71) «даю удачу» не в ущерб магическим словам, которые всегда образуют ядро фразы независимо от своего расположения в ней в силу своей природы, подчеркивают значение действия адресанта, в данных контекстах явно уподобляемого жрецу. Конструкция **verb + obj. + subst.**, зафиксированная в двух примерах, трактуется по-разному: в одном случае (109) наблюдает-

¹⁷ Этот термин использовался при изучении языка берестяных грамот [Зализняк 2004].

ся перетягивание глагола (*wurte*) на первое место под влиянием аллитерирующего слова *walhakurne* ‘вальском зерне’, обозначающего брактеат (= денотат)¹⁸, а в другом мы имеем дело с выделением нетипичного для рунических надписей глагола (вроде *написать, сделать, украсить, назвать* и др.) с особой морально-этической семантикой после ритмико-синтаксического барьера за первым именем (ср.: *liliz aiwuidai t uha* (60) «Лилиз. *Сделал правильным* это Уха»).

Срединное положение глагола (**subst. + verb + obj.**) обуславливает несколько ситуаций, при которых возникает потребность:

а) в маркировании *денотата*, на который нанесена надпись, в частности, камня, и *своей* роли в ее написании¹⁹, ср.: ... *ek hrazaz satido [s]tain[a] ana ...r...* (26) «... я Хразаз *поставил камень* на ...» [надпись на камне]; *makija maridai ala* (9) «*меч украсил* Ала» [надпись на мече];

б) в маркировании *средства коммуникации* между человеком и богом, то есть самих рунических знаков, ср.: *haruwolAfA sAte stAbA þria fff* (116) «Хадуволаф *установил знака* три fff»; *hidezruno no felahekA hederA ginoronoz ...* (119) «[из] *ярких рун прячу* я сюда *могучие руны* ...»;

¹⁸ Надпись *wurte runoz an walhakurne heldaz kunimudiu* (109) «*сделал руны* на вальском зерне Хельд Кунимунду» сделана на брактеате, называемом здесь «вальским зерном». Порядок слов вызван как стремлением рунического мастера подчеркнуть материальный объект, на который наносится надпись, так и свое участие в процессе. Если реконструировать ход мыслей рунического мастера, то можно предположить следующие этапы: зашифровку денотата при помощи кеннинга «вальское зерно» (*walhakurne*), подбор аллитерирующего слова – это мог быть только глагол, так как конкретная информация была сосредоточена в именах исполнителя надписи Хельда и заказчика Кунимунда – и перенос его в маркированную первую позицию с целью заострить внимание именно на своей деятельности.

¹⁹ Обычный порядок слов * ... *ek hrazaz [s]tain[a] ana ...r... satido* (26) «... я Хразаз *камень* на ... *поставил*» был бы нейтральным в отношении субъекта надписи; кроме того неуместной выглядела бы аллитерация глагола в безударной, как правило, позиции в старших рунических надписях.

в) в маркировании *главной* информации, в частности, определенных обстоятельств, связанных с гибелью человека, ср.: ana hahai slaginaz frawaradaz (11) «на коне убитый Фраварадаз»²⁰.

Предположение об исконности синтаксического типа **subst. + obj. + verb** основывается не только на типолого-генетических данных, в частности, на реконструкции такого порядка слов для протоиндоевропейского и ранних индоевропейских языков, но и на функциональном подходе к старшим руническим надписям как к древнейшим памятникам германского протостиха, в котором последнюю метрическую позицию занимал, как правило, безударный глагол.

Данные старших рунических надписей позволяют проследить некоторые тенденции закрепления глагола на втором месте в предложении и приобретении им ударности. Судя по всему, этот процесс осуществлялся постепенно и состоял из нескольких стадий:

- а) ситуационно обусловленный (коммуникативными намерениями адресанта или магической функцией рун) переход глагола из *финальной* позиции на *второе* место в предложении (**subst. + obj. + verb** > **subst. + verb + obj.**);
- б) глагол во *второй* позиции уступает по степени ударности остальным членам предложения, ср. не участвующий в аллитерации глагол на фоне аллитерирующих имен собственных: Afatz hAriwulafa hApuwulafz hAeruwulafiz warAit runAz þAizAz (117)²¹ «По Харивульф Хадувульф Херивульфа [сын] *написал* руны эти»; ni uhA borumz ni uha gestumz hApuwolAfz gaf j hAriwolAfz mAg[i]u ... (119) «Ни Уха [местным] жителям, ни Уха гостям, Хадувулафс *дал* j [урожай]. Харифолафс сыну ...»;
- в) глагол во второй позиции включается в аллитерацию под влиянием имени и тем самым становится *ударным*, ср.: hadulaikaz ek hagustadaz hlaaiwido magu minino (38) «Хадулайказ. Я, Хагустальдаз, *похоронил* сына моего»; ek wiz wiwio writum runo aisaz (53) «Я, мы Вивиев [рода] *написали* руну. Айсаз»;

²⁰ В данном случае существенно, что Фраварадаз убит именно на коне, а не в лодке, например.

²¹ Жирным шрифтом и подчеркиванием отмечается аллитерация.

- г) происходит грамматикализация глагола во второй позиции, то есть синтаксический тип **subst. + verb + obj.** становится базовым.

*   *   *

Возвращаясь к отражению закона *Вакернагеля* в германских языках, выскажем некоторые замечания на этот счет. Анализ материала свидетельствует о том, что в старших рунических надписях этот закон действовал. Его реализация состоит в наличии безударного глагола во второй (не свойственной ему) позиции в предложении после полноударного имени, ср. цитируемые выше примеры из пункта б. К просодической категории *энклитик*, таким образом, в старших рунических надписях относились глаголы, а также личное местоимение 1 л. ед. ч. ек 'я'. Последнюю категорию иллюстрируют следующие надписи:

subst. + verb + ek 'я': ek erilaz sawilagaz *hateka* (17) «Я эрил Савилагаз зовусь я»; hariuha *haitika* farauisa (71) «Хариуха зовусь я в путешествии мудрый»;

obj. + verb + ek: runo fahi raginakudo *tojeka* ... hakuþo (46) «руну удачную божественную *делаю я* ... Хакуду»;

subst. + verb + ek + obj.: ekA sigimArAz Afs[A]kA *raisidokA* stAinA ... *z ... (114) «Я Сигимараз невиновный *поднял я* камень ...»;

obj. + verb + ek: hidezruno no *felaheka* hederA ginoronoz ... (119) «[из] ярких рун *прячу я* сюда могучие руны ...».

Специфика функционирования энклитик заключается в наличии сандхиальных явлений на стыке с глаголом²² (ср. редукцию: -ika вместо -eka в *haitika* 'зовусь я' (71) или элизию начального гласного в *raisidokA* 'поднял я' (114) < *raisido + eka), а также в их соотношении с местоимением 1 л. ед. ч. в инициальной позиции, (ср.: **ek** erilaz sawilagaz *hateka* (17) «*Я* эрил Савилагаз зовусь *я*»), которое может даже уподобляться энклитике (ср.: **ekA** sigimArAz Afs[A]kA *raisidokA* stAinA ... *z ... (114) «*Я* Сигимараз невиновный *поднял я* камень ...»).

В старших рунических надписях наблюдаются определенные закономерности в размещении энклитик в составе фразы:

²² На стыке с энклитикой глагол может претерпевать изменения, ср. *tojeka* 'делаю я' (46) < о.-герм. *tō(w)-(i)j- с потерей конечного гласного корня перед энклитикой [Antonsen 1975, 55] или *felah-*, 1 л. ед. ч. наст. вр. сильного глагола третьего класса без конечного гласного флексии перед энклитикой в *felah-eka* 'прячу я' [Antonsen 1975, 86].

местоимение 1 л. суффируется к глаголу, следовательно, можно говорить о *ранге* энклитик²³: глагол (первый ранг), личное местоимение (второй ранг).

На основании анализа старших рунических надписей оказывается возможным установить границы первой тактовой группы (или фонетического слова), занимающей первую позицию во фразе и несущей на себе ударение: минимальный вариант сводится к отдельному имени, а максимальный – к местоимению 1 лица, имени собственному и аппозиции, ср.: *ekA sigimArAz Afs[A]kA* (114) «Я Сигимараз невиновный».

Правило о барьерах регулирует действие закона Вакернагеля. На стыке фраз появляется ритмико-синтаксический барьер, меняющий базовую структуру предложения, при этом глагол перемещается с конечной позиции в срединную, ср.: *ek erilaz hrosaz [//]²⁴ hroze worte þat azina ...* (111) «Я эрил Хроаз. [//] Хрозу сделал этот камень ...».

Ни в коей мере не опровергая суждения о том, что «оценивая в целом результаты исследований в области германского фразового ударения, можно сказать, что в них мало надежного и устойчивого; последовательность развития типов фразового ударения в германском, как и причины исторической смены этих типов, не получили еще в литературе вопроса надлежащего освещения» [Кацнельсон 1962, 220], все же льстим себя надеждой, что ситуация в старших рунических надписях в этом аспекте по крайней мере описана, а, возможно, хотя бы отчасти и прояснена.

Источники

Antonsen 1975 – *Antonsen E.H. A Concise Grammar of the Older Runic Inscriptions // Sprachstrukturen. Herausgegeben von Herbert L. Kufner, Hugo Steger und Otmar Werner. Reihe A. Historische Sprachstrukturen 3. Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 1975.*

²³ Ранги энклитик определяются как «номера позиций, которые занимает конкретная энклитика в случае соединения энклитик друг с другом» [Зализняк 2004, 46].

²⁴ Знак // обозначает ритмико-синтаксический барьер.

Литература

- Зализняк 2004 – *Зализняк А. А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., «Языки славянской культуры», 2004.
- Кацнельсон 1962 – *Кацнельсон С. Д.* Германская акцентология // Сравнительная грамматика германских языков в пяти томах. Т. II. Фонология. М., издательство Академии наук СССР, 1962, 160–220.
- Макаев 1965 – *Макаев Э. А.* Язык древнейших рунических надписей. М., «Наука», 1965.
- Мельникова 2001 – *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарии. М., «Восточная литература» РАН, 2001.
- Смирницкая 1989 – *Смирницкая О. А.* Древнейшие рунические надписи как памятник протостиха // Эпос Северной Европы. Пути эволюции. М., издательство Московского университета. М., 1989, 3–67.
- Смирницкая 1990 – *Смирницкая О. А.* Что такое руническое предложение? // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. Выпуск 2. М., 1990, 198–209.
- Топорова 1990 – *Топорова Т. В.* О синтаксисе старших рунических надписей // Скандинавские языки. Структурно-функциональные аспекты. Выпуск 2. М., 1990, 210–230.
- Якобсон 1972 – *Якобсон Р. О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972, 95–113.
- Krisch 1990 – *Krisch Th.* Das Wackernagelsche Gesetz aus heutiger Sicht // Sprachwissenschaft und Philologie. Jacob Wackernagel und die Indogermanistik heute. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 13. bis 15 Oktober 1988 in Basel. Herausgegeben von Heiner Eichner und Helmut Rix. Wiesbaden, 1990, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 64–81.
- Schlerath 1990 – *Schlerath B.* Jacob Wackernagel und die indogermanische Sprachwissenschaft // Sprachwissenschaft und Philologie. Jacob Wackernagel und die Indogermanistik heute. Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft vom 13. bis 15 Oktober 1988 in Basel. Herausgegeben von Heiner Eichner und Helmut Rix. Wiesbaden, 1990, Dr. Ludwig Reichert Verlag, 10–32.
- Wackernagel 1892 – *Wackernagel J.* Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen, Straßburg, 1892, Bd. I, 333–434.

С. Р. Тохтасьев

Новые материалы по истории койне

Одним из интереснейших источников по истории греческого языка в эллинистический период являются граффити на штукатурке, которой были покрыты стены одного из помещений храмового комплекса в боспорском городе Нимфее. Они были обнаружены раскопками эрмитажной экспедиции Н. Л. Грач еще в 1982 г.,¹ но большинство их до сих пор не издано. Некоторые тексты опубликованы лишь в иллюстрациях, некоторые, наоборот, только в транскрипции, но даже те, что известны, не привлекли никакого внимания историков греческого языка несмотря на их очевидную уникальность.

Судя по данным археологии и самих текстов, большинство их (если не все) датируется в пределах 250/49–240 гг. до н.э.²

Большинство граффити не поддается ясной классификации. Как, например, понимать жалостное *κακοβίωων μετὰ Νυμφαίου* ЕГД – “бедствующий вместе с Нимфеем...” или *ἐὺς ὕδωρ εὐυδροῦ ἐῖ [π]ιῖν ὕδωρ* (школьная скороговорка)? Кто-то счел необходимым сообщить всем: “Мы отплыли двенадцатого числа (месяца) каламайона” (*ἡνοίξαμεν Θαρρηλιῶνος ἐκάδι, SEG XXXIV 756*; имеются еще три аналогичные надписи); но кто же эти “мы” и куда отплыли? – ничего этого не сообщается. Встречаются хозяйственные записи, отдельные имена и перечни имен с указанием денежных сумм и объемов продуктов. Сразу три нимфейца написали от своего имени приветствия Сатиру (III), сыну царя Спартока III и регенту при малолетних сыновьях его покойного брата, царя Перисада II (см. ниже). К так наз. мемориальным надписям относится граффито *ἐμνήστησαν* (sic) *παρὰ τῆ Ἀφροδείτῃ {H[P]O} Ἡράξει[ο]ς καὶ Μητροφάνης σὺ{y}ν σείτω σωθέντες διὰ Ἀφροδείτῃ ἐπ’ ἀγαθῶ* – “Помянуты рядом с Афродитой (т.е. в ее святилище) Гераксен и Метрофан,

¹ Н. Л. Грач. Открытие нового исторического источника в Нимфее, *ВДИ* 1984, № 1, 81–88; *SEG XXXIV 756*; N. [L.] Grač. Ein neuentdecktes Fresco aus hellenistischer Zeit in Nymphaion bei Kertsch, *Skythika* (Abh. Akad. München, 98, 1987) 87–95; Ju. G. Vinogradov, *Bull. ép.* 1990, 590 = *SEG XXXIX 701*.

² Подробнее с лит. см. С. Р. Тохтасьев. К политической истории Боспора III в. до н.э., *Древности Боспора X* (2006).

спасшиеся вместе с грузом хлеба с помощью Афродиты, к удаче”;³ ср. также ἐμ{εμ}νήστη Ἀριστοκλῆς ἐπ’ ἀγαθῶ.⁴ Вопреки сакральному характеру помещения, многие ничуть не стеснялись писать на его стенах всякие непристойности, иногда просто похабные. Некая Феодора, зная, что женщин украшает скромность, высказалась культурно и не без изящества: [Θ]εοδώρα Πίθωνι (или Πόθωνι) χαίρειν· καλῶς ποῆσεις με, ἀγρυπνίσεις με – “Феодора шлет Питону (Потону?) привет; ты прекрасно обойдешься со мной, лишишься сна из-за меня!”. Но мужчин, кажется, ничто не сдерживало: πυγίζονται πάντες Νυμφαῖται; Βουζουνον (fem.? не связано с дальнейшим?) Διονυσίο<υ> (или <ς>) πυγίζεται [ὑ]πὸ Μυρίσκου τοῦ κιναίτου (sic); Θέρσιππος πυγίζεται κтл.; ἐπυ{πυ}γίζ^{ca. 3}-]ς ὁ πυγιστεῖς (sic) ἀναθῆ (или ἀναθῆς) .... [πυγί]ζειν πάντας ἐπύγισε (παίγνια вроде ἐὺς ὕδωρ κтл.); Ἀδᾶς οἰφ(όλης?) и др., по большей части касательно того же τὸ πυγίζειν в ущерб βινεῖν (последний глагол встречается только в фразе ὡς τὸ βινεῖν ἐστὶν γλ[υκ] (?) - - -] κтл. и в граффито, позорящем некоего Терсиппа, см. ниже).⁵ При этом соответствующих рисунков почему-то почти нет (только два фалла). Крайне любопытен образчик парафольклорной словесности, стишок анекдотического (в современном смысле) жанра про женщину, отдохавшую вместе с мужем

³ Ср. М. Guarducci. *Epigrafia greca* III (Roma 1975) 218–226, 369 seg.; к пассивному употреблению ἐμνήστησαν, ἐμνήστη ср. IG II² 13230: ἐμνήστη ἐπ’ ἀγαθῶ Πυθόοικος κтл.

⁴ Grač. *Op. cit.* 93, Abb. 2.

⁵ Нимфейцы и в более ранние времена (V в. до н.э.) не стеснялись совершать на территории святилищ и некоторые другие неблагоприятные дела: на каменном блоке из предполагаемого святилища Деметры высечено: μὴ χέσεις (“краткий конъюнктив”) ἱερόν – “не хезай в святилище!” (КБН 939, с ошибками в чтении и интерпретации). Свидетельства неблагоприятного поведения в святилищах и на мероприятиях религиозного характера известны, впрочем, и в некоторых других греческих полисах; так, в Олимпии около 500 г. издали lex sacra, в частности, запрещающий совокупляться в святилище (LSAG 220, Pl. 42. 5: αἱ δὲ βενέοι ἐν τιαρῶι κтл.); штрафовали сурово – бык и полное очищение (конечно, за свой счет) даже для членов священных посольств, теоров; в Дельфах же законодательно преследовали тех, кто проносил на стадион бутылки (LSAG 104, Pl. 13. 17, V в. до н.э.; правда, за такой грех перед Аполлоном штраф был всего пять драхм).

(ἀναπαυμένη μετ' ἀνδρ[ὸ]ς ... γυνή κτλ.), издавшую неприличный звук и о том как с ней поступил за это муж.

Наряду с банальными для III в. до н.э. явлениями (εἰ как для долгого, так и для краткого ι; симплификация геминат: θαλάσση; ἀγρυπνίζω, заместившее ἀγρυπνέω), в нимфейских граффити встречаем и ряд редких и совершенно необычных языковых явлений, большинству которых, как мы всегда думали, место в надписях римского времени.

-ι < -ει: ἐνάρχι, [ἐνά]ρχι. Первые примеры такого написания дифтонга εἰ появляются в боспорских лапидарных надписях с I в. до н.э., а в абсолютном ауслауте – только во II в. н. э. (КБН 1087: ἔτι = ἔτει).⁶

Ассимиляция ι – υ > υ – υ: Δυνυσίδωρος < *Δινυσι(ό)δωρος; ср. Δινύσο, граффито с о-ва Березань 2-й четверти V в. до н. э.;⁷ ср. далее Δυνούσιος, Δυνουσίου (КБН 667, II в. н. э.; здесь же Νηκάνδρου и voc. Ἀριστήδι),⁸ Γλίκων (1263, 9, II в.), Εὐθίνου (748, без точной даты; свидетельство вообще сомнительно); κ -ιο- > -ι- ср. Διονυσίδωρος в КБН 963 (полная ошибок эпитафия II в. н. э.). В аттическом, где [u] рано перешел в [ü], такая ассимиляция известна уже в IV в. до н.э. (IG II² 9967: Μυτυληναῖος).⁹

-ει = -ηι: ἐπτακαίδεκάτει. На Боспоре известен, да и то предположительно (метрическая схема не вполне ясна), лишь один подобный пример в надгробной эпитафии I в. до н. э. или первых десятилетий I в. н. э. из Пантикапея: dat. Ἰίδει (подготовлена к изданию А. И. Иванчином). В ионийском -ηι в дативах основ на -ᾱ- монофтонгизировался уже в архаический период (в нимфейских граффити – только -ᾱ, при том, что в данной надпи-

⁶ А. И. Доватур. Краткий очерк грамматики боспорских надписей, КБН, с. 803, § 8. 1.

⁷ И. И. Толстой. *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья* (Москва – Ленинград 1953) № 79; L. Dubois. *Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont* (Genève 1996) 80; С. Р. Тохтасьев в кн.: С. Л. Соловьев. *Борисфен – Березань: Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки* (СПб. 2005) Кат. 261 (с фотографией).

⁸ Для подобных форм в аттических надписях Трит не без оснований допускает влияние δύο: L. Threatte. *The Grammar of Attic Inscriptions I* (Berlin – New York 1980) 262.

⁹ Другие примеры (особенно часто ἡμισύ) см. *ibid.* 261 ff.

си находим единственный пример написания -ωι в дативах основ: Ἐστιαίωι). Таким образом, перед нами, очевидно, элемент койне аттического происхождения; в Аттике переход -ηι > -ει засвидетельствован уже в первых надписях ионийского алфавита.¹⁰ Аттицизмом, по-видимому, следует считать и οὔθεις в одном из обценных граффити (том же, где κυστολοιχ[, ниже); более древний пример позиционной аспиратизации (или скорее уже спирантизации) с оглушением δ находим в метрической надписи *КБН* 116, конца IV – начала III в. до н. э.: ὄθ' ὑπό;¹¹ в проксеническом декрете *КБН* Add. 4, 7 (8) примерно того же времени¹² высечено чисто аттическое и не усвоенное койне θάλαττ[αυ (резчик – выходец из Аттики?).

“Синкопа” -ιος > -ις: Ἀπολλῶνις (?), Διουῦσις, Εὐφρόνις, Εὐφρόνι χαῖ(ρε). В лапидарных надписях такие формы появляются на Боспоре лишь в I в. н. э. (*КБН* 36, 80, 104, 105, 339, 383, 496, 616, 963, 1034 и др.), в Египте с середины II в. до н. э. (Ἀπολλῶνις), но едва ли не во всех других местах имена с вторичным -ις раньше самого конца II в. до н. э. или даже рубежа эр не засвидетельствованы (вокативы на -ι в доримское время не встречаются и в папирусах).¹³ Впрочем еще более древний пример, похоже, находим в заклятии на свинцовой табличке из Ольвии середины – 3-й четверти IV в. до н. э.,¹⁴ где

¹⁰ См. *ibid.* 368 f., 377 f.

¹¹ Ср. τῶιδ' ὑπόκειται в пантикапейской эпиграмме 1-й половины V в. до н.э. *КБН* 114.

¹² См. Н. С. Белова. Новая надпись из Гермонассы, *ВДИ* 1967, № 1 65 сл., прим. 17; В. П. Яйленко. Новые надписи Горгииппии, *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник* (Москва 1985) 153–156; Ju. G. Vinogradov. Epigraphik in der UdSSR, *Arheološki vestnik XXXI* (1980) 307, № 78. Предложенное А. И. Болтуновой, В. П. Яйленко и Ю. Г. Виноградовым восстановление в стк. 1 Σέλε]υκος (сын Евмела) с опорой на Diodor. XII, 36, 1, где рукописное Σέλευκος на самом деле следует исправлять на Σάτυρος (I), не может быть принято; гораздо правдоподобнее банальное Γλα]υκος или какое-нибудь из имен с λυκος.

¹³ Подробнее см. С. Р. Тохтасьев. Из ономастики Северного Причерноморья: XX. Заметки по морфологии, *Сборник статей памяти Я. В. Доманского* (СПб., в печати).

¹⁴ С. Р. Тохтасьев. Новые tabellae defixionum из Ольвии, *Hyperboreus* 6/2 (2000) 298 сл. № 21, Рис. 1, 2 (*SEG* L 702. II, где А. Аврам по недо-

имя Ἀπατούριος первоначально было написано так: ΑΠΑΤΟΥΡΙΣ, затем после *иоты* был вписан крохотный *омикрон*. Причины для чисто механической ошибки (соседство круглой буквы) отсутствуют.

δ > τ: κιναίτου, Δελοσκούρίτης, Παρισάτου (bis). Все прочие боспорские примеры как оглушения, так и озвончения смычных относятся к римскому времени (кроме Σπαρδοκ^ο, ниже): δεκάτας вместо δεκάδας (1057₃, I в.н.э.: ассимиляция и влияние δέκατος),¹⁵ οἰκοδεσποδίην (КБН 144, около рубежа эр: ассимиляция), Ἡβατίων (I–II в.н.э.)¹⁶ от ἦπαρ (ср. Ἡπατίων КБН 1198), напоминающее Ἐβαφράς и т.п. в надписях римского времени,¹⁷ может быть, объясняется и влиянием ἦβη, ἠβη. В нимфейских примерах оглушение δ не может быть, однако, оправдано ни фонетическим окружением, ни парэтимологией.¹⁸ Παρισάτου, судя по всему, скифское имя, к *Pa¹ti-š(y)āta-, т.е. с исконным -t-; но при адаптации в греческом оно, как и прочие скифские имена с *š(y)āta-, было включено в ряд квазипатронимиков на -άδης, откуда -δ-.¹⁹ Нет никаких оснований думать, что боспорским грекам было известно подлинное звучание варварского имени, благодаря чему оно эпизодически прорывалось в письменность. Официальной формой этого династического имени являлось Παρισάδης (только так в проксенических декретах от имени Перисада I “и сыновей”, в монументальных посвященных надписях IV–III вв., на монетах, а также в эпиграфических памятниках за пределами Боспора).

ρτ > ρδ: Σπαρδοκ(-) или скорее Σπαρδοκί(-), т.е. Σπαρδοκί(ων) или -ί(ωνος). Прямую параллель находим в посвященном графито на чернолаковом блюде из Мирмекия, которое

разумею утверждает, что, в соответствии с моим рисунком, на табличке читается Ἀπατούρις).

¹⁵ Ср. G. Mihailov. Rev. CIBR, *Linguistique Balkanique* XI/2 (1966) 96.

¹⁶ А. И. Болтунова. Неизданные надгробия из Керчи и окрестностей, *ВДИ* 1965, № 2, 99, № 4.

¹⁷ W. Peek. Epigraphische Lesefrüchte, *ZPE* 31 (1978) 273 f.; Threatte. *The Grammar*, 436.

¹⁸ Много примеров подобного рода собрал Трит, *Op. cit.* 438 f. См. также ниже и прим. 23.

¹⁹ Ср. С. Р. Тохтасев. Проблема скифского языка в современной науке, *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest* (Iași 2005) 98 сл.

относится ко времени Спартока III, отца Перисада II и Сатира (III), т.е. к 304/3–284/3 гг.: Σπαρδόκου.²⁰ Σπάρδοκος известно еще раз только в “Канонах” Теогноста (Θράκιον ... ὄνομα, Cramer. *An. Gr.* p. 59, 20, вероятно, из Геродиана), где оно, судя по всему, отражает синкопу из Σπαράδοκος, как стоит на монетах одрисского царя V в. до н. э.²¹ и у Фукидида в IV, 101, 5; показательно, что в II, 101, 5 находим такую же синкопу Σπαρδόκου (в другой ветви традиции – Σπαρδάκου), но уже в качестве ошибок переписчиков (конечный источник Теогноста?).²² Однако официальной формой имени основателя боспорской династии Спартокидов и его потомков-тезок всегда было только Σπάρτοκος (боспорские, аттические и др. надписи, монеты), так что здесь гипотеза о синкопе из Σπαράδοκος исключена a limine. Вместе с тем, хотя озвончение или оглушение смычных нередко встречается в греческом, в числе примеров, собранных в грамматиках,²³ слов именно с ρδ < ρτ нет. Влияние /г/ явно отражено в вариации ργ : ρκ в скифском теониме, засвидетельствованном вотивными граффити II в. до н. э. из Северо-Западного Крыма: ТАРГАI, ТАРКА,²⁴ однако какая из форм первична, неизвестно, несмотря на весьма вероятную связь с именем скифского прародителя Ταρυίταος (Hdt. IV, 5).²⁵

Второй компонент имени *Спарток* (и т.п.), весьма популярный во фракийской антропонимии, выступает в источниках в постоянном чередовании с начальным глухим (как в Σπάρτοκος);²⁶ аналогичные чередования встречаются в греческих записях фракийских слов довольно часто, причем природа явле-

²⁰ В. Ф. Гайдукевич. Вотив Геря из Мирмекия, *Культура античного мира* (Москва 1966) 70 слл.

²¹ В. Н. Head. *Historia numorum* (Oxford 1911²) 282.

²² Или гаплография из ΣΠΑΡΑΔΟΚΟΥ? Ср. I. M. Stahl. *Quaestiones grammaticae ad Thucydidem pertinentes* (Lipsiae 1886) 65; см. далее P. Kretschmer. *Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache* (Göttingen 1896) 238; idem. Zum Balkan-Skythischen, *Glotta* 24 (1936) 13 f.

²³ G. Meyer. *Griechische Grammatik* (Leipzig 1896³) 271 f.; Schwyzler GG 207 f. Выделяются альтернации, вызванные 1) аналогией; 2) ассимиляцией или диссимилиацией; 3) особой группой: в негреческих словах, но и здесь первые два фактора имеют первостепенное значение.

²⁴ А. Н. Щеглов. Большой Кагель и святилище II в. до н. э. в урочище Джангуль, *Проблемы античной культуры* 3 (Симферополь 1988) 275.

²⁵ Ср. Тохтасьев. Проблема скифского языка, 96, прим. 205.

²⁶ См. D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste* (Wien 1976²) 145.

ния неясна. Может быть, именно эта особенность фракийского, в частности, в интересующем нас имени, и стала причиной трансформации $\rho\tau > \rho\delta$ в обоих боспорских свидетельствах? В самом деле, боспорцы издавна и тесно контактировали с жителями западнопонтийских городов, довольно значительное число фракийских наемников постоянно обитало на территории Боспора, а Σπάρτοκος в эллинистическое время стало одним из самых распространенных и известных фракийских имен. В таком случае свидетельства из Мирмекия и Нимфея можно квалифицировать как варваризмы.

$\sigma\theta > \sigma\tau$: ἐμ{εμ}νήστη, ἐμνήστησαν, πυγιστεῖς; сюда же κυστολοιχ[---], если это сложение из κύσθος ‘*rudenda muliebría*’ и -λοιχός (ср. αἵματο-, κρισо-, ματτυλοиχός и др.). В лапидарных надписях явление известно на Боспоре с I в. н. э.,²⁷ в аттических надписях (не считая сигнатур на вазах) – лишь в одном посвящении III в. до н. э. (*IG II² 4449, 2*),²⁸ которое высекал малограмотный резчик, вполне возможно, негреческого происхождения: ΛΑΚΙΣΤΕΝΟΥ вместо Ἀλκιστένου. В ряде диалектов (западнолокийском, фокейском, фессалийском, беотийском, мегарском и др.) написание $\sigma\tau$ вместо $\sigma\theta$ (в локрийском – регулярное) отражает, как считается, превращение θ в спирант ([sP], ср. такое же $\sigma\tau$ в н.-греч.), что вероятно и для ионийского (во всяком случае в предвокальной и интервокальной позициях и в сочетаниях с другими согласными).²⁹ Однако в ионийских надписях примеров $\sigma\theta > \sigma\tau$ мне не встречалось.

Пожалуй, еще более интересные факты обнаруживаются в именной морфологии.

Δειοσκουρίτης πατέραν ἐτύγειζε καὶ αὐτ{τ}ὸς ἔλεγε· καλῶς καλῶς;

Θεομνήσθης πατέρα ... θυγατέραν βεβείνεκε κτλ.;

πυγίζενταν (или все же πυγίζονταν) ἐπὶ θαλάσῃ (то же графито, где Δυνυσίδωρος).

В πατέραν и θυγατέραν нетрудно распознать предтечи средне- и новогреческих номинативов πατέρας, θυγατέρα. В лапидарных надписях подобные формы единичны даже в самое

²⁷ См. С. Р. Тохтасев. Из ономастики Северного Причерноморья: X–XVII, *Hyperboreus* 6/1 (2000) 142, прим. 81 (и vice versa $\sigma\tau > \sigma\theta$).

²⁸ Threatte. *The Grammar*, 559.

²⁹ Schwyzler *GrGr* 205 f.

позднее время; πατέραν обнаруживается на Боспоре в надписи фиаса КБН 105 II–III вв. н. э. рядом с аналогичным ἱερέαν (здесь же и Ουαλέριν; то же – в 104, где, однако, πατέρα); ἱερέαν, ἡρέαν также в надписях фиасов III в. н. э. (81, 80), μηδέαν в надписи на стене склепа того же времени 731, 5 (при μηδεῖς в стк. 7).³⁰ В эллинистическую эпоху (тоже в III в. до н.э.) параллели известны только в совсем других ареалах, в Фессалии – λειτόρας ‘жрец’ вместо λείτωρ сразу в двух надписях (Метрополь и Ларисса), и, по-видимому, также на Крите (Итанос) – Μιαστήρας (SEG XXVII 628, II в. до н. э.).³¹ Следует, однако, учитывать, во-первых, что и фессалийский, и критский диалекты в это время еще благополучно существовали, так что аналогии скорее формальные, а во-вторых, что λειτόρας – уже конституировавшийся вторичный номинатив, тогда как номинативом к πατέραν на Боспоре, может быть, и в III в.н.э. остается старое πατήρ.

Совершенно обескураживает аккузатив ἀνήρα, стоящий рядом с нормальными ἀνὴρ и ἀνδρ[ό]ς в виршах о неэтичном поведении одной женщины. В позднегреч. (см. *LSJ*) и н.-греч. известно только ἄνδρας (resp. ἄντρας), извлеченное, подобно πατέρας, θυγατέρα, из древнего аккузатива. Указание на эпическое ἀνέρα выглядело бы, пожалуй, ничуть не лучше (даже допустив, что -η- в ἀνήρα идет из номинатива), чем ссылка на гомер. θύατρα при обсуждении формы θυγάτηρ в боспорских эпитафиях I–II вв. н. э. КБН 475, 484, 693 и особенно 369: θυγατρός, θυγάτηρ.³² С другой стороны, текст метрический, так что влияние гомеровской формы нельзя исключать полностью. Вопрос требует дальнейшего обдумывания.

Не менее поразителен γεν. [Καλα]μαῖωνου (рядом с нормальными Καλαμαίωνος, Θαργηλιώνος, Ταυρεώνος), если принять это более чем вероятное восстановление Ю. Г. Виноградова (*Bull. ép.* 1990, 590; *SEG XXXIX* 701 A 2), которое подкрепляет

³⁰ Ср. Доватур. Краткий очерк, 821, § 15. 2; 825, § 4. 2, а также *Εὐνώων* (ниже, прим. 34) и I. A. Levinskaya, S. R. Tokhtas'ev. *Inscriptions of Bosporan Kingdom*, in: I. Levinskaya. *The Book of Acts in Its Diaspora Setting* (The Book of Acts in Its First Century Setting 5. Grand Rapids, Michigan – Carlisle 1996) 233 f.

³¹ O. Masson. *Variétés thessaliennes*, *RPh* 54 (1980) 227 suiv. = idem. *Onomastica Graeca selecta II* (Paris 1980) 357 suiv.

³² Ср. Доватур. *Указ. соч.* 813, § 4. 5.

граффито из Горгиипии еще конца IV – начала III в. до н. э., ср.: Μοσχίωνου³³ и, возможно, Εὐνώνου в надписи из Танаиса III в. н. э. *КБН* 1287, 26.³⁴

Среди антропонимов особый интерес представляет Καλοῦς (и ген. Καλοῦ). Первые бесспорные свидетельства греческих мужских имен на -οῦς³⁵ в лапидарных надписях Боспора появляются только с конца II или начала I в. до н. э. (Ἄγαθοῦς *КБН* 704), Καλοῦς – с I в. до н. э. (123).

Заслуживает внимания и вульгарный стиль (или, лучше сказать, синтаксическая стилистика) нимфейских граффити, а именно упомянутых выше здравниц боспорским правителям; привожу полные тексты этих совершенно необычных граффити:

Ἄπολ[λ]ῳνίος Σατύρω καὶ Παρισάδου χαίρειν;
 Θέρσιππος Σατύρω καὶ Παρισάτου χαίρειν;
 Ἄφροδείτη χαῖρε. Ἄδᾶς χαίρειν Σάτυρον καὶ Παρισάτου καὶ τοῦ Ἰερί(ου?) καὶ τοῦ Εὐνο[υ (?) καὶ] Ἄπολλωίου[υ] Γ(?)ΥΝΙΚ(?).Ι.

Παρισάδ/του, стоящее все три раза (воздействие стандартного формуляра?) вне какой-либо грамматической связи и без проясняющего ее артикля, насколько я понимаю, может объясняться только эллипсом παλοῖ resp. παίδας в последнем тексте: “Аполлоний (Терсипп, Адаc) (желает) радоваться Сатиру и (сыновьям) Перисада”. Речь идет о будущих царях Спартоке IV и Левконе II, сыновьях Перисада II; ср. аналогичную формулировку в договоре середины IV в. до н. э. о симмахии Синопы и тираннов Гераклеи – “Сатира и сыновей Клеарха” (покойного старшего брата Сатира), тоже не названных по именам, но, разумеется, без нелепого эллипса и с артиклем: Σάτυρος καὶ οἱ Κλεάρχου παῖδες (*I. Sinope* 1, 1 sq. и др.; этот Сатир до того, как его племянники, Тимофей и Дионисий, не дос-

³³ Г. А. Цветаева. Кубок Мосхиона, *ВДИ* 1976, № 3, 142 слл.

³⁴ В *КБН* и *LGPN* IV восстанавливается ном. Εὐνώνας на основании асс. Εὐνώναи в 1264 А, 3, но последнее скорее относится к формам типа πατέραν.

³⁵ По-видимому, происходит из суффикса женских имен -οῦς, который, в свою очередь, развился из -ῶ (ср. ном. f. Νικοῦς *IGBulg* I² 458 bis, не позже начала III в. до н. э.); см. далее В. Н. Зинько, С. Р. Тохтасев. Эпитафия Гефестииона из Нимфея, *Боспорские исследования VII* (Симферополь – Керчь 2004) 118 сл.

тигли совершеннолетия, был таким же регентом, как наш Сатир (III)).

Третья аккламация любопытна еще и тем, что приветственное χαίρειν, обычное в письмах (как в любовной записке Феодоры, выше), употребляется с аккумулятивом; единственная аналогия, согласно словарям, встречается у Феокрита, *Idyll.* XIV, 1: χαίρειν πολλὰ τὸν ἄνδρα θυώνιχον; как и в случаях с χαίρειν с дативом, предполагается эллипс какого-нибудь глагола говорения (примеры без эллипса см. *LSJ* s.v. χαίρω III b), но, если у Феокрита аккумулятив, по-видимому, появляется лишь *metri causa*, то в надписи Адаса он явно не оправдан хотя бы в виду двусмысленности, т. к. χαίρειν (+ λέγω и под.) с аккумулятивом часто употреблялось в противоположном значении: ‘не хочу и думать, не признаю, говорю «прощай!»’ (см. *LSJ* s.v. χαίρω III c). Открыто заявлять: “долой Сатира и сыновей Перисада!” было бы элементарно глупо, но ведь и простая речевая ошибка могла стать для Адаса роковой. С другой стороны, любому представителю власти, наверное, было ясно, что бедолага попросту малограмотен. Если же принять чтение Ю. Г. Виноградовым последнего слова как γυν<α>ικί,³⁶ получается, что Адаc под конец своего невразумительного опуса перешел к обычному дативному управлению, чем косвенно подтверждается характеристика χαίρειν с аккумулятивом как солецизма.

Процесс исчезновения датива с заменой его аккумулятивом, как известно, наметился уже в эллинистическом греческом и завершился полным выпадением датива из падежной системы средне- и новогреческого.³⁷ В боспорских надписях некоторое ослабление позиций датива заметно лишь в самых поздних памятниках.³⁸ Ср. ἐπὶ πρε[σ]βευτῆι Χοφρασμον и т.д. (*КБН* 1250, 8–10, III в. н. э.); ἐν πολλοῖς (вм. πολλαῖς) θλίψεις (64, 16–17, IV в.); в надписях встречаются аналогичные сочетания датива с генети-

³⁶ *Bull. ép.* 1990, 590; *SEG* XXXIX 701 В. 5; однако для восстановленного им καί после Ἐπολλωνίω[v] места в лакуне недостаточно.

³⁷ К. Dieterich. *Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Sprache von der hellenistischen Zeit bis zum 10. Jahrh. n. Chr.* (Byzantinisches Archiv 1, Leipzig 1898) 149; J. Humbert. *La disparition du datif en grec (du Ier au Xe siècle)* (Paris 1930); Schwyzer – Debrunner *GrGr* 88 f., 170 f.

³⁸ Б. Б. Ходорковская. Синтаксис падежей в греческом языке боспорских надписей, *Вопросы античной литературы и классической филологии* (Москва 1966) 466–480, особ. 479.

вом, номинатива с аккузативом и генетивом.³⁹ Правда, подавляющее большинство примеров происходит из Танаиса III в. н. э., города с очень значительным варварским населением и вообще столь варваризированного, что можно, по-видимому, предполагать известную пиджинизацию местного греческого языка (ср., в частности, известные только в Танаисе генетивы на -οι от имен на -οῦς). Тем не менее, имея в виду весь приведенный выше материал, нет ничего невозможного в предположении, что граффито Адаса содержит первое свидетельство ослабления роли датива в разговорном языке.

Таким образом, мы имеем дело с памятниками настоящего народного языка. Вместе с некоторыми другими текстами из Мирмекия, Горгииппии и, вероятно, из Ольвии нимфейские граффиты доказывают, что между языком лапидарных надписей, не говоря уже о литературе, и разговорным языком по меньшей мере с конца IV в. до н. э. существовал такой существенный разрыв, о котором до открытия этих памятников трудно было и подозревать.

Разумеется, речь идет о языке низших классов общества – о социолекте ремесленников, матросов, торговцев, деревенских жителей, наемников, рабов, отпущенников, поверхностно эллинизированных варваров, обитавших по окраинам боспорского государства (синдов и других племен Прикубанья, тавров, скифов и т.д.). Представители верхушки общества прибегали к нему разве что в общении со своими рабами или рыночными торговцами, а школьное обучение и повсеместная грамотность (граффиты, иногда пространные, довольно многочисленны даже на боспорских сельских поселениях⁴⁰) делали свое дело, сдерживая до поры до времени разрушение всего строя греческого языка. Следует подчеркнуть, что, помимо утраты долгого $\bar{\iota}$, в нимфейских граффиты нет каких-либо признаков исчезновения количественного различия гласных или смешения вторичного $\epsilon\iota$ и η , а также $ου$ и $ω$, частых в надписях с I в.н.э.; большинство перечисленных выше явлений никак не дает о себе знать в лапидарной эпиграфике вплоть до римского времени. Кроме того, в рассмотренных здесь надписях обнаруживаются некоторые инновации, которые в дальнейшем не получили завершения: ог-

³⁹ См. Доватур. Краткий очерк, 825, § 4; Ходорковская. Там же.

⁴⁰ В настоящее время А. А. Масленников и С. Ю. Сапрыкин готовят свод этих надписей.

лушение звонких смычных, может быть, озвончение глухих после ρ, гетероклизия Μοσχίωνου, [?Καλα]μειώνου, Εὐνώου, номинатив θυγάτηρ (без соответствующих форм casus obliqui) и аккузатив ἀνήρα рядом с ἀνήρ, ἀνδρός (если не по образцу эпич. ἀνέρα). Фактор, препятствовавший этому, по крайней мере отчасти, всё тот же: относительно высокий уровень грамотности и литературности боспорского общества в целом.

А. И. Фалилеев

Галльск. *s*, *и.-е.* *r и некоторые аспекты интерпретации континентальных кельтских данных

Памяти В. П. Калыгина

В. П. Калыгин в свое время резонно отметил, что «методически недопустимо переносить фонетические явления ирландского или другого западного кельтского языка на язык кельтов, живших в районе Карпат и Богемии». По его словам, «нельзя объяснять процесс спирантизации начального *s* -> *h*- в этнониме *Helvetii* тем, что аналогичный переход имел место в бриттских языках»¹. К сожалению, этот, в общем-то методически прозрачный постулат сравнительно-исторического изучения кельтских языков оказался почему-то не востребуемым в целом ряде исследований галльского языка, вышедших из-под пера как отечественных, так и зарубежных ученых.

Не так давно академик О. Н. Трубачёв предложил свою интерпретацию галльского этнонима *Гельветы*. В этой опубликованной посмертно работе говорится: «то, что в классической кельтологии обычно сообщается о предыстории (гельветов), способно, скорее, завести в тупик или, по крайней мере, озадачить». Трубачёв высказывает предположение, что при анализе этнонима «не использованы некоторые иные возможности – как внутрикельтской этимологии, так и древней (до)этнонимической семантики», и предлагает его сопоставление с кельтск. *selvā ‘собственность, (свое) владение’ (ср. ирл. *selb*). Исследователь признаёт, что переход *s*-> *h*- наблюдается в островных кельтских языках, но, стремясь оправдать предложенную им этимологию, полагает, что «эта аспирация в древности была из-

¹ В. П. Калыгин. Кельты и славяне // *Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы*. Москва, 2003. С. 87. Переход нельзя датировать периодом до 600-х гг. н. э. См. К. Jackson. *Language and History in Early Britain*. Edinburgh, 1953. § 115; S. Zimmer. Note. Zum britischen *s*- // *Journal of Celtic Linguistics* 1994. V. 3. P. 149-164; P. Sims-Williams. *The Celtic Inscriptions of Britain. Phonology and Chronology, c. 400-1200*. Oxford, 2003. P. 142-146 и 286. О проблеме «лениции» *s*-> *h*- в континентальных кельтских языках см.: К. McCone. *Towards a relative chronology of ancient and medieval Celtic sound change*. Maynooth, 1996. P. 87-89.

вестна и шире, у континентальных кельтов, в частности – у их гальштатской волны, мигрировавшей в последние столетия до н. э. с запада, через германский юг на восток»².

Даже с поправкой на то, что в последние века до н. э. миграция кельтских племён на восток ассоциируется исключительно с латенской археологической культурой, а не предшествующим ей гальштатом, принять предложение О. Н. Трубачёва не представляется возможным. Стоит ещё раз вспомнить – вслед за В. П. Калыгиным и многими другими кельтологами – что переход *s- > h-*, характерный для британского, не может быть автоматически использован для объяснения данных континентальных кельтских языков. Впрочем, Трубачёв в этом не одинок – более десяти лет тому назад П. Схрайвер предложил анализировать «латинское» название древнего эстуария рек Маас и Ваал *Helinium* как кельтское, возводя его к кельтск. *sel-* (к и.-е. *sel(H)-*, ср. корнск. (из топонимики) **heyl* ‘эстуарий’) и предполагая, что – в связи с отражением этого перехода в топониме – язык местного кельтского населения был близок к языку кельтов Британии³. Близость языка кельтов, населявших в древности

² О. Н. Трубачёв. К этимологии названия Швейцарии // *Этимология 2000-2002* / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М., 2003. С. 5-8; ср. О. Н. Трубачёв. *Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования*. Изд. 2-е, доп. М., 2002. С. 461-463. Анализ лингвистических данных с территории ранней Швейцарии в обзоре: М. Н. Новиков. Ранние этапы истории Швейцарии // *Романия и Барбария* / Ред. С. А. Арутюнов, Н. А. Красновская, Э. А. Рикман. М., 1989. С. 12 и след. в значительной степени основан на устаревшей литературе. По поводу ирл. *selb* в увязке с валл. *elw* см. ниже. Этноним, возможно, связан с кельтским названием совр. Benfeld-Ehl (Франция) *Helvetum* (Ἑλκῆτος (var. ἔλκῆτος) Ptol. 2,9,9; *Helueto* (var. *elueto*, *heiueto*) IA 252, 4; *Helveto* (var. *elueto*, *eleuto*) 350, 2; *Helvetum* (var. *helu**um*, *elbeium*) 354, 4; *Alaia* Rav. 4, 26), однако существуют и иные мнения о происхождении последнего. См. ссылки на существующие этимологии топонима в работе: А. Е. Gohil. *Ancient Celtic and Non-Celtic Place-Names of Northern Continental Europe: A Survey of Sources and Etymologies*. (Неопубликованная диссертация). Aberystwyth, 2005. P. 127-128.

³ P. Schrijver. Welsh *heledd*, *hêl*, Cornish **heyl*, ‘Latin’ *Helinium*, Dutch *hel-*, *zeelt* // *NOWELE* 26. P. 37-39. Взгляды этого исследователя по поводу диалектной дифференциации галльского («в узком смысле этого слова»), используя удачный термин А. А. Королева: В. П. Калыгин, А. А. Королев. *Введение в кельтскую филологию*. М., 1989. С. 71), пред-

территории современной западной части Нидерландов, и языка бриттов, продемонстрированная на единственном и достаточно спорном примере, кажется не такой уж и явной, а то, что пример является действительно спорным, подтверждается соображениями ареально-хронологического порядка. Самая ранняя аттестация названия эстуария принадлежит Плинию (Plin. *HN* IV.15: *Helinium*, var. *Hellinium*, *Elinium*, *Helinum*, *Helium*); таким образом, переход *s* -> *h*- в постулированном диалекте галльского должен произойти на пять-шесть веков раньше, чем в бриттском, который продолжает сохранять старое *s- (о хронологии изменения в бриттском см. выше). Топонимические данные Британских островов сохраняют *s-⁴, в то время как все остальные свидетельства континентальных кельтских языков (о гельветах см. ниже) – от Галлии до Галатии – говорят о том, что галльский язык «в широком смысле слова» (вновь используя терминологию А. А. Королева) в этом отношении идентичен бриттскому. Стоит также отметить, что название эстуария вполне может быть и не кельтским⁵, а если оно им всё-таки является, то вполне может иметь иную этимологию.

Кельтская принадлежность этнонима *гельветы* на сегодняшний день, пожалуй, не может вызывать никаких сомнений, однако его интерпретация, несомненно, будет вызывать споры. Ссылка же на ирл. *selb* и реконструкция, в том числе, и на его основе «древнего регионального слова» *selb- ‘свой, (вар.) сам’ Трубачёвым не учитывает известные этимологии собственно ирландского слова, которое имеет, скорее всего, точное соответ-

---

ставлены в целом ряде публикаций, см., напр., P. Schrijver. The Châteaubleau Tile as a link between Latin and French and between Gaulish and Brittonic // *Études Celtiques* 1998-2000. Т. 34. P. 135-142.

⁴ Ср. *Sabrina* (Тас. *Ann.* 12, 31; Ptol. II, 3, 2); *Segelocum* (IA 475, 4), *Segontiaci* (Caes. *BG* 5, 21, 1); см. А. F. L. Rivet, C. Smith. *The Place-Names of Roman Britain*. London, 1979. P. 450-462.

⁵ Согласно Райхерту (H. Reichert. *Lexikon der altgermanischen Namen*. Vienna, 1987. Bd. I. S. 423), название может быть германским. Германским считает это название и Г. Раш, ссылаясь, впрочем, только на более позднюю фиксацию – *Flenio* (TP 1,2); см. G. Rasch. *Antike geographische Namen nördlich der Alpen. Mit einem Beitrag von Hermann Reichert: Germanien in der Sicht des Ptolemaios* / Hrsg. v. S. Zimmer. Berlin, New York, 2005. S. 165. Ср. также: H. Brunsting. *Flenium – Helinium* // *Mnemosyne* 1936. S. 289-304; L. Toorians. *Keltisch en Germaans in de Nederlanden*. Brussels, 2000. S. 101–102.

стве в галльском (с сохранением *s*!), ср. женское имя *Lugu-selva* (CIL XIII, 996), интерпретируемое как ‘possession, propriété de Lugus’⁶. Если же в поисках отражения понятия «свои люди, край своих людей» привлечь иной материал, то может оказаться, что оно присутствует в ранней кельтской этнонимике. В этом отношении следует обратить внимание на галльский этноним *Suessiones*, хорошо засвидетельствованный в античных памятниках (Caes. *BG* II.3; Strab. IV.3.5; Plin. *HN* IV.17; Ptol. II.9.6 и т. д.), и именно под этой призмой рассматриваемый рядом исследователей⁷. Впрочем, как нередко бывает при этимологизации ономастических данных галльского языка, при анализе данного этнонима возможно сразу несколько интерпретаций, удачно представленных в недавнем труде Г. Айзака⁸. Согласно этому исследователю, название племени можно перевести как ‘those characterised by wealth’, или ‘those of (the same) custom, the familiar ones’; а также как ‘the well-spoken ones, those speaking the right language’. Айзак добавляет: “Unfortunately, an etymological identification is not obvious. The shape suggests that it cannot reflect a primary, underived proto-form, if it is IE at all, but must reflect some derivational morphology, e.g., notionally *swed-t-vel sim. This can be compared with Go. {*swe:s*} ‘property’ < *{*swe:d^h-to-*} or *{*swe:d^h-so-*}, Skt. {*svadhá:*} ‘characteristic, habit, custom’ < **sued^h-eh₂-*, Gk. {*éthos*} ‘habit, custom’ < **sued^h-es-*, etc. IEW 882-883. A Celtic base *suess-* < **sued^h-t-* might mean ‘property, wealth’, or ‘customary, familiar, belonging’, either of which could be appropriate for the formation of LNN and ENN: descriptively only, *Suessiones* < **sued^h-t-i-on-es* ‘those characterised by wealth’, or ‘those of (the same) custom, the familiar ones’. Alternative to the analysis presented above, *suesso-* could reflect

⁶ P.-H. Billy. *Thesaurus Linguae Gallicae*. Hildesheim, Zürich, New York, 1995. P. 100; X. Delamarre. *Dictionnaire de la langue Gauloise*. Paris, 2003. P. 270. *Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Lettres R S*. Paris, Dublin, 1974. S-80.

⁷ См., напр., указание на прямую связь этого этнонима с герм. *Suebi* в работе: M. Gysseling. *Toponymisch Woordenboek van België, Nederland, Luxemburg, Noord-Frankrijk en West-Duitsland (vóór 1226)*. Brussels, 1960. P. 945-946.

⁸ G. R. Isaac. *Place-Names in Ptolemy's Geography*. CD-ROM. Aberystwyth, 2004. Possible Celtic elements, s. v. *suesso*. Источники собраны в работе: A. E. Gohil. *Ancient Celtic and Non-Celtic Place-Names of Northern Continental Europe* (см. сссылку 3), P. 174-176.

**su-uesso-* < **su-wed-to-* < PIE (descriptive only) **h₁su-h₂wed-to-*, with Celt. **su-* (OI *so-*, OB *hu-*, OW *hi-*), felicitive prefix, < PIE **h₁su-* (Skt. *su-*, Gk. {*eu-*}) + verbal adjective in **-to-* of the root **h₂wed(H)-* ‘speak’ IEW 76-77, LIV 255 (e.g. MW *dy-wed-ut* ‘say’, Skt. *vadati* ‘id.’, cfr. Isaac, *Verb in the Book of Aneirin* 327); so, **su-wed-to-* > **suesso-* ‘well-spoken, speaking the right language?’”.

Возвращаясь же к вопросу о предыстории этнического названия *гельветы*, стоит отметить, что и в этом случае не существует единой этимологии, принимаемой всеми исследователями. Хотя морфологическое членение этнонима кажется прозрачным, предложенные ими интерпретации могут существенно отличаться. Наиболее популярным остаётся объяснение, предложенное Р. Турнейзенем ещё в 1923 г., согласно которому в этническом названии следует видеть композит *(*H*)*elu-ēt-(ii)*. Первая часть формы соответствует, согласно Турнейзену, ирл. *il* (< **pelu-* ‘viel’), а вторая – ирл. *iath* ‘Land, Länderei’; соответственно, пишет далее основатель современной кельтологии, “‘Die Landreichen’ wäre ein sehr passender Name, wenn sich das Gebiet der Helvetier einst von Mainz bus nach Bern und vom Rein bis nach Regensburg erstreckte”⁹. Некоторую модификацию этой этимологии недавно предложила П. Де Бернардо Штемпель, согласно которой этноним следует рассматривать не как композит, но как производное слово с суффиксом **-eto-*, ‘the Wealthy (people)’¹⁰.

⁹ R. Thurneysen. *Irisches und Gallisches // Zeitschrift für celtische Philologie* 1923. Bd. 14. S. 12. Сопоставление принимается в целом ряде работ. См., к примеру, L. Weisgerber. *Rhenania Germano-Celtica. Gesammelte Abhandlungen*. Bonn, 1969. S. 58; S. Zimmer. *Germani und die Benennungsmotive für Völkernamen in der Antike // Zur Geschichte der Gleichung “germanisch-deutsch”. Sprache und Namen, Geschichte und Institutionen* /Hsg. von H. Beck et al. Berlin, New York, 2004. S. 8.

¹⁰ P. De Bernardo Stempel. Ptolemy’s evidence for Germania Superior // *New approaches to Celtic place-names in Ptolemy’s Geography* / Ed. J. de Hoz, E. R. Luján, P. Sims-Williams. Madrid, 2005. P. 74. Суффикс действительно хорошо представлен в галльском; однако в целом ряде случаев исследователям при морфологическом анализе континентальных кельтских данных приходится выбирать между суффиксальной деривацией и т. н. «затемнёнными композитами» (*verdunkelte Komposita*); см. в этой связи A. Falileyev. Place-names and ethnic groups in North-Western Dacia: a case for Celtic // *Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the IX International Congress of Thracology* / Ed. I. Niculiță, A. Zanoçi, M. Băț. Chișinău, 2004. V. 3. P.35-37; A. Falileyev, G. R.

Известно также и иное объяснение первого компонента – Ю. Покорный предложил видеть в нем цветообозначение ‘rot, braun’; с точки же зрения Г. Айзака, который, впрочем, учитывает и этимологию Турнейзена, использование цветообозначения в качестве мотивации этнонима может вызывать вопросы¹¹. Айзак пытается модифицировать этимологию Покорного («I see a more promising derivation in the word for ‘juniper’ or other needle-bearing trees (ultimately the same root according to IEW, but doubtful»)), приводя для типологического подтверждения этой гипотезы кельтские этнонимы, содержащие названия деревьев (*Eburouices, Eburones, Lemouices, Lemouii*).

Известную проблему для решения этой этимологической задачи представляет густое придыхание в греческих аттестациях данного этнонима и начальное *H-* – в латинских. Данные галльского языка свидетельствуют о том, что нередко начальное *H-* оказывается неэтимологическим, как, например, в этнониме *Эдуи*, имеющем надёжную кельтскую этимологию¹². Стоит, впрочем, отметить, что в данном случае наряду с написанием с начальным *H-* (Cic. ad. Att. 1.19.2, Caes. BG I.10.1, I.11.2, I.14.3 и т. д.) имеется не менее большой корпус, где он отсутствует (Polyb. 3.47.3; Plin. HN 4.107; Ptol. II.8.12; Liv. 5.34.3). Если этноним *Гельветы* содержит этимологическое *H-*, то его источни-

---

Исаак. *Remetodia* // *Acta Onomastica*, в печати. На материале иных языков см. методологически важный анализ в работе: С. Р. Тохтасьев. Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest* / Ed. V. Cojocar. Iași, 2005. P. 72 и сл.

¹¹ J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. Bern, 1959. S. 202-204; G. R. Isaac. *Place-Names in Ptolemy's Geography*. Celtic elements, s. v. *eluo-*. См. там же его важные соображения по поводу сопоставления первого компонента с валл. *elw* ‘gain, profit’, предложенного У. Стоуксом, и по-разному оцененному в кельтологической литературе, см. К. Н. Schmidt. Die Komposition in gallischen Personennamen // *Zeitschrift für celtische Philologie* 1957. Bd. 26. S. 203-4; D. Ellis Evans. *Gaulish Personal Names*. Oxford, 1967. P. 348; cp. X. Delamarre. *Dictionnaire de la langue Gauloise*, P. 162.

¹² G. R. Isaac. *Place-Names in Ptolemy's Geography*. Celtic elements, s. v. *aeduo-* ‘ardent, fiery, fierce’; X. Delamarre. *Dictionnaire de la langue Gauloise*, P. 35-36, s. v. *aidu-* ‘feu, ardeur’; cp. T. O’Rahilly. *Early Irish History and Mythology*. Dublin, 1946. P. 148.

ком могло бы быть только индоевропейское *p, что согласуется с этимологией этого этнического названия, предложенной Турнейзенем¹³. Идея о реликтовом отражении *и.-е.* *p в кельтских языках в неанлаутной позиции на сегодняшний день является общепринятой¹⁴; однако в последнее время появляются и исследования, демонстрирующие спорадическое отражение *и.-е.* *p и в абсолютном начале слова¹⁵. Дополнительным свидетельством в пользу «турнейзеневской» интерпретации этнонима, и, следовательно, в (непоследовательном) сохранении *и.-е.* *p как *h*- (что, между прочим, находит важную типологическую параллель в армянском), с моей точки зрения, может послужить и упомянутый выше гидроним *Helinium*. Если он действительно является галльским по происхождению, то его можно было бы возвести не к кельтск. *sel- (*и.-е.* **sel(H)*-), как это попытался

¹³ R. Thurneysen. *Irisches und Gallisches*. S. 12: “wobei das *h*- entweder als Schnörkel oder als Rest des schwindengen *p* zu fassen wäre” (разрядка – моя, А. Ф.).

¹⁴ См. J. Eska. PIE *p > 0 in proto-Celtic // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 1998. V. 58. P. 63-80 и обзор проблематики в работе: K. McCone. *Towards a relative chronology of ancient and medieval Celtic sound change*. Maynooth, 1996. P. 43-45.

¹⁵ В испано-кельтском, ср. пары *Bletis(ama) / letaisamo* (< **pleth*₂-) и *Blaniobrensi / Λανόβρις* (< *plān-). См. в этой связи (из недавних работ): J. L. García Alonso. *Lenguas prerromanas en el territorio de los Vetones a partir de la toponimia* // *Religión, Lengua y Cultura prerromanas de Hispania* / Ed. F. Villar, Mª Pilar Fernández Álvarez. Salamanca, 2001. P. 389-404; B. M. Prósper. *Lenguas y religiones prerromanas del Occidente de la Península Ibérica*. Salamanca, 2002. P. 426-427; F. Villar. *The Celtic Language of the Iberian Peninsula* // *Studies in Baltic and Indo-European Linguistics in honor of William R. Schmalstieg* / Ed. P. Baldi, P. U. Dini. Philadelphia, 2004. P. 255 и сл.; F. Villar, B. M. Prósper. *Vascos, Celtas e Indoeuropeos. Genes y Lenguas*. Salamanca, 2005. P. 269 *et passim*. Понятно, что речь здесь не идёт о сохранении *и.-е.* *p как *p*; и в этом отношении последовательно сохраняющий *и.-е.* *p лузитанский, несмотря на мнение некоторых исследователей (прежде всего: Ю. Унтерманн), конечно, не является кельтским языком. Остаточное отражение старого *p с помощью графемы *b* засвидетельствовано в испано-кельтском в абсолютном начале слова только перед *-l-*; при отсутствии иных свидетельств, вслед за многими исследователями (см. С. Jordán Cólera. *Celtibérico*. Zaragoza, 2004. P. 68, с библи.), форму *berkunetakam* (<*perk^w*uno*-) нельзя рассматривать как (испано-)кельтскую.

сделать П. Схрайвер, а к и.-е. **pelh₂-* ‘sich nähern’¹⁶. Лучшим же подтверждением предлагаемой гипотезы является известнейшее галльск. *Hercynia (silva)* < **perkunyā* < **perk^wunyā*; в таком случае снимаются и проблема, связанная с интерпретацией этого слова – отсутствие диссимиляции *k^w* перед *u*¹⁷. Причины остаточного отражения и.-е. **p* в абсолютном начале слова в нескольких галльских формах при том, что в большинстве случаев оно бесследно исчезает, установить, вероятно, невозможно. Однако в этой связи следует вспомнить неожиданные случаи сохранения *k^w* в галльских памятниках даже в эпоху, когда переход его в *p* уже завершился, или (непоследовательное) реликтовое отражение и.-е. **p* в испано-кельтских памятниках.

---

¹⁶ *Lexikon der indogermanischen Verben. Zweite Auflage / Hrsg. von H. Rix et al. Wiesbaden, 2001. S. 420; ср. J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1959. S. 801–2.*

¹⁷ О которой см. К. McCone. *Towards a relative chronology of ancient and medieval Celtic sound change*. P. 44 и ср. Н. Hoeningswald. *Indo-European *p in Celtic and the claim for relative chronologies // Journal of Indo-European Studies* 1973. V. 1. P. 327–328. МакКон в связи с этим даже высказывает предположение о некельтском происхождении названия *Герцинского* (леса). В рамках предлагаемого анализа эта проблема снимается. Высказанная в этой работе гипотеза обсуждалась с П. Схрайвером во время рабочего перерыва коллоквиума *Celtic and Neighbouring Languages throughout Ancient Europe* (Саламанка, 22 мая 2006 г.) – за что ему особая благодарность. Конечно, ответственность за интерпретацию данных лежит исключительно на мне.

Е. В. Хворостьянова

**Ритмика шестистопного ямба XVIII века:
к проблеме «ритм и смысл»**

Изучение ритма в узком смысле, положившее начало формированию новой научной парадигмы в начале XX века, остается основной тематикой стиховедческих исследований, заметно опережая изучение фонической, строфической, интонационной организации стихотворной речи. Однако, два взаимосвязанных вопроса – о семантической функции ритма и релевантных ритмических признаках русских классических размеров – до сих пор не получили сколько-нибудь удовлетворительного объяснения.

В первую очередь это касается 6-стопного ямба, в котором два ритмических закона русского стиха – стабилизации первого икта и регрессивной акцентной диссимиляции – “действуют и в границах каждого полустишия в отдельности, и через всю строку”¹. Типологии профилей ударности, которыми пользуются исследователи, строятся с учетом ударности всех иктов и их взаимной корреляции, либо основаны лишь на корреляции второго и третьего иктов. В первом случае выделяется семь типов ритма: “полноударный”, “симметричный”, “умеренно-симметричный”, “промежуточный”, “асимметричный”², “альтернирующий” и “теоретический” (последний рассматривается в качестве отвлеченной ритмической нормы). Во втором случае все многообразие фактического ритма сводится к противопоставлению симметричного и асимметричного типов³.

---

¹ Тарановский Кирилл. О ритмической структуре русских двусложных размеров // Тарановский Кирилл. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 276.

² См.: Прохоров А.В. Проблемы становления русского классического стиха // Славянский стих: Стиховедение, лингвистика и поэтика. М., 1996. С. 233.

³ См.: Тарановски К. Руски дводелни ритмови. Београд, 1953. С. 122; Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 1984. С. 78 и др. Той же типологией пользуется В.А. Западов, называющий симметричный ритм “восходящим”, асимметричный – “нисходящим” (см.: Западов В.А. Русский стих XVIII – начала XIX века (Ритмика). Л., 1974. С. 24.

Проблема семантики ритма русских классических размеров также получала два гипотетических решения, непосредственно не связанных с избираемой исследователями типологией ритма. “Лингвистическое” решение, разделяемое большинством стиховедов и лингвистов, состоит в том, что ритм основных классических размеров XVIII–XIX вв. асемiotичен. Аффективные смыслы и семантические ореолы двусложники обретают постепенно, причем начало этого процесса приходится на первую треть XIX в.⁴ Ритмика этих размеров отражает процесс постепенного освоения языком новых силлаботонических метров, влияние иностранных образцов, написанных в метрически аналогичных стиховых формах (преимущественно немецких и французских). Так, по словам М.Л. Гаспарова, в эпоху Ломоносова и Державина “стихосложению предстояло выработать общую систему заполнения сильных и слабых мест ударными и безударными слогами – первичный ритм <...>; стиховой ритм в рамках силлаботонической схемы определялся только естественным языковым ритмом. <...> Отклонения от этой [теоретической – Е.Х.] вероятности вызываются лишь двумя причинами. Первая – общая повышенная частота ударений в стихе, необходимая для ощущения четкости ритма. <...> Вторая – подчеркивание ударной рамки стиха, т.е. повышение ударности не только на последнем, но и на первом сильном месте стиха и полустипшия”⁵. Только в первой трети XIX в. происходит “освоение вторичного ритма – дифференцированной системы заполнения сильных и слабых мест на основе специфических ритмических тенденций стиха. Чтобы такие специфические тенденции обнаружались, нужно было получить сперва ту привычку к ощущению силлаботонических размеров, которую и дал опыт XVIII в.”⁶.

“Литературоведческое” решение, наиболее отчетливо сформулированное В.А. Западным и поддержанное практикой целостного или многоаспектного анализа поэтического текста⁷, исходит из факта существования в XVIII в. разных ритмических типов. Если опираться на более подробную классификацию – пол-

---

⁴ См.: Гаспаров М.Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 1999.

⁵ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 74 – 75.

⁶ Там же. С. 132.

⁷ См., напр.: Эткинд Е. Материя стиха. Изд. 2-е. Париж, 1988. С. 190 и др.

ноударного, симметричного, умеренно-симметричного, переходного и асимметричного. Добавим, что симметричный тип реализован в двух вариантах: III икт < IV икта (у большинства поэтов) и III икт > IV икта (у Тредиаковского). Считая недостатком исследований К.Ф. Тарановского “суммарность статистических подсчетов”, Западов прибегнул к микроанализу; выделяя в текстах короткие (от 6 до 65 стихов) тематические фрагменты, демонстрирующие различные ритмические типы, он пришел к выводу, что симметричный и асимметричный ритм в русском 6-стопном ямбе появились одновременно и использовались поэтами в полном соответствии с “эмоционально-тематическим содержанием”⁸.

Думается, обе гипотезы недостаточно аргументированы. “Литературоведческая” не выдерживает критики с точки зрения методики анализа, допускающего сравнение статистических данных по слишком малым выборкам. “Лингвистическая” – в методическом отношении более корректная – не менее спорна, поскольку “трудность” освоения силлабо-тонических размеров, на наш взгляд, сильно преувеличена, и вряд ли освоение первичного ритма могло занять более одного-двух десятилетий. Хорошо знакомые с тоникой народного стиха, русские поэты, как демонстрирует стих 40-50-х гг., без труда могли распределять ударения по четным (в ямбе) и нечетным (в хорее) местам. Более того, раннее осознание силлабо-тонического метра как *тенденции* горизонтального ритма, а не “комбинации стоп”⁹, предполагало возможность использования сверхсхемных ударений и пропусков схемных ударений, существенно облегчавших использование лексических единиц разного слогового объема и их сочетаний. Сторонники “лингвистической” гипотезы, как правило, пренебрегают важностью того факта, что на годы реформы и первых десятилетий освоения “нового” стихосложения приходится гораздо более кардинальная перестройка языка. В этой ситуации решение лингвистических задач (лексических, грамматических, синтаксических, стилистических) представляло несравнимо большую трудность, нежели правильное расположение ударений. Косвенным подтверждением тому может слу-

⁸ Западов В.А. Русский стих XVIII – начала XIX века. С. 24 – 36.

⁹ См. об этом: Хворостьянова Е. В. Реформа русского стиха: теория и практика. Позиция Тредиаковского // В.К. Тредиаковский: к 300 – летию со дня рождения. СПб., 2004. С. 80 – 101.

жить почти полное отсутствие в поэзии XVIII в. ритмико-синтаксических формул¹⁰ при высокой предсказуемости сюжетно-тематического развертывания¹¹, позволяющей исследователям характеризовать поэтику высоких жанров классицизма как поэтику общих мест.

На наш взгляд, вопрос о семантике ритма не может решаться в отрыве от вопроса типологии ритма. “Лингвистическая” методика описания при этом должна учитывать не только статистическую репрезентативность сравнительного материала, но и архитектурное членение текста. Именно оно становится необходимым условием для того, чтобы читатель или слушатель осознал эквивалентные единицы как ритмически подобные или контрастные. Подтвердить или опровергнуть отрефлексированность ритмического задания в стихе XVIII в. помогают также разные редакции одного и того же произведения, до сих пор не привлекавшиеся для проверки “лингвистической” и “литературоведческой” гипотез.

В своем анализе 1-ой песни “Россияды” М.М. Хераскова, Западов отметил чередование симметричного и асимметричного ритма, сравнивая ударность иктов небольших групп стихов, и связал его со сменой тем и форм наррации. Убедительным опровержением семантической маркированности таких фрагментов стало описание двух песен поэмы М.В. Ломоносова “Петр Великий”, предпринятое А.В. Прохоровым. Используя метод “накопленных сумм”, он показал, что “в больших произведениях проявляется тенденция к чередованию длинных промежутков стихов определенного типа”¹². Впрочем, если такое чередование не отражает ни исторического развития ритма¹³, ни семантиче-

---

¹⁰ Здесь вслед за М.Л. Гаспаровым под ритмико-синтаксическими формулами мы понимаем “ритмико-синтаксическое клише с точным повторением одного или нескольких слов” (Гаспаров М.Л. Ритмико-синтаксические клише в 4-стопном ямбе // Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004. С. 224–225).

¹¹ Подробнее об этом: Хворостьянова Е.В. Конвенциональный принцип в поэтике русского классицизма. (в печати).

¹² Прохоров А. В. Проблемы становления русского классического стиха. С. 236.

¹³ Именно с этой точкой зрения, высказанной К.Ф. Тарановским в статье “Шестистопный ямб Ломоносова” и спорит Прохоров.

ской маркированности его форм, то контраст между архитектурными единицами нуждается в отдельном рассмотрении.

Мы сравнили все 12 песен “Россияды”, где представлен как симметричный, так и асимметричный типы ритма. Симметричный ритм, в котором III икт > II, реализован в восьми песнях¹⁴, но 3-я, 4-я, 5-я и 8-я песни имеют другое ритмическое решение: в 3-ей, 4-ой и 8-ой песнях ударность II и III икта примерно одинакова (разброс ударности составляет менее 1%), то есть здесь использован “переходный” тип ритма от симметричного к асимметричному; в 5-ой песне проявлен асимметричный тип, который будет преобладать в поэзии романтиков. Поскольку 3-я, 4-я и 5-я песни почти целиком посвящены казанской царице Сумбеке, можно предположить, что переход к другому типу ритма в поэме сопряжен с предметом повествования, тем более что этот переход отмечен в финале 2-ой песни обращением к Музам.

Предположение о том, что различие между симметричным и асимметричным типами ритма было отрелексировано поэтами XVIII века и использовалось в качестве одного из способов репрезентации смысла, могут подтвердить три безусловно установленных факта: 1) в процессе подготовки новых редакций текста ритмический контраст между его частями (песнями, действиями и т.п.) сохранен или выражен более отчетливо; 2) в больших поэтических формах, предполагающих канонизированное (как в трагедии) или произвольно избираемое автором (как в поэме) членение, смена ритма находится в непосредственной зависимости от изменения формы наррации, темы или маркирует определенный этап развития конфликта (например, кульминацию или развязку); 3) контраст между ритмическими профилями частей может быть воспринят читателем.

Сравнение первой и третьей редакций поэмы показало, что в результате правки, предпринятой Херасковым, намеченное в первой редакции противопоставление двух типов ритма в окончательной редакции нивелируется: немного снижается расподобление II и III икта в 3-ей, 4-ой, 6-ой и 9-ой песнях, увеличивается – в 1-ой, 2-ой, 5-ой, 8-ой, 10-ой и 11-ой. Иными словами,

¹⁴ Данные по ритмике “Россияды” см.: Хворостьянова Е.В. Проблема поэтической эквивалентности в русской литературе XVIII века (две редакции “Россияды” М.М. Хераскова // Индоевропейское языкознание и классическая филология – VIII. СПб., 2004. С. 294.

все песни, кроме 4-ой и 11-ой, обретая минимальное различие в ударности II и III иктов, реализуют “переходный” ритм; 4-ая песнь близка к естественному ямбу, а 11-ая демонстрирует умеренно-симметричный тип стиха, характерный для поэзии 1760—90-х гг.¹⁵

Отсутствие семантической нагруженности симметричного и асимметричного ритма в творчестве поэтов XVIII века демонстрируют и другие образцы высоких классицистских жанров. Для сравнения с “Россиядой” мы привлекли данные по ритмической композиции двух поэм – “Петр Великий” Ломоносова и “Чесменский бой” Хераскова, а также шести трагедий – “Темира и Селим”, “Демофонт” Ломоносова, “Хорев”, “Синав и Трувор” Сумарокова, “Подложный Смердий” Ржевского и “Освобожденная Москва” Хераскова. Во всех девяти текстах реализован симметричный ритм, хотя их ритмические композиции различаются. В “Петре Великом”, трагедиях Ломоносова, Сумарокова и Ржевского симметричный ритм выступает в качестве единственной формы, однако степень его выраженности, т.е. преобладание ударности III икта над II, подвержена колебаниям. Общую логику развертывания ритмической композиции обнаруживают “Синав и Трувор”, “Демофонт” и “Петр Великий”. Здесь наиболее отчетливо симметричный ритм выражен в первых частях, а в последующих происходит неравномерное уменьшение ударности третьего икта и ослабление контраста между вторым и третьим иктом (см. Приложение. Табл. 3, 6, 7). Ослабление симметрии в этих трех текстах аналогично динамике ритма шести-стопного ямба на протяжении всего XVIII в., которая обусловлена взаимодействием двух основных тенденций: 1) тенденции к полнударности и соблюдению ударной рамки обоих полустиший, берущая свое начало в первых опытах русского шести-стопника; 2) тенденции к расширению словаря и разнообразию синтаксиса, демонстрирующая влияние языка на ритмическую структуру размера. Если в 1740–1760-х гг. первая тенденция доминировала над второй, то к концу века постепенный переход к ровному и асимметричному ритму становится показателем более активного влияния второй тенденции. В трагедиях “Темира и Селим”, “Хорев” и “Подложный Смердий” (см. Приложение. Табл. 4, 5, 8) все действия также строятся с использованием симметричного ритма, но максимальную выраженность он име-

¹⁵ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 299. Табл. 8.

ет не в первых, а – соответственно – в 5-ом, 2-ом и 3-ем действиях, т.е. не маркирует определенных архитектурных элементов трагедии (вступление – восходящее действие – кульминация – нисходящее действие – трагическая развязка). Наконец, “Россияда”, “Чесменский бой” и поздняя трагедия Хераскова “Освобожденная Москва” наряду с симметричным ритмом включают отдельные части, решенные в асимметричном ритме. В поэме “Чесменский бой”, как и в “Россияде”, мы наблюдаем переход к асимметричному ритму в середине текста, во 2-ой и 3-ей песнях (см. Приложение. Табл. 2), в 4-ой и 5-ой возвращение к симметрии сопровождается увеличением контраста ударности второго и третьего иктов. “Освобожденная Москва”, напротив, в 1-ом и 2-ом действиях демонстрирует асимметричный ритм, к которому Херасков в 1780—1790-х гг. постепенно переходит во всех жанрах, но в трех последующих действиях происходит возвращение к более привычному для трагедии XVIII века симметричному ритму.

Ритмические расподобления в пределах объемного текста, разбитого на сопоставимые блоки (песни, действия), не могли быть отрефлексированы ни авторами, ни читателями XVIII века как в случаях использования “симметричного” и “умеренно-симметричного” ритма, так и при обращении в разных архитектурных частях произведения к симметричному и асимметричному ритму. В структуре русского шестистопного ямба стиховеды выявили несколько закономерностей: 1) “снижение ударности стиха происходит за счет одновременного снижения в среднем ударности всех сильных иктов, 1-го, 3-го и 4-го”; 2) “корреляция между 2-м и 3-м иктами <...> отрицательная”; 3) “процесс частичной компенсации ударностью 2-го икта ударности 3-го икта протекает на фоне снижения средней ударности двух этих иктов”¹⁶. Таким образом, переход от одного типа ритма к другому может быть замечен, если отмеченные корреляции близки к максимальным значениям. Но это не так¹⁷. Сравним, например, 1-ую, 4-ую и 9-ую песни первой редакции “Россияды”. В 1-ой и 9-ой представлен симметричный ритм, поэтому можно предположить, что средняя ударность в этих песнях вы-

¹⁶ Прохоров А.В. Проблемы становления русского классического стиха. С. 230.

¹⁷ По подсчетам А.В. Прохорова, коэффициент корреляции между 2-м и 3-м иктами $B23 = -0,507$ (см.: Прохоров А.В. Там же).

ше, чем в 4-ой с асимметричным ритмом. Однако, средняя ударность иктов 4-ой песни составляет 79,6%, в то время как средняя ударность в 1-ой и 9-ой песнях – соответственно – 78,4% и 78,1%. Если частичная компенсация ударности третьего икта вторым обязательно связана со снижением их средней ударности, то следует ожидать, что асимметричный ритм 4-ой песни даст более низкий показатель средней ударности этих двух иктов, но он оказывается выше: 69,0% по сравнению с 68,0% и 67,8% 1-ой и 9-ой песен. Лишь в трагедиях Ломоносова максимальной ударности третьего икта соответствует минимальная ударность второго (см. Приложение. Табл. 5, 6). Во всех остальных текстах отрицательная корреляция между этими иктами неоднократно нарушается. Небольшое повышение ударности третьего икта в 3-ей песне “Россияды” (по сравнению со 2-ой песнью) сопровождается еще большим повышением ударности второго икта; то же явление наблюдаем в 8-ой песне по сравнению с 7-ой. В трагедии “Освобожденная Москва” на протяжении пяти действий происходит постепенное нарастание ударности третьего икта, в то время как ударность второго то возрастает, то снижается (см. Приложение. Табл. 1). Таким образом, снижение или повышение средней ударности второго и третьего иктов не обязательно связано с компенсаторной связью силы этих двух иктов. Отсутствие обязательной отрицательной корреляции наблюдается также в “Чесменском бое”, “Подложном Смердии”, “Хореве”, “Синаве и Труворе”. Иными словами, и симметричный, и асимметричный ритм появлялись у русских поэтов XVIII в. при одинаковой средней ударности стиха и аналогичных пропорциях мужских и дактилических цезур. Не случайно индивидуальные ритмы поэтов выражены более ярко, нежели ритмы отдельных произведений или жанров в творчестве каждого из них.

Очевидно, что применительно к ритму русского шестистопного ямба XVIII века можно говорить лишь о потенциальном противопоставлении трех типов ритма: 1) “полноударного”, в котором отчетливо не намечена дифференциация сильных и слабых иктов; 2) “подчеркнуто симметричного”, где отсутствует осязаемое расподобление между сильными первым, третьим, четвертым и шестым иктами, но отчетливо выражено их противопоставление слабым второму и пятому иктам; 3) “нейтрально”, характеризующегося минимальным расподоблением второго и третьего иктов. Первый из указанных типов наиболее ярко представлен Ломоносовским переводом Оды Юнкера (1742г.),

второй – шестистопным ямбом Трелиаковского (басни, перевод “Науки о стихотворении и поэзии” Буало), последний, наиболее распространенный в эту эпоху, не дифференцирован в сознании поэтов и читателей. Совмещения двух или трех обозначенных типов ритма в пределах одного объемного текста в XVIII в. не встречается. Конфигурация ритмической кривой, позволяющая стиховедам говорить о двух типах ритма – симметричном и асимметричном – признак не релевантный ни для истории стиха, ни для семантики формы. Неслучайно асимметричный ритм русского 6-стопного ямба, максимально приблизившись к языковой норме, не развивался в сторону еще большего расподобления второго и третьего иктов при сохранении высокой ударности первого икта. Более того, нельзя сказать, что симметричному стиху XVIII в. в XIX пришел на смену стих асимметричный. “Нейтральному” ритму с едва выраженной симметрией или асимметрией поэты XIX и XX вв. попытались противопоставить альтернирующий ритм с сильными вторым, четвертым и шестым иктами.

Приложение

Таблица 1.: Ритм Я6 трагедии М. М. Хераскова “Освобожденная Москва”

Икты	I	II	III	IV	V	VI	Число стихов
I действие	94,0	69,0	66,3	96,9	42,2	100	448
II действие	93,0	73,3	67,8	97,0	51,5	100	270
III действие	95,4	68,9	73,1	95,9	46,7	100	540 ¹⁸
IV действие	95,2	67,8	78,4	96,6	46,5	100	357 ¹⁹
V действие	98,9	73,1	81,3	98,4	45,1	100	182
Вся трагедия	95,0	68,7	72,5	96,7	46,1	100	1797

Таблица 2.: Ритм Я6 поэмы М. М. Хераскова “Чесменский бой”

Икты	I	II	III	IV	V	VI	Число стихов
Песнь 1-я	94,0	63,7	70,2	94,6	52,4	100	168
Песнь 2-я	95,3	68,7	64,5	96,7	46,3	100	214
Песнь 3-я	95,2	71,7	71,0	96,2	42,0	100	314
Песнь 4-я	97,9	63,5	72,9	95,8	42,4	100	288
Песнь 5-я	92,6	60,7	72,5	96,3	45,3	100	298
Вся поэма	95,9	65,8	71,4	96,0	44,1	100	1282

¹⁸ + 1 внеметрический и 1 без пары.

¹⁹ + 1 внеметрический.

Таблица 3.: Ритм Я6 второй редакции трагедии А. П. Сумарокова “Синав и Трувор”

Икты	I	II	III	IV	V	VI	Число стихов
I действие	87,0	67,8	81,8	94,9	42,1	100	292
II действие	91,4	67,3	79,5	97,1	51,5	100	278
III действие	87,7	70,1	74,3	96,3	50,4	100	268
IV действие	85,2	70,3	76,3	93,2	41,5	100	236
V действие	88,6	69,1	70,8	94,5	53,4	100	236
Вся трагедия	88,0	68,9	76,9	95,3	47,6	100	1310

Таблица 4.: Ритм Я6 трагедии А. П. Сумарокова “Хорев” (данные К.Ф. Тарановского²⁰)

Икты	I	II	III	IV	V	VI	Число стихов
I действие	95,9	68,8	81,2	96,2	52,6	100	266
II действие	92,3	63,2	78,5	96,4	54,3	100	247
III действие	91,9	69,9	78,0	94,6	50,5	100	186
IV действие	92,3	68,9	70,9	96,0	51,5	100	299
V действие	92,5	69,4	71,3	97,2	54,6	100	216

Таблица 5.: Ритм Я6 трагедии М. В. Ломоносова “Темира и Селим” (данные К.Ф. Тарановского²¹). Статистика по 1564 стихам

икты	I	II	III	IV	V	VI
1 действие	94,1	66,7	76,2	95,6	45,2	100
2 действие	95,8	61,4	79,5	94,8	45,8	100
3 действие	95,7	64,3	79,7	93,0	41,0	100
4 действие	96,3	60,0	77,7	93,7	48,3	100
5 действие	96,6	60,0	81,6	95,0	41,6	100
Вся трагедия	95,7	62,5	78,9	94,6	44,4	100

²⁰ Переписка К.Ф. Тарановского с В.Е. Холшевниковым // Acta linguistica Petropolitana / Труды Института лингвистических исследований РАН. СПб., 2003. С. 320.

²¹ К.Ф. Тарановский Шестистопный ямб Ломоносова // Russian verse theory : Proceeding of the 1987 Conference at UCLA / UCLA Slavic Studies 18. Columbus, Ohio. 1989. P. 417.

Таблица 6: Ритм Я6 трагедии М.В. Ломоносова “Демофонт” (данные К.Ф. Тарановского²²). Статистика по 1510 стихам.

икты	I	II	III	IV	V	VI
1 действие	95,7	55,0	87,4	94,0	46,0	100
2 действие	95,9	58,2	83,2	92,0	48,2	100
3 действие	91,5	63,2	80,9	92,3	49,3	100
4 действие	94,0	58,5	83,0	90,4	45,4	100
5 действие	94,7	59,0	84,6	94,7	45,1	100
Вся трагедия	94,5	58,7	83,8	92,6	46,9	100

Таблица 7: Ритм Я6 поэмы М.В. Ломоносова “Петр Великий” (данные А.В. Прохорова²³). Статистика по 1250 стихам.

икты	I	II	III	IV	V	VI	Число стихов
Посвящение	89,0	57,8	70,3	90,9	56,2	100	64
1 песнь	91,6	63,6	70,6	94,8	42,2	100	632
2 песнь	91,5	65,5	67,3	90,6	43,3	100	554

Таблица 8: Ритм Я6 трагедии А.А. Ржевского “Подложный Смердий” (данные Е. М. Матвеева). Статистика по 1323 стихам.

Икты	I	II	III	IV	V	VI
1 действие	91,1	65,6	77,7	97,9	41,8	100
2 действие	87,7	68,2	73,3	97,3	38,7	100
3 действие	88,6	68,6	81,6	97,8	44,7	100
4 действие	89,1	71,1	80,6	97,5	46,3	100
5 действие	89,0	66,5	78,0	97,9	46,2	100
Вся трагедия	89,0	67,9	77,9	97,7	42,3	100

²² Там же.

²³ Прохоров А. В. Указ. соч. С. 227.

Б. Б. Ходорковская

Причастные конструкции с обстоятельственной функцией в латинском языке

В латинском языке есть две причастные конструкции, выполняющие в предложении функцию обстоятельства: *ablativus absolutus* и *participium coniunctum*. И та, и другая конструкция представляет собой именную группу, в которой имя является вершиной, а второй основной член – причастие, согласованное с именем-вершиной по роду, числу и падежу. Причастие нельзя опустить без изменения смысла этих конструкций, получивших поэтому наименование «доминантное причастие». Предикация, выраженная причастием, входит в структуру предложения как «вложенная предикация».

При сходстве основной обстоятельственной функции обе конструкции различаются тем, что *ablativus absolutus* служит выражению любого обстоятельства: причины, времени, условия, уступки, образа действия, тогда как оборот *participium coniunctum* указывает только причину и сопутствующее обстоятельство. Как объясняется это неравенство функций? Какова позиция того и другого причастного оборота в предложении?

Оборот *ablativus absolutus* в предложении является адъюнктом, чаще всего он занимает в предложении крайнюю левую позицию, находясь на периферии предложения. В обороте *ablativus absolutus* есть свой синтаксический субъект, им служит имя, находящееся в вершине именной группы. Референция к субъекту может быть любая: явления и предметы действительности. Автономность этого причастного оборота в предложении проявляется в том, что его субъект некорреферентен ни с одной другой именной группой в предложении. Семантическое отношение оборота *ablativus absolutus* к остальной части предложения определяется контекстом ситуаций: это может быть причина или условие или уступка и т.д.

В именной группе, в форме которой реализована конструкция *participium coniunctum* с адвербиальной функцией, имя, находящееся в ее вершине, совпадает с субъектом предложения. Имеющиеся в предложении две предикации – главная предикация, выраженная личной формой глагола, и вложенная предикация, выраженная причастием – синтаксически и семантически связаны общностью субъекта. Семантическое отношение двух ситуаций ограничено отношением причины и следствия или со-

отношением их во времени. Вложенная предикация указывает причину главной ситуации или называет ситуацию, сопутствующую главной ситуации или непосредственно предшествующую ей. Содержание главной предикации оказывается зависимым от содержания вложенной предикации. Такие синтаксические и семантические отношения в предложении с причастным оборотом *participium coniunctum* возможны при условии, что референт субъекта предложения относится к классу людей. При другой синтаксической организации предложения или при другой референции к субъекту причастный оборот *participium coniunctum* выполняет не обстоятельственную, но атрибутивную функцию.

Таким образом, синтаксические позиции причастных оборотов *ablativus absolutus* и *participium coniunctum* в предложении весьма различны, и с этим связано различие их семантических функций.

В. Л. Цымбурский

«Женщины и рабы дерзнут на убийства...»**(Этрусский мотив в античной историографии заговора Катилины)****I.**

1. Доклад представляет доработанную и развернутую версию краткого сообщения, сделанного мною в 1988 г. на конференции «Проблемы античной культуры» (г. Симферополь).

2. Саллюстий (Cat. 24) пишет, будто бы готовя свой заговор, Катилина втянул в него множество женщин, так как «полагал, что через них он сможет взбунтовать городских рабов, город поджечь, мужей их либо присоединить к себе, либо убить» (per eas se Catilina credebat posse servitia urbana sollicitare, urbem incendere, viros earum vel adiungere sibi vel interficere). У Плутарха (Cic.18) это обвинение против Катилины сохраняется в вырожденном виде как мотив готовившегося катилинариями поджога города в одну из сатурнальных ночей, когда, как известно, в Риме «карнавално» переворачивался социальный порядок и рабы на время могли занимать место хозяев.

3. Очевидно, что переворот, который бы опирался на матрон, поднимающих рабов на мятеж и содействующих умерщвлению своих супругов, не имел бы аналога в римской истории. К тому же сообщение Саллюстия радикально противоречит тому, им же передаваемому факту (Cat. 56), что, даже готовясь к своей решающей битве, Катилина наотрез отказывался принимать беглых рабов в свое войско. Каким же образом это обвинение против катилинариев проникло в политический репертуар их противников и победителей?

II.

4. Я хочу обратить внимание на созвучие этого мотива с позднеантичной и византийской традицией о событиях, якобы послуживших причиной оккупации древней этрусской столицы Вольсиний римскими войсками в 264 г. до н.э. – то есть, практически, ровно за 200 лет до выступления и гибели Катилины.

5. Эта традиция – от Флора (I, 16) и Валерия Максима (IX, 1) до Орозия (IV, 5), Иоанна Антиохийского (FHG IV, фр. 50) и, наконец, Зонары (VIII, 7), при частных разногласиях, сходится на том, что изнеженные вольсинийцы, передав управление городом в руки вольноотпущенников, по сути, сами довели дело до революции, когда их жены, дочери и имения перешли к воссевшим в сенате вчерашним рабам. При этом некоторые из аристократов были убиты, иные – изгнаны или подвергнуты другим

репрессиям, так что, наконец, были вынуждены искать спасения у римлян, согласившись, под титлом восстановления своей свободы, на разграбление города и уничтожение остатков этрусской независимости.

6. Любопытным общим местом этой традиции оказывается смена господ бывшими рабами в супружеских функциях. И если у Валерия Максима эта тема преломляется в виде женитьбы отпущенников на дочерях хозяев и присвоения им права первой ночи на всех выходящих замуж аристократок, то у Орозия и Зонары возвысившиеся рабы сходятся в браке с женами низвергнутых владельцев – и через то еще при жизни последних, как бы получают право на их наследство (*correptam urbem suotantum generi vindicant, patrimonia coniugiaque dominorum sibi per scelus usurpant, extorres domines procul abigunt*); «τὰς σφῶν δεσποίνας ἡγάγοντο καὶ τοὺς δεσπότης διαδέχοντο... καὶ αὐτοὶ τὸ σύμπαν κύρος εἶχον»). А у Иоанна Антиохийского переворот вообще начинается соитием отпущенников с их госпожами, как бы дающим мятежникам *carte blanche* на последующие насилия (*πρῶτα μὲν τὰς ἑαυτῶν δεσποίνας πρὸς βίαν κατήσχυον, ἔπειτα τοῖς δεσπότηαις χεῖρας ἐπιβαλόντες...κατηγάλωσαν*).

7. Более 20 лет тому назад мне довелось рассмотреть эту «вольсинийскую легенду» античных и византийских историков в статье «Итало-этрусский миф о великой горе» (ВДИ. 1984. №4). И прежде всего я должен был заняться уже давно утвердившимся в литературе сближением этого эпизода с рассказом из псевдоаристотелевского трактата «Об удивительных слухах», 94. В этом месте парадоксограф повествует о диковинном Тирренском городе Ойнарее, окружающем гору фантастической для италийских гор высоты в 300 стадиев, и о том, как граждане этого города, «страшась, как бы кто-нибудь (из них) не сделался тираном, ставят над собой каждый год отпущенников из рабов и те ими правят, и каждый год другие заступают их место» (*φοβουμένους οὖν τοὺς ἑνοικοῦντας λέγουσι μὴ τις τύραννος γένηται προϊστασθαι αὐτῶν τοὺς ἐκ τῶν οἰκετῶν ἡλευθερωμένους καὶ οὗτοι ἄρχουσιν αὐτῶν κατ' ἐνιαυτὸν δ' ἄλλους ἀντικαθιστάναι τοῦτους*).

8. Ряд историков XIX–XX вв. напрямую отождествляют (Mueller-Deecke 1877, Frankfort 1960; Heurgon 1969, 1974; Ельницкий 1964; Немировский 1984) или, по крайней мере, сближают (Pallottino 1984) порядки баснословной Ойнареи с прини-

маемой на веру историей переворота в Вольсиниях. В моей статье 1984 г. я предложил иной подход к соотношению этих сюжетов.

9. Сосредоточившись на заведомо не имеющем отношения к Вольсиниям образе ойнарейской гигантской горы, «несущей на себе всяческий лес и воды ввысь и вниз» (ἀνέχων ἄνω καὶ κάτω ὕλην παντοδαπὴν καὶ ὕδατα), я соотнес этот образ с восходящим, скорее всего, к Тимею упоминанием Ликофрона, Alex. 699–703 о возносящейся к небу – над Италией и над локализуемым в тех же краях античным загробным миром – вершине, под названием Ληθαίου, «с которой влекутся по Авсонской земле все омывающие (ее) воды и все источники глубин» (ἐξ οὗ τὰ πάντα χύτλα καὶ πᾶσαι μυχῶν/ πηγαὶ κατ' Αὐσονίτιν ἔλκονται χθόνα).

10. Вслед за тем название ликофроновского Летеона – этой связующей небо с Аидом мировой горы – я соотнес с вариантами передачи имени этрусского хтонического бога Leθam, Leθms, Leθm, Leθns на бронзовой модели гадательной печени из Пьяченцы; далее, с композицией «стороны солнца» (usil) на той же модели, где вздымающийся желчный пузырь помечен, помимо имени бога вод Neθ(uns), также словом Leta (<*Leθa-); со словами из этрусской надписи на Капуанской черепице TLE 2,12 punθerī auθ leθaium vasil ia leθamsul ... «нужно совершить auθ leθai (локативный оборот?) обряд в честь бога Leθams»; и наконец, ввиду «ойнарейского» топоса временного воцарения отпущенников, – с популярнейшим в Этрурии прозвищем-кличкой зависимого человека Leθε (в греческой записи Ληθαίος), жен. род. Leθi, Leθia.

11. Я предположил, что рассказ Псевдо-Аристотеля в конечном счете восходит к этрусскому (новогоднему?) мифоритуальному комплексу с образами «мировой горы» и «возведения раба в цари». В последней части этот комплекс оказался каким-то способом политически актуализирован в Вольсиниях во время событий 265–264гг. до н.э. и, по-видимому, послужил как римлянам, так и коллаборационистской вольсинской верхушке при оформлении своего рода памфлета, объясняющего конец суверенной Этрурии.

12. Сейчас я склонен думать, что некая версия той же легенды, разделяющая ответственность за смуту в Вольсиниях между освобожденными рабами и вступившими с ними в связь аристократами, обрела новую жизнь в Риме во время движения катилинариев, пришедшегося на 200-летие падения Вольсиний, –

когда обстоятельства, сопряженные с этой смутой поимели повод оживиться в сознании римского политического класса. Показательно, что «победители 63 г. до н.э.» в своих инвективах могли связывать идею воспламенения Рима по ходу выступления женщин и рабов с сатурнальными празднествами на годовом рубеже, обнаруживающими значительную близость к этрусскому «ойнарейскому комплексу».

13. Важным стимулом к такому политическому задействию этрусского мотива должно было явиться развертывание катилинариями своего основного военного стана на землях Этрурии, по замечанию Плутарха, уже вполне подготовленной, вместе с частью Цизальпинской Галлии, к отпадению от римской власти (Plut. Cic. 10; ср. Sall. Cat. 27-28): вспомним цicerоновскую декламацию о «лагерях в Италии против римского народа, размещенных в ущельях Этрурии» (Cic. Car. 1, 2: castra sunt in Italia contra populum Romanum in Etruriae faucibus collocata).

III.

14. Более конкретно обстоятельства инфильтрации рассматриваемого мотива в политическую борьбу дней Цицеронова консульства могут быть прояснены благодаря показаниям знаменитого «Бронтоскопического календаря», включенного Иоанном Лидом в его трактат «О знамениях» с указаниями сразу и на составление «Календаря» «римлянином Фигулом» и на почерпнутость его предсказаний из этрусских «Тагетовых книг» (ἑφήμερος βροντοσκοπία τολική πρὸς τὴν Σελήνην κατὰ τὸν Ρωμαίων Φίγουλον ἐκ τῶν Τάγητος καθ' ἑρμηνείαν πρὸς λέξις).

15. Потому что под 19 августа в этом «Календаре» проставлено «Если прогремит, женщины и рабы дерзнут на убийства» (ἐὰν βροντήσῃ, φόνους αἱ γυναῖκες καὶ τὸ δουλικὸν τολμήσει), а непосредственно перед этим под 18 августа – «Если прогремит, грозит гражданской войной» (ἐὰν βροντήσῃ, πόλεμον ἐμφύλιον ἀλειεῖ). Я полагаю, в свете изложенного выше, пророчество «Календаря» от 19 августа позволяет по-новому подойти к двум вопросам, всегда появлявшимся у исследователей данного текста. Это вопросы, касающиеся его истинного отношения, во-первых, к этрусской традиции, а во-вторых, к деятельности Публия Нигидия Фигула.

16. Обычные представления конца XIX – начала XX вв. о ранневизантийском генезисе «Календаря» (Wachsmuth 1897; Legend 1930) оказались расшатаны новой модой на сопоставление его топики с мотивами вавилонских и ассирийских гадательных

текстов (Bezold-Boll 1911; Kroll 1936). Наиболее заостренно этот последний подход был подытожен А. И. Пфиффигом, оценившим «Календарь» как «псевдэпиграфический труд, происходящий из халдейских источников» и едва ли имеющий что-то общее с наследием Этрурии (Pfiffig 1975). Несомненно, «Календарь» изобилует разновременными привнесениями, и, в частности, возникающая в некоторых его контекстах фигура «царя» может представлять как древний ближневосточный элемент, так и позднеантичную или византийскую реалию. Однако уже в 1930-х В. Кроль отмечал, что большинство политических и социальных предсказаний этого памятника – возвещающих борьбу в государстве между «сильными» (οἱ δυνατοί, οἱ κρείττους, οἱ μέγρους) и «слабыми, худшими» (οἱ ἐλάττους, οἱ χείρους), «народом» (ὁ δῆμος), а также единовластную тиранию, которая, рождаясь из разногласий «сильных», подорвет их могущество, – не имеют аналогов в мантике Ближнего Востока. Схематика «Календаря» ближайшим образом ориентирована на обстановку надлома полисной государственности.

17. Исходя из этого положения, А. Пиганьоль (1951) во Франции и Л. А. Ельницкий (1971) в России предполагали в истории «Календаря», сообразно с его заголовком, два основных этапа – этрусский и римский. Ельницкий допускал, что первоначально топика его политических пророчеств могла относиться к обстановке в городах Этрурии конца IV – первой половины III вв. до н.э., перед их окончательным покорением римлянами, а вторично уже каким-то автором, переведшим этот текст, применена к смутам, губившим римскую республику.

18. Такая версия выглядит достаточно правдоподобной. Можно отметить, что она наглядно перекликается с современными догадками о судьбе сохраненного римскими грамматиками в латинском переводе другого этрусского пророческого текста – «То же от Вегойи Аррунту Вельтимну», возвещающего о грядущем возмездии за смещенные межевые камни и о возвращении неких рабов господам для наказания. За очевидным уровнем римской актуализации этого текста, привязанным к концу республики (Neurgon 1961; Harris 1971; Pallottino 1984), прообраз, вероятно, запечатлевший потрясения последних десятилетий независимой Этрурии, в том числе – и драму переворота в Вольсиниях (Turcan 1976; Немировский 1984).

19. Что касается соотношения прорицательской техники «Календаря» со всем, что известно о гадательных практиках эт-

русков, то – и здесь определенно прав Пфиффиг (1975) – упрощенная бронтоскопия, учитывающая лишь факт громового удара, акустическое знамение в тот или иной день года, не согласуется с этрусской технологией расчленения небесного темплума на жилища богов и с интерпретацией молний как исходящих из этих жилищ визуальных и тактильных знаков различного типа и предназначения (Mart. Cap. I,45 ff.; Plin. n. h. 2, 53–54; Serv. Aen. I, 42; Sen. Nat. quaest. II, 39–41). Но если крайне сомнительно было бы предполагать источник «Календаря» в том разделе «этрусской дисциплины», который римляне величали титулом *libri fulgurales* (Cic. De div. I, 33), то с большей вероятностью за подобный источник можно было бы принять раздел, включавший сборники разнообразных примет – т. н. этрусские «Ostentaria» (ср. хотя бы некий *Ostentarium Tuscum* Тарквиния Прииска, упоминаемый Макробием в Sat. III,7).

20. И наконец, исследователи расходятся в том, что касается увязки «Календаря» с именем Нигидия Фигула (раньше 98–45 гг. до н. э.), ученого пифагорейца (Cic. Tim. 1–2), астролога (Dio Cass. 45, I), авгура и антиквара, толкователя «этрусской дисциплины» (Arnob. III, 40), создателя трактатов о гадании по внутренностям (Gell. XVI, 6) и о приватном птицегадании (Gell. VII, 6), имевшего в античности репутацию безупречного прорицателя и мага (Suet. Aug. 94; Apul. Apol. 42). Признанным пиком его политической карьеры считается даже не его преторство в 58 г. до н. э., но теснейшее сотрудничество с Цицероном в разгроме катилинариев. Спустя много лет оно заслужило высочайшей, хотя и несколько расплывчатой оценки со стороны великого оратора (ad fam. IV, 13), побудившей Плутарха (Cic. 20) изобразить Фигула в 63 г. до н.э. участником влиятельнейшего цицероновского «мозгового штаба», наряду с братом консула Квинтом и супругой Теренцией. Если Кроль и Пиганьоль находили возможным увязывать пророчества «Календаря» с обстановкой в Риме в последние 20 лет жизни Фигула, то для Ельницкого, довольно искусственно – на мой взгляд – толковавшего «Календарь» чуть ли не в качестве политического памфлета, нацеленного против «сильных», «кто-то», адаптировавший этрусский текст к условиям римской смуты, никак не мог быть Фигулом, другом Цицерона, оптиматом и «реакционером».

21. Едва ли не решающим доводом, способным решить этот спор, я считаю сопоставление мотива «женщин и рабов, дерзающих на убийства» в «Бронтоскопическом календаре» с идентичным мотивом у Саллюстия, преподносимым в книге послед-

него как преступный умысел Катилины. Мне представляется невероятным, чтобы этот топос из сочинения, помеченного именем Фигула и ссылкой на «Тагетовы книги», совершенно случайно оказался осенью 63 г. до н. э. орудием политической борьбы, где один из лагерей возглавляли Цицерон с его консультантом Фигулом.

22. К сожалению, нам ничего не известно о том, как в оригинале могли синтаксически и фразеологически оформляться этрусские пророчества. Вавилонская мантика при толковании знамений охотно апеллировала к историческим прецедентам, используя выражения вроде «знамение Кубабы, который овладел царством» или «знамение Шульги, который пленил Таппадараха» (Goetze 1947). Могли ли и в Этрурии функционировать подобные предсказательные схемы, когда, скажем, громовой удар в определенный день августа разъясняется как предвещающий «смуту женщин и рабов» с комментарием типа «как и в Вольсиниях», * *etnam ix velsnalθi* (формула, мыслимая по аналогии с оборотом *etnam ix matam* «так же, как и раньше», неоднократно встречающемся в тексте Загребской пелены, VII, 22; XI, 4; XII, 9)? На этот счет позволительно лишь строить догадки.

23. Во всяком случае, в свете предсказания «Календаря» на 19 августа выглядит особенно весомым упоминание Плутарха о том, что в канун мятежа Катилины «божество, казалось, предвещало то, чему предстояло случиться, землетрясениями, и **громовыми ударами, и призраками**» (Plut. Cic., 14: ἑδόκει δὲ καὶ τὸ δαμόνιον προσημαίνειν τὰ πρᾶσσόμενα σεισμῶς καὶ κεραυνῶς καὶ φάσμασι).

24. Очень похоже, что на руках у Фигула в те дни уже был прототип или какая-то версия «Бронтоскопического календаря»; что пассаж Саллюстия о матронах-катилинарках, способных поднять рабов на переворот в Риме, представляет отголосок этрусского гадательного клише, отсылающего к «вольсинийской легенде» и демагогически запущенного в ход кружком Цицерона-Фигула в канун консульских выборов 63 г. до н. э. на фоне 200-летия событий в Вольсиниях и под крики о «лагерях Катилины в ущельях Этрурии»; что в конце лета того года над Римом впрямь гремели грозы и ученейший сподвижник Цицерона, подобно мифическим этрусским жрецам, постарался стянуть их громы над головою сокрушаемого недруга.

Е. С. Цыпилева

Список наречий на *-ter* у Присциана и Нония

Тринадцатая глава пятнадцатой книги сочинения Присциана «Грамматические наставления» (*Instutiones grammaticae*) содержит список наречий на *-ter*. Как пишет И.М.Тронский в своей монографии «Историческая грамматика латинского языка»¹, суффикс *-ter* использовался в архаическом латинском языке для образования наречий от прилагательных как 2 склонения, допускающих наряду с этим образования на *-ē* (*-ō*), так и от прилагательных 3 склонения. В языке же классического периода употребление форм на *-ter* в наречиях, соотносительных с прилагательными 2 склонения, идет на убыль, но как средство производства наречий от прилагательных 3 склонения суффикс *-(i)ter* получает широкое распространение. Таким изменением и, в некотором смысле, сужением области применения суффикса *-ter* можно объяснить тот особый интерес, который проявляли латинские грамматики к наречиям, образованным с помощью этого суффикса. Указания на то, что от слов типа *durus* можно образовать наречия *dure* и *duriter*, можно найти в грамматических сочинениях Харисия² Диомеда³, Проба⁴, Доната⁵, Августина⁶ и даже Беда⁷. Все эти указания довольно-таки однотипны: чаще всего приводится список прилагательных 2 склонения (не более 5), от которых в древности наречия образовывались не по правилу, а с помощью суффикса *-ter*, и все это может иллюстрироваться примерами из Теренция и/ или Цицерона. К подобного же рода указаниям можно отнести и начало тринадцатой главы пятнадцатой книги сочинения Присциана «Грамматические наставления». Здесь также имеется список из пяти

¹ И.М Тронский. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). М., 2001. стр.385.

² *Grammatici Latini* / Ed. H.Keil (G.L.K.). Leipzig, 1855–1880. Vol. I: 113, 23; 116, 11; 556, 14.

³ *Grammatici Latini*. Vol. I: 406, 36.

⁴ *Grammatici Latini*. Vol. IV: 151, 11.

⁵ *Grammatici Latini*. Vol. IV: 386, 5.

⁶ *Grammatici Latini*. Vol. V: 519, 6.

⁷ *Grammatici Latini*. Vol. VII: 270, 28.

прилагательных 2 склонения (*durus, largus, humanus, inhumanus, firmus*), от которых наречия образуются двояким образом (*dure et duriter, large et largiter, humane et humaniter, inhumane et inhumaniter, firme et firmiter*), и ряд примеров-иллюстраций из комедии Теренция «Девушка с Андроса» (*Andria*) и речей Цицерона. Но затем Присциан пишет: «*Inveniuntur et alia, quibus tamen non est utendum*». После этих слов приводится список редких/малопотребительных наречий на *-ter*, который делает рассматриваемый нами фрагмент уникальным. С одной стороны, ни одно из наречий из этого списка не встречается более ни в каком другом античном грамматическом описании, сохранившемся до наших дней. С другой стороны, все эти наречия приводятся в одиннадцатой книге сочинения Нония *De Compedia Doctrina*. Эта книга называется *De indiscretis adverbis*, что на русский язык можно условно перевести «О наречиях, имеющих дублетные формы». Объем материала, рассматриваемого Нонием, намного больше, чем то, что мы находим у Присциана: Нония интересуют не только наречия на *-ter*, образованные от прилагательных 2 склонения, но и вообще все неправильно (с точки зрения грамматики IV в. н. э.) образованные наречия. Кроме того, тексты Нония и Присциана совершенно по-разному организованы. Сочинение Нония *De Compedia Doctrina* по своей структуре напоминает современные толковые словари, то есть сначала приводится слово, потом объясняется его значение или (как, например, в рассматриваемой нами XI книге) дается его правильная грамматическая форма, и после этого цитируется текст, содержащий это слово. Текст Присциана не имеет такой жестко-организованной структуры, и даже в рассматриваемом нами фрагменте наблюдается некий «перебив»: для первых двух слов из списка редких наречий на *-ter* называется автор и произведение и приводится цитата, содержащая это наречие; далее, начиная с третьего слова, текст превращается в настоящий список – Присциан называет только имя автора и наречия, им употребленные, ни названий произведений, ни цитат больше не приводится. Текст Присциана, таким образом, можно принять за сокращенный вариант текста Нония. В пользу такого предположения говорит не только то, что полностью⁸ совпадают наречия, рассматриваемые обоими грамматиками, но и то, что частично

---

⁸ У Нония на самом деле указано 3 наречия на *-ter*, которых нет в тексте Присциана – *parciter, saniter, rarenter*.

совпадает порядок, в котором эти наречия приводятся. Именно такие аргументы приводит в своей статье Герц⁹, говоря, что Присциан выписал свой «каталог» наречий из сочинения Нония. Такого же мнения придерживаются Джип¹⁰ и Вахлен, издатель фрагментов Энния¹¹. Однако, на наш взгляд, подобное утверждение не вполне верно. Несомненно, тексты Нония и Присциана каким-то образом связаны между собой – абсурдно было бы предполагать, что оба грамматика независимо друг от друга составили почти идентичные списки наречий, встречающихся в текстах авторов, живших за несколько столетий до них.

И все же, «возводить» один из имеющихся у нас текстов непосредственно к другому, не вполне, на наш взгляд правомерно. Попробуем доказать это. За текст-основу (отталкиваясь от рассмотрения которого и будет строиться наше рассуждение) возьмем текст Присциана. Как следует из приводившегося ранее описания, интересующую нас главу сочинения Присциана можно разделить на две части, границей между которыми будет предложение *Inveniuntur et alia, quibus tamen non est utendum*. До этого предложения Присциан описывает наречия на *-ter*, привлекавшие внимание и других грамматиков. Следовательно, эту часть XIII главы пятнадцатой книги «Грамматических наставлений» Присциана можно охарактеризовать как *locus communis* грамматических описаний. Важно отметить, что совпадения между текстами XI книги сочинения Нония и рассматриваемой нами главы сочинения Присциана наблюдаются для обеих выделенных нами частей. Из 5 наречий на *-ter*, названных Присцианом в первой части (*duriter, largiter, humaniter, inhumaniter, firmiter*), 3 рассматриваются Нонием. Так, XI книга *De compendiosa doctrina* начинается с наречия *humaniter*, употребление которого иллюстрируется 2мя цитатами из речей Цицерона *ad Pansam* (та же самая, только более полная цитата, что и у Присциана) *et ad Axium*. Далее в книге описываются еще наречия: *duriter et firmiter*, причем статья на *duriter* начинается с той же самой цитаты из «Девушки с Андроса (*Andria*)» Теренция, что и в тексте Присциана. Подобное совпадение именно благодаря его

⁹ M.Hertz. Das Adverbialverzeichnis bei Priscianus p. 1010 P I, 620 fr. Krehl // Philologus 11 (1856), pp. 593–596.

¹⁰ L.Jeep. Priscianus // Philologus 67 (1908), p. 46.

¹¹ Ennianae poesis reliquiae. Iteratis curis recensuit I.Vahlen. Lipsiae, 1903. p. 190.

неточности можно рассматривать как доказательство справедливости наших рассуждений о том, что начало XIII главы пятнадцатой книги «Грамматических наставлений» Присциана – это *locus communis* грамматических описаний.

О более точном и последовательном совпадении с XI книгой сочинения Нония можно говорить для второй части рассматриваемой нами главы. Начиная со слова *insaniter* и вплоть до слова *denigniter* в этих текстах полностью совпадают:

- порядок, в котором называются наречия
- имена авторов и названия произведений, в которых встречаются названные наречия
- цитаты (Присцианом для последних двух слов не приводятся).

Далее в тексте Присциана рассматриваются все те же самые наречия, что и в XI книге сочинения Нония, но они несколько по-другому описываются. Присциан переходит от рассмотрения «по наречиям», т.е. слово > автор, название произведения > цитата (таким образом построен весь текст Нония), к рассмотрению по «авторам», т.е. автор > встречающиеся в его произведениях слова, без указания названия самих произведений. Однако остается совершенно непонятно, почему происходит подобный «сбой»: меняется структура текста, и исчезают цитаты. Более того, непонятным оказывается принцип, согласно которому Присциан приводит имена авторов. В целом это напоминает обратный алфавитный порядок:

Pomponius – Titinius – Plautus – Novius – Lucilius – Varro – Ennius – ignotus (в тексте Присциана никак не называется), но есть два нарушения (не на «своем» месте стоят Pomponius и Varro), из-за которых мы вынуждены отказаться от подобного объяснения. Обращение к тексту XI книги сочинения Нония также не может нам ничем помочь, потому что имена авторов¹², в произведениях которых встречаются «неправильно» образованные наречия на *-ter*, приводятся у Нония в порядке, отличном от текста Присциана:

Pomponius – Titinius – Novius – Plautus – Varro – Plautus – Lucilius – Ennius – Lucilius – Varro – multi alii (согласно закону

---

¹² В данном случае мы рассматриваем имена авторов, чьи произведения цитируются в качестве главных цитат в «словарных статьях» XI книги сочинения Нония.

Линдсея, все они цитировались в словаре наречий – a Glossary of Adverbs).

Итак, мы не можем согласиться с мнением Герца, Джипа и Вахлена, что текст XII главы (или, по крайней мере, вторая ее часть) XV книги «Грамматических наставлений» Присциана есть сокращенный вариант текста XI книги *De compendiosa doctrina* Нония. На наш взгляд, рассматриваемый текст Присциана – это не просто сокращенный, но сильно измененный вариант текста Нония. Чтобы из дошедшего до нас текста XI книги сочинения Нония получилась XIII глава XV книги «Грамматических наставлений» Присциана, нужно сделать следующее:

1. выписать все наречия на *-ter* и главные цитаты словарных статей, в которых эти наречия рассматриваются.
2. полученные наречия распределить по авторам, чьи произведения цитируются.
3. убрать цитаты, а имена авторов поставить в определенном порядке (возможно, обратном алфавитному).
4. добавить ряд «традиционных» цитат-примеров употребления наречий на *-ter*, образованных от прилагательных второго склонения.

Представляется маловероятным, чтобы Присциан потратил столько усилий на составление одной из глав своего 18-книжного сочинения, вместо того, чтобы просто переписать или переписать с небольшими изменениями имевшийся в его распоряжении текст. Следовательно, более правдоподобным будет предположить существование некоего текста N, отличного от текста XI книги *De compendiosa doctrina* Нония, но почти полностью идентичного рассматриваемому нами тексту Присциана (или, скорее всего, второй его части). Предполагаемый нами текст N должен быть посвящен исключительно рассмотрению наречий на *-ter*, образованных от прилагательных второго склонения. Эти наречия должны рассматриваться «по авторам», возможно, с цитированием произведений, в которых эти наречия встречаются (последнее, впрочем, как мало доказуемо, так и сложнопроверяемо). Предположение о существовании некоего текста N не дает нам, однако, ответа на вопрос о том, согласно какому принципу приводятся имена авторов, в чьих произведениях встречаются наречия на *-ter*.

В ответе на этот вопрос нам, как это не неожиданно, может помочь закон Линдсея¹³.

Закон Линдсея был, как известно, сформулирован Уоллесом Линдсеем на основании его изучения последовательности цитирования Нонием античных авторов. В самом общем виде этот закон звучит следующим образом: в распоряжении Нония (в его личной библиотеке или в библиотеке города, где он жил и работал) было 41 «произведение» (source), которые он просматривал в поисках примеров для своего собственного сочинения всегда в одном и том же порядке¹⁴. Таким образом, порядок имен цитируемых авторов в тексте Нония полностью соответствует (для главных цитат) тому порядку, в котором эти авторы или источники, в которых приводились их сочинения, перечисляются в списке, составленном Линдсеем согласно сформулированному им закону. Интересующие нас имена античных авторов (т.е. те, которые называются в XIII главе XV книги Присциана и в реконструируемом нами тексте N) в списке Линдсея приводятся в следующем порядке:

Glossary I (= Pomponius, Titinius) – Plautus I – Novius – Lucilius (+ Ennius) – Varro I – Alph. Adv. (A Glossary of Adverbs) – Gloss. V, это соответствует (опять же за исключением Varro) последовательности имен в тексте Присциана¹⁵ (= тексте N). Если для рассматриваемого нами текста оказался «работающим», т.е. позволяющим найти ответы на иначе неразрешимые вопросы, закон Линдсея, сформулированный только для текста Нония, значит, наш текст N был написан Нонием в той же самой «механистической» манере, что и *De compendiosa doctrina*.

Как было доказано выше, реконструируемый текст N представлял собой отдельное исследование, посвященное наречиям на -ter. Возможно, до составления Нонием его грандиозного

---

¹³ Хотелось бы уточнить, что используемое нами утверждение Линдсея называется законом лишь с большой долей условности.

¹⁴ Более подробно о законе Линдсея см. W.M. Lindsay *Nonius Marcellus' Dictionary of Republican Latin*. Oxford, 1901 (=Hildesheim, 1965); Fr. Della Corte. *La lex Lindsay e i frammenti citati da Nonio*. // *Opuscula IV*, Genova 1973, p. 263–319 (estratto da: Varrone terzo gran lume romano. Genova, 1954, p. 321–377).

¹⁵ с одной небольшой оговоркой: в списке Линдсея перечисляются источники Нония, а в тексте Присциана – авторы заглавных цитат словарных статей Нония

компендиума им же самим был составлен/написан ряд меньших по объему работ, посвященных более частным вопросам. Впоследствии они были переработаны и вошли в состав *De compendiosa doctrina*. Возможно и обратное предположение: дошедший до нас вариант текста *De compendiosa doctrina* не был окончательным, после составления Ноний переработал его и привел в более упорядоченное состояние (попытки/следы такой возможной переработки мы можем видеть в книгах II–IV дошедшего до нас текста *De compendiosa doctrina*). Как бы то ни было, все вышесказанное позволяет говорить о том, что Ноний не был таким уж необразованным и малопонимающим в своем деле человеком, как о нем обычно пишут в научной литературе, и что его литературная деятельность не ограничивалась составлением только *De compendiosa doctrina*.

А. Б. Черняк

**«Путешествие Эгерии к святым местам»:
несколько слов о рукописи**

Как известно, единственная рукопись «Путешествия»¹, codex Aretinus VI,3 s.XI [теперь Aretinus 405]), был найден в г. Ареццо (Тоскана) в конце позапрошлого века, но происходит он из монтекассинского скриптория и написан довольно трудным для чтения беневентским письмом². Сам памятник, по соображениям историческим и богословским³, датировался временем от конца IV до середины VI в. Язык «Путешествия» был немедленно признан вульгарным и текст (фрагмент без начала и конца и с двумя лакунами в середине, сс.3–57 в стандартном издании Принца, разбитые на 49 глав) тут же вошел в золотую коллекцию памятников вульгарной латыни; издания Герея⁴ и *Sermo vulgaris latinus* (1951 ss.) сделали его доступным для семинарских занятий.

За более чем сто лет интенсивных штудий о языке «Путешествия» было написано много интересного, но самой рукописью филологи занимались мало⁵. В этой ситуации заслуживает

---

¹ Ранее «Путешествие Эгерии к святым местам» называлось «Паломничество Сильвии или Этериис».

² О беневентском письме см.: А. Д. Люблинская. Латинская палеография. М.: «Высшая школа», 1969. С. 77–78. Фотографию одной из страниц рукописи (р. 42, глл. X,9 – XII,2) можно найти на титульном листе издания: *Itinerarium Egeriae*. Editio critica cura et studio Aet. Franciscini et R. Weber. Turnholti [Brepols] 1958 (*Corpus Christianorum* 175; эту фотографию воспроизвел Вяянянен на с. 166 своей монографии, см. прим. 3), а также у Гамуррини, обнаружившем и первым напечатавшем наш памятник в 1887 г.

³ См. V.Väänänen. *Le journal-épître d'Egérie (Itinerarium Egeriae): Etude linguistique*. Helsinki, 1987. P.8, 11 n.27

⁴ *Silviae vel potius Aetheriae peregrinatio ad loca sancta* Hggb. von W. Heraeus. Heidelberg 1908 (*Sammlung vulgärlateinischer Texte* 1), cf. *Itinerarium Egeriae (Peregrinatio Aetheriae)*. Hggb. von O. Prinz. Heidelberg 1960⁵.

⁵ Отсюда досадные расхождения, например, О. Принц сообщает, что сохранившийся фрагмент «Путешествия» был пришит к трудам св. Илария еще в скриптории Монтекассино (O. Prinz, *Op.cit.*, Einleitung, р.V), в то время как авторитетнейший Р. Вебер, непосредственно рабо-

внимания примечание, в котором известный венский палеограф Микаела Цельцер бегло анализирует наш текст⁶; оно, как мне кажется, осталось совершенно неизвестным исследователям «Путешествия».

Проф. Цельцер (тогда еще, вероятно, доцент) специально не занималась Тацитом, но так как она в семидесятые годы подготавливала издание трактата *opus imperfectum* бл. Августина, тоже сохранившегося в монтекассинской рукописи конца XI в., проф. Р. Ганслик включил ее в состав группы молодых латинистов,⁷ издававших знаменитую монтекассинскую рукопись Тацита⁷ в качестве консультанта-палеографа; статья, вероятно, и была ее личным вкладом в этот проект. Подытоживая свои наблюдения, она не поленилась пройтись и по рукописи «Путешествия». Цельцер отметила в ней все характерные для беневентского письма ошибки: смешение *b/v* и *s/x*, например, 25,4 *annotavimus* (вместо *-bimus*), 30,2 *iuxta* (вместо *ista*) и многочисленные случаи произвольного употребления или отсутствия *-m*: 5,1 *que admodum* (вместо *quem admodum*), 5,5 и 6,3 *ad montem* (вместо *a monte*). Парадоксальным образом это беневентское *-m mobile* ввело в заблуждение никого иного как Эйнара Лёфстеда, постулировавшего *ut + inf.* вместо очевидного *ut + con.* во фразах типа 17,1 *volui iubente deo, ut et ad Mesopotamiam Syriae accedere (-m) ad visendos sanctos monachos*, т.е. тривиального *ut*

тавший с рукописью, утверждает, что это произошло лишь в начале XIX в.: “*Ad Laicozum ...Fraternitatem* (в библиотеке которого была найдена рукопись – А.Ч.) *liber anno 1810 pervenit et ibi paulo post cum s. Hilarii opusculis in unum volumen compactus est*“ (R.Weber. *Op. cit.*, *praefatio* p.29 [5]). Это мнение повторяет и Н. Наталуччи, но и сама допускает неточность, сообщая, что наш памятник занимает *fol.* 31–74 (на самом деле *fol.* 31–37; итальянская исследовательница явно спутала здесь *folium* и *pagina*, см.: *Egeria. Pellegrinaggio in Terra Santa. A cura di Nicoletta Natalucci. Edizioni Dehoniane Bologna 1999 (1991). P. 21–22, n.57.*

⁶ М. Р. Zelzer. *Zur Frage der Vorlage des Tacitus-Codex Mediceus 68,2 // Wiener Studien 1973. N.F. Bd. 7, 185–195, особенно 188. Anm.16.*

⁷ Об этом см. мои статьи: *Рукописная традиция второго массива "Анналов" и "Историй" Тацита // Hyperboreus 1994. Vol. I, fasc.1. С. 138–150; Zur Überlieferung der „Annalen“ und „Historien“ des Tacitus // Hyperboreus 2003. Vol. IX/ 2,355–370.*

obiectivum⁸. Непонятным для венской палеографистки было и то, почему и Вебер и Принц писали 20,8 in ipsa...civitate, а также 7,1 licet terra Gesse iam nosse (вместо terram...nossem) и 9,6 licet ea loca...iam nosse (= -m). «Разумеется, восстановить текст Эгерии на основании этой единственной рукописи весьма непросто» – так вежливо предваряла М. Цельцер свои критические замечания.

На деле все не так уж и сложно: надо только соблюдать правило -m mobile, о котором издатели, увлекаясь вульгаризмами, порой забывают. Мы не должны упускать из виду, что Эгерия была весьма образованной дамой и поэтому все спорные случаи должны решаться в пользу классической нормы. Иными словами, следует писать 5,1 que<m> admodum, 5,5 и 6,3 a(d) monte(m), 7,1 licet terra<m> Gesse iam nosse<m>, 17,1 ut...accedere<m>⁹ и т. д.

Вянянен в своей монографии говорит о написаниях¹⁰, но не выделяет особо беневентские b/v и -m (-s/-x у него отсутствует) от стандартных позднелатинских e/ae, e/oe, i/y, h- mobile, ge/ie и т. д., что мне кажется неправильным. Но работа над текстом «Путешествия» не прекращается и уже в ближайшем будущем мы можем ожидать новых исследований и изданий.

---

⁸ E. Löfstedt. Philologischer Kommentar zur "Peregrinatio Aetheriae". Uppsala-Leipzig, 1911. S. 250.

⁹ Как известно, в косые скобки,<...>, ставится то, что нужно добавить, а в круглые, (...), то, что нужно убрать.

¹⁰ V.Väänänen. Le journal-épître d'Egérie... (см. прим.2), ch.1: Phonétique et graphie, pp. 19–21

Н. А. Чистякова

Трансформация древнегреческих жанров

И. М. Тронский в 1950-х гг. на аспирантском семинаре читал спецкурс о гомеровской «Одиссее». Цитируя первый стих, он выделил эпитет «многоизворотливый» (πολύτροπος), отметив его необычное для эпоса значение. И. М. объяснял его западной колонизацией, но не снимал вопроса: так ли это было?

Эпос, лирика и драма впервые возникли в древнегреческом словесно-литературном искусстве. Впоследствии эти термины со своими значениями вошли во всю европейскую литературу.

Появление каждого из этих жанров в Древней Греции было обусловлено социальным сознанием того общества, которое в каждую отдельную историческую эпоху нуждалось в художественном выражении. Прошлым эпоса, первого из возникших жанров, были воинские песни каждого отдельного рода или племени. Со временем изменялась организация общества. Жизнь требовала нового социального уклада, для которого воинские песни уже не удовлетворяли людей. Так появился эпос. В его повествовательной художественной форме некий учитель, наставник и провидец обращался к своим слушателям с якобы свыше полученным откровением. Поэтому эпос не воспринимался личностным произведением и не был таковым, начиная с «Илиады», а впоследствии в «Песне о Роланде», в «Песне о моем Сиде», наконец в «Слове о полку Игореве» и т. д.

Со временем новый социальный уклад был уже установлен. Необходимость призыва к нему исчезла, но в сознании людей жила привычная художественная форма и потребность в ее воспроизведении. Так несколько позднее «Илиады» у греков появилась загадочная «Одиссея».

Споры об «Одиссее» не умолкают в научной литературе уже давно. Одни исследователи называли ее «комической», а «Илиаду» – трагической поэмой. В античности, где личность ее «автора» не вызывала сомнения, полагали, что «Одиссея» была сочинена уже одряхлевшим поэтом (трактат «О возвышенном», конец I в. н.э.).

Необычным представлялся «многоизворотливый» герой, его фантастические приключения, движение сюжета, обстановка загадочной Итаки, поэтика и многое другое. Особенно странно вели себя в поэме олимпийские боги, среди которых лишь одна Афина в чем-то помогала герою, но в своих действиях герой

был предоставлен самому себе.

Так в «Одиссее» герой смог предрешить появление будущих персонажей драмы. В трагедиях Эсхила и Софокла героям предстояло действовать (*drân*) по своему выбору и самим расплачиваться за свои действия и поступки. У Эсхила следствием поступков оказывались страдания. Лишь в последней трилогии героя (Ореста) спасал жребий, брошенный богиней Афиной.

Во всех сохранившихся драмах Софокла действия и страдания завершались сознанием ограниченности человеческих знаний, которая не мешала величию человека. Еврипид окончательно отделил своих героев от самостоятельно действующих богов. Основой его трагических конфликтов были всегда чувства и поступки героев. С Еврипидом завершилась классическая греческая трагедия. Ее будущая жизнь окончательно реализовалась в драматургии Менандра. Вместо мифологических героев прошлого на сцене появились те простые люди, которые действовали в древней комедии Аристофана. Различие между трагедией и комедией состояло в том, что мир героев Аристофана был миром хаоса, антимиром, с которым им предстояло бороться. В средней, малоизвестной комедии герои – вымышленные или реальные носители былой славы, знаменитые авторитеты. Их всех сменила новая менандровская комедия.

Иная судьба выпала на долю лирики. **Лирика** в качестве песенно-словесного разнообразного искусства была ситуативно-ритуальной. Первое лицо в ней изначально всегда определялось ситуацией в зависимости от установленного ритуала. Отнюдь не личными были «я» Алкея, Архилоха, Сапфо и других архаических и классических поэтов. Личное «я» не могло появиться до эллинистической эпохи, т. е. до III в. до н.э. Но и там это первое лицо в застольных, любовных и прочих эпиграммах оказывалось задрапированным в одеяние участников пира, бедствующего нищего и т.д. (Асклепиад, Леонид Тарентский и др.). В лирике освобождение от камуфляжа произошло во времена поздней античности. В римской поэзии картина была иной и личное «я» существовало там изначально.

А. В. Шацков

К значению хетт. глагола *kunk-*

Данный глагол засвидетельствован всего несколько раз, и возможно, именно поэтому его значение до сих пор точно не определено. Н. Эттингер (Oettinger 1979 : 179) и Э. Ной (Neu 1968 : 102) приводят значение 'aufrichten', в то время как Я. Пухвел (HED IV : 250) переводит этот глагол как 'shake, sway, swing'. Недавно П. Тараха (Taracha 1999 : 676ff.) высказал третье предположение, а именно, что *kunk-* является синонимом глагола *sakuwai-* и, соответственно, значит 'смотреть'.

Основывается это предположение на том, что *kunk-* и *sakuwai-* встречаются в одном весьма характерном контексте:

KUB 52.94 + Rs. IV² 23': [nu-kán² URUDU] ZI.[KIN.BAR-aš^G (šar-pa-az-za še-ku-ú-e-en)¹].

Ср. KUB 24.4 Vs. 13: n-asta URUDU sepikkustas GIŠ sarpaz kunku[weni с дубл. KUB 24.3 II 23 13 n-asta URUDU ZI.KIN.BAR-as GIŠ sarpa[z.

KUB 14.10 IV 19-20: nu-kan URUDU ZI.KIN.BAR-as GIŠ sarpaz kunkuweni.

Данная фраза, правда, ни с одним из вышеуказанных значений не становится ясной, в частности, потому, что значения остальных слов тоже еще выясняются. Вероятнее всего, здесь использована какая-либо метафора (Ср. HED IV 248f. Пухвел переводит этот отрывок следующим образом 'We shake [copper] spikes from the [wooden] harrow').

Что касается сопоставления *kunkuweni* и *sekwen*, из-за огласовки корня *-e-* совсем неочевидно, что форма *še-ku-ú-e-en*² относится к глаголу *sakuwai-*. С другой стороны, к глаголу *sakk-/sekk-* ее также несколько проблематично связывать ввиду одичного написания смычного.

Однако в другом примере *kunk-* оказывается рядом именно с глаголом *sakk-/sekk-*, употребленном в значении 'замечать, обращать внимание':

KUB 7.10³

I I ka-a-ša a-pé-e-da-ni ud-da-ni

¹ Восстановление по Во 4371 9' и KUB 53.58 7'.

² Тараха (op. cit. 679) приводит и другие подобные формы, например, še-e-ku-e-er (KUB 33.120 II 74) и še-e-ku-wa-an-zi (КВо 22.135 4).

³ См. Kümmel 1967 : 129f.

- 2 pí-di ku-u-uš tar-pa-li-i-e-eš
 3 ka-ru-ú a-ra-an-da-ri
 4 nu-wa-za ku-u-uš ši-ik-ten a-pu-u-uš-wa-za
 5 nam-ma le-e še-ek-te-ni
 6 AŠ-RU-wa-kán ka-ru-ú an-da ku-un-ga-an

- 1 В связи с данным делом
 2 на [этом] месте эти заместители
 3 уже давно стоят.
 4 Обращайте внимание на них, а на тех
 5 внимание не обращайтесь!
 6 На это место уже давно обращено внимание?

Kunk- встречается и в других ритуалах, в частности, в ритуале основания храма (СТН 414):

KUB 29.1 III 41-44: nu-ssan DINGIR^{MEŠ} esantari, nu-za-an É-as BELU^{MEŠ} -TIM LUGAL-us SAL.LUGAL-s-a DAM^{MEŠ} pahhuwarses esantari n-at-za-kan sāsas mahhan kunkiskantari 'Располагаются боги; садятся хозяева, царь и царица, морганатические жены, и они выглядят? как *šašaš* (вид животных)'.

Еще один пример из текстов ритуалов, касающийся царской четы, засвидетельствован в КВо 20.82 II 14 (СТН 434) L]UGAL SAL.LUGAL kunkuskinun 'Я обратил внимание на царя [и] царицу'.

Другим частым случаем является употребление *kunk-* в качестве супина в конструкции с глаголом *tīye-*. Причем речь всегда идет об отце и новорожденном сыне: KUB 33.93 III 12-4^D Kumar]bis-za a[si] DUMU.NITA-an duskiskiwān dā[is n]-an kunk-eskiwan [dāis] 'Кумарби начал радоваться сыну и рассматривать его'. Аналогичные ситуации мы видим и в других мифах: KUB 24.7 IV 39 n-an kunkeskiuwan dāis (См. Friedrich 1950 : 232) и KUB 36.60 + 24.8 III 7 n-an kunkiskiwān dāis (См. Siegelova 1971 : 10).

Еще раз этот глагол встречается в КВо 10.24 III 9-10: lamniyas seszi ta-as-za ku-un-ni(-)ku-un-ki-iš-ki-it-ta 'он [побег? (*kapnuessar*)] лежит в течение часа, и затем его рассматривают?^{3,4}. В последнем случае, кроме того, что весь параграф не ясен, имеется еще одна сложность. *Kunnikunk-* здесь можно рассматривать не как редуцированную форму основы *kunk-* (ср. *pariparai-* и *parai-* 'дуть (в рог)'), а как два слова *kunni*, 'направо', и собст-

⁴ Этот текст издан И. Зингером (Singer 1983 : 61f., 1984 : 18).

венно *kunk-*. Это может значительно затруднить интерпретацию этого фрагмента.

Для всех рассмотренных примеров значение 'обращать внимание, рассматривать' подходит, как минимум, не хуже, чем 'подниматься' или 'трясти(сь), качать(ся)', а часто только это значение придает фразе смысл. Поэтому в целом следует согласиться с П. Тарахой относительно интерпретации значения этого глагола. Но при этом следует отметить, что указанные им формы *še-ku-ú-e-en* и др. относятся не к глаголу *sakuwai-* 'видеть', а к глаголу *sakk-isekk-* 'знать, узнавать, обращать внимание' (ср. *še-kán-zi* КВо 23.93 I 29).

В связи с этим следует пересмотреть и этимологию *kunk-*. Не подходят предложенные ранее др.-гр. *κικάω* 'трясти' (HED IV : 250) или др.-инд. *śváñcate* 'сгибаться', кауз. *śvañcáyas* (LIV : 303-4). Исходя из предложенного значения *kunk-* следует сравнивать с др.-инд. *akśat* 'заметил, увидел' (аорист), ав. *ā-kasat* 'увидел', др.-гр. *τέκμαρ* 'знак'. Тогда *kunk-* восходит к и.-е. *k^wek- 'видеть' (см. LIV 343). Стоит отметить, что в таком случае *kunk-* - это единственный хеттский глагол с основой на заднеязычный, который отражает индоевропейский назальный инфикс *-né-/n- не в виде *-ni(n)-* (ср. *hunik-* 'сильно бить, ударять'), а в виде простого *-n-*.

Литература

- J. Friedrich, 1950. Churritische Märchen und Sagen in hethitischer Sprache. *Zeitschrift für Assyriologie* 49, 213-255.
 HED –см. Puhvel, 1984-
 LIV - s. Lexikon der indogermanischen Verben.
Lexikon der indogermanischen Verben, 1998. Ed.: H. Rix. Wiesbaden.
 E. Neu, 1968. *Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen*. StBoT 5. Wiesbaden
 N. Oettinger, 1979. *Die Stammbildung des hethitischen Verbms*. Nürnberg.
 J. Puhvel, 1984-. *Hittite etymological dictionary*. Mouton. Berlin – New-York – Amsterdam.
 J. Siegelova, 1971. *Appu-Märchen und Hedammu-Mythus*. StBoT 14, Wiesbaden.
 I. Singer, 1983. *The Hittite KILAM Festival*. Part One. StBoT 27. Wiesbaden.
 I. Singer, 1984. *The Hittite KILAM Festival*. Part Two. StBoT 28. Wiesbaden.
 P. Taracha, 1999. Hethitologische Miscellen. *Archív Orientální* 67, 671-81.

Carsten Schmieder

Martial und die *lasciva nomismata* – Eine Bestandsaufnahme

In seinem achten Buch bedichtet Martial einen Triumph, den ein gewisser Stella an Stelle des Kaisers gibt.¹ Diese Spiele "are probably those given by L. Arruntius Stella in A.D. 93 on the return of the emperor from the Sarmatian War"², oder die "grandi giochi indetti per celebrare o il trionfo di Domiziano sui Daci attorno all'88-89 d.C., oppure, attorno a questa data, in occasione delle Feste Septimonziali"³. Welchem Anlaß auch immer geschuldet, besagtes Epigramm wurde im achten Buch im Jahr 93 n. Chr. ediert.⁴ Bei diesen Spielen Stellas, "die sehr wohl noch im Januar [93 n. Chr.] stattgefunden haben können"⁵, hat eine *sparsio* statt, während der unter anderem *lasciva nomismata* als dichter Regen (Mart. 8, 78, 9) über die Zuschauer niedergingen. An jenen *lasciva nomismata* reibt sich seit je Wissenschaft, insbesondere Philologie und Numismatik.

Anlaß dafür sind Funde, "monetiform pieces, invariably of bronzes or brass", which "bear on the obverse an erotic scene of a couple engaged in one position or another of copulation or fellation, and on the reverse a Roman numeral from I to XVI within a linear circle surrounded by a wreath."⁶ Weiterhin unterscheidet Buttrey zwei Gruppen, eine in Messing mit 20 bis 24 mm im Durchmesser, eine zweite – lediglich drei Exemplare – "struck in copper"⁷ mit 16-19 mm Durchmesser. Letztere hat vor der Ziffer ein A.

Von diesen Marken, genannt *Spintriae*⁸, haben Simonetta und Riva 184 in London, Paris, Modena, Berlin, Mailand, München und Wien sowie davon 12 einer privaten Sammlung als auch 50, die in

---

¹ Mart. 8, 78.

² T.V. Buttrey, *The Spintriae as Historical Source*, in: *The Numismatic Chronicle*, 17th series, vol. XIII, London 1973, 56.

³ R. Simonetta, R. Riva, *Le tessere erotiche Romane (Spintriae)*, Lugano 1981, 19f.

⁴ M. Valerii Martialis Epigrammaton libri (ed. L. Friedländer), Leipzig 1886, 59ff.

⁵ Friedländer (Anm. 4), 60.

⁶ Buttrey, 52, Anm. 1: "Some examples are struck on rather smaller flans, so that the wreath which encircles the reverse type is invisible."

⁷ Buttrey, 52.

⁸ Dieser Terminus erscheint bei Tac. Ann. 6, 1 und Suet. Tib. 43, allerdings in anderem Zusammenhang u. Sinn.; zur etymologischen Deutung vgl. Simonetta, Riva, 6.

Versteigerungskatalogen gelistet sind, examiniert, letztere als fotografierte.⁹ Eine klassifizierende Zusammenstellung nach Darstellung, Stanzung und Rückseitennummer findet sich ebd. S. 8-14. Während Buttrey Bronze oder Messing bzw. Kupfer als Material angibt, sprechen Simonetta und Riva lediglich von Bronze. Diesen *tesserae* steht – so Rostowzew; der Fotografie nach ist dies nicht auszumachen – eine einzige aus Blei gegenüber, die gleichfalls eine erotische Abbildung trägt.¹⁰

"That there is no meaningful connection between the erotic scenes of the obverse and the reverse numeral, whatever the tokens' use, is proved in that the same obverse scene occurs with differing numbers, and vice versa; and that the same numbers occur with non-erotic obverses, indeed with imperial portraits."¹¹ Nach Zuordnung der Porträts – größtenteils Augustus, Livia und Tiberius – trifft Buttrey seine Datierungen¹²: "Our group of imperial portraits ought therefore to fall between c. A.D. 22–37" (ebd. S. 55). Weiter führt er aus: "Actually, the *spintriae* are very similar as a group to the tokens with imperial portraits. Each group bears the Roman numeral reverse, and their fabric is much the same; in each case the group is die-linked internally, in each case the subject-matter is rarely found at any other time. Both groups are of brass which is otherwise scarce in tokens. ... there is an essential connection in manufacture: the two groups are die-linked not only internally, but to each other. The tables below indicate no fewer than thirteen reverse dies used in both the *spintriae* and the portrait tokens. ... It is certain that all of this token material was produced together, whether serially or simultaneously, at a single office. The *spintriae* too can be dated to c. 22-37 B.C."¹³

⁹ Simonetta, Riva, 5.

¹⁰ M. Rostowzew, *Tesserae plumbeae urbis Romae et suburbi, Tabulae I-XII, Petropoli MCMIII, Tab. X, Nr. 24*, beschrieben in: M. Rostowzew, *Tesserarum urbis Romae et suburbi plumbearum Sylloge*, St. Pétersbourg 1903, 114: "Symplegma (mulier nuda viro insidens); R/ cuniculus sedens dextr. cauda sublata nucem rodens".

¹¹ Buttrey, 54.

¹² Buttrey, 54: "These portraits are the major element in another an very larger group of tokens of which the greater number bear the heads of Augustus, Livia and Tiberius. ... [...] ... The chronology of the group depends entirely on the identification of the portrait busts, which are never accompanied by a legend. Augustus and Tiberius clearly occur, and the identification of the austere female portrait as Livia is therefore reasonably certain."

¹³ Buttrey, 56f.; m.E. ist B.C. ein Druckfehler. Es müßte A.D. stehen oder sonst 37–22 B.C. heißen. Simonetta-Riva (17) referieren diesebzüglich

So weit die 'harten' Fakten. Diese Marken fungierten – neben Geld in Gold, Silber oder Kupfer – in einer Weise, die keine direkten literarischen Quellen bezeugen bzw. keine der Quellen läßt sich direkt den einzelnen Funden zuordnen: Funde wie literarische Quellen bedürfen der Interpretation.

Solche Interpretationen¹⁴ geben sich dennoch größtenteils als Verlinkung der Funde mit Stellen, die Münzen oder Marken erwähnen, indem eines das andere und vice versa erklären soll. Ausnahme ist folgender Versuch, der unabhängig von Funden die Junktur *lasciva nomismata* deutet: "... nummi sestertii quos lascivos vocat, quod forte populum ad se alliciant vel recreent."¹⁵ Simonetta und Riva fanden eine ähnlich lautende Erklärung auch bei "Forcellini (Lexicon totius Latinitatis)" – so ihre umfassende bibliographische Angabe¹⁶: "huc illuc vaga super populum cadentia, et illius aviditatem ac proterviam in colligendo excitantia"¹⁷.

Friedländer hingegen sieht darin "münzähnliche Marken mit obscönen Darstellungen, wie sie noch vorhanden sind (Eckhel D.N. VIII 315), auf die man in Bordelle Einlass erhielt, oder die man den bei der sparsio in Masse anwesenden faciles emi puellae (St. S. I 6, 67) statt der Zahlung geben konnte"¹⁸. G. Vorberg nimmt diese Martialstelle dann als Beweis, daß bei genannten Marken es um Lupanarmarken sich handele.¹⁹

Später folgende Ansichten scheiden sich daran, ob es denn Lupanarmarken seien oder nicht. Die britische Tradition – Buttrey wie S. Kerr und Shackleton Bailey – verneint dies, während die deutsche Philologie jene Deutung als Lupanarmarken zwar mit förmlichem Befremden sieht, jedoch die britische Interpretation als "abmildernde

Buttrey ohne Vorbehalte und leiten davon ab "che depone evidentemente non solo a favore di una unicità di zecca, ma anche di una certa analogia di funzioni."

¹⁴ chronologischer Abriß dieser bei Simonetta-Riva, 14ff.

¹⁵ Marci Valerii Martialis Epigrammata ex editione Bipontina cum notis et interpretatione in usum Delphini variis lectionibus notis variorum recensu editionum et codicum et indice locupletissimo accurate recensita, Londini 1822, volumen secundum, 630.

¹⁶ Simonetta-Riva, 6.

¹⁷ Simonetta-Riva 20.

¹⁸ L. Friedländer, M. Valeri Martialis Epigrammaton libri, Leipzig 1886, Bd. 2, 46 Anm. 9. 10.

¹⁹ G. Vorberg, Glossarium eroticum, 1965 (Nachdruck der Ausgabe von 1932), 386.

Deutung²⁰ verwirft und nicht umhinkommt, Bordellmarken als einzig naheliegend²¹ zu akzeptieren, um sich so jenen Martialvers zu erklären.

Es bleibt allerdings offen – neigt man dieser Deutung zu – ob jene gefundenen Marken lediglich Eintrittsmarken fürs Bordell oder eine Art Sauna- bzw. Massageclub jener Zeit darstellten (analog zu den Eintrittsmarken für den Zirkus), oder ob tatsächlich eine sexuelle Dienstleistung damit entlohnt wurde. In beiden Fällen bliebe zu klären, ob und wie überhaupt diese *tesserae* bei den Spielen des Stella qua *sparsio* emittiert wurden. Dabei müßte Motiv bzw. Interesse des Emittenten offensichtlich werden.

Als Argument dafür dient bei Simonetta und Riva²² Sueton: ... *paulatim genus calumniae eo processit, ut haec quoque capitalia essent: circa Augusti simulacrum servum cecidisse, vestimenta mutasse, nummo vel anulo effigiem impressam latrinae aut lupanari intulisse, dictum ullum factumve eius existimatione aliqua laessisse*²³. Doch bereits durch Oratio obliqua gibt Sueton zu verstehen, wie das Kolportierte zu nehmen ist und wie er dazu steht. Zudem wird die Absurdität des Gesagten durch die Antiklimax unterstrichen: Selbst wer ein Wort oder eine Tat des Kaisers durch eine beliebige Äußerung verunglimpft habe, müsse mit der Todesstrafe rechnen. Gleiches galt für das Wechseln der Kleidung. Nähme man diese Aussage Suetons zudem wörtlich, müßten ebenso Marken gestanzt worden sein, um in einer öffentlichen Toilette die dortige Notdurft zu begleichen. Doch gab es meines Wissens in diesem Zusammenhang keine 'Latrinenmarken' – weder in Quellen (auch nicht bezüglich sogenannter *pecunia non olet*-Anekdote²⁴) noch als Marke bzw. Münze –, wie in jenen Funden man 'Lupanarmarken' zu sehen gewillt ist.

Die Lektüre Rostowzew's bezüglich seiner Deutungen einer Reihe der Tesserer – aus Blei wie aus Bronze – als *tesserae frumentariae* stellt zwar heraus, daß jene Marken gegen Getreide in der *portus Minucia* getauscht wurden, läßt aber offen, wie der zum Getreideempfang Berechtigte in den Besitz der *tessera* gelangte (sieht man von

²⁰ Chr. Schöffel, Martial, Buch 8, Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar, Stuttgart 2002, 658.

²¹ Schöffel, 658.

²² Simonetta-Riva, 21.

²³ Suet. 58, 3.

²⁴ vgl. Suet. Vesp. 23, 3; "*urinae vectigal* which is supposed by [Isaac] Casaubon and others to have been paid by the fullones." W. Smith, Dictionary of Greek and Roman Antiquities, Boston 1870, 552; vgl. auch Simonetta-Riva, 26; Wenn es nicht doch nur Anekdote ist: vgl. R. Neudecker, Die Pracht der Latrine, München 1994, 152.

kaiserlichen oder anderen Schenkungen ab). Gleiches mag für die Eintrittsmarken zu den Spielen gelten, von denen nicht bekannt ist, über welche Kanäle sie vertrieben wurden, d.h. wie sie vom Spielegeber in die Hände der schauwilligen Masse gelangten.²⁵ Mag dennoch eine Zirkulation höchst plausibel scheinen für Korn- und Spielmarken, so sind etwaige Analogien für sogenannte Lupanarmarken schwer auszumachen.

Des weiteren erwähnt Sueton²⁶, neue Steuern unter Caligula aufzählend, eine für Prostituierte. Daß "die Tessera zur Bezahlung dieser Steuer"²⁷ in Höhe von *uno concubitu*, eines Beischlafs, gedient habe, ist nicht besonders sinnvoll, wenn – so unser Martialvers – solche *tesserae* kaiserlicherseits via *sparsio* unters Volk gebracht würden. Zudem liegen einerseits zwischen Caligula und den genannten Spielen über 45 Jahre, andererseits ist nicht bekannt, ob und wie lange dieses 'Gesetz' überhaupt, und falls ja, ob auch über Caligulas Ableben hinaus gegolten habe. Zudem dürfte die so erzielte Einnahme "pro Monat"²⁸ in Höhe eines *concubitus* nicht gerade hoch ausgefallen sein, zumal im Vergleich mit der von Sueton genannten Höhe anderer *vectigalia nova*.²⁹

Nimmt man allerdings als Tatsache gegeben, jene Marken stammten aus einer kaiserlichen Münzstätte, zeitgleich mit jenen, die ein Kaiserbildnis aufweisen (siehe oben), eine Beobachtung Buttreys, die selbst Simonetta und Riva – auch bezüglich der Datierung – nicht widerlegen, so kann es bei den *spintriae* nur um Marken des Kaisers sich handeln. Dabei ist vor allem an "sog. *congiaria*" zu denken, "welche im eigentlichen Militärleben zu Hause sind und ursprünglich eine Weinzulage bedeuten"³⁰. "*Congiaria*, welche dem Militär gelten, bekommen in der Kaiserzeit den technischen Namen *donativa*. In Rom wurden dieselben hauptsächlich den Prätorianern zu teil ..."³¹. Somit wäre – auch wenn Rostowzew dies in Bezug auf Frumentation und "Geldcongiarien"³² ausführt – zum einen die Zielgruppe umrissen,

²⁵ M. Rostowzew, *Römische Bleitesserae*, Aalen 1979 (2. Neudruck der Ausgabe Leipzig 1905; Klio, Beiheft 3), passim, bes. 10-20.

²⁶ Suet. Cal. 40, 1f.

²⁷ Rostowzew (1979) 57.

²⁸ Rostowzew (1979) 57.

²⁹ so z.B. die *ex gerulorum diurnis* (sic!) *quaestibus pars octava*; Suet. Cal. 40, 2.

³⁰ Rostowzew (1979) 19.

³¹ Rostowzew (1979) 19f.

³² Rostowzew (1979) 19f. Allerdings unsinnig ist, Geldcongiarien mittels Marken zu gewähren, die dann in Geld zu tauschen sind: Die *tesserae* mit Kaiserbildnis hatten demnach kaum solche Funktion.

welche mit 'Lupanarmarken' versehen wurde, zum anderen ließe sich gleichfalls ein engerer Kreis ausmachen, der diese Marken – da sie wohl kaum als universelles Zahlungsmittel zirkulierten, d.h., die Hure kaufte damit ihr Brot, der Bäcker oder Brothändler Mehl bzw. Brot usw. –, wieder in Geld zurücktauschte, was Simonetta und Riva öfters erwähnen, jedoch nie konkret ausführen, wie es vonstatten ging. Wie hingegen ein *congiarium* stattzuhaben pflegte, schildert Rostowzew anschaulich³³ und läßt diese Form der Distribution äußerst plausibel erscheinen. Daß der Augustus-Nachfolger selbst – stützt man sich auf Buttreys Datierung³⁴ – in dieser Beziehung an die Garde dachte, dürfte – zumal Prätorianer nicht heiraten durften³⁵ – kaum Wunder nehmen, auch wenn solche Annahme rein hypothetisch bleibt, da die kaiserzeitliche Literatur – wie auch jede andere Quelle – von Bordellmarken für Prätorianer (oder anderes städtisches Militär) schweigt. Daß diese jene im Zirkus bei den Spielen eines Stella erhalten hätten, ist noch weniger wahrscheinlich.

Seien jene *tesseræ* Lupanarmarken oder nicht, mit Martials *lasciva nomismata* jedenfalls sind sie nicht identisch. Diese deutet für uns Juvenal, der dem wohl bereits damals etwas dunklen Martial als Erklärer beisteht, um philologischen Mißverständnissen zu prävenieren. In dem Maß, wie R.E. Colton, minutiös "Juvenal's use of Martial's Epigrams"³⁶ nachweisend, dieses jedoch übersehend, die Beschränktheit reiner Wortphilologie demonstriert, auch E. Courtney³⁷ keinen Verweis auf

³³ Rostowzew 20f.

³⁴ Tac. ann. I, 8, 2 (14 n. Chr.) bezeugt *legata*, d.h. Geldgeschenke des Tiberius an die Prätorianer. Allerdings – so Sueton – stammten diese *legata* aus dem Erbe des Augustus, der qua Testament die *cohortes praetorianae* u.a. bedachte. Ansonsten habe Tiberius einzig nach dem Tod Sejans (31 n. Chr.) die Prätorianer beschenkt als Dank, daß sie nicht abgefallen waren (Suet. Tib. 48, 4).

³⁵ So zumindest E. Sander, Militärrecht, in: Der Kleine Pauly, München 1979, Bd. 3, 1301: "Die Ehe war verboten, bis Septimius Severus sie erlaubte (Herodian. 3,8,5); ... Der concubinatus ist erlaubt*." und RE 22, II, 1629: "Außerhalb des Lagers hatte der Prätorianer eine illegale Familie, Kinder und ein bis zwei Sklaven". *Zumindest die Veteranen der Prätorianer erhielten das *ius conubi*: CIL XVI, 21 (2. Dezember 76).

³⁶ R.E. Colton, Juvenal's use of Martial's Epigrams, Amsterdam 1991, passim.

³⁷ E. Courtney, A Commentary on the Satires of Juvenal, London 1980, 296, erklärt lediglich: "*obscena* filthy, i.e. bringing filth". Auch A. Richlin, Juvenal Satira VI, Bryn Mawr 1986, 52 kommt über "*obscena pecunia*: i.e. filthy lucre" nicht hinaus.

Martial wie Schöffel³⁸ keinen auf Juvenal etablierte, so schlagend ist die Variatio in *obscena pecunia*³⁹. Der Kontext dieser Stelle, *prima peregrinos obscena pecunia mores / intulit, et turpi fregerunt saecula luxu / divitiae molles* (Juv. 6,298ff.), läßt keinen Zweifel, es handele sich um Beutegeld, das römische Legionäre – und damit auch jene Sitten von dort – von ihren Eroberungen – ähnlich einer Geschlechtskrankheit – mit nach Rom trugen und Martial selbst *multa rapina*⁴⁰ nennt. Um dies zu illustrieren, nennt Juvenal, der Martial wohl besser kannte⁴¹ als alle späteren Philologen, namentlich Rhodos und Milet als auch Tarent und Sybaris (Juv. 6, 296f.). Mag die Reputation von Sybaris kaum die beste gewesen sein, so scheint die der anderen Städte nicht unbedingt nachvollziehbar⁴²: Dies jedoch ist Dichter wie Genre nachzusehen, ebenso wie jenem anderen, daß er Stella *coram Domitiano* keine Lupanarmarken unter die *plebs Romana* werfen ließ.

---

³⁸ Schöffel, 657f.

³⁹ Juv. 6, 298. A. Weidner (D. Iunii Ivenalis Saturae, Leipzig ²1889, 114) denkt bei *peregrinos mores* an "Luxus und die Unsittlichkeit der Symposien" sowie "Schwelgerei in Wein und Liebe", was laut Juvenal von der *obscena pecunia* importiert wird.

⁴⁰ Mart. 8, 78, 8; Ein Doppelpunkt als Interpunktion hinter *cadit* ist dahingehend sinnfällig. Diesen setzt Shakleton-Baily (Stuttgart 1990/ Oxford 1993) instinktiv, was Schöffel (649) ebenso übernimmt. Schneidewin (Paris 1825, vol. II, 366 u. Leipzig 1876, 196) hat einen Punkt, Friedländer (1886, Bd. 2, 46), Gilbert (Leipzig 1901, 196), Lindsay (Oxford ²1929, repr. 1962) sowie Heraeus u. Borovskij (Leipzig 1976, 196) haben ein Semikolon.

⁴¹ vgl. Mart. 7, 24; 7, 91; 12, 18.

⁴² vgl. Courtney, 296: "But Rhodos and Miletus were not notorious for depravity; to Juvenal any Greek city will serve this purpose". L. Friedländer (D. Iunii Juvenalis Saturarum libri V, Darmstadt 1967, 318) hat keine Vorbehalte wider die Reputation jener Städte.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. В. АНТОНЕЦ. К вопросу о значении слова <i>charta</i> в латинском языке классического периода.....	3
Д. Е. АФИНОГЕНОВ. Повесть о Николае Воине: семейная этиологическая легенда?.....	9
З. А. БАРЗАХ. К вопросу об аутентичности <i>Soph. OT. 1515–1530</i>	13
В. А. БОНДАРЬ. Синтаксис объектных личных местоимений в древнеанглийских текстах.....	21
Я. В. ВАСИЛЬКОВ. Частичный пересказ «Бхагавадгиты» в «математической» рукописи Герасима Лебедева.....	30
Н. С. ГРИНБАУМ. Древнегреческий язык как критерий периодизации античной культуры.....	38
Н. С. ГРИНБАУМ. Бытовая лексика древнегреческой ранней лирики.....	43
А. В. ГРОШЕВА. <i>Земля</i> и ее характеристики в сочинениях латинских авторов.....	59
Н. В. ГУРОВ. Герасим Лебедев – переводчик текстов Ветхого Завета на языки Индии (1790–1795).....	68
А. А. ЕВДОКИМОВА. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской (предварительные замечания).....	75
В. В. ЕМЕЛЬЯНОВ. Поэтапная реконструкция шумерской этимологии (шумерский интегрированный тезаурус).....	78
А. В. ЖУГРА. К истории албанского глагола <i>shfaq</i> ‘обнаруживать; выражать’.....	85
Я. Л. ЗАБУДСКАЯ. Драма в пяти актах: об истоках европейских драматургических форм.....	88
В. П. ЗАВЬЯЛОВА. Еще раз к вопросу о споре между Каллимахом и Аполлоном Родосским.....	93
С. В. ИВАНОВ. Этимология поэтическая и научная: Хлебников и Шишков.....	95
Е. В. ИЛЮШЕЧКИНА. Замечания Салмазия по поводу стихов Дионисия Перизгета.....	98
Н. Н. КАЗАНСКИЙ. Микенское <i>pa-ro</i> с дательным падежом и его возможные соответствия в гомеровском греческом.....	102
А. Б. КАРАСЕВ. Образ четырех ветров на античных мозаиках Испании и в идиомах европейских языков.....	107
Т. А. КАРАСЕВА. Формула латинского фонетического закона и ее применение.....	111

А. С. КАСЬЯН. Фонема /o/ в хеттском языке?.....	114
М. КАСЬЯНОВА. Некоторые замечания о мифе об Айоне и Тифоне в поэме Нонна Панополитанского "Деяния Диониса".....	124
Н. Л. КАЦМАН. Культурологический аспект курса «Древние языки и культуры» в системе современного гуманитарного образования в Российской Федерации	130
С. КАЧКО. Topics in Greek and Homeric Personal Pronouns.....	140
Б. А. КАЯЧЕВ. О двух гомеровских стихах в «Государстве» Платона: I 499 ~ 364d7 (cf. 365e3–4) и II 433 ~ 388c7	144
А. КЕЙДАН. «Калькированный архаизм» готского языка.....	149
М. Л. КИСИЛИЕР. О происхождении румейского языка.....	156
И. И. КОВАЛЕВА. Превращался ли Зевс в Эрота?.....	165
П. А. КОЧАРОВ. Об отражении индоевропейских основ с назальным инфиксом в армянском языке.....	172
А. Е. КУЗНЕЦОВ. De «Scipionis» Ennii structura metrica.....	174
А. И. ЛЮБЖИН. Русские читатели Проперция: Ф. Я. Козельский.....	177
В. И. МАЖУГА. Римские грамматики об этимологии глагольной формы <i>perigi</i>	180
В. Р. MASLOV. <i>Κλυτομάντιες Δεῖλοι</i> in Pindar's paeans?.....	183
А. С. МЕЛЬНИКОВ. О «речи» животных в человеческом языке.....	188
А. МИУССКИЙ. «Галактион и Епистима» и «Картина» Кебета: Житие как scriptio superior сократического диалога.....	192
С. А. НИКИТИН, М. Ю. АВДОНИНА. Приемы записи сообщения SMS: уподобление цифр буквам русского языка.....	209
Ю. В. ОТКУПЩИКОВ. Об этимологии гидронима <i>Ловать</i>	215
Е. А. ПАРИНА. Этимология средневаллийских личных местоимений 1-2 Pl: состояние исследований.....	220
Л. Б. ПОПЛАВСКАЯ. Образ Анакреонта в поздней античной традиции.....	225
В. П. ПОРШНЕВ. Птолемеи в роли устроителей мусических агонов.....	236
И. В. РЫБАКОВА. О роли формул в «Аргонавтике» Аполлония Родосского.....	244
М. К. САБАНЕЕВА. О некоторых ошибках в хрониках Фредегария.....	247
С. А. СИДНЕВА. Растительные образы в новогреческих народных лечебных заговорах.....	248

М. В. СКРЖИНСКАЯ. Эпиклезы Аполлона в античной литературе и их отражение на памятниках искусства из Ольвии и городов Боспора.....	258
А. И. СОЛОПОВ. Фитотопонимы в греко-римской географической номенклатуре.....	265
Е. Б. СОСНИНА. «Пелигнские надписи»: из истории эпиграфических штудий профессора И. В. Цветаева.....	267
М. А. ТАРИВЕРДИЕВА. Несобственно-прямая речь в латинском дискурсе.....	269
С. А. ТАХТАДЖЯН. Характеристика Клеарха в «Анабасисе» Ксенофонта: скрытая полемика с Антифонтом?.....	271
Т. Ф. ТЕПЕРИК. Онейротопика эллинистического эпоса: Аполлоний Родосский.....	275
Т. В. ТОПОРОВА. О позиции глагола в старших рунических надписях (к германской версии закона Вакернагеля)	279
С. Р. ТОХТАСЬЕВ. Новые материалы по истории койне.....	294
А. И. ФАЛИЛЕЕВ. Галльск. <i>s</i> , и.-е. <i>*p</i> и некоторые аспекты интерпретации континентальных кельтских данных	306
Е. В. ХВОРОСТЬЯНОВА. Ритмика шестистопного ямба XVIII века: к проблеме “ритм и смысл”.....	314
Б. Б. ХОДОРКОВСКАЯ. Причастные конструкции с обстоятельственной функцией в латинском языке.....	325
В. Л. ЦЫМБУРСКИЙ. «Женщины и рабы дерзнут на убийства...» (Этрусский мотив в античной историографии заговора Катилины).....	327
Е. С. ЦЫПИЛЕВА. Список наречий на <i>-ter</i> у Присциана и Нония.....	334
А. Б. ЧЕРНЯК. «Путешествие Эгерии к святым местам»: несколько слов о рукописи.....	341
Н. А. ЧИСТЯКОВА. Трансформация древнегреческих жанров.....	344
А. В. ШАЦКОВ. К значению хетт. глагола <i>kunk-</i>	346
С. SCHMIEDER. Martial und die <i>lasciva nomismata</i> – Eine Bestandsaufnahme	349

